

И. Р. ШАФАРЕВИЧ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ТОМ II

И. Р. ШАФАРЕВИЧ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В 6 ТОМАХ**

Том II

ДВЕ ДОРОГИ – К ОДНОМУ ОБРЫВУ

РОССИЯ И МИРОВАЯ КАТАСТРОФА

В ЭПОХУ САМИЗДАТА

О ЖЕРТВАХ ГОНЕНИЙ

РУССКИЙ ВОПРОС

МОСКВА

Институт русской цивилизации

2014

ББК 66.2(2Рос)я44

УДК 32

Ш 30

Шафаревич И. Р.

Ш 30 Полное собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. // Отв. редактор О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014 – 496 с.

Институт русской цивилизации публикует Полное собрание сочинений выдающегося русского ученого и публициста, одного из ведущих русских мыслителей XX века, академика РАН Игоря Ростиславовича Шафаревича. В его трудах вскрываются корни самых трагических событий современной истории России.

Шафаревич является классиком русской национальной мысли. Его книги вошли в золотой фонд русского национального наследия. Для миллионов русских мысли, высказанные в них, стали ориентиром в духовной и социальной жизни.

Том II включает: «Две дороги – к одному обрыву», «Россия и мировая катастрофа», «В эпоху САМИЗДАТА», «О жертвах гонений», «Русский вопрос».

ISBN 978-5-4261-0110-4

© Шафаревич И. Р., 2014

© Институт русской цивилизации, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ДВЕ ДОРОГИ – К ОДНОМУ ОБРЫВУ	3
О командной системе.....	14
О «прогессе»	26
Сопоставление	38
РОССИЯ И МИРОВАЯ КАТАСТРОФА	55
Минуты роковые	57
Наш век	60
Духовные основы.....	85
Русское «двоеверие».....	101
Русский путь.....	124
Есть ли надежда?	148
В ЭПОХУ САМИЗДАТА. Статьи и выступления <i>разных лет</i>	159
Обособление или сближение? (Национальный вопрос в СССР)	161
Есть ли у России будущее?	180
О сборнике «Из-под глыб» (<i>Пресс-конференция</i> <i>в Москве 14 ноября 1974 г.</i>).....	197
Беседа с корреспондентом «Нью-Йорк Таймс»	206
Интервью корреспонденту газеты «Франкфуртер Альгемайне»	210

Телеинтервью радиокompании Би-би-си 26.IX.1977 (<i>Перевод с английского</i>)	221
Арьергардные бои марксизма (<i>О работах Р. А. Медведева</i>)	230
О ЖЕРТВАХ ГОНЕНИЙ	261
Открытое письмо	263
Изгнание А. И. Солженицына	266
Арест Солженицына	266
Обращение (<i>к Всемирному комитету защиты Л. И. Плюща</i>)	267
Заявление в защиту преследуемых священников (<i>В связи со статьей в «Литературной газете»</i>)	269
Не будем молчать	271
РУССКИЙ ВОПРОС	273
Русофобия	275
Глава 1. Цель работы	275
Глава 2. Взгляд на Русскую историю	281
Глава 3. Планы для России	295
Глава 4. Малый народ	312
Глава 5. Современный вариант «малого народа»... ..	329
Глава 6. Национальный аспект	341
Глава 7. Большой вопрос	352
Глава 8. Еврейское влияние в «революционный век»	363
Глава 9. Прошлое и настоящее	376
Глава 10. Заключение	389
Русофобия: десять лет спустя	396
1. Русофобия сегодня	399
2. «Малый народ» сегодня	414
3. «Малый народ» читает «Русофобию»	423

4. «Антисемитизм»	435
«Остаюсь диссидентом...» (<i>Отрывок из интервью для «Вестника АН СССР»</i>)	448
Русский вопрос.....	463
Что такое патриотизм?.....	473
Библиографические примечания.....	479

**ДВЕ ДОРОГИ –
К ОДНОМУ ОБРЫВУ**

* * *

Физики уже привыкли к тому, что появление в некоторой области противоречий обычно предвещает обнаружение какой-то новой закономерности. Ту же мысль можно привлечь при обсуждении трагических перипетий нашей новейшей истории: выделив некоторые факты, казалось бы не согласующиеся друг с другом, попытаться понять причину их видимого противоречия. Одна такая антиномия бросается в глаза, к ней я и хочу применить этот прием. Речь идет о двух положениях:

а) сталинский террористический режим прямо противоположен по духу либеральной западной идеологии прогресса;

б) очень многие виднейшие представители этой идеологии не только не протестовали против преступлений сталинского режима, но защищали его от критики других, превозносили, восхваляли.

Загадка усугубляется тем, что сталинская пропагандистская машина была весьма сурова к западным либералам: неизменно провозглашала их демократию «фальшивой», гуманность – «классовой», а их самих «социал-предателями» и «социал-фашистами».

Постараемся несколько уточнить понятия, которыми будем дальше пользоваться. Во-первых, говоря о сталинском режиме, мы будем подразумевать не только эпоху единовластия Сталина, но включать и время, когда оно подготовлялось (особенно идеологически), – 20-е годы. Во-вторых, под либералами мы будем понимать всех западных деятелей, исходивших из концепции де-

мократии, прав человека, свободы, идеологии прогресса. Нас будет в основном интересовать эпоха 20–50-х годов, когда все либеральное (в этом широком смысле) течение подчинялось жесткому давлению своего более радикального, левого крыла.

Напомню некоторые факты. Каждый, кто жил сознательной жизнью в конце 40-х – начале 50-х годов, помнит, вероятно, непрерывную череду знатных западных посетителей: философов, писателей, ученых, политиков, священников. Нельзя сказать, что они приезжали ничего не подозревавшими невинными младенцами. Очевидно, до их ушей что-то уже доходило. Типичный их отзыв звучал примерно так: «Я приехал в Москву настороженным, под влиянием разных мрачных слухов. Но я увидел своими глазами заполненные народом улицы, смеющуюся молодежь – и понял, как далеки были от действительности эти грязные инсинуации». За ослепительными их улыбками, детски невинными глазами и серебряными сединами чувствовалась стальная решимость умереть «при исполнении долга», но не увидеть и не услышать того, что по каким-то загадочным причинам видеть и слышать им не надлежало. И они уезжали, так и не заметив, что из нашей жизни исчезали знаменитые артисты, писатели, ученые, театры, научные школы, целые республики и народы.

К тому времени это была уже отшлифованная традиция, и выработалась она давно. Так, Исаак Дон Левин, очевидец Октябрьской революции и активный пропагандист на Западе новой власти, вновь посетив Россию в 1923 г., получил некоторые сведения о расстрелах и истязаниях в Соловецком концлагере. Он вывез на Запад письма 323 зеков и напечатал их. Рукопись этой книги он послал известным духовным вождям за-

падного мира, попросив отозваться на нее. Большинство из них отказались! Вот типичные ответы.

Ромен Роллан. Это позор! Кто-то ломает себе руки, в отчаянии, от омерзения!.. Я не буду писать предисловия, о котором Вы просите. Оно стало бы оружием в руках одной партии против другой... Я обвиняю не систему, а Человека.

Г. Уэллс. Сожалею, что не могу судить о подлинности Вашего собрания писем; равно я не понимаю, почему Вам так хочется получить от меня комментарий к книге.

Э. Синклер. Я признаю право государства охранять себя от тех, кто действительно совершает насилие против него... Я надеюсь, что правительство рабочей России утвердит уровень гуманности более высокий, чем то капиталистическое государство, в котором я живу.

К. Чапек. Я не позволю себе быть несправедливым ни к жертвам, ни к гонителям. Я отдаю себе отчет в том, что в той или иной степени весь мир участвовал в создании положения, при котором человеческая жизнь, законность и человечность имеют столь малый вес.

Б. Шоу – отделяется шуткой и обвинением автора в антисоветизме.

Были, конечно, и исключения: например, А. Эйнштейн отнесся к рукописи с сочувствием. Он писал: «Всем серьезным людям следует поблагодарить издателя этих документов. Их публикация должна способствовать изменению ужасного положения дела». Но тенденция набирала силу и все больше подчиняла себе умы. В 1934 году Дон Левин вместе с А. Л. Толстой (дочерью писателя) обратились к Эйнштейну с просьбой подписать протест группы обществен-

ных деятелей против расстрелов в Ленинграде после убийства Кирова. Теперь Эйнштейн отказался. Вот его ответ:

«Дорогой г. Левин,

Вы можете себе представить, как я огорчен тем, что русские политики увлеклись и нанесли такой удар элементарным требованиям справедливости, прибегнув к политическому убийству. Несмотря на это, я не могу присоединиться к Вашему предприятию. Оно не даст нужного эффекта в России, но произведет впечатление в тех странах, которые прямо или косвенно одобряют бесстыдную агрессивную политику Японии против России. При таких обстоятельствах я сожалею о Вашем начинании: мне хотелось бы, чтобы Вы совершенно его оставили. Только представьте себе, что в Германии много тысяч евреев-рабочих неуклонно доводят до смерти, лишая права на работу, и это не вызывает в нееврейском мире ни малейшего движения в их защиту. Далее, согласитесь, русские доказали, что их единственная цель – реальное улучшение жизни русского народа; тут они уж могут продемонстрировать значительные успехи. Зачем, следовательно, акцентировать внимание общественного мнения других стран только на грубых ошибках режима? Разве не вводит в заблуждение подобный выбор!

С искренним уважением, *А. Эйнштейн*».

В своих бумагах я обнаружил кусок старой газеты неизвестного названия и даты. «...Прекрасна эта поездка по каналу. Истинное наслаждение плыть сотни километров по местности, преображенной человеческими руками...» – писал Мартин Андерсен-Нексе, совершивший в 1933 году путешествие по Карелии. Тогда только что закончилось строительство Беломорско-

Балтийского канала. Датскому писателю хотелось все увидеть своими... Далее газета оборвана.

В 1937 году СССР посетил другой писатель – Л. Фейхтвангер, всего за несколько лет до того эмигрировавший из Германии после гитлеровского переворота. Казалось бы, он должен был особенно болезненно реагировать на всякое насилие, на культ вождя. Он пишет книгу «Москва 1937». В ней есть раздел «Сто тысяч портретов человека с усами». Всей ситуации умелый автор придает полукомический характер, отмечая такую характерную черту русской жизни – даже в женских банях висит портрет бородастого Маркса. И «человеку с усами», оказывается, претит изобилие его портретов. Он сам жалуется автору: ему так надоели эти подхалимствующие дураки! После такой подготовки автор переходит к самому деликатному вопросу – показательным процессам. Он описывает здоровый вид подсудимых, убедительность улик... И решительно отклоняет какие-либо посторонние мотивы признаний: пытки, угрозы, наркотики. А завершает цитатой из Сократа: «То, что я понял, прекрасно. Из этого я заключаю, что остальное, чего я не понял, тоже прекрасно».

В такой оценке этих процессов Л. Фейхтвангер был тогда далеко не одинок. Например, индийский юрист Дадли Коллард заверял через газету «Дейли геральд», что процесс Пятакова-Радека «юридически безупречен». Член английского парламента лейборист Нейл Маклин писал: «Все присутствующие на процессе иностранные корреспонденты, за исключением, конечно, японских и германских, отмечают большое впечатление, произведенное весомостью доказательств и искренностью признаний». Как замечает английский

историк Конквест, этим на не согласных с точкой зрения автора бросалась тень – «это фашисты» (повторяя в миниатюре логику процесса).

В 1944 году вице-президент США Генри Уоллес посетил Магадан – центр Дальстроя, одного из самых больших и суровых скоплений лагерей. Он отметил, как выгодно отличается обстановка там от американских приисков времен золотой лихорадки, где царили «грех, водка и драки». Сравнил условия работы на Дальстрое с условиями американской компании Гудзонова залива. Рабочих нашел «крепкими и упитанными». (А по рассказам зеков, их всех вывезли из того района и заменили охранниками, переодетыми в аккумуляторные ватники.)

Однако, старательно закрывая глаза на то, что они здесь видели, западные либералы приводили и оправдания (чему-то). Так, вожди английского фабианского социализма Сидней и Беатриса Уэбб писали: «Пока продолжается работа, всякое публичное выражение сомнения или хотя бы опасение возможной неудачи плана является изменой, даже предательством, ввиду его воздействия на энергию и усилия других».

Не сказать, чтобы на Западе было мало сведений о происходившем у нас, но он был к ним глух – а что ему надо слышать, решали его либеральные и прогрессивные духовные вожди. По словам А. И. Солженицына, оказавшись на Западе, он обнаружил, что задолго до его «Архипелага ГУЛАГа» там уже существовала целая литература на эту тему, десятки книг, в том числе и очень яркие, – но они полностью игнорировались, почти никому не были известны.

Мы сталкиваемся с еще одной загадкой. Оказывается, оценка западным либеральным общественным мнением положения в нашей стране не была все вре-

мя одной и той же, она стала резко меняться где-то в 50-е годы. Но вот что загадочно: раньше они не хотели замечать творившейся у нас трагедии, а потом вдруг стали все строже судить нашу жизнь как раз тогда, когда миллионы заключенных были отпущены и жизнь стала постепенно смягчаться. Например, в 30-е годы Пьер Дэкс (из французских левых) разъяснял: «Лагерь... в Советском Союзе – это достижение, свидетельствующее о полном устранении эксплуатации человека человеком», а в 60-е написал хвалебное предисловие к переводу «Одного дня Ивана Денисовича»!

Первый признак этого изменения появился в связи с «делом врачей» в самом конце жизни Сталина. Исаак Дойчер в своей биографии Сталина пишет, что этой акцией он уничтожил «основание законности и свидетельство о рождении» своего режима. Поразительно, что Дойчер не применяет столь ярких образов, описывая, например, коллективизацию (даже когда приводит драматический рассказ старого чекиста, вспоминая, едва сдерживая рыдания, как он расстреливал из пулеметов крестьянскую толпу). Но, впрочем, может быть, Дойчер только *post factum* придает такое значение «делу врачей» – тогда, в начале 50-х годов, мировой резонанс был очень скромным. Реально либеральное общественное мнение Запада стало меняться только после смерти Сталина и хрущевских разоблачений. Этот процесс захватил 60-е и 70-е годы. Если в 60-х годах в Европе учреждались общественные «трибуналы» для суда над действиями американцев во Вьетнаме, то в 70-е годы на таких же «трибуналах» и «чтениях» осуждалось уже нарушение «прав человека» в СССР.

Последнее понятие играет столь большую роль во всех дискуссиях о положении в нашей стране, что на

нем необходимо остановиться подробнее. Смысл всякого понятия, применяемого к явлениям жизни, уясняется не из его формального определения (вроде понятия ромба в геометрии), но из конкретного анализа его употребления. И здесь мы сталкиваемся с очень странной ситуацией. Я не помню, чтобы права человека поминались в связи, например, с коллективизацией у нас или «культурной революцией» в Китае. Последнее время в Китае проводится суровая политика государственного ограничения рождаемости – запрет второго ребенка. Наказываются родители, нарушившие запрет, проводятся унижительные профилактические осмотры женщин, на фабриках действует «полиция бабушек», следящая за молодыми работницами. Это привело к волне детоубийств: по древней китайской традиции родители стремятся иметь сына, а для этого убивают новорожденных девочек (чему идет навстречу и закон, считающий уголовным преступлением лишь убийство ребенка, прожившего уже три дня). В результате в этом году власти согласились на смягчение: разрешено иметь второго ребенка, если первый – девочка. Такого, кажется, история еще не знала! И я никогда не слышал, чтобы это беспрецедентное вмешательство в самую интимную сторону человеческой жизни трактовалось как нарушение прав человека. То же относится к слухам о китайской политике стерилизации в Тибете, которые без особых комментариев передавало западное радио, и о пропаганде подобных мер в Индии.

Какое право человека бесспорнее, чем право жить, – и даже жить не самим, ибо мы все обречены на смерть, а чтобы жили наши потомки? Но вот данные, которые часто приводятся в западной экологической литературе: население США составляет 5,6 % от населения мира, они используют 40 % всех природных

ресурсов и выбрасывают 70 % всех отходов, отравляющих среду. Говоря попросту, США существуют за чужой счет – за счет нас и наших потомков, угрожая самому их существованию. Но я никогда не слышал, чтобы такая ситуация связывалась с категорией «прав человека». Зато ограничение эмиграции (это прежде всего!), запреты демонстраций или партий и связанные с нарушением таких запретов аресты рассматриваются как нарушения столь фундаментальных «прав человека», – что оказываются препятствием в переговорах по ограничению вооружений, в торговле или по расширению научных связей.

Создается впечатление, что понятие «прав человека» не имеет какого-то самоочевидного содержания. Такая неопределенность дает возможность пользоваться этим понятием как полемическим приемом. И в отношении к нашей стране это скорее всего именно такой полемический прием, а сама причина враждебности лежит где-то глубже.

Безусловно, наша жизнь и в послесталинские годы была далеко не идеальна, здесь достаточно материала для критики (о чем и я, в числе многих, не раз публично заявлял). Но поразительно, что град обвинений обрушился на нашу страну как раз в тот период, когда положение изменялось к лучшему – самая лютость сталинского режима отошла в прошлое. Типична эволюция некогда популярного эстрадного певца, члена (теперь бывшего) Французской коммунистической партии Ива Монтана. В начале 50-х годов он был яростным защитником всех сторон сталинской системы, включая и показательные политические процессы в восточноевропейских странах. Этим он облегчил вынесение смертных приговоров, в некоторой степени на его совете судьба его партийных товарищей. В последние

годы он, как уверяет, прозрел. Что же он, кается? Нет, он обличает не себя или левых интеллектуалов – а нашу страну, в которой (несмотря на все тяжелые стороны нашей жизни) все же по политическим обвинениям уже не расстреливают. Еще поразительнее, что многие западные левые, с разочарованием отвернувшись от СССР, нашли свой идеал в Китае, где именно тогда Мао осуществлял «культурную революцию» (наиболее известный пример – Ж.-П. Сартр).

В 20–40-е годы у нас в стране сложился специфический жизненный уклад, который многие сейчас называют командной системой. Этот термин, как и всякий другой, приемлем, если ясно отдавать себе отчет в том, что он характеризует. Примем его в этой работе и мы. Создание и укрепление командной системы не вызвало протестов в западном либерально-прогрессивном лагере, скорее сочувствие, стремление защитить ее от критики. Но положение в нашей стране стало вызывать раздражение, активную неприязнь, да больше того – восприниматься этим течением как нетерпимое, когда появились первые попытки вскрыть самые бесчеловечные аспекты системы, избавиться от них. Следовательно, можно предположить наличие какой-то духовной близости, каких-то существенных общих черт командной системы и западного либерального течения прогресса. Эти общие черты и интересны.

О КОМАНДНОЙ СИСТЕМЕ

Мне представляется, что кульминацией командной системы явилась трагедия коллективизации – раскулачивания, обрушившегося на деревню в конце 20-х – на-

чале 30-х годов. Именно тогда были разрушены социальные и психологические структуры, которые труднее всего поддаются восстановлению, – индустриальная культура при благоприятных условиях усваивается в несколько десятилетий (как мы это видим в Южной Корее или Сингапуре), а крестьянская создается тысячелетиями. Последствия именно этого «великого перелома» наиболее болезненны и в наши дни, ведь и сейчас потоки горожан сезонно текут на помощь деревне, а не крестьян – на помощь городу. Грандиозный социальный катаклизм, насильственно изменивший жизнь $\frac{3}{4}$ или $\frac{4}{5}$ населения, создал тот дух «осадного положения», при котором любая форма диктатуры казалась оправданной. Именно этим действием Сталин закрепил свою власть, спаяв свое окружение по рецепту Петруши Верховенского – связать «пролитую кровью, как одним узлом». Да и сам он придавал тому периоду совершенно особенное значение. В своих воспоминаниях Черчилль рассказывает, что, когда во время Сталинградского сражения он подивился самообладанию Сталина, тот ответил: это ничто в сравнении с тем, что ему пришлось пережить «в период коллективизации, когда было репрессировано 10 миллионов кулаков, в подавляющем большинстве убитых своими батраками». Естественно предположить, что «великий перелом», который был для Сталина страшнее войны с Гитлером, и являлся центральным действием в создании командной системы. Все предшествующее можно рассматривать как подготовку к нему, последующее – как его следствие, разбегающиеся от него волны (впрочем, бушующие и по сей день). Из анализа этой катастрофы мы и попытаемся извлечь понимание командной системы.

В своем анализе я опираюсь на глубокую работу К. Мяло «Оборванная нить» (Новый мир. 1988. № 8).

В ней, насколько мне известно, впервые высказана следующая важная мысль, которую хочу напомнить, дополняя ее некоторыми своими аргументами. Деревня являлась не просто экономической категорией, определенным методом производства съестных продуктов. Это была самостоятельная цивилизация, органично складывавшаяся многие тысячелетия, со своим экономическим укладом (и даже несколькими разными типами земледелия), своей моралью, эстетикой и искусством. Даже со своей религией – Православием, впитавшим гораздо более древние земледельческие культы. Типична в этом смысле череда земледельческих праздников, опоясывавших весь год и соотносенных с православным циклом церковной службы. Или ритуал исповеди и покаяния земле перед церковной исповедью:

Что рвала я твою грудушку
Сохой острою, разрывчатой,
Что не катом я укатывала,
Не урядливым гребешком чесывала,
Рвала грудушку боронышкою тяжелою,
Со железными зубьями ржавыми.
Прости, матушка,
Прости грешную, кормилушка,
Ради Спас Христа Честной Матери
Всесвятыи Богородицы.

Или ритуал взятия земли в крестные матери. Наконец, ритуальное восприятие избы, отражавшей космос, и ритуальные действия при закладке дома, соотносившие ее с идеей сотворения мира.

Катаклизм, сотрясший деревню на грани 20–30-х годов, был не только экономической или политической

акцией, но столкновением двух цивилизаций, не совместимых по своему духу, отношению к миру. Этим он аналогичен, например, уничтожению цивилизации североамериканских индейцев английскими переселенцами – пуританами. К. Мяло пишет: «...любой анализ судеб русского крестьянства в эту пору останется неполным, если забыть о том заряде ненависти, который уже в начале 20-х годов был обрушен на традиционно деревенский уклад жизни, – хозяйствование, чувствования и мышление, быт. Кажется, что даже сам вид этих бород, лаптей, поясков и крестов – видимых знаков “темноты” и “бескультурия” – вызывал вспышки отвращения, острые и неконтролируемые, как это бывает при резко выраженной “психологической несовместимости”. “Думается, не будет преувеличением сказать, что налицо приметы открытой дегуманизации предполагаемого врага”, то есть уничтожения тех сдерживающих психических механизмов, которые ограничивают проявление агрессивности по отношению к человеку».

Действительно, отношение идеологов «перелома» к мужику было не только враждебным, оно как бы отлучало его от жизни, отрицало его право на существование, причем, как всегда, идейная подготовка предвосхищала практические действия, готовила им путь. Например, еще в 1918 году Д. Рязанов, видный партийный деятель, говорил как о чем-то самоочевидном: «Толстой предлагал устроить Россию по-мужицки, по-дурацки». Горький, обращаясь за помощью голодающим (письмо в «Юманите», 1920 г.), видел опасность голода в том, что он «может уничтожить лучшую энергию страны в лице рабочего класса и интеллигенции», – хотя умирали от голода как раз в деревне. О крестьянах он говорил: «...полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и

деревень – почти страшные люди...» Деревня и мужик объединялись в образе «Расеюшки» или «Руси»:

Бешено,
Неуемно бешено,
Колоколом сердце кричит:
Старая Русь повешена,
И мы – ее палачи.

(В. Александровский)

Именно духовный аспект крестьянской цивилизации, наиболее явно выраженный тогда в произведениях крестьянских поэтов (прежде всего Есенина), вызывал шквал злобных нападок. Мы все учили в школе о них: «мужиковствующих свора». Но Маяковский был тут неоригинален – он лишь цитировал; это Троцкий называл деревенских поэтов мужиковствующими, а их поэзию – примитивной и отдающей тараканами. Бухарин же усмотрел, что поэзия Есенина – это «смесь из “кобелей”, “икон”, “сисястых баб”, “жарких свечей”, березок, луны, сук, господ бога, некрофилии, обильных пьяных слез и “трагической” пьяной икоты...». Тут не было разделения на левых и правых: фантастический «правотроцкистский блок» в этой области реализовался во плоти.

Когда же от слов перешли к делам, то опять борьба мировоззрений составляла важнейший компонент. Коллективизация, как правило, начиналась с закрытия церкви – по большей части насильственной (типичный случай описан в «Мужиках и бабах» Б. Можаяева). По словам К. Мяло, крестьяне, обладавшие высоким духовным авторитетом, становились первой жертвой раскулачивания: «...общину удавалось обезглавить разом и как хозяйственное, и как культурное целое, убрав в одну ночь грамотных наставников».

Какая же идеология противостояла крестьянской цивилизации, двигала тот водопад ненависти, который тогда обрушился на деревню? Это прежде всего концепция «темноты», «дремучести» деревни и мужика. Вот примеры:

Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?
Что же! Вечная память тебе.
Не жила ты, а только охала
В полутемной и тесной избе.
Костылями скрипела и шаркала,
Губы мазала в копоть икон,
Над просторами вороном каркала,
Берегла вековой, тяжкий сон.

(В. Александровский)

Л. Фейхтвангер твердо знал все, что ему нужно знать о русских неколлективизированных крестьянах: «Они не умели ни читать, ни писать, весь их умственный багаж состоял из убогого запаса слов, служивших для обозначения окружающих их предметов, плюс немного сведений из мифологии, которые они получили от попа».

Само собой очевидно, что этот жалкий строй жизни не имел права на существование: он должен был быть взорван, а жизнь построена наново. Но нам важно выяснить, какими путями и чем его предполагалось заменить. Прежде всего бросается в глаза, что речь шла о водворении на место крестьянской цивилизации мира техники, замене мужика машиной:

У вымощенного тракта,
На гранитном току,
Раздавит раскатистый трактор
Насмерть раскоряку-соху.

(М. Герасимов)

Есенин видел крестьянскую Россию в образе бегущего по полю жеребенка и спрашивал: «Неужель он не знает, что живых коней победила стальная конница?» М. Горький высказывал А. Воронскому более радикальную мысль: «Если б крестьянин исчез с его хлебом, – горожанин научился бы добывать хлеб в лаборатории».

Для мужика на случай, если он не «исчезнет», в этой системе находилось новое применение. В последнее время много раз цитировался доклад Троцкого на IX партсъезде, в котором предлагался план милитаризации населения страны: мобилизации его в трудовые армии с военной дисциплиной. План вызвал на съезде дискуссию, но лишь по поводу того, применять ли милитаризацию только к крестьянам (как предлагал оппонент Троцкого В. Смирнов) или ко всему населению, как считал Троцкий, выступивший от ЦК. По поводу же применения этих мер к крестьянам тогда, по видимому, разногласий не было.

Этот идеал и был осуществлен Сталиным на Беломорканале и других «великих стройках». Работавшие там зеки и являлись той «милитаризованной рабочей силой», о которой говорил Троцкий. Остальную часть крестьянства подвергли милитаризации пока лишь частично.

Тот же принцип «социального переустройства» применялся не только в деревне. Массовое разрушение церквей, да и вообще старых зданий, имело целью создать *tabula rasa*, пустое место, на котором можно было бы все строить заново. Для этого требовалось и «классиков сбросить с парохода современности», и русскую историю вытеснить из сознания, превратив ее в «проклятое прошлое». Параллельным процессом,

движимым тем же духом, было «преобразование природы» – строительство грандиозных каналов, в идеале механизация всего земледелия, превращение его в фабрику. К. Мяло называет это противопоставлением техноцентризма – космоцентризму крестьянской цивилизации. Даже более обще: всего нерукотворного, природы – рукотворному, технике. Работа К. Мяло дает почувствовать характер этого противостояния.

Что давала человеку «крестьянская цивилизация», почему крестьяне так держались и боролись за нее? Представление об этом можно получить из произведений «деревенской» литературы, например из «Прощания с Матерой» В. Распутина, «Канунов» или «Лада» В. Белова. Но что двигало другую сторону конфликта, что давало силы и даже бешеную энергию активистам «перелома»? Как мне кажется, это было чувство соучастия в реализации некоей грандиозной техницистской утопии, неслыханной дотоле попытке превратить природу и общество в единую космическую машину, управляемую из одного центра. Создание такой машины, управление ею представлялось делом избранной элиты, «новых людей», покорителей вселенной – такими и ощущали себя эти активисты.

Вьющиеся речки с неконтролируемыми половодьями должны быть заменены каналами, «закованными в берега из бетона и стали». Бескрайние, безобразные болота – осушены. Их должны пересекать прямые, как стрелы, трассы, по которым будут снова автокары. Поля с пасущимися на них коровами заменены земледельческой фабрикой или лабораторией. Крестьянам же в этой сверхмашине предусматривалась роль сырья, планомерно в нее загружаемого и движущегося по ее трубам. Слова персонажа повести В. Распутина: «Ма-

тёра на электричество отойдет» – передают дух этого плана умерщвления матери-земли и использования ее как сырья для грандиозной машины.

Литература 20-х годов передает пафос поклонения машине, желание молиться ей или превратиться в нее: «Шеренги и толпы станков, подземные клокаты огненной печи, подъемы и спуски нагруженных кранов, дыханье прикованных крепких цилиндров, рокоты газовых взрывов и мощь молчаливого пресса – вот наши песни, религия, музыка» (А. Гастев).

Режиссер и художник Ю. Анненков утверждал: «Искусство достигнет высшей точки расцвета лишь после того, как несовершенная рука художника будет заменена точной машиной». «Разве современного человека, слышавшего хоть раз полифонию Ньюкастльского порта, может удовлетворить кустарное искусство маленького Шаляпина, вытягивание на цыпочки теноров...»

А. Гастев рисовал такую космическую утопию: «Мы не будем рваться в эти жалкие выси, которые зовутся небом.

Небо – создание праздных, лежачих, ленивых и робких людей». Ринемтесь вниз! «Вместе с огнем, и металлом, и газом, и паром... мы зароемся в глуби, прорежем их тысячью стальных линий, мы осветим и обнажим подземные пропасти каскадами света и наполним их ревом металла. На многие годы уйдем от неба, от солнца, мерцания звезд, сольемся с землей: она в нас, и мы в ней.

Мы войдем в землю тысячами, мы войдем туда миллионами, мы войдем океаном людей! Но оттуда не выйдем, не выйдем уже никогда... Мы погибнем, мы схороним себя в ненасытном беге и трудовом ударе.

Землею рожденные, мы в нее возвратимся, как сказано древним; но земля преобразится; запертая со всех сторон – без входов и выходов! – она будет полна несмолкаемой бури труда; кругом закованный сталью земной шар будет котлом вселенной, и когда, в иступлении трудового порыва, земля не выдержит и разорвет стальную броню, она родит новых существ, имя которым уже не будет человек».

Но и человек воспринимается всего лишь как совершенная машина: «Нужно сделать, чтобы вдруг человечество открыло, что сам человек есть одна из самых совершенных машин, какие только знает наша техника... Мы должны заняться энергетикой человеческого механизма... будем “метрировать” человеческую энергию... Здесь не должно быть ничего священного».

Стране предстоит превратиться в колонию таких людей-машин. «Мы должны быть колонизаторами своей собственной страны. Мы, конечно, нас небольшая кучка в аграрном пустыре – автоколонизаторы». (Тогда же и в политике предлагался план – например, Преображенским – использования деревни как источника «первоначального накопления» для индустриализации, подобно колониям Запада.)

Поразительную картину с этой точки зрения представляет собой творчество А. Платонова (на это мое внимание обратил В. А. Верин). В первых своих статьях (Воронежская коммуна. 1920–1923 гг.) он выступает яростным идеологом именно этой утопии. Он призывает к уничтожению всей природы. Или предлагает «разморозить Сибирь» путем взрыва окружающих ее гор, направив в нее теплый воздух, – это будет стоить, по его подсчетам, 2 миллиарда золотых рублей. Но потом в его художественных произведениях подобные

идеи становятся элементами антиутопии и высказывают их антигерои, которых автор называет насильниками природы или даже «сатаной мысли».

Сама форма левого авангардного искусства начала века соответствовала духу такой техницистской утопии. Из живописи вытеснялись живая природа, человеческий облик, их место занимали кубы и треугольники, готовые детали механизма. В литературе опасным, «правым» объявлялся психологизм, принцип «живого человека». Ставилась задача – описывать дело, производственный процесс. Приобщение к старому искусству приравнивалось к контрреволюционной деятельности. В. Мейерхольд, которого называли «главковерхом театра», выдвинул лозунг «Октябрем по театру». Об одной его постановке кто-то из его последователей сказал: «эстетический расстрел прошлого». Прокламировалось вообще отмирание искусства как независимой деятельности, слияние искусства и производства. Человек рассматривался только как материал для обработки при помощи искусства – производства. Задача искусства ставилась так: «...подготовить такой человеческий материал, который был бы, во-первых, способен к дальнейшему развитию в желаемом направлении... и, во-вторых, был бы максимально социализирован» (Б. Арватов).

В последние годы жизни Сталина явно вырисовывались новые конструктивные идеи по совершенствованию этой «мегамашины». В своем как бы духовном завещании – работе «Экономические проблемы социализма в СССР» – Сталин некоторые из них высказал. Он считал, например, что «кооперативная собственность» (то есть колхозы) создает «препятствия для полного охвата всего народного хозяйства, особенно сельского хозяйства, государственным планированием».

(Ведь колхозы все же владели, например, семенами!) И предлагал неуклонно сокращать «систему товарного обращения», заменяя ее «системой продуктообмена». Он явно сожалел, что милитаризация в свое время не была завершена!

Образу общества-машины соответствует человек-винтик. Еще в 1923 г. идеолог Пролеткульта В. Плетнев понял «индивидуальность как винтик в системе грандиозной машины СССР». Позже Сталин с одобрением назвал жителей управляемой им страны «винтиками» великого государственного механизма, даже предложив тост за их здоровье...

Сейчас мы сравнили бы такую «мегамашину», охватывающую и природу, и общество, с грандиозным компьютером, управляемым при помощи введенной в него системы команд. При таком понимании термин «командная система» представляется подходящим для описания этой попытки воплотить технологически-нигилистическую утопию. Попытка не удалась. Несмотря на понесенные страной потери, устойчивость, укорененность жизни оказалась сильнее напора утопического мышления. Напор не спал и до сих пор: слияния и разливания колхозов, попытка повернуть реки вспять, затопить территории, равные по площади большим государствам, или превратить земледелие в отрасль химической промышленности – все это его проявления. Но все же основной смысл последних десятилетий заключается в растущем противостоянии утопическому мышлению, ослаблении его напора. Можно надеяться (при достаточном оптимизме), что из тисков командной системы мы вырвемся. Но главная, судьбоносная проблема – как жить дальше – еще ждет нас. Удастся ли вновь основать жизнь на космоцентрическом, а не техноцентрическом восприятии мира?

О «ПРОГРЕССЕ»

Выявить реальное содержание столь употребительного термина, как «прогресс», очень трудно. Оно сначала кажется очевидным, но ускользает при попытке понять, что же конкретно «прогрессирует». Я, конечно, не претендую на то, чтобы ответить на этот вопрос. Хочу лишь указать на одну, как мне кажется, очень важную тенденцию, проявляющуюся в том отрезке истории, который все соглашаются рассматривать как самое полное воплощение «прогресса». Имеется в виду период возникновения в Западной Европе и распространения по всему миру современной «индустриальной», или «технологической», цивилизации. Конечно, подбор фактов и цитат, касающихся нескольких веков истории, субъективен. Чтобы сделать его немного более объективным, я постараюсь использовать наиболее известные, признанные классическими источники.

Многие из писавших о Ренессансе отмечали черты «конструктивности», «абстрактности», разрыва с традицией и органичностью, характерные для этой эпохи. Якоб Буркхардт, Альфред фон Мартин и другие указывают, что в то время место «божественного порядка» занимает взгляд на мир как на поле конструктивной деятельности индивидуума, который может перестраивать общество и космос, «конструировать» их. Одна из глав книги Буркхардта о Ренессансе называется «Государство как искусственное сооружение». Государства кондотьеров он называет «искусственными существами». Основной взгляд Макиавелли – что политика – это расчет, похожий на инженерный, столь же мало ограниченный нормами морали или религии.

В этом «конструируемом» мире важнейшими становятся такие свойства, как «мастерство», «техника» или «искусство»: «искусство дипломатии», «искусство войны». Возрастает роль специалистов: инженеров, дипломатов, кондотьеров. Денежное хозяйство делает возможным «свести все к числам» (бухгалтерии). Этот дух проникает и в область морали. (В одной бухгалтерской книге того времени записано слева: «Дожд Фаскари – мой должник за смерть отца и дяди», а когда дожд был убит, справа записано: «Уплатил».) Тому же духу соответствует новая наука об измеримых, вычислимых и предсказуемых в числах явлениях. Галилей сформулировал ее цель: «...измерить все, что измеримо, и сделать измеримым все, что неизмеримо».

Возникло представление, что весь мир можно постичь через вычисления. Все субъективное: краски, запахи, тепло и холод – было объявлено находящимся за рамками науки, результатом несовершенства «человеческого прибора», познанием более низкого сорта. Этому соответствовала надежда вычислить и будущее – отсюда увлечение астрологией.

В XVI и XVII вв. появляется новый вид литературы – утопии Мора, Кампанеллы, Бэкона и других. Это загадочное течение мысли. Казалось бы, в период, когда формируется новый, капиталистический дух, можно было бы ожидать фантастически гипертрофированных описаний присущего ему индивидуализма, свободной конкуренции или же тоски по уходящему средневековому жизненному укладу. Вместо этого нечто совсем неожиданное: предельно стандартизованное общество, одинаковые дома, города, строжайшая регламентация производства, личной жизни. Общество построено на научных принципах и управляется учеными.

С появлением более развитого капиталистического хозяйства перед обществом возникает новая проблема. Макс Вебер иллюстрирует ее следующим примером. Помещик платил жнецам по 1 марке за уборку 1 моргена, и они убрали по 2,5 моргена в день. Желая увеличить продуктивность хозяйства, он увеличил плату в полтора раза, но вместо ожидаемых им 3,75 моргена жнецы стали убирать меньше 2 моргенов на человека, получая примерно те же 2,5 марки. Отгадка в том, что у жнецов существовало устойчивое представление о естественных потребностях и они работали лишь для того, чтобы их удовлетворить. Такой строй мышления типичен для традиционного хозяйства, и, пока он не будет сломан какими-то внешними силами, развитие капиталистического производства невозможно. Необходимо прежде изменить сознание, чтобы производство стало самоцелью, а не средством достижения других человеческих целей.

Эта новая концепция не смогла подчинить себе жизнь еще и в XVII в. Например, в Англии тогда существовала обширная литература для предпринимателей о том, как вести хозяйство. Обычно совет был – выйти из хозяйственной деятельности, когда капитал достиг 50 тысяч фунтов, так как после этого можно купить поместье и жить как сквайр, а продолжать дело уже бессмысленный риск. То есть принципы хозяйственной жизни еще были скроены по человеческой мерке, человек оставался мерой всех вещей.

Вернер Зомбарт в книге «Буржуа» показывает, как это мировоззрение постепенно заменяется духом позднего капитализма. Например, долг, воспринимавшийся раньше исключительно как элемент человеческих отношений, заменяется векселем, который анонимен – может быть продан и перепродан. Появляются ценные

бумаги, и биржа, хозяйство принимает коммерциализированный, абстрагированный (от конкретной трудовой деятельности) характер. Сердцем его становится биржа, центральной деятельностью – продажа акций, а грандиозная работа промышленности оказывается лишь последствием, отражением обращения бумаг. Благодаря появлению ценных бумаг собственность удаляется от человека, с которым она раньше была связана почти как орган его тела. Она легко переходит из рук в руки, становится анонимной, механизированной. Такая механизированная собственность, говорит Вальтер Ратенау, и называется капиталом. Возникают новые «индивидуальности» – тресты, предприятия и т. д. Их единственная цель (то есть мера успеха и конкурентоспособности) – увеличение дохода, а это не имеет естественного предела. Жизнь приобретает характер неограниченного, устремленного в бесконечность процесса, и в этой бесконечности ограниченная человеческая жизнь оказывается бесконечно малой, ничтожной величиной.

Другой стороной служит беспредельное увеличение темпов изменения жизни. Каждое изменение – это разрыв с традицией, но обычно единство, связность развития успевает опять восстановиться. Однако, если скорость изменения жизни превосходит какой-то предел, такое заживление разрыва уже не успевает произойти. В результате нарушается органичность развития, жизнь не опирается на традицию, развитие идет за счет абстрактной, чисто рациональной деятельности. С этой стороной духа капитализма связана большая роль в его развитии переселенцев, эмигрантов – людей, лишенных корней. Примером служат бежавшие из Франции в Германию гугеноты и пуританские переселенцы в Америку. Особенно в последнем случае отсутствие

исторической преемственности создало идеальную почву для развития капиталистического хозяйства – и люди, и окружающая природа стали в чистом виде объектом хозяйственной деятельности. Все эти черты Зомбарт резюмирует так: «Капиталистическое предприятие является совершенно искусственным организмом, ему чуждо все органичное, естественно выросшее».

В XIX веке громадную роль начинает играть идеология сциентизма – стремление построить жизнь на научных основаниях. При этом имелись в виду главным образом естественные науки, успех которых связывался с абстрагированием от индивидуальных различий. Мир виделся состоящим из одинаковых тел, одинаковых молекул и т. д. Сен-Симон, например, утверждал, что построил Историю как «социальную физику», на едином принципе, аналогичном всемирному тяготению. Его ученик Огюст Конт писал: «Существуют законы, управляющие развитием человеческого рода, столь же точные, как те, которые определяют падение камня». Он считал, что несколько компетентных инженеров могли бы создать гораздо лучший организм для выполнения определенной функции, чем это сделала природа, и что то же верно в отношении общества.

Сен-Симон отводил науке в своей системе столь большую роль, что предлагал, чтобы человечество управлялось великим ньютоновским советом, состоящим из лучших ученых мира с математиком во главе. Во всех провинциях должны быть созданы малые ньютоновские советы и в храмах Ньютона совершаться поклонения ему.

Предполагалось всю жизнь подчинить научным принципам, например, создать новую религию «так, как в Политехнической школе учат строить мосты или дороги». Сен-симонизм был ярким примером того, что

утопическое мышление и успешная капиталистическая деятельность не только не противоречат друг другу, но прекрасно сочетаются. Среди его последователей были крупнейшие французские капиталисты и промышленники: Анфантен, Родригес, братья Перейра, Тальбо, оказавшие громадное влияние на развитие французской экономики, – создатели новых банков, строители сети железных дорог.

К XX в. развитие технологической цивилизации радикально изменило жизнь людей. Все большая часть человечества используется для производства механизмов или механизмов, производящих механизмы (эта цепь может все удлиняться). Труд все более удаляется от своей цели, то есть смысла. В своей работе люди большей частью не соприкасаются ни с чем живым. Ритм их труда, стиль жизни подчиняются технике. Человек зависит не от себя, а от какой-то внешней силы. Воду он приносит не из колодца, она кем-то подается в водопроводный кран. Он согревается, не топя печку, – кто-то греет его дом кипятком или паром. Он родится не дома, а в больнице и умирает в больнице, где его не провожают священник и близкие. Личные отношения учитель-ученик или врач-пациент растворяются в многолюдных школах и громадных больницах. Жизнь людей стандартизируется как массовое производство. Исчезает национальный стиль архитектуры (Новый Арбат неотличим от набережной Гаваны или улицы Сан-Паулу).

Люди, живущие на противоположных точках земного шара, оказываются неотличимо одинаково одетыми. Газеты прививают человеку стандартный средний язык, а радио убивает местные говоры. Людей всему учит общество. Подростки учатся в кино, как надо целоваться, а на порнофильмах – и более интимному

поведению. Человеку трудно ответить – что же такое он сам? Эстрадные звезды, например, меняют свою наружность: цвет кожи (инъекциями гормонов), лицо (пластической операцией), им придумывают хобби и политические взгляды. Их выступления требуют сотен тонн аппаратуры. Сама звезда исчезает как человек, остается лишь точка приложения анонимных сил.

Человек все больше исключается из природных условий, помещается в искусственные. Яркое освещение улиц вырывает его из цикла день-ночь, комфортабельные дома и транспорт – из цикла зима-лето. Даже пространство все больше исчезает из жизни: чтобы добраться из Москвы в Ленинград или Нью-Йорк, надо затратить примерно одинаковое время.

Исчезает дом как место, с которым связаны традиции и семейные чувства. Ле Корбюзье говорил, что дом – это «машина для жилья». Он предлагал разрушить исторический центр Парижа (и Москвы тоже), ибо он построен хаотически, без плана (в Москве это в значительной мере удалось).

Беспочвенность этой цивилизации облегчает ее пересадку на новую территорию, ее экспансию. По словам Ганса Фрейера, для того чтобы утвердиться на новой почве, такая цивилизация совсем не обязательно должна там вырасти. «Одно-два поколения нужны, чтобы электрифицировать, перевести на международные индустриальные рельсы страну, жившую тысячелетней традицией». Это и есть то «экономическое чудо», которое совершается то в Сингапуре, то на Тайване.

Вторая научно-техническая революция в середине XX в. усиливает и обостряет описанные выше черты западной цивилизации. Вот характеристика этого нового общества словами нескольких видных современных мыслителей.

Льюис Мамфорд замечает: «Технологическая цивилизация абсорбирует человека целиком – не только в работе, но и в потреблении, развлечении, отдыхе, – все организуется ею». Вся жизнь включается как элемент в массовое производство. Но зато человек может пожить реальной жизнью, подключившись к телевизору, и получить из этого ящика причитающуюся ему порцию человеческих переживаний. Механический мир телевизора все более вытесняет реальный мир. Например, американский подросток до восемнадцати лет проводит в полтора раза больше времени у телевизора, чем в школе и за чтением книг. Это воздействие аналогично гипнозу – здесь нет диалога, невозможен вопрос и нельзя даже, как в книге, перечесть еще раз предшествующую страницу.

Механизмом, обеспечивающим полное включение человека в деятельность технологической цивилизации, служит реклама в широком смысле слова: промышленная, политическая, реклама идей и идеологий. Она основывается на достижениях науки: психологии, социологии, нейрофизиологии. Массовые социологические эксперименты дополняют те принципы, которые были найдены при экспериментах на собаках и крысах. Крыса запускается в лабиринт, где сзади ей грозит удар тока, а в конце – ожидает пища. Она тем самым полностью вырывается из своего обычного окружения, и из бесчисленных экспериментов подобного рода делается вывод о психике крыс, которая оказывается очень похожей на принципы функционирования робота. Эта аналогия вполне оправдывается, если только абстрагироваться от всего, что специфично для крысы и отличает ее от робота! Дальше эти принципы применяются к психике и поведению людей. Громадные затраты промышленных фирм и политических партий на этот

«психологический бизнес» и конструируемую им рекламу показывают, что такой метод приносит практические результаты.

Как говорит фон Берталанфи: «Этот дух господствует в нашем обществе и, более того, по-видимому, необходим для его функционирования: редукция человека к низшему уровню его животной сущности, манипулирование им как автоматом для потребления или марионеткой политических сил». «Это (может быть, исключая атомную бомбу) – величайшее открытие нашего века: возможность редукции человека к автомату, “покупающему” все, от зубной пасты и “Битлсов” до президентов, атомной войны и самоуничтожения».

Изложенный мною взгляд на развитие технологической цивилизации ни в коей мере не является бунтом против техники, науки или городской жизни, желанием (как сказал Вольтер о Руссо) «встать на четвереньки и убежать в лес». Рост человечества с нескольких миллионов в конце палеолита до 5 миллиардов ныне – это объективный факт. Ни охотничья, ни чисто земледельческая цивилизация не смогли бы прокормить такое население, потребовались бы какие-то драконовские меры, вроде массового убийства детей. Вероятно, неизбежно было развитие в сторону увеличения удельного веса городов, роли науки и техники. Но тот вариант развития, который все яснее проявляется в последние полтора-два века, явно носит болезненный характер. Несмотря на свои колоссальные достижения в некоторых конкретных областях (например, почти полное уничтожение детской смертности, увеличение продолжительности жизни), этот вариант в целом утопичен. Как и сталинская командная система, западная технологическая цивилизация избрала техноцентрическую идеологию в противоположность космоцентрической.

Это всего лишь другой путь осуществления уже знакомой нам утопии об «организации» природы и общества по принципу «мегамашины» с максимальным исключением человеческого и вообще живого начала.

Подобная утопия в самой себе несет залог своей гибели. Основным и наиболее загадочным свойством всего живого (и даже всего органически выросшего) является знание им своей формы, способность к самоограничению. Еще Аристотель заметил, что всякая органичная сущность (например, корабль) имеет свой естественный предел. Отказ от органичности оборачивается для технологической цивилизации потерей этого свойства. Современная техника (как созидания, так и уничтожения) может развиваться лишь неограниченно, увеличиваясь и убыстряясь. Этим она приходит в противоречие с ограниченностью (то есть органичностью) окружающей природы, включающей и человека. Природные ресурсы, способность природы выдерживать разрушительное воздействие техники, способность человеческой психики приспособляться к вечно увеличивающемуся темпу перемен и к механическому характеру жизни – все это имеет предел, по-видимому, уже очень близкий. Особенно опасным представляется последний фактор – западные психиатры обращают внимание на быстрый рост психических заболеваний, связанных с потерей чувства осмысленности жизни. Обычно бреды носят технологический характер: больной ощущает себя машиной, он манипулируем, его существование лишено автономного смысла. Вероятно, те же причины лежат в основе агрессивных студенческих волнений и роста терроризма – люди (особенно молодые) ощущают, что жизнь для них становится чем-то непереносимой, хотя им еще неясно – чем именно. Очень сложно себе представить, что эти трудности могут быть преодолены на

том же пути, на котором они возникли, – посредством еще более радикального технического воздействия на природу. Скорее выход связан с отказом от техницистской утопии, от техноцентрического мышления.

Но здесь возникает другое противоречие, заложенное в самих принципах технологической цивилизации. Оно связано с ее беспочвенностью, универсальностью, способностью быстро подчинять себе другие культуры, уничтожаются возможные запасные варианты, которыми человечество могло бы воспользоваться в случае кризиса этой цивилизации. В период кризиса античной средиземноморской цивилизации человечество обладало целым спектром возможных путей развития. Еще сравнительно недавно можно было надеяться, что Россия, Китай, Япония, Индия, страны Латинской Америки сохранили достаточное разнообразие общественных и экономических укладов, чтобы в случае кризиса технологической цивилизации человечество могло среди них найти альтернативный вариант развития. Сейчас для таких надежд гораздо меньше оснований.

Технологическая цивилизация пришла на смену цивилизации в основном крестьянской, когда подавляющая часть населения жила среди природы, в постоянном общении с животными. Труд был непосредственно связан с его результатом, смысл его – понятен. План работы составлялся, каждое важное решение принималось самим крестьянином – это был творческий труд. Но на другой чаше весов лежали тяжелая, изнуряющая физическая работа, неуверенность в завтрашнем дне, частый голод, громадная смертность, особенно детская. Почти каждому взрослому приходилось пережить смерть своего ребенка. Все эти несчастья смогла в значительной степени устранить технологическая цивилизация, но, как оказалось, на собственных усло-

виях. Человек должен был отказаться от своих, человеческих, требований к жизни и подчиниться логике техники. На таких условиях эта цивилизация оказалась исключительно продуктивной – и не только в производстве атомного оружия, но и в выработке энергии или в способности накормить громадное население. Однако человеческие запросы к жизни при этом столь радикально игнорировались, что создалась угроза существованию самого человека. Вся ситуация напоминает сказку, в которой человек заключает договор с волшебником. Договор исполняется волшебником пунктуально, но благодаря тому, что в нем не были записаны какие-то казавшиеся самоочевидными условия, результат оказывается обратным тому, к которому стремился человек. Сейчас человечество близко к моменту, когда по договору надо расплачиваться.

По-видимому, человечество переживает сейчас какой-то переломный момент истории, оно должно найти новую форму своего существования. Этот перелом по масштабу можно сравнить с переходом от охотничьего уклада к земледельчески-скотоводческому в начале неолита. Тогда тоже возникла кризисная ситуация: истребление в результате усовершенствования техники охоты многих видов животных – дикой лошади, мамонта – создало положение, аналогичное теперешнему экологическому кризису. И выход из кризиса (переход к земледелию) был глубоко нетривиален и далеко не прямолинеен. Так, известная неолитическая культура расписной керамики (у нас представленная трипольской культурой) считается археологами попыткой перехода к мотыжному земледелию, по каким-то причинам не удавшейся (так она, во всяком случае, трактуется в учебнике археологии А. В. Арциховского). Этот пример показывает, что в истории бывают линии развития,

кончающиеся неудачей. Похоже, что такова и линия развития технологической цивилизации, основанная на идеологии научно-технической утопии. С той, однако, лишь ей присущей особенностью, что ее неудача грозит гибелью не только этой локальной культуре, а всему человечеству и всему живому на Земле.

СОПОСТАВЛЕНИЕ

Если читатель согласится, что приведенный выше анализ выделяет некоторые существенные черты как командной системы, так и западного либерального течения «прогресса», то мы будем иметь основу для того, чтобы сформулировать ответ на вопрос, поставленный в начале работы: почему у западных либералов существовала симпатия к сталинской командной системе? Оба этих исторических феномена представляют собой попытку реализации сциентистски-техницистской утопии. Точнее, это два варианта, два пути такой реализации. Западный путь «прогресса» более мягкий, в большей мере основан на манипулировании, чем на прямом насилии (хотя и оно играет свою роль в некоторый период его развития: террор Великой французской революции или колонизация незападного мира). Путь командной системы связан с насилием громадного масштаба. Это различие в методах создает видимость того, что оба течения являются непримиримыми антагонистами, однако на самом деле ими движет один дух и идеальные цели их в принципе совпадают. В западном варианте, например, раскрестьянивание экономически осуществляется даже эффективнее, чем при командной системе, – население, занимающееся земледелием, ре-

дуцировано в гораздо меньшей части (3,6 % населения в США). Все более интенсивное применение все более тонких достижений химии и генетики сделало сельское хозяйство похожим скорее на завод или лабораторию – мечта Горького осуществилась!

Хотя, по-видимому, идеология современного западного индустриального общества чисто рационалистична, она так далеко ушла от непосредственных человеческих ценностей, что явно приобрела утопический характер. Западные социологи отмечали, что рациональность капиталистического предпринимателя относится лишь к средствам, но он иррационален в своих целях и мировоззрении.

По словам Симона Рамо: «Мы должны планировать совместное господство над землей с машинами... Мы становимся партнерами. Машины требуют для оптимального функционирования определенных черт общества. У нас тоже есть свои пожелания. Но мы хотим получить то, что могут нам дать машины, и, следовательно, должны идти на компромисс. Мы должны изменить правила общества так, чтобы они стали для машин приемлемы». У нас подобное подчинение человека процессу производства было прокламировано еще в начале 20-х годов. А. Гастев писал: «Современная машина, особенно же машинные комплексы, имеют свои законы настроений, отправлений и отдыхов, не находящихся в соответствии с ритмикой человеческого организма... история настоятельно требует ставить не эти маленькие проблемы социальной охраны личности, а скорее смелого проектирования человеческой психологии в зависимости от такого решающего фактора, как машинизм».

С другой точки зрения, описание этого аспекта цивилизации дается в повести В. Распутина «Прощание

с Матёрой» словами старой крестьянки: «Ты говоришь, машины. Машины на вас работают. Но-но. Давно ж не оне на вас, а вы на их работаете – не вижу я, ли че ли! А на их мно-ого чего надо! Это не конь, что овса кинул да на выпас пустил. Оне с вас все жилы вытянут, а землю изнахратят, оне на это мастаки. Вон как скоро бегают много загребают. Вам и дивля, то и подавай. Вы за имя и тянетесь. Оне от вас – вы за имя вдогоню. Догонили, не догонили те машины, другие сотворили. Эти, новые, ишо похлеще. Вам тошней того припускать надо, чтоб не отстать. Уж не до себя, не до человека... себя вы и вовсе скоро растеряете по дороге. Че, чтоб быстро не-стись, оставите, остальное не надо... Она, жисть ваша, ишь какие подати берет: Матёру ей подавай, оголодала она. Однуе бы только Матёру! Схапает, помырчит-пофырчит и ишо сильней того затребует. Опеть давай. А куда деться: будете давать. Иначе вам пропаловка. Вы ее из вожжей отпустили, теперь ее не остановишь. Пеняйте на себя».

Противопоставление техноцентрического космоцентрическому мировоззрению, описанное на материале нашей деревни 30-х годов К. Мяло, параллельно тому, что пишет Льюис Мамфорд на основании западного опыта: «Существует глубокий антагонизм между механистической экономикой, центр тяжести которой – сила, и более старой органической экономикой, ориентированной на жизнь. Жизненная экономика стремится к непрерывности, многообразию и сохраняющему структуру целенаправленному росту. Такая экономика скроена по человеческой мерке: чтобы любой организм, любое сообщество, любое человеческое существо имело многообразие благ и переживаний, необходимое для свершения его индивидуального жизненного пути от рождения до смерти. Характерной

чертой жизненной экономики является сохранение обусловленных жизнью пределов: она стремится не к максимально возможному количеству, а к нужному количеству и нужному качеству в нужном месте. Ибо слишком много чего-либо так же губительно для живого организма, как и слишком мало.

Наоборот, экономика, основывающаяся на силе, предназначена для непрерывного и насильственного расширения производства ограниченного типа благ – тех, которые особенно приспособлены для массового производства... Хотя эти современные “силовые установки” производят максимальное количество высокоспециализированных материальных благ – автомобилей, стиральных машин, холодильников, ракет, атомных бомб, – но они не способны реагировать на гораздо более сложные потребности человеческой жизни, так как эти потребности не могут быть механизированы и автоматизированы, тем более контролируются и по произволу подавляются без того, чтобы не убить нечто существенное в жизни организма или в самоуважении человеческой личности».

Для обоих течений существенна опора на мощную технику и подавление органических, традиционных сторон жизни. (Один западный социолог сформулировал даже смысл современной техники так: уничтожить природу и создать вместо нее другую, искусственную.) Наконец, оба течения основываются на разработанной технике управления массовым сознанием. Их родство подтверждается и тем, с какой легкостью новые моды (в одежде, шоу-бизнесе или искусстве) перебрасываются от одного к другому. Такая их близость порождает ощущение духовного родства и может объяснить, почему представители одного течения болезненно воспринимают критику другого, чувствуют, что она ударяет и их.

С этой точки зрения совершенно понятно, почему западные последователи идеологии «прогресса» охладели к нашей стране как раз тогда, когда жизнь в ней стала смягчаться; это смягчение было связано с ослаблением роли утопической идеологии командной системы, которая их привлекала. К тому же нечеловеческая жестокость командной системы предстала слишком неприкрыто, надо было как-то от нее отмежеваться, тут и пригодилась возможность выступить суровыми судьями, списав все жестокости за счет особенностей русского характера и русской истории.

Мы сталкиваемся здесь с тем, что два разных, внешне резко различающихся пути ведут в принципе к одной цели. Однако в истории это случалось уже не раз, и нам будет полезно рассмотреть несколько примеров, вариантов этого явления. Простейший из них – двухпартийные политические системы. Для устойчивого их функционирования необходимо, чтобы конкурирующие партии выступали как антагонисты, внушали, что приход к власти конкурента будет национальной катастрофой. Но столь же необходимо, чтобы политические принципы этих партий в основе своей совпадали. Например, сейчас такая система в Великобритании переживает, кажется, кризис, так как программы лейбористской и консервативной партий стали действительно принципиально различаться.

Другим примером служит соперничество Сталина и Гитлера. Для них лично это, несомненно, была борьба не на жизнь, а на смерть. Но с другой стороны, действия каждого из них парадоксальным образом способствовали успеху другого – и это продолжалось довольно длительное время. Приходу к власти Гитлера очень помогла коллективизация и процессы «вредителей» в СССР – Гитлер уверял немцев, что нечто подобное грозит Гер-

мании и лишь он может от этого защитить. Но приход Гитлера к власти укрепил международные позиции Сталина – как противовеса Гитлеру. Они и играли на этих клавишах: один – как единственная реальная защита Европы от «коричневой чумы», другой – от «красной». В этой игре особенно важно было гипнотическое внушение того, что выбор возможен лишь между ними, третьего не дано. Вопрос: «С кем вы, мастера культуры?» – имел именно этот смысл, что можно выбирать только между Сталиным и Гитлером.

Многочисленные примеры дают две фракции – умеренная и крайняя в большинстве оппозиционных и революционных движений: пуритане и индипенденты в английской революции, жирондисты и якобинцы во французской, либералы и террористы в России 60–70-х годов XIX в. и т. д. Последний вариант отражен в образах Степана Трофимовича и Петра Степановича Верховенских («Бесы»). Его описание с точки зрения очевидца дано Львом Тихомировым (брошюра «Начала и концы»). Он утверждал, что именно либералы снабдили террористов мировоззрением. Для либералов терроризм был лишь крайностью тем, что они хотели бы, но боялись делать. Террористы же считали либералов предателями и, не скрывая, указывали, какой их ожидает конец в случае победы. Похожее настроение господствовало и в «освободительном движении» XX в. Тогда был распространен принцип – «у нас не может быть врагов слева». Это создавало очень своеобразную ситуацию: группы, находившиеся «левее», могли вести себя по отношению к соседям «справа» как к врагам, а те не могли им ответить тем же!

Поучительный пример подобной ситуации – известная дискуссия, когда Каутский выступил с критикой политики «военного коммунизма». Троцкий

ответил ему целой книгой («Анти-Каутский»), Каутский – еще одной книгой («От демократии к государственному рабству. Ответ Троцкому»). В последней книге есть интересный параграф: «Грозящая катастрофа». В нем Каутский с несокрушимой логикой доказывает, что скорый крах большевизма неизбежен. По поводу ситуации «после краха» он пишет: «То, чего мы опасаемся, это не диктатура, а нечто иное, пожалуй, гораздо худшее. Вероятнее всего, что новое правительство будет чрезвычайно слабо, так что оно не сможет, даже если захочет, справиться с погромами против евреев и большевиков», «потому можно понять тех социалистов, которые говорят, что хотя большевизм и плох, но еще хуже то, что наступит после его гибели, и что потому мы вынуждены защищать его, как меньшее зло». Так что основным аргументом оказывается не сочувствие загубленным жертвам «рассказывания» или расстрелянным священникам. Пугает то, что проводимая политика «вредна для дела». Но тогда в несколько другой ситуации, чтобы «не повредить делу», можно нащупать и другой выход – поддержать, затушевать слишком неприглядные черты, создать лучший образ в глазах общественного мнения. Это уже делает более понятным отношение западных либералов к Сталину. К тому же он для них несомненно находился «слева», а «слева не может быть врагов».

Остается трудный вопрос о том, как совместить гуманность и уважение к человеческой личности, присущие западному либерализму, с полной антигуманностью сталинского режима. Западный либерализм, несомненно, много способствовал распространению гуманности, представители именно этого течения боролись против процессов над ведьмами, за отмену пыток, укрепление всевозможных гарантий свободы личности. Однако все

это относится лишь к жизни внутри общества, принявшего принципы прогрессивно-либеральной идеологии, гуманность никак не распространяется на остальную часть человечества. Это связано с важной чертой идеологии прогресса – гипнотической убежденностью в том, что она открывает единственный путь развития человечества. В следовании ей и заключается «прогресс» и цивилизация. «Прогрессивным» было в истории все то, что вело к созданию современного западного общества, только такие общества и составляют предмет истории. Других культур не существует – это лишь тупики на пути «прогресса» или даже препятствия «прогрессу».

На эту парадоксальную концепцию указывали, например, русский мыслитель Данилевский и английский историк Тойнби. По мнению последнего, она будет рассматриваться нашими потомками как исторический курьез. Подобный, например, письму китайского императора Чуэн Лунга, посланному в 1793 г. английскому королю Георгу III. Император выражает удовлетворение прибытием британского посла, так как Китай всегда стремился к распространению просвещения, но выражает сожаление, что посол оказался совершенно неспособным к обучению церемониям и культуре. Таков был и взгляд египетских жрецов, даже в то время, когда над их страной уже сменилось ассирийское, персидское, македонское и римское господство. Тойнби считает его признаком окостенения и началом упадка цивилизации.

Западная концепция единственности исторического пути порождает понятия «передовых» и «отсталых», «развитых» и «развивающихся» стран. Только она оправдывает высказывания о том, кто от кого отстал и даже на сколько лет (например, Сталин утверждал: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет»).

Хотя, кажется, это никогда явно не формулировалось, но такая точка зрения предполагает исторический процесс одномерным. Но даже грубый материальный мир, по представлениям современной физики, не может быть описан при помощи трех измерений: требуется внести четыре, десять или двадцать шесть измерений. А гораздо менее тривиальный мир истории предлагается мыслить одномерным! Интуитивно история представляется так, как если бы какие-то букашки ползли по веточке: одна букашка уползла вперед, другая от нее отстала. В одном месте от веточки ответвляется отросток, букашка свернула на него – это тупиковая линия развития.

Концепция исключительности западной цивилизации делает западную прогрессивно-либеральную идеологию совершенно глухой к любым трагедиям, разыгрывающимся в других цивилизациях, – эти цивилизации, с ее позиций, существуют как бы «незаконно», являются помехами на пути человечества к прогрессу. Поэтому Запад и способен соединять высокую гуманность внутри с крайней жестокостью ко всему, находящемуся вовне. Один из множества примеров – истребление переселенцами-пуританами североамериканских индейцев. Их натравливали друг на друга, скупая скальпы, им подбрасывали отравленную муку, травили собаками, устраивали на них облавы, расстреливали. (Один фермер – участник массового убийства в долине Моргана – вспоминает, например, что они не решались стрелять в детей из винтовок большого калибра, так как их разнесло бы в клочья, их убивали из револьверов Смит-Вессон.) И самое радикальное средство – распахивали прерии, служившие для кочевья (спустя несколько десятилетий деликатная, не приспособленная для пахотного земледелия почва прерий пре-

вращалась в пыль и в виде пылевого облака уносилась ветром в океан). А в заключение уничтоженная цивилизация убивалась еще раз – духовно, вычеркиваясь из истории или входя в нее как тупиковая, обреченная на гибель линия развития. Если обратить внимание на эту сторону «прогресса», то окажется, что гораздо гуманнее были, например, центральноафриканские государства, где ежегодно в жертву богам плодородия приносилось всего несколько сот человек! И не вызывает никакого удивления, что западные либералы полностью игнорировали все зверства сталинского режима, бывшего для них лишь «блистательным историческим экспериментом».

Уже было отмечено, что технологическая цивилизация не несет в себе представления о своих границах – она неограниченно и агрессивно распространяется по земле. Так она стала проникать и в Россию, сначала в своем стандартном западном варианте: через обезземливание крестьян, имущественное расслоение деревни, рост числа промышленных рабочих, строительство железных дорог, увеличение экспорта и включение в мировой рынок. Однако этот процесс наткнулся на глубокую укорененность, устойчивость крестьянской цивилизации. Для крестьян речь шла не просто о выборе более выгодной профессии – уход из деревни означал для них разрыв со всем, что придавало красоту и смысл их жизни. Он требовал от них отказа от всей системы нравственных ценностей, жизни в мире, лишенном внутреннего смысла и морального оправдания. Глеб Успенский описывает впечатления крестьянина, ушедшего в город: «Он испугался этой голой работы из-за денег: ему трудно было жить без “своих”, трудно работать без их поддержки». Потерпев неудачу, он возвращается: «Как ни изнурят, ни измучают его, но

свои места, а главное – возвращение “к крестьянству”, то есть земледельческому труду, вновь восстанавливает все его нравственные силы, уничтожает на его лице следы болезней, горя, негодования, – и вновь это лицо глядит спокойно, благородно и приветливо...» Толстой много раз описывал судьбу крестьян, ушедших в город: алкоголизм, нищенство – для мужчин; публичный дом, смерть от сифилиса в больнице – для женщин. Что означает для крестьян разрыв с родной землей – описано и в «Прощании с Матёрой» В. Распутина. Но это уже эпоха, когда последний маленький островок деревенской жизни захлестывают волны технологической цивилизации, – можно представить себе, насколько сильнее звучал голос земли, когда крестьянская цивилизация еще не была подорвана.

В результате подчинение России стандартам технологической цивилизации тормозилось, а в ответ эта цивилизация создала образ России – «препятствия на пути к прогрессу человечества». Русские террористы вызвали сочувствие либерального общественного мнения Запада, а русские финансовые займы неизменно наталкивались на сопротивление. Дошло до того, что в первую мировую войну, когда русские солдаты массами гибли, спасая дело союзников, правительства западных стран Антанты вынуждены были оправдываться перед своими парламентами, что связали себя с таким реакционным режимом. А их послы в России систематически раскачивали этот режим, способствуя выходу из строя одного из главных своих союзников.

Давление технологической цивилизации: разорение значительного числа крестьян и разрушение общины, образование фермерских хозяйств, уход большей части населения в город – все это было тяжелым потрясением для крестьянской цивилизации. Возникло

ощущение угрозы основным жизненным ценностям со стороны плохо понятого, невидимого врага, повысился уровень агрессивности. Это создало предпосылки для успеха второго, командного, варианта технологической утопии, по видимости диаметрально противоположного первому, опирающегося на возникшие в народной психике стрессы. Так и в этом случае успех одного из двух соперничающих вариантов проложил путь другому, по поговорке: от волка бежал, да в болото попал.

Рассмотренный нами вопрос, относящийся, казалось бы, к прошлому, становится вновь актуальным сейчас, когда наша страна стоит перед выбором, от которого, возможно, зависит все ее будущее. Мы видим, сколько сил уходит на преодоление инерции командной системы. А если мы ошибемся в выборе и страна разгонится по новому пути – откуда взять силы, чтобы опять остановиться? В таком положении надо извлечь все что можно из опыта прошлого. Дает ли нам что-либо предшествующий анализ? Он заведомо не дает и не претендует дать одного: четкого указания на оптимальный путь развития, плана на будущее. У автора не только нет подобных предложений, но имеются серьезные опасения по поводу них в принципе. Мы очень привыкли в науке и технике к такому ходу решения задачи: идея – детальный план – модель или эксперимент – и, наконец, воплощение в жизнь. На этом чисто рационалистическом пути действительно создаются и заводы, и атомные бомбы, но так никто не создал ни нового растения, ни животного. Жизнь творится какими-то другими путями, а история – это форма жизни. Чисто рационалистическое творчество история тоже знает, но так создаются утопии, а, по словам Бердяева, утопии обладают тем недостатком, что в наш век слишком легко реализуются. Органичные же изменения общества про-

исходят, по-видимому, другим путем, более похожим на рост организма или биологическую эволюцию. Они не придумываются, а вырастают из жизни, и роль человеческой рациональной деятельности здесь главным образом в том, чтобы их узнать, угадать их значение и способствовать их укоренению.

Но другой, гораздо более скромный вывод из предложенного выше анализа, пожалуй, все же можно сделать. Это – призыв к отказу от взгляда на историю как на одномерный процесс. В сегодняшней ситуации такой взгляд выражается в виде утверждения, что для нас возможен лишь выбор из двух путей: назад – возврат к командной системе и вперед – максимальное приближение к западному образцу, повторение западного пути. Это вообще не выбор – Запад болен всего лишь другой формой болезни, от которой мы хотим излечиться. Оба пути ведут к одной социально-экологической катастрофе и даже помогают в этом друг другу. Конечно, такой конец не предопределен, в обоих вариантах есть надежда найти какой-то выход, без нее невозможно было бы и жить. Но то, что является выходом для Запада, может не быть выходом для нас. В западной цивилизации, кроме бросающегося сейчас в глаза утопически-техницистского течения, заложены и громадные жизненные силы. Об этом свидетельствует и прекрасное искусство, созданное начиная с эпохи Возрождения, и глубокая и красивая наука. Там веками вырабатывались многообразные методы контроля и воздействия одних слоев общества на другие (хотя и отточена техника отвода глаз, психологической обработки). Наша история создала другие, во многом отличные силы, и наш путь должен опираться именно на них.

Призыв «догнать» представляется вообще весьма рискованным, если он относится к социальной области,

а не к реальным бегунам. Попытка повторить чужое творчество (а история – творческий процесс) обычно приводит не к точной копии, а к продукции второго сорта. Лишь найдя какой-то свой путь, удается обычно достичь того же или более высокого уровня.

Чтобы получить полноценную копию западного образа жизни (даже со всеми его недостатками и опасностями), надо иметь в качестве исходной точки их средневековые и прожить их последующий путь. Эти триста лет никаким способом нельзя сжать в тридцать. Если же копировать лишь некоторые результаты этого развития, то мы получим скорее всего нечто более похожее на Латинскую Америку, чем на США и Западную Европу. То есть колоссальный долг передовым странам (а он уже и сейчас не мал), разорение природы, вопиющее имущественное неравенство, терроризм и тоталитаризм. Параллельность утопических тенденций командной системы и западного общества дает возможность легко взаимодействовать созданным в них экономическим структурам, и грандиозные западные капиталовложения без тех защитных мер, которые Запад мучительно и долго вырабатывал, смогут окончательно разорить страну за несколько десятилетий.

Западный опыт, конечно, должен быть использован, но с большой осторожностью, не как образец, которого необходимо достичь. Надо мобилизовать опыт всех более органичных форм жизни: раннего капитализма, «третьего мира» и даже примитивных обществ. На Западе сейчас растет интерес к этим вариантам исторического развития – именно в поисках структур, которые возможно использовать для преодоления современного кризиса. В обширной литературе исследуется система ценностей в обществах «третьего мира» и в примитивных обществах – например, относительная ценность

свободного времени и материальных благ, принципы отношения к природе, к традиции, воспитанию, культурная и религиозная жизнь этих обществ. Для нас же самой близкой и понятной является та крестьянская цивилизация, среди которой еще так недавно протекала жизнь наших предков. Вернуться назад к ней никак нельзя – в истории вообще возврат невозможен. Но она может стать для нас наиболее ценной моделью органически выросшего жизненного уклада, у которого можно многому научиться, и главное, космоцентризму – жизни в состоянии устойчивого социального, экономического и экологического равновесия.

Это раньше всех ощутила литература, как всегда, более чуткая. Таково, как мне кажется, происхождение феномена «деревенской» литературы и объяснение ее успеха. Причем успеха не только у нас, но и на Западе.

На «деревенскую» литературу возможны три точки зрения. Можно считать, что она представляет этнографический интерес как живописующая хоть и отошедшую в прошлое, но любопытную и своеобразную микрокультуру. Другая точка зрения была недавно очень ярко высказана в предисловии, написанном В. Солоухиным к вышедшей во Франции антологии «деревенской» прозы. Он пишет: «Эти люди, родившиеся в русской деревне, выросшие в ней и хоть немного помнящие, какой она была, прощаются, в сущности говоря, с родной матерью, оставаясь одинокими и беззащитными на холодном и беспощадном ветру истории». То есть речь идет о реквиеме или, вернее, русском плаче по прекрасной погибшей цивилизации и, следовательно, о литературе, обращенной в прошлое. Но возможна и третья точка зрения, примыкающая к изложенным выше соображениям. Искусство делает, казалось бы, невозможное: воскрешает крестьянскую

цивилизацию – хоть и не в жизни, а в наших переживаниях. Мы соприкасаемся с нею и понимаем ее гораздо глубже, вернее, чем если бы пользовались любыми средствами социологии и этнографии. Нам открывается пример органичного, устойчивого общественного уклада, основанного на глубоком единстве человека и космоса: модель того уклада, поиск которого – главная проблема современного человечества. Отсюда понятна притягательность и успех «деревенской» литературы – она указывает путь в будущее.

В заключение еще один беглый взгляд из более отдаленной перспективы на современный кризис. Он бесконечно обострился, приобрел взрывной характер в последние десятилетия, но корни его очень древние – это итог развития, длящегося десятки тысячелетий. Усовершенствование методов охоты, переход от охоты к земледелию или от сохи к плугу, создание мощной искусственной ирригации, развитие промышленности – все это одна линия усиливающегося воздействия человека на природу. Этот процесс сопровождался постоянным ростом населения Земли. Очевидно, что оба процесса имеют естественный предел, к которому мы, по-видимому, приблизились. Столкновение с таким пределом и порождает экологический и демографический кризисы. Единственный возможный выход – перейти от развития, основанного на постоянном росте, к стабильному стилю существования. В частности, бэконовский принцип «покорения природы» должен быть заменен противоположным – «покорения техники». Но ведь это означает изменение всего характера жизни, смену основного вектора, характеризовавшего движение человека по крайней мере с момента возникновения **homo sapiens**. Такого коренного, глобального перелома всего хода истории человечество еще не

знало. В области экологии не видно даже и признаков конца переломного периода, выхода из того кризиса, который сейчас переживает человечество. Оно находится в самом его начале, мы только начали осознавать это. Социальным аспектом начальной фазы этого периода является и наша командная система, и утопическая линия развития позднего капитализма. Очевидно, что такой кризис захватит несколько веков, – таковы прогнозы и в области демографического кризиса (если, конечно, эти века будут нам даны, если человечество в принципе способно вписаться в равновесие природы). Вряд ли у нас сейчас есть хоть какие-то основания предугадать, как человечество выйдет из кризиса. Но, возможно, по крайней мере освободится от мертвых схем, которые не дадут этот выход увидеть. Одной из таких схем и представляется мне противопоставление командной системы западному пути как двух диаметрально противоположных выходов, из которых только и возможен выбор.

**РОССИЯ И МИРОВАЯ
КАТАСТРОФА**

МИНУТЫ РОКОВЫЕ

«Приближается конец света». Эти слова сейчас часто можно услышать – хоть и в шутку, но чувствуется, что произносящий их не вполне уверен, шутка ли это? Подобные предчувствия и раньше сопровождали переломные моменты истории человечества: их имел в виду Тютчев, говоря о «минутах роковых», изредка переживаемых миром. В его словах за очевидным смыслом угадывается вторая, более глубокая истина: кажется, что ход истории не единообразен, в нем можно различить два разных исторических времени. В пределах одного времени – назовем его «линейным» – история, по крайней мере внешне, имеет характер «объяснимого» и даже отчасти предсказуемого процесса. Доступные нашему наблюдению социальные, экономические и политические факторы влекут естественно вытекающие из них последствия. Другое время – это и есть «минуты роковые». Оно воспринимается обычно как нечто катастрофическое, необъяснимое, как вторжение сил, находящихся вне сферы действия нашего современного типа мышления. Только позже, когда «минуты» протекли, можно почувствовать какой-то смысл совершившегося переворота – скорее ответ на вопрос «зачем?», чем «почему?». История резко меняет свое течение, в эти «минуты» она реально и совершается. Значение же наступающего потом «линейного» времени можно видеть в том, чтобы приспособить существование челове-

ства к новому историческому состоянию, в котором оно оказалось. Эти два времени, две компоненты, вместе составляющие исторический процесс, сопоставимы с естественным отбором и мутациями в принятой теперь картине биологической эволюции.

Сейчас мир, несомненно, переживает «минуты роковые» – не только наша страна, но и все человечество. Наш кризис – лишь часть мирового, в котором общий процесс проявляется более грубо и обнажено. Сразу после конца войны 1939–1945-х годов появился новый элемент в мировом сознании: ожидание глобальной катастрофы. В военное время, как оно ни было тяжело, казалось: надо только его пережить и тогда (конечно, для тех, кто переживет!) жизнь будет понемногу облегчаться. Но война кончилась, и мы все яснее стали понимать, что создание атомного оружия приблизило катастрофу совсем другого масштаба, чем все предшествующие войны. Человечество развязало силу, контролировать которую оказалось выше его интеллектуальных и духовных возможностей. В результате гибель значительной части человечества – да и всего живого – рано или поздно представлялась неизбежной. Лет 20 мы привыкали жить в такой ситуации и постепенно к ней привыкли. Тогда до нашего сознания дошло, что мы уже вступили в другой кризис – демографический: взрывообразный рост населения Земли. Казалось, что остановить его могут только вызванные им же мировые катастрофы: войны, эпидемии, голод. Теперь некоторые демографы приходят к выводу, что рост городской цивилизации приводит к снижению рождаемости. По одному из прогнозов, численность человечества может стабилизироваться в XXI в. на цифре в несколько десятков млрд человек. Но тут обозначился третий кризис,

угрожающий существованию не только человечества, но и жизни вообще? – экологический: стремительное истощение ресурсов природы и ее разрушение технической цивилизацией. Он кажется самым безнадежным, так как связан с самим коренным принципом, на котором построена современная индустриальная цивилизация: постоянным расширением производства. Таким образом, все время люди жили и продолжают жить в сознании нависшей над всеми ними угрозы гибели – хотя представление о причине этой гибели менялось. То есть уже почти полвека человечество живет в условиях совершенно нового (сравнительно с несколькими предшествующими веками) – катастрофического сознания.

В жизни цивилизаций отчетливо различаются сменяющиеся эпохи. В «Век Державности» главная личность – это царь, великий полководец. «Век Разума» говорит голосом философа. Центральная фигура «Века Прогресса» – организатор, ученый. В «Век Катастрофы» люди жаждут слышать пророка или святого. Слова «Я пришел спасти мир» просто не были бы поняты греками эпохи Перикла – им даже не приходило в голову, что мир надо спасать. Зато эти слова не требуют пояснений, когда господствует психология «конца света». Такова, конечно, и наша эпоха. Только теперь, когда эта концепция, даже эти слова, слишком чужды нашему сознанию, мы выражаем то же самое мироощущение в терминах: гибель от ядерной катастрофы, демографический взрыв, экологический кризис.

В такие катастрофические эпохи историю движет логика, в принципе отличная от той, которая понятна нашему рационалистическому сознанию. Поэтому не кажутся реалистичными детально разработанные

планы «выхода из кризиса» – скорее уж «Откровение Иоанна Богослова» поможет как-то осмыслить происходящее. (Да еще имеют смысл очень конкретные кратковременные планы.) Но верна и мысль Тютчева, что зрителям этих «высоких зрелищ» открываются грани истории, закрытые от нас в другое время. Недаром первые века до и после Рождения Христова так богаты «Апокалипсисами» – «откровениями». И во многих современных произведениях вроде материалов Римского клуба или пророчеств о «конце истории» мы имеем, собственно, такие же «Апокалипсисы», только изложенные другим языком – как правило гораздо менее пригодным к обсуждению подобных концепций. В этом переходном характере от «линейного» времени и соответствующего ему рационалистического сознания к времени катастрофическому, требующему совсем иного понятийного аппарата, – одна из трудностей нашего века.

НАШ ВЕК

Попытаемся уточнить: что же такое происходит в наш век, благодаря чему мы ощущаем дыхание «конца мира»? И прежде всего: правомочно ли вообще говорить о современном нам мире как некотором единстве, несмотря на очевидную противоположность демократического Запада и тоталитарного Востока, благополучного Севера и нищего Юга?

Для ответа поставим мысленный эксперимент: предположим, что археолог, живущий через 1000 лет после нас, исследует современное нам человечество. И предположим, сверх того, что по какой-то причине

исчезли все письменные источники, так что будущий археолог будет вынужден изучать наше время так, как современные археологи – дописьменные цивилизации: на основе остатков материальной культуры. Тогда, я думаю, он сделает вывод, что изучаемая им наша эпоха отличается от ей предшествовавших как раз чрезвычайным единообразием жизни. На подавляющей части Земли он увидит цивилизации одного типа. Этот тип цивилизации повсюду проявляется такими признаками, как: скоплением людей в гигантских городах, жизнь в муравейниках колоссальных домов, господствующая роль механизмов в хозяйстве и быту, ориентация всей жизни на технику, опирающуюся на науку, почти сросшаяся с ней, – и жестокий экологический кризис. Старшие поколения в нашей стране так привыкли к противопоставлению: «два мира», «две экономические системы», что скорее готовы поменять в этой картине знаки: «положительные» на «отрицательные», чем отказаться от картины поляризованного мира. Эту привычную концепцию не разрушают даже бросающиеся в глаза параллели, когда социалистическая революция решает те же задачи, что и капиталистическая промышленная революция: разрушение деревни, превращение крестьян в пролетариат, урбанизация и индустриализация.

Возвращаясь к нашему гипотетическому археологу, мы можем предположить, что он обнаружит в разных частях Земли эту единую цивилизацию представленной с различной степенью интенсивности... А если он сможет различать разные археологические пласты и восстановит процесс во времени, то увидит, что нашей эпохе (сравнительно с предшествующими) присуща неслыханная скорость изменений. И обнаружит, что цивилизация эта, возникнув сперва на не-

большом пространстве Западной Европы, всего за несколько веков подчинила себе весь мир. Он обнаружит несравненно более агрессивную и нетерпимую цивилизацию, чем все ей предшествовавшие. В отличие от всех них она не терпит рядом с собой иных укладов, не оставляет человечеству других, запасных выходов, путей развития.

Покорившая практически весь современный мир универсальная цивилизация обычно называется индустриальной или технологической. Главная ее особенность, ее сущность заключается в том, что человек все более подчиняется требованиям производства и техники. При этом, как замечает Жак Эллюль (1), техника здесь понимается в наиболее расширительном смысле: как стандартизованные, отработанные пути достижения цели, включая, например, технику пропаганды, политической борьбы, биржевой игры или спорта. Машина – это только идеал, к которому стремится техника, техника в чистом виде. И даже шире, технологическая цивилизация вытесняет из мира все живое, естественно выросшее, и замещает его искусственным.

Окинув взглядом 300 лет истории технологической цивилизации, мы увидим все ускоряющийся процесс уничтожения Природы и замены ее техникой (в самом широком смысле). Яркий показатель, измеряющий этот процесс, – скорость пожирания деревни городом. Деревня не уничтожена полностью всего лишь потому, что расплатой была бы голодная смерть. Но с паразитической изобретательностью создается такая система сельского хозяйства, при которой как можно меньшая часть работающих жила бы в деревне и хоть как-то соприкасалась с природой. В США фермеры составляют 3–4 % населения, хотя на сельское хозяйство работает 25–30 % всей экономики (в машиностроительной, хи-

мической промышленности и т. д.). Кажется, что жизнь в деревне, контакт с природой для туземцев этой цивилизации – опаснейшее состояние, от которого она их всеми силами оберегает.

Неоднократно описывалось (да и каждый испытал это на себе), как технологическая цивилизация обрекает человека на искусственное существование в искусственных условиях. Мы все больше живем среди механизмов, приспосабливаясь к правилам и стилю их работы. Как писал Стейнбек, он дошел до того, что, встречаясь с человеком, задумывался – в какую щель этого автомата надо опустить монету, чтобы он заработал? Реальная жизнь создает еще более фантастические ситуации – например, живут уже тысячи людей, выращенных в пробирках. Возможные последствия «генной инженерии» (искусственное создание наследуемых признаков путем «хирургии» клетки) сначала так ужаснули ученых, что был объявлен добровольный мораторий на такие исследования – но продержался он недолго.

Переворот, создавший в исторически очень короткий срок технологическую цивилизацию, обычно называется Научно-Технической Революцией. Это название и его сокращение – НТР – встречается во всех языках. Такое систематическое употребление термина не может быть случайностью, язык не обманывает: мы действительно имеем дело с революцией, произведенной «научной техникой», то есть техникой, основанной на науке (ср. «пролетарская революция», «буржуазная революция»...). Как и всякая революция, она тоже уничтожает старый уклад жизни, в особенности духовную структуру общества и человека (в предшествующих революциях это называлось «созданием нового человека»).

Например, один из крупнейших биологов этого века Конрад Лоренц обращает внимание на то, что вопрос о гуманности, нравственности, моральности некоторого образа действий возникает, только если объектом его является живое. В противном случае речь может идти лишь о более или менее целесообразных действиях. Современный же человек в своей деятельности все реже сталкивается с живым. Поэтому он отучается от оценки своих действий с точки зрения их нравственности и гуманности и оценивает их лишь с позиций целесообразности. Такую установку он переносит уже и на действия, направленные на живое. Вот почему, говорит Лоренц, когда современный человек сталкивается с чем-то живым, он быстро его уничтожает (2). Это относится, добавим от себя, к колоссальному спектру действий – от уничтожения многих видов насекомых при помощи ДДТ до уничтожения коренного населения Тасмании.

Все более зловещий характер, который приобретает цивилизация, чувствовали, конечно, и раньше. Например, К. Леонтьев, писавший «против машин и вообще против всего этого физико-химического умственного развития, против этой страсти произведениями мира неорганического губить везде органическую жизнь, металлами, газами и основными силами природы разрушать растительное многообразие, животный мир и самое общество человеческое, долженствующее быть организацией сложной и округленной наподобие организованных тел природы» (3).

В технологической цивилизации сознание людей формируется, унифицируется и направляется гигантской индустрией средств массовой информации. Средства информации определяют человеку цели жизни и средства их достижения, его нравственные принципы,

эстетические вкусы, политические и национальные симпатии и антипатии. Некоторые факты вносятся в сознание под колоссальным давлением, занимают в нем громадное место; другие – из информационной картины просто вычеркиваются. Средства информации, по существу, формируют иную, искусственную действительность. Мы были свидетелями этого в Ленинско-Сталинско-Брежневское время. Но такова же точно и ситуация на Западе, средства информации которого, например, вычеркнули из картины тогдашнего мира голод, сопутствовавший коллективизации в нашей стране. Или сделали центральным событием советской жизни 60-х и 70-х годов ограничение еврейской эмиграции – когда во всей стране господствовала система прописки, а колхозники вообще не имели паспортов и не могли выехать из своего колхоза!

Изо всех средств массовой информации наиболее совершенным является телевидение. Это как будто фрагмент из фантастического рассказа об искусственном человечестве будущего: реальная жизнь заменяется жизнью «в ящике». Уже автору книги невозможно задать вопрос. Но в телевидении нельзя даже взглянуть на предшествующую страницу: не говорил ли он там нечто противоположное? И нельзя перелистнуть скучные страницы. Можно только покорно слушать слово за словом. Так формируется сознание хуже рабского: управляемое. А в то же время американский школьник проводит больше времени в общении с телевизором, чем в школе, с родителями или товарищами. Еще драматичнее ситуация у нас, когда работающие, занятые хозяйством или просто усталые родители счастливы пристроить детей к «ящику». У более взрослых американских юношей товарищем их игр и учителем является компьютер. Несомненно, скоро так же будет и у

нас. Создается поколение людей, воспитанных машинами, а не человеком. Эффект можно себе представить по рассказам о детях, воспитанных животными (чаще всего – волками). Когда этого ребенка находили скоро, то он восстанавливал человеческие черты, но если он пробыл среди животных больше двух лет, то, как правило, не мог восстановить ни речь, ни прямое хождение. Таким же образом технологическая цивилизация создает тип человека, который по духу все ближе технике и машине и все меньше чувствует свое родство с природой и даже людьми. Ему, например, ближе, понятнее бензопила, чем лес, который она губит, или бульдозер – чем поле, превращаемое им в подобие лунного пейзажа.

Отличительным признаком технологической цивилизации является, как говорят, ее «динамичность», т. е. связанный с нею взрывообразный рост. Это рост производительных сил, научных исследований и числа научных публикаций, населения, размеров городов, мощностей военных средств разрушения. Растут скорости передвижения, достижимые расстояния (Луна, Марс, Сатурн...). Все эти величины растут в геометрической прогрессии, т. е. экспоненциально. Их графики очень похожи друг на друга и, как правило, приводят к абсурдному, катастрофическому результату в начале XXI в.

Речь идет о расширении, логика которого не ставит ему никаких принципиальных границ, т. е. о неограниченном расширении. Представление о естественных, предопределенных границах, о своей форме – фундаментальное свойство всего живого. Газ распространяется в тех пределах, в которых его удерживают искусственные стенки. Кристалл тоже теоретически растет неограниченно, его «границы» определяются каким-то

внешним воздействием. Но зато у любого живого существа знание его формы – всего организма, его органов, клеток – есть, как говорят биологи, самое загадочное свойство, наиболее радикальное отличие от неживого. Когда какая-то группа клеток теряет это представление, знание формы, – мы имеем злокачественную опухоль. И вряд ли случайно различные аспекты технологической цивилизации сопоставляли с раковой опухолью. Например, Дж. Гексли – демографический взрыв: возникновение одного центра стремительного роста населения (например, в Порто-Рико) и далекие выбросы (например, в города США) представляет, как он говорит, пугающую аналогию с известной картиной рака и метастазов (4). (Гексли – автор известных исследований рака и в то же время – крупный деятель ООН в связи с развивающимися странами и экологией.)

Идеологическим отображением этого беспрецедентного в истории взрыва и в то же время его санкцией, оправданием, является концепция прогресса – идейный базис технологической цивилизации. Сначала кажется, что концепция эта вполне понятна, но на самом деле детализировать ее трудно. То есть трудно дать понятный ответ на вопрос: что именно прогрессирует? Прежде всего, очевидно, что оценка «прогрессивности» очень субъективна, зависит от того, исходит ли она от благополучного североамериканца или от аборигена Австралии, от того, оценивается ли объем произведенной за 1 год человечеством продукции – или чистота воздуха. Представление о «вечном прогрессе» не является каким-то исконным, самоочевидным свойством человеческого сознания (поэтому и не требующим уточнения). Оно как раз сравнительно недавно стало господствующим, раньше историю описывали по-другому: например, как посте-

пенное вырождение, когда на смену «золотому веку» приходит «медный», а за ним – «железный», мудрость и благополучие видится в древности. Или как вечное повторение одних и тех же циклов. Легче заметить, чем не является история с точки зрения концепции «прогресса». Она не мыслится как стремление к некоторой цели, достижение полноты, идеала. Прогресс понимается как неограниченное добавление принципиально однотипных слагаемых. Но зато сам процесс изменения воспринимается как некоторый положительный принцип. Все прошлое оценивается как малоценное сравнительно с будущим, прошлое охотно приносится в жертву будущему. Это было особенно ярко заметно у идеологов концепции прогресса в период ее становления (XVII в.). Они всеми способами выражали свое презрение к «древним» – науке и искусству античности. Их произведения полны нападок на Аристотеля. Декарт гордился тем, что забыл греческий, который учил в школе. Перро писал: Платон скучен, Гомер теперь писал бы куда лучше... Прошлое воспринимается как эпоха власти «предрассудков». Д'Аламбер писал: «Хорошо, если бы можно было уничтожить историю».

Экономический уклад, соответствующий технологической цивилизации, В. Зомбарт (5) называет «высокоразвитым капитализмом» (Hochkapitalismus). Он стал приобретать отчетливые черты в конце XVIII – начале XIX в. Коротко Зомбарт характеризует его сущность как «деконкретизацию мира, сведение его к абстрактному принципу денег, разрушение конкретности и многообразия» (в следующих ниже цитатах из Зомбарта нужно иметь в виду, что термин «капитализм» он применяет именно к этому специфическому экономическому укладу).

«Капитализм возник из ростовщичества», – говорит он. В ростовщичестве устранен всякий конкретный элемент: вся качественная, хозяйственная деятельность принимает чисто количественный характер. Это не физическая, но и не духовная, осмысленная деятельность, ее смысл перенесен с нее на результат. Можно сказать, что это чистая техника хозяйственной жизни. Поразительно, какой страх и ненависть испытывала католическая Церковь в Средние века по отношению к ростовщичеству, как будто предчувствовала в нем источник силы, губительной для тогдашнего жизненного уклада. Кажется, что оно вызывало большее отвращение и осуждение, чем другие человеческие грехи. Ростовщичество подлежало ведению особого церковного суда. Уличенному в нем священнику грозило лишение сана, мирянину – недопущение к причастию. Не только взятие процента строго каралось, но пресекались возможности скрытой оплаты за долг: например, отработка, любые услуги или отдача долга в другое время года, когда взятый продукт ценится больше (6).

В более развитой форме это же явление – «сведение к абстрактному принципу» – проявляется как «коммерциализация хозяйственной жизни», т.е. подчинение хозяйственной жизни торговым операциям. Торговец вообще вырабатывает отношение к объектам своей торговли как к чему-то ему постороннему. Он видит в них лишь предметы для обмена. Существенна для него лишь их цена – абстрактная численная величина. Раньше торговля находилась на периферии хозяйственной жизни, но с формированием «развитого капитализма» она становится ее ядром. Возникают ценные бумаги, акции, и их рынок (биржа) становится основой экономики. Биржа регулирует более реальную деятельность заводов, шахт или ферм. То есть

многогранная индивидуальная хозяйственная жизнь редуцируется к манипулированию числами: ценами, по которым продаются акции на бирже¹.

Общество предшествующей эпохи, называемое обычно «традиционным», опиралось на идеологию, исходящую из жизни деревни. Основным принципом было представление об «участке», с которого человек «кормится» и посягать на который – аморально. Это же представление переносилось и на другие сферы хозяйства – ремесло, торговлю. Гильдии, цеха, нормы хозяйственной жизни помогали четко ограничить пределы хозяйственной деятельности каждого человека и защитить их от вторжения других. Максимально понижалась конкуренция и, в частности, такие приемы, как реклама, украшение витрин, зазывание покупателя, продажа по пониженной цене, производство дешевых изделий пониженного качества. Многократно издавались законы, ограничивающие употребление «машин, экономящих время», так как это могло привести к разорению других работников. Все такие действия характеризовались термином «не по-христиански» (*unchristlich*) и наказывались потерей уважения, статуса, иногда исключением из общины. Реже они ограничивались законом. То есть общество подавляло как раз те приемы хозяйственной жизни, которые стали основой «высокоразвитого капитализма»: конкуренцию, рекламу («контакт с потребителем»), удешевляемое массовое производство, применение машин.

«Высокоразвитому капитализму» свойственны интернационалистические тенденции, ориентация на ми-

¹ Например, величайшая катастрофа в американской экономике произошла не из-за какого-либо стихийного бедствия, войны или революции, а в результате паники на бирже в «черный четверг» 29.X.1929 г. А уже как результат этого закрылись тысячи заводов, промышленное производство упало почти вдвое, число безработных возросло более чем в 10 раз, десятки тысяч человек покончили жизнь самоубийством.

ровой рынок, стирание национальных особенностей. Зомбарт подчеркивает в связи с этим роль «чужаков», «изгнанников», переселенцев в его становлении: гугенотов, вынужденных бежать из Франции, евреев, английских колонистов в Северной Америке. Такой переселенец не отягощен исторической традицией, он не связан с окружающей природой духовными нитями, она является для него лишь объектом хозяйственной деятельности, «недвижимостью». Как пишет один английский колонист из Америки: «ручьи и реки такие же, но не о них поют старые баллады, они не связаны с историей, они только вращают колеса мельниц». Более того, и оставаясь у себя дома, капиталист усваивает психологию чужака, «эмигранта».

Переход к «высокоразвитому капитализму» связан не только с изменением характера хозяйственной деятельности, но и с возникновением нового хозяйственного духа. Это представление о том, что «время – деньги», что время надо экономить и считать как деньги. Впервые деловые люди стали торопиться – до этого их как раз отличали неторопливость, степенность. Говорили, что торопятся те, кому нечего делать, «светские щеголи». Если до того более одной трети дней в году были праздниками, освященными Церковью, то теперь праздники стали считать проявлением лени.

В более раннюю эпоху сохранялась сложившаяся еще в Средние века идеология, рассматривавшая общество как цельный духовный организм, в котором экономическая деятельность – лишь один из подчиненных элементов в большом и сложном единстве. Церковь стремилась подчинить хозяйственную деятельность моральному суду. Или хотя бы, более скромно: многократно подтверждалось, что эта деятельность естественно направлена на удовлетворение лежащих вне ее

и вполне достижимых человеческих желаний: обеспечить себе достойное существование, досуг, стать помещиком и т. д. Этот взгляд соединялся с представлением о естественных потребностях человека (отражающих его сословное положение). Экономическая деятельность признавалась нормальной и справедливой лишь в тех пределах, в которых она была направлена на удовлетворение этих естественных потребностей.

С приходом «высокоразвитого капитализма» утверждается концепция автономности экономики. Макс Вебер пишет: «Теперь уже не приобретательство служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование человека направлено на приобретательство, которое становится целью его жизни. Этот с точки зрения непосредственного восприятия бессмысленный переворот в том, что мы назвали бы “естественным” порядком вещей, в такой же степени является необходимым лейтмотивом капитализма, в какой он чужд людям, не затронутым его влиянием». Он подчеркивает «иррациональность подобного образа жизни» (7). Тресты, банки, акционерные общества не имеют уже никаких человеческих целей. Мерой их успешности, т. е. конкурентоспособности, является доход, что не имеет никакого естественного предела. Так возникает концепция неограниченно растущей, стремящейся к бесконечности экономики как один из элементов идеологии прогресса.

Теперь уже хозяйственная деятельность диктует законы морали. Деловая жизнь рассматривается как «служение», которому человек должен без остатка отдавать все свои силы. Богатство, успех воспринимается как знак хорошо исполненного долга. Если в Англии еще в эпоху Тюдоров и Стюартов бедность рассматривалась как несчастье, которому общество обязано помощью, то

после Английской революции отношение резко меняется. Бедных рассматривают как преступников, им надо не помогать, а карать их, в крайнем случае – исправлять суровыми мерами. Епископ Беркли писал: «Тупых нищих надо хватать и на определенный срок обращать в общественных рабов». С ним был согласен и классик английской экономической науки У. Петти: он говорил, что чем больше платят работникам, тем больше они пьют, поэтому низкая зарплата и высокие цены – благодеяния для них. Артур Юнг, уже в XVIII в., писал: «Каждый, кто не идиот, понимает, что надо держать низшие классы бедными, иначе они никогда не будут трудолюбивы». Д. Дефо: «Бедные – это вечно стонущая, праздная и неприсмотренная масса, составляющая балласт для нации. Для нее нужно ввести особые законы». Бездомных, безработных заключали в «работные дома», цель которых была не помочь им, а исправить их. Тогдашние экономисты очень поддерживали эту меру, т. к. она понижала цену на рабочие руки.

Конечно, и в «традиционном обществе» существовала жадность, стяжательство и ростовщичество. Но принципиальная разница заключалась в том, что господствовавшая идеология их осуждала и сдерживала, а не пропагандировала в качестве добродетелей, называя жадность – экономией, а стяжательство – предприимчивостью. В новом же обществе эти качества стали стремительно распространяться как сжатая пружина.

Удивительно, что описанные выше идеологические концепции стали формироваться задолго до возникновения технологического общества – по крайней мере, с XVI в., в «подполье капитализма», как пишет один исследователь. «Дух капитализма возник раньше капитализма», – говорит Зомбарт. Аналогичное замечание делает и М. Вебер (7). Это относится и к другим частям

идеологии технологической цивилизации – например, к стремлению подчинить все живое технике, уподобить машине. Так, еще Кеплер писал: «Моя цель – показать, что небесную машину следует сравнивать не с божественным организмом, а с часовым механизмом». Декарт полагал, что животное – это машина, хотя в человеке допускал душу. Но уже Ламетри написал книгу «Человек-машина».

Одним из основоположных элементов идеологии технологической цивилизации является ее «научность». При этом имеется в виду очень специфическая наука – о точно измеримых, выражаемых в числах объектах, новую информацию о которых можно получать потом, оперируя этими числами. Как сказал Кант: «Всякая наука – настолько наука, насколько в ней есть математика». Заключение, опирающиеся на такую науку, подкрепленные расчетами, еще лучше – применением мощных компьютеров, для современного мышления особенно авторитетны, достоверны. Такой тип мышления действительно привел к поразительным успехам в астрономии, механике, физике. Но это все науки о неживом, пафос же современной идеологии как раз и заключается в том, чтобы применить эту духовную и интеллектуальную установку к гораздо более тонкой и сложной реальности: клетке, организму, человеку, обществу. Уже Ньютон в последних фразах своих «Математических начал натуральной философии», излагающих его механическую систему мира, прокламирует применимость тех же методов к изучению взаимоотношений мозга и других органов живых существ, движений и восприятий. И позже именно успех ньютоновской системы просто кружил головы мыслителям нового времени: Сен-Симон и Фурье обещали построить «универсальную систему» общества то по «принципу тяготения»,

то по «принципу гиперболы или эллипса». Ученики Сен-Симона и в особенности Огюст Конт настаивали на возможности рассчитать все – и организмы, и социальную жизнь, включая мораль и религию, «как в политехнической школе учат рассчитывать мосты». И они были уверены, что придут к куда более совершенным результатам, чем такой плохой математик как Природа. При этом, как замечает фон Хайек (8), им, видимо, ни разу не пришло в голову, что человеческий мозг, который они наделяют такими способностями, – создан той же несовершенной Природой!

Применение разработанного в физике метода познания, опирающегося на эксперимент, измерение и расчет, основано на очень жестких предпосылках. Объект исследования должен быть совершенно однороден, чтобы экспериментальные данные, полученные из анализа одного его образца, были вполне применимы к любым другим. Как подчеркивает Мамфорд (9), мы должны быть уверены, что 1 кубический сантиметр воды в одной лаборатории точно совпадает с 1 кубическим сантиметром в любой другой. Но этим отрицается как раз фундаментальное свойство живого – индивидуальность. (Лейбниц рассказывает, как, будучи в одном светском обществе, предложил присутствующим попытаться найти два совершенно тождественных листка какого-то растения, – и, конечно, никто не смог этого сделать.) Благодаря высокому авторитету «научного мышления» (указанного особого типа) в современном мире, все не укладывающееся в рамки этого типа мышления – т. е. все индивидуальное и живое – воспринимается как второстепенное и незначительное.

Более того, этот тип познания применим лишь к измеримым, квантифицируемым объектам. Все остальные – а таковы все чувства человека: любовь,

ненависть, боль, радость – вытесняются куда-то на периферию сознания, объявляются как бы несуществующими или во всяком случае ненадежными ориентирами для нашего контакта с миром. Реальными, надежными считаются только объективные характеристики (и преимущественно – приборов), не зависящие от субъективных переживаний людей. Это дает, как замечает Лоренц (2), чрезвычайно искаженную картину мира. Наоборот, утверждает Лоренц, объективные заключения, связанные с расчленением встречающихся нам объектов на сравнительно однотипные части с их пересчетом, измерением, – вторичны сравнительно с внутренними переживаниями. «Самое достоверное, что нам доступно, это то, что мы называем интроспекцией. Это “найденное внутри” воспринимается с гораздо большей уверенностью как данные о внешнем мире, а “объективное”, “опосредствованное” знание всегда более сомнительно. Субъективное переживание есть основа всего нашего знания, именно это выражает этимология слова “субъектум” – лежащее в основе. Наивная ошибка – надеяться достигнуть объективности путем устранения или игнорирования “субъективного переживания”». Но именно эта ошибка лежит в основе научной идеологии технологического общества и приводит к тому, что из картины мира выпадает то, что связано с фундаментальными свойствами жизни, человека, всего органично и естественно выросшего. А остаток, сохранивший лишь свойства, типичные для неживого, который действительно можно описать как некую машину, воспринимается как единственно существенная часть мира.

Технологическая цивилизация принесла нам экологический кризис. Между этими двумя явлениями существует глубокая внутренняя связь, так что все

основные черты первого отражаются во втором. Прежде всего это связано с феноменом неограниченного расширения, санкционированного идеологией неограниченного прогресса. Это расширение происходит через, так сказать, расширенное воспроизводство трудностей. То есть когда возникает проблема, связанная с разрушительным действием цивилизации на природу, то проблема решается – но за счет возникновения одной или нескольких новых проблем, как правило связанных с более глубоким воздействием на природу. Цивилизация с каждым шагом как бы подбирается все ближе к самым корням природы. Например, концентрация населения в больших городах ставит вопрос о снабжении их продовольствием, эта проблема снимается механизацией сельского хозяйства; механизация разрушает почву и уменьшает ее плодородие, это преодолевается использованием пестицидов и искусственных удобрений, а это приводит к тому, что отравляются почва, продукты питания, воды и, в конце концов, человечество. Или та же концентрация населения в городах создает жилищную проблему, она решается ростом городов, это создает новые транспортные проблемы, они снимаются за счет массового выпуска автомобилей и дорожного строительства, что приводит к уменьшению обрабатываемой площади земли, нехватке горючего, исчерпанию невозстановимых энергетических ресурсов, отравлению воздуха выхлопными газами и т. д.

Явление неограниченного расширения связано еще с тем, что техника является чрезвычайно мощным инструментом воздействия, так что, как правило, противопоставить ей можно лишь другую технику. Это верно не только в отношении «машинной» техники: если одна воюющая сторона применяет отравляющие

газы, то и другая должна их применять; если одна партия использует разработанную систему пропаганды, то и другим без нее не обойтись и т. д. В результате для устранения травм, наносимых техникой, применяются лишь другие ее формы. Причем в очень широком спектре явлений. Например, после революции 1917 г. у нас стала с колоссальной скоростью расти техника управления – бюрократия, и для исправления дела Ленин сразу же предложил новую бюрократическую организацию: Рабоче-крестьянскую инспекцию (Рабкрин). Так потом и шло через всю нашу историю.

Ситуация даже еще драматичнее. Видимо, сама логика живой природы и технологической цивилизации построены на совершенно разных принципах, они несовместимы. Всякий, интересовавшийся экологией, знает, какую роль в живой природе играет ее организация в форме циклов. Например, трупы и отходы животных поглощаются бактериями, бактерии являются основой роста растений, растения опять поедаются животными. И таких циклов существуют десятки и сотни тысяч. Именно благодаря этой организации в виде циклов все, что в природе производится, ею же и поглощается. Все это противоположно «аристотелевской» логике технической цивилизации. Она вся основана на том, что логика допускает лишь вытянутую в одну линию последовательность вытекающих друг из друга положений. Когда рассуждение приобретает характер цикла, это называется ошибкой, «порочным кругом». С бесконечной, идущей как бы по прямой цепью событий связано и наше представление о времени (в отличие, например, от представления о «циклическом времени», распространенном в античности). И действительно, когда современный человек вторгается в природу, он как раз разрывает эти существующие в природе циклы, откуда,

например, и происходит катастрофическое накопление непоглощенных отходов.

Подчинение природы концепциям научно-технического прогресса навязывает ей совершенно чуждые, несовместимые с нею принципы. Возникает противостояние: человек (технологической цивилизации) – Природа. Поскольку технологическая цивилизация крайне идеологизирована, то она оформляет это противостояние в виде концепции Природы как чего-то несовершенного, косного, низшего, требующего радикального преобразования. Это чувство озлобленного неприятия Природы, всего органически происшедшего лежит в основе таких очевидно вредоносных действий, как отравление Байкала, проект поворота северных рек или коллективизация.

Очевидно, технологическая цивилизация является тупиковой линией развития человечества, ведущей к его гибели. Такой ее характер подтверждается и рядом сопровождающих ее патологических симптомов. Например, в последнее время – распространением терроризма. Обычно он бывает реакцией на нищету и несправедливость – а теперь расцветает в самых богатых и свободных странах. Так, в материально сверхблагополучной Германии все стены исписаны призывами в поддержку так называемого RAF (террористическая банда Баадер-Майнхоф). Гораздо более глубинный симптом – это революции как спутник-двойник, сопровождающие технологическую цивилизацию... Предчувствием их были еще гуситские войны и восстания эпохи Реформации, а затем – «Великие»: английская, французская и русская революции, поражающие сходством даже в мелких деталях. Они не имеют аналогов в других веках или цивилизациях. Античные восстания рабов, средневековая Жакерия, Пугачевщина были

движимы совсем иным духом. Это была естественная реакция на голод или бесправие. «Великие» же революции движимы пафосом полного разрушения, уничтожения всего современного им мира, они дышат апокалиптическим духом. В них ярче всего провозглашается и к ним больше всего привлекает стремление уничтожить порочный мир – а картина «нового мира», который в результате этого возникнет, маячит где-то вдали как бледная тень. Их деятелей, революционеров, социалистов и коммунистов, часто упрекают в том, что в своей гордыне они пытаются заменить Бога, тщась построить рукотворное Царство Божие на Земле. Такая тенденция тоже, конечно, существует, но не она является главным двигателем революций. С гораздо большим правом можно сказать, что их вожди по-другому понимают свое вмешательство в замыслы Бога, что их идеал – это рукотворный конец света.

По-видимому, опасность тупикового, губительного пути развития встречается в Истории не впервые. Например, в конце палеолита усовершенствование техники охоты: облавы с огнем, загон целых стад к обрыву или в искусственные ловушки – привели к истреблению ряда видов, служивших охотничьей добычей. Исчезли мамонты, шерстистые носороги, дикая лошадь. В Пиренеях, в Чехии, Средней России археологи находят громадные скопления костей. Обнаружены десятки тысяч останков лошадей близ стоянки Солютре, тысячи останков оленей около пещеры Гурон. Многие туши оставались неразделанными. Некоторые археологи говорят о «блицкриге» охотников, о глобальном хозяйственно-экономическом кризисе, видимо, аналогичном современному экологическому кризису. Несмотря на многочисленные исследования, остается загадкой: как человечество сумело нащупать выход и

перейти к совершенно иному типу хозяйства – земледелию, к новой социальной организации и к новой системе религиозных представлений.

Есть еще один способ почувствовать уникальность технологической цивилизации. Надо обратить внимание на признак, ярко характеризующий любой тип общества, – его фольклор, сказки, мифы. Для технологической цивилизации все это выражается обычно в форме «футурологии», какой бы вид она ни имела – «научной фантастики» или «смелых научных прогнозов». Мы встречаем очень однородную систему образов. Жизнь среди автоматов, в изолированных капсулах, на далеких планетах, на дне моря или под землей. Обсуждение возможности существования человека в мире, где не осталось ничего живого (кроме разве бактерий), картины полного вытеснения человека из жизни роботами, заявления о необходимости изменить психику и даже физиологию человека так, чтобы он наилучшим образом мог сотрудничать с вычислительными машинами. Покойный советский астрофизик Шкловский развивал концепцию смешанного человечески-кибернетического существа, «кибернетического организма» (киборга). Эта теория, будучи изложенной на престижной научной конференции среди ученых различных отраслей науки, встретила теплую поддержку. В 1960 г. французский журнал «Экспресс» напечатал подборку взглядов наиболее признанных ученых мира (лауреатов Нобелевской премии, членов академий СССР, США и т. д.) о жизни в 2000 г. Среди предсказаний встречается замена всей пищи синтетической или запрет естественного способа человеческого оплодотворения и замена его искусственным осеменением. При этом сперма должна браться от людей, от которых можно ожидать идеального потомства – желательно давно умерших, чтобы

их деятельность можно было объективно оценить. И все сопровождается призывами «сделать человеческую природу благороднее, красивее и гармоничнее»!

Технологическая цивилизация достигла наибольшего развития в Западноевропейском и Североамериканском культурном круге, как определенная линия развития капитализма. Однако ее развитие и установление ее господства во всем мире ни в коей мере не укладываются в привычную антитезу капитализм – социализм. С одной стороны, капитализм – понятие гораздо более широкое, чем технологическая цивилизация. Такие выдающиеся историки античности, как Эд. Майер или Ростовцев, считают, что капитализм существовал уже в античности. И «ранний капитализм» (в терминологии Зомбарта) XVI–XVIII вв. содержал в себе возможность многих линий развития, из которых реализовалась одна, очень специфическая. Точно так же совершенно не очевидно, что рост техники или городов должен был привести именно к этой, современной цивилизации. С другой стороны, основные принципы технологической цивилизации вполне совместимы и с социалистическими принципами. Такое впечатление, что эта цивилизация экспериментировала с обоими вариантами развития (с социалистическим, в частности, мы познакомились в нашей стране). На сегодняшний день кажется, что более эффективным для воплощения ее принципов оказался тот, который связан с капитализмом. Но самый дух технологической цивилизации: отрыв от природы и человека; противопоставление схемы, расчета – органическому развитию, – все это придает технологической цивилизации характер утопизма, близкий духу социалистической утопии¹. Как писал

¹ Подробное сопоставление технологической цивилизации с социалистическим обществом содержится в моей работе (10).

один западный социолог, «современный предприниматель рационален в своих методах, но утопичен – в целях». И те «утопии», которые мы привыкли рассматривать как первые наброски социалистического уклада, возникли-то в период созревания капитализма, начиная с XVI в. Причем о многих из них трудно сказать, что же они живописуют: социалистическое государство или общество, руководимое инженерами и учеными («Новая Атлантида» Ф. Бекона явно относится ко второму типу). У Сен-Симона, знакомого нам «предшественника научного социализма», центр тяжести его системы – в планомерном развитии технического прогресса (и других сторон жизни) под руководством науки, а социалистический ингредиент занимает очень скромное место. Да достаточно прочесть основоположное произведение марксизма – «Коммунистический манифест», чтобы увидеть, как искусственно противопоставление капиталистической и социалистической идеологии. Капитализм играет там роль основной исторической силы, создающей все необходимое для социалистического строя (см. раздел «Буржуа и пролетарий»). «Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль». Она разрушила патриархальные отношения, разорвала феодальные путы. «Она впервые показала, чего может достигнуть человеческая деятельность, она постоянно революционизирует процесс производства и все общественные отношения, сделала производство всех стран космополитическим, вовлекла в цивилизацию все народы, подчинила деревню городу». «За сто лет своего господства она создала более грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения, вместе взятые». Короче, она сделала практически все, и пролетариату остается довольно скромная роль: лишь почти юридическое оформление того факта, что социа-

листическое общество реально создано. Да и у нас после социалистической революции 1917 г. стали решающую роль играть многие явления, которые в Западной Европе или США рассматривались как типичные проявления развитого капитализма. Много примеров приведено в моей цитированной выше работе. Удивительное впечатление производят некоторые совпадения, имеющие вид как бы цитат. Например, мысли Зомбарта, что капиталист является колонизатором в собственной стране, параллелен призыв нашего идеолога «научной организации труда» 20-х годов А. Гастева, обращенный к «строителям новой жизни»: «Мы должны стать колонизаторами собственной страны».

Резюмируем основные черты технологической цивилизации, детально рассмотренные выше:

1. Живое постепенно заменяется техникой, город вытесняет деревню, уничтожается Природа.

2. Все быстрее растет население и объем производства. Жизнь потеряла стабильный характер. В результате – экологический кризис.

3. Человек включается как составной элемент в производственный процесс, надобностям которого подчиняются непосредственные человеческие цели.

4. Жизнь регулируется концепциями механистической науки, первоначально сложившейся как наука о мертвой материи. Мораль подчиняется критерию «эффективности».

5. Жизнь нивелируется и стандартизируется в масштабе всей Земли. Создается управляемое сознание.

6. Господствует утопический тип мышления: создаются абстрактные, рассчитываемые схемы, согласно которым потом радикально переделывается жизнь.

Многие из размышлявших об этой цивилизации предлагали в качестве ее символа или идеала такой

образ: природа, включая человеческое общество, превращается в единую, идеально действующую машину, в которую отдельные люди включаются как ее детали, «винтики», или загружаются как однородная масса сырья.

С каждым десятилетием специфические черты технологической цивилизации приобретают все более утрированный характер. Может создаться впечатление, что эпоха живого, занявшая последние несколько миллиардов лет, приходит к концу. Определяющей силой становится хоть и созданная человеком, но все более подчиняющая его себе техника: неживая структура, к которой не применимы категории смысла, цели или красоты. Это как бы возвращение материи в первобытный хаос, Ничто. Естественно, что такой эпохе созвучно мироощущение гибели древних богов, катастрофы, «конца мира».

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ

Технологическая цивилизация относится к числу явлений, возникающих в пределах совершенно определенной группы народов и в определенный исторический период – а уж потом распространяющихся по всему миру, подчиняя себе другие культуры. Большая часть человеческих дел творится иначе: одни и те же явления возникают в любых ситуациях, когда созреют необходимые условия. Так, совершенствование орудий труда, возникновение земледелия и скотоводства, появление городов и государств происходило единообразно в самых отдаленных друг от друга частях земли. Например, в индейских государствах Центральной и Юж-

ной Америки европейцы столкнулись с ирригационным земледелием, крупными городами, централизованными государствами или многолетними астрономическими наблюдениями – совершенно того типа, что были известны в Старом Свете. Зато невозможно себе представить, чтобы ислам зародился, например, в Индии или Западной Европе в какой-либо период их истории. В одном письме Моцарт удивляется, почему вся его музыка имеет некий специфический «моцартовский» характер, столь же для него характерный, как его длинный нос. Таковы великие художественные произведения, и далеко не только они. Точно так же технологическая цивилизация несет на себе неизгладимые признаки породивших ее западноевропейских народов и исторической эпохи, когда она возникла.

Если, как делает, например, Зомбарт, относить возникновение «высокоразвитого капитализма» к XVIII в., то идеологическую подготовку технологической цивилизации можно отнести к XVI и XVII вв. Так что если бы в начале XVII в. какая-то эпидемия уничтожила население Западной Европы, то мне кажется несомненным, что технологическая цивилизация не появилась бы вообще. И в античности, и в исламском мире можно обнаружить капитал, быстрый рост населения, появление больших городов. Античность знала и экологический кризис: разрушение почвы земледелием, отравление воздуха дымом в больших городах, истощение копей, отравление питьевой воды свинцом в водопроводах и т. д. Но все эти явления не достигали порога общемирового кризиса и не видно признаков того, чтобы из них могло возникнуть то парадоксальное явление, которое мы пытались описать в предшествующем разделе.

Идейные течения, подготовившие технологическую цивилизацию, связаны с грандиозным духовным кри-

зисом, который Западная Европа переживала в XVI в.: Реформацией. Поворотным пунктом в понимании того влияния, которое Реформация и протестантизм оказали на идеологию технологической цивилизации, явилась работа М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (7). Именно она положила начало изучению духовных основ этой цивилизации. (Из более поздних работ см., например, Тауни –11.) Толчком для Реформации послужили, как обычно говорят, пороки католической Церкви, особенно проявившиеся в позднем средневековье: торговля индульгенциями (отпущением грехов), продажность и распущенность духовенства, праздность и жадность монахов, почитание реликвий и торговля ими, неслыханное обогащение Церкви и вмешательство ее в светскую политику. Но со всем этим боролось и весьма влиятельное течение католической реформации. Лютер же и его сторонники очень быстро пришли к полному разрыву с католицизмом по фундаментальным вопросам о взаимоотношении человека, мира и Бога. В основу своего учения Лютер положил принцип «оправдания только верой». С его точки зрения, добрые дела не оказывают влияния на спасение души, которое дается лишь милостью Бога и достигается лишь верою. Благодаря этому исчезает роль мира и человеческого общества как места встречи человека и Бога, как «пути спасения», религия приобретает гораздо более абстрактный, не связанный с миром характер. Рушится и роль Церкви как посредника между человеком и Богом: каждый честный христианин объявляется священником, упраздняется 5 из 7-и церковных таинств, культ Богоматери и святых, поклонение мощам, иконам и статуям святых. Но красота богослужения, иконы, статуи и цветные стекла храмов – это был путь проникновения божественного в наш мир. Святые, например, как бы со-

единяли людей с небом. Они, как правило, были очень индивидуальны, имели специальные функции и были связаны с местом своего жития. В этом отношении их можно сопоставить с «местными героями» античности. Крайним, но далеко не единичным примером воздействия таких переживаний на жизнь может служить явление святых (архангела Михаила, св. Екатерины и св. Маргариты) Жанне д'Арк, подвигнувшие ее стать во главе освободительной войны французов. Стремясь одухотворить и возвысить религиозную жизнь, идеология реформации в значительной степени десакрализовала мир, лишила его высшей, божественной ценности, порвала эмоциональные связи человека с миром. Вселенная превращается в духовно-чуждую, не защищенную никакими симпатиями среду человеческой деятельности. Это и была одна из основных предпосылок для развития технологической цивилизации.

Более радикальной ступенью протестантской идеологии был кальвинизм. Кальвин бежал из Франции в Швейцарию и ввел в середине XVI в. в Женеве теократическое правление. Его учение оказало наибольшее влияние во Франции в движении гугенотов (гугенотские войны, XVI в.), в Нидерландах (революция XVII в.) и в Англии, в течении пуритан, бывшим основой как Английской революции XVII в., так и первоначального развития североамериканских колоний.

Основой кальвинизма является учение о предопределении. Макс Вебер (7) приводит цитату из «Вестминстерского исповедания» 1647 г.: «Бог решением своим и для прославления величия своего предопределил одних людей к вечной жизни, других присудил к вечной смерти». «Тех людей, которые предопределены к жизни, Бог еще до основания мира избрал для спасения во Христе и вечного блаженства (...) из чистой свободной милости

и любви, а не потому, что это имеет причину или предпосылку в вере, добрых делах и любви...» «И угодно было Богу по неисповедимому решению и воле его (...) для возвышения власти своей над творениями своими лишить остальных людей милости своей и предопределить их к бесчестию и гневу за грехи их, во славу своей высокой справедливости».

Согласно пуританской идеологии прилагать земные масштабы «справедливости» к действиям Бога – бессмысленно и оскорбляет Его величие. Точно так же бессмысленно думать, что человек способен своими делами изменить решение Бога – это значит думать, что человек способен ограничить Его свободу. «Избранные», согласно Кальвину, составляют незначительное меньшинство, обычно в пуританской литературе они называются «святыми». Их избранность открывается им в процессе особого переживания, называемого «вторым рождением». Но и потом всякая встреча Бога и человеческой души полностью исключается ввиду абсолютной трансцендентности Бога для твари. Общение Бога с избранными Им осознается ими и осуществляется только благодаря тому, что Бог действует в них. Успех в их мирской деятельности (независимо от ее цели) является единственным подтверждением избранности. Таким образом, работа для них отрывается от обычных человеческих целей и приобретает характер религиозного служения. Основное переживание «святых» – было ощущение пропасти, отделяющей их от остального человечества, «обреченных». С другой стороны, их обычно не оставляли мучительные сомнения в подлинности их избранности, которые был способен устранить лишь успех в их делах. Здесь и лежит загадка таинственного феномена – как фаталистическая идеология кальвинизма породила такой необычайный

подъем энергии: Английская революция XVII в., промышленная революция в Англии, создание Соединенных Штатов. Пуритан самих поражило это явление. Проповедник из Массачусетса, Джон Коттон, писал: «Есть удивительная комбинация добродетелей, смешавшихся в каждом истинном христианине. Это – прилежание в мирских делах и в то же время состояние смерти для мира. Тайна, которую не может постичь не переживший ее». Пуританин обитает как бы в чужой земле, его дом – вне его жизни, грех уничтожает почти всю радость мира. И все же он должен быть полезным и надежным членом мирского общества, семьи, церковной общины. В поучениях указывались пути отстранения «святого» от мира. Красота в церковном обряде обличалась как «завораживающая совесть». Во время правления Кальвина в Женеве запрещались песни, танцы, семейные праздники (12). Родителям внушалось, что они не должны слишком любить детей, слишком привязываться к ним, всегда быть на чеку, чтобы удерживать их на расстоянии. Даже буквари пуритан были наполнены упоминаниями о бренности жизни. Например, на букву «К» был стих: «Ксеркс умер, хоть был он великий царь. Умрешь и ты, как вся прочая тварь». И множество подобных изречений (13).

Идея **воплощения Бога** как некоторое глубинное соприкосновение Бога с миром была чужда кальвинизму. Христология в нем была развита очень слабо, оно было гораздо ближе Ветхому Завету, это видно хотя бы по числу цитат. Во время правления Кромвеля один из его сподвижников, полковник Гаррисон, предлагал даже ввести в Англии Моисеев закон. При Кальвине в Женеве стали исчезать традиционные женевские имена: Амадеус, Клавдий – и появились Мордохеи, Мельхиседеки, Захарии (14).

Конечно, реформация и идеология технологической цивилизации не находятся в таком простом взаимоотношении как причина и ее прямое следствие, да такое вряд ли и бывает в истории. Видимо, это был сложный, многокомпонентный процесс. В XVI и XVII вв. параллельно протестантизму развивалась идеология механистической концепции мира, скорее всего, воздействие было взаимным. Так, Мерсен мечтал заменить «Подражание Христу» – «Подражанием божественному Инженеру», Гоббс сравнивал человека с автоматом, а государство – с «искусственным человеком» и т. д. Сама Реформация опиралась на такие более ранние течения западноевропейской культуры, как «немецкая мистика», многочисленные еретические движения. Тем не менее в этой сложной мозаике протестантизм выделяется как центральная идеологическая концепция, связанная с первым этапом развития идеологии технологической цивилизации. Вряд ли можно сомневаться в том, что технологическая цивилизация является духовным движением, имеющим религиозные корни, и эти корни ведут в протестантизм и кальвинизм. В дальнейшем религиозное мироощущение в ней ослабло и даже полностью выветрилось, его место заняла мистика «мертвого мира» – мира машины.

То влияние, которое идеология протестантизма оказала на развитие технологической цивилизации, обсуждалось неоднократно – правда, обычно применительно к определенным аспектам этой цивилизации. Наиболее известна цитированная выше работа М. Вебера (7). В ней показано, как протестантская (в основном, кальвинистская) этика помогла сломать «традиционный» тип мышления, ориентирующий труд и социальную деятельность на достижение реальных человеческих целей, – чтобы утвердить идеал

экономической деятельности как «служения» (сначала религиозного), как самоцели, как бесконечного, ничем не ограниченного процесса.

Другая яркая попытка в аналогичном направлении принадлежит историку культуры Линну Уайту (15). Он рассматривает влияние не протестантизма, а шире – христианства (может быть, точнее: западного христианства) на один из аспектов технологической цивилизации – экологический кризис. По его мнению, христианство является духовным источником и основой экологического кризиса. Им написана яркая книжка «Махина экс деус», где он, перевертывая известное выражение «Деус экс махина» (бог, выходящий в античном театре из театральной машины), доказывает, что наоборот, машинная цивилизация и экологический кризис вышли из христианского понимания Бога. По его мнению, христианство вытеснило более древнее анимистическое восприятие мира, согласно которому вся природа одушевлена и тем самым родственна человеку, деревья и источники имеют своих духов, местные божества. Христианство, согласно Уайту, оторвало Бога от мира, признало лишь человека сотворенным по образу Божьему и тем дало право человеку по произволу использовать природу для своих надобностей. Человек, по крайней мере в его самой ценной части, исключается из природы, из его отношения к природе устраняется всякий эмоциональный элемент, сочувствие ей. Этим открывается дорога к безжалостной эксплуатации природы. С другой стороны, христианство, утверждает Уайт, создало концепцию прямолинейного движения к идеальной цели, породившую идеологию прогресса, – и даже разработало схему сменяющихся друг друга фаз в этом движении. Эта схема сменяющихся фаз идет от Иоахима Флор-

ского, итальянского аббата XII в., проповедовавшего смену трех эпох человеческой истории: Отца, Сына и Святого Духа. И сейчас, полагает Уайт, мы живем в мире «согласно христианским аксиомам». Так, марксизм он считает одной из иудео-христианских ересей.

Впрочем, черты, связанные с идеологией технологической цивилизации, Уайт считает в большей мере свойственными западному христианству (католицизму и протестантизму), чем восточному (Православию). Для последнего, по его мнению, характерно восприятие природы как образа, проявления Бога. Этим он и объясняет малый интерес к техническому развитию в Византии. Даже и в Западном христианстве Уайт отмечает различные течения. Так, он особо выделяет Франциска Ассизского с его проповедью смирения не только отдельного человека, но и человеческого рода. Для св. Франциска муравей и огонь – «братец муравей» и «братец огонь». Франциска Ассизского, говорит Уайт, экологи могли бы выбрать своим святым покровителем.

Несомненно, к этому же кругу вопросов относятся очень яркие мысли, высказанные Розановым (16). Во времена Розанова не говорили об экологическом кризисе или технологической цивилизации. И взгляды Розанова гораздо радикальнее: он полагает, что христианство вообще уводит человека из мира и ведет его к смерти. Оно учит, что весь мир лежит во зле, что не следует любить ни мира, ни того, что в мире, что враги человеку – домашние его, что надо возненавидеть своего отца, мать, жену, детей, братьев и сестер, а также и саму жизнь свою. Розанов говорит, что христианство – это «религия, в центре которой – гроб, религия мертвого Бога». «Только христианство попыталось разрушить недра мира, как бы проколоть иглою мировой зародыш, зародышевое начало мира,

зародышевую сущность мира». Идеал христианства – иночество, а это означает отрицание «дома», хозяйства, семьи. «...глубочайше будет разрушен тип социальной жизни – разрушен не в бытовом, а в психологическом корне, т. е. более глубоко. Это есть то разрушение, на месте которого ничего не вырастает. Не менее разрушается тип истории (...). Будущее не нужно тому, у кого не будет потомства». Розанов устанавливает связь так им понимаемого христианства с современным мировоззрением: «Как ни странно сказать, но европейское общество, в глубочайшей супернатуральности своей, в глубочайшем спиритуализме, в глубоком идеализме... создано иночеством». «Аромат европейской цивилизации, даже атеистической, совершенно даже светской и антихристианской, – все равно весь и всякий вышел из кельи и инока».

Мы имеем здесь целый спектр точек зрения, хотя и различных, но обладающих общим ядром. Разумеется, все они вызывают и вопросы, и возражения. Уайт, собственно, сам и ставит очень интересный вопрос, когда противопоставляет друг другу Западное и Восточное христианство. В первом – взлет технических интересов: многообразие и тонкость механических усовершенствований поражало путешественников из Византии, посещавших Италию уже в XV в. Во втором – отсутствие технического прогресса после VII в., когда был изобретен «греческий огонь». Но тогда, значит, загадка рождения технологической цивилизации лежит в особенностях западноевропейских народов, так как в Византии то же христианство не привело к подобному результату. Что касается Розанова, то его произведения, по моему мнению, не рассчитаны полностью на логический анализ. Легче всего поймать его на противоречии – например, на том, что он ужасается

«религии, в центре которой – гроб, религии мертвого Бога», как будто не слышал о Воскресении. Или даже еще убедительнее – указав на искреннее, душевное описание чувства успокоения и утешения, испытанного им самим после обедни, поставленной в церкви свечки – и это рядом с яростными антихристианскими инвективами. Ему важнее было передать зреющую в нем идею, чем придать ей логически безупречную форму. И чувствуется, что у него есть какая-то очень нетривиальная мысль. Ведь цитаты, которые он приводит, – не фальсифицированные. И подлинна описанная им страшная история 25 старообрядцев, закопавших себя, с маленькими детьми, «в ямы» – точно так же, как это делали в XVII в. последователи фанатического аскета старца Капитона, еще до раскола.

Видимо, никакая религия не дает человеку гарантии найти «спасенья узкий путь». Углубление религиозного сознания дает большую свободу – со всеми вытекающими опасностями. Человек как бы становится вместо «одномерного» существа, способного двигаться вдоль определенной линии – «трехмерным», он способен перемещаться в любых направлениях пространства. Но свобода выбора остается, и он избирает иногда поразительные пути. Не случайно, видимо, что так много страшных явлений связано с религиозными представлениями: религиозные войны, преследования еретиков, инквизиция. А в более ранние эпохи – «охота на ведьм» во всех архаических обществах, человеческие жертвоприношения, каннибализм, охота за головами. Каннибализм, например, по словам этнографов, всегда имеет религиозный характер. И широкое его распространение связано не с каким-то «самым низким» уровнем развития общества, а со вполне определенной цивилизацией, где религиозные церемонии связаны с

широким употреблением масок, где в племенах существуют так называемые тайные союзы – охотников, юношей – и в которой возникают самые ранние формы земледелия. Враги религии говорят, что она приносит человечеству зло. В каком-то смысле приносит и зло, но дело в том, что без религии человеческое общество гибнет. Так, большинство этнографов приходит к выводу, что гибель многих народов при столкновении с европейской цивилизацией объясняется не чисто материальными причинами – иногда, например, европейцы даже приносили более эффективные методы медицины. Истинная же причина была – разрушение религиозных представлений этих народов, в результате чего они быстро вымирали. То есть человек в принципе осужден на существование в двух мирах – в этом мире и некоем «мире высшем», связь их и осуществляет религия (само это слово и значит – связь). Если Розанов говорит, что Иисус это и есть «тот мир», вторгающийся в «этот», то он прав и даже шире, чем сам утверждает, – это верно по отношению к любой религии. Любая из них основана на представлении о «том мире», в котором скрыты ответы на вопросы этого, в котором как бы спрятан его смысл. Так процесс излечения больного шаманом обычно связан с обращением к силам «иного мира». Шаман (или его душа) поднимается по «дереву жизни» или улетает птицей в верхний мир и ищет там душу больного. Иногда в этих поисках шаман проходит через три неба или девять небес. Он торгуется с богами, обещая им жертвы, или борется с враждебными духами. Если ему удастся найти душу и донести ее до больного, то наступает исцеление. Это – простейшая модель всех религиозных концепций: обращение к «миру горнему» для решения иначе неразрешимых проблем нашего мира – находится в основе любой из них.

И когда Розанов говорит, что христианство – это «религия, в центре которой – гроб», то он тоже прав в более широком смысле, чем даже утверждает. Гроб, а вернее – труп, находится в основе древнейших религий. Один из древнейших мифов – это что космос создан из трупа убитого животного. Он встречается у множества народов Южной Америки, Африки. Животные же, из которых создается мир, это и анаконда, и страус, и гигантская змея. В Месопотамии центральный миф утверждал, что мир создан из чудовища Тиамат убившим его богом Энлилем. Такой миф был известен грекам, его отголоски есть и в нашей «Голубиной книге». «Иной мир» является и миром мертвых, туда они уходят, там обитают. Поэтому соприкосновение с ним подразумевает и соприкосновение со смертью. Духовная жизнь архаических обществ концентрируется вокруг религиозных ритуалов, называемых обычно «ритуалами перехода», т. к. они связаны с переходом человека в иное социальное состояние: из юношей в полноправного члена племени или в число женатых или в положение колдуна, шамана, вождя и т. д. И каждый такой ритуал в очень яркой форме изображает смерть человека и его рождение в новом состоянии. Как говорит Элиаде (17), всякий ритуал перехода олицетворяет смерть – но при этом и смерть становится лишь одним из ритуалов перехода, переходом в высшее состояние. Таким образом, смерть находит место в жизни, она «побеждается», хотя и за счет того, что человек многократно соприкасается с нею в «ритуалах перехода». Это как бы разрешение вопроса «откуда в мире Зло?», по крайней мере крайнее Зло – Смерть, т. е. нечто вроде теодицеи архаического общества. В современном же мировоззрении смерть максимально вытесняется в подсознание, но и становится за счет этого лишенным смысла провалом

в Ничто. Остается лишь ее панический страх, обычно также вытесняемый в подсознание. (Лоренц обращает внимание на одну из основных черт современной цивилизации – все увеличивающийся темп перемен – и говорит, что как специалист по психологии поведения может предложить лишь одно объяснение такой все ускоряющейся гонке: тайный панический страх. Очевидно, страх смерти.)

Все религии основаны на вторжении «того мира» и на соприкосновении со смертью, введении ее как постоянного элемента религиозного переживания. Конечно, это очень страшная вещь, это и связано со «страхом Божиим». Хотя это совсем иной страх, чем панический, подсознательный ужас, вызываемый идеей смерти в современном человечестве. И чем сильнее религиозное переживание, тем ярче проявляются эти черты и тем шире спектр их возможных реализаций в жизни. В этом смысле любая религия похожа на огонь: он согревает жилище, помогает жить в местности иначе непригодной для обитания – но он может это жилище и сжечь, на нем можно сжечь и человека. Г. М. Прохоров (18) приводит цитату из «Слова о житии и о преставлении Великого князя Дмитрия Ивановича Царя Русского», где для характеристики религиозного рвения князя используется такое же сопоставление: «Сего же рвение к Богу тако бывает, яко огонь дышает скважнею». По поводу византийского мистического течения исихастов и находившихся под его влиянием русских святых: Сергия Радонежского, Нила Сорского и др. Г. М. Прохоров говорит, что они «нащупали какую-то скважину в глубине человеческой души. Из этой скважины начал бить свет (...) что-то от этой внутренней озаренности стало отличительной чертой новой и новейшей русской литературы». В несравненно большем

масштабе то же происходит и со всем христианством. Оно тоже «нащупало скважину», соединяющую человеческую душу с «миром горним». И из нее с непредставимой дотоле силой «огнь дышает скважнею» – а человечество пытается понять, как ему жить при свете и жаре этого огня. Ту же идею выражают слова «потому что в огне открывается и огонь испытает дело каждого, каково оно есть» (I Кор 3 : 13).

Но свобода того, как пользоваться этим «огнем», остается в руках человека. В частности, любой человек и любой народ, принимающий в свое сердце христианство, самостоятельно его «прочитывает». То, что пишет Розанов, – это его, розановское прочтение: христианство как отрицание мира, путь к уничтожению мира и человека («огонь», сжигающий мир). Но поразительно то, что почти таким же оказалось «прочтение» западно-европейского человечества. С той разницей, что Розанов это «прочтение» ужаснуло, и он воспринял его как **приговор** христианству. Европейское же общество приняло его за свою духовную основу, реализовав в форме технологической цивилизации.

Основу любой религии составляет тайна связи этого мира и «мира высшего», или иначе – человека и Бога. Логически допущение такой связи противоречиво, она постигается лишь религиозным переживанием. В христианстве она осознается через концепцию боговоплощения. Человеческая история находит свой источник и свое обоснование в этом акте, и так же точно любой народ, принимая христианство, этот акт повторяет. Принятие христианства есть **воспроизведение боговоплощения**, в котором таким же образом осуществляется соприкосновение двух разных миров. Эта очень старая формула имеет удивительно емкое конкретное содержание. Христианство «воплощается» в народе (или

целой группе народов), одеваясь «плотью» его предшествующей истории, культуры, национальной традиции, пронизывая и освящая их. Индивидуальность народа при этом не только не утрачивается, но приобретает новые грани, а часто впервые осознается. В этом смысле мне не кажется столь еретическим выражение Лютера «Немецкий Бог» (Deutscher Gott), которым его так часто попрекали. Он, видимо, имел в виду это конкретное «воплощение» христианства в германских народах. Тот же смысл можно видеть и в часто употребляемом выражении «Русский Бог» или «русский Христос» – у о. С. Булгакова (19).

Именно так воплощение христианства в эллинистическом Востоке и эллинской культуре породило Восточное, Византийское христианство с его великими богословскими системами. Воплощение в Западно-Римском мире с его идеей мировой империи и мирового порядка создало католицизм. Видимо, совершенно специфический плод дало воплощение христианства в народах Центральной и Южной Америки – в основном, среди метисов и индейцев, наследников доколумбовских цивилизаций. Силы, которые оно создало, проявились хотя бы в войнах «Христерос» (солдат «Царя-Христа») в 20-е годы нашего века, в которых мексиканские крестьяне отстаивали свою веру против жесточайших гонений. Или позже – в «Теологии освобождения».

Христианство пришло и в мир германских народов, центральный миф которых содержал предсказание гибели земли, откровение о силах хаоса, временно связанных богами порядка, о Волке и мировом Змее, которые освободятся и уничтожат Космос. В «Эддах» счет суток ведется не на дни, а на ночи, счет годов – не на лета, а на зимы и т. д. Христианство германских народов дало, например, теологию Мейстера Эккарта с его

учением о «бесформенной и пустынной бездне Божества», где душа «теряет все желания, образ, понимание, форму и умирает своею высшей смертью». Из того же источника возник и протестантизм. В конце этой линии развития мы видим зарождение технологической цивилизации: материальное создание «бесформенной и пустынной бездны», технологического Ничто, в котором человеческая индивидуальность, душа – «умирает своею высшей смертью».

РУССКОЕ «ДВОЕВЕРИЕ»

В России, как и в других цивилизациях, христианство было воспринято народом, уже обладавшим глубокой культурой и сложившимся мировоззрением. Оба встретившиеся таким образом аспекта единой Истины оставили неизгладимый след в русской душе. Их сосуществование чаще всего характеризуется термином «двоеверие». Термин старый, употребляется еще в житии Феодосия Печерского, где, однако, обозначает поведение людей, способных хвалить и свою и чужую веру. Но утвердился он в применении к русскому мужику как характеристика его якобы ущербного религиозного сознания, когда он, формально исполняя ритуалы Православия, сохраняет и веру в языческие божества. Употреблялись и другие термины: православно-языческий синкретизм, синтез, амальгама. Мне представляется в соответствии со сказанным в предшествующем параграфе, что возникшее сложное явление гораздо полнее характеризует формула Символа Веры: «Нас ради человек и нашего ради спасения воплотившегося...». То есть Православие «воплотилось» в духовное тело языческой

Руси и их встреча наиболее содержательно понимаема в тех же категориях, которые применяются к боговоплощению или св. причащению.

Какова же была та «плоть», которой облеклось Православие на Руси? О язычестве дохристианской Руси существует большая литература. Но она поражает скудностью тех источников, на которых основывается, что приводит, конечно, к большому произволу в их толковании. В качестве основных источников используются проповеди православного духовенства против остатков язычества и другие указания на языческие верования, сохранившиеся в литературе Древней Руси. Но если, в духе сказанного выше, при крещении Руси произошло нечто, подобное воплощению, то «плоть», участвующая в этой Встрече, не погибает, но живет дальше, преобразованная. Поэтому естественнее всего обратиться к религиозной жизни преобладающей части русских: крестьян, недаром ведущих само свое имя от христиан. Тем более что до XVIII в. такой же была религиозная жизнь всей Руси. Сверх традиционного Православия в духовной жизни деревни, вплоть до XIX в., громадную роль играли некоторые стандартные коллективные действия, обычно называемые «календарными» или «земледельческими» праздниками: это Масленица, Святки, Иван Купала, русальная неделя и т. д. Они обычно были приурочены к определенным христианским праздникам, но не укладываются в рамки христианского культа. С другой стороны, они были сильно ритуализированы, в них легко узнаются ритуалы некоторой земледельческой религии. Сейчас этнографы и историки религии подробно описали древнюю религию с колоссальным ареалом распространения – поистине, «мировую религию», – ритуалы которой очень близки «календарным праздникам» русской деревни. Так что соблазнитель-

но предположить, что в какой-то значительной части своих основных верований и религиозных концепций религия дохристианской Руси была близка этой древней религии. И, наконец, сделаем еще одно уточнение. Возможно, что, например, в дохристианском Киеве существовал пантеон богов, в чем-то аналогичный пантеону древних греков или римскому, индийскому или древнегерманскому пантеону. Но следы этих верований быстро теряются, они были полностью вытеснены христианством. Нас же интересуют те религиозные представления, которые сохранились в какой-то форме до прошлого века, еще тогда были важной составной частью духовной жизни русской деревни и вероятно оставили след, сохранившийся в наших душах и до сих пор. Вот они-то и выражались в «календарных праздниках», так поразительно похожих на ритуалы древней земледельческой религии.

Когда речь идет о «древней религии», то древность ее утверждается на основании сопоставления с известными мифами и ритуалами древних народов. Саму же религию удалось наблюдать еще в нашем веке у ряда архаических обществ. Среди этих наблюдений наиболее яркие принадлежат немецкому этнографу А. Иенсену (20). Именно они дали толчок к тому, чтобы выделить этот комплекс религиозных представлений как широко распространенную «мировую религию».

Иенсен проводил исследования в течение нескольких лет на острове Церам (Молуккские острова). Центральный миф религии туземцев состоит в следующем. Некогда Землю (или их остров?) населяли существа, которые были ни люди, ни животные. Они назывались Дема. Они не ели и не трудились, были бессмертны и не размножались. Им было неведомо земледелие или охота. Они поклонялись богине по имени Сатене, оби-

тавшей на горе на том же острове. Однажды среди них появилась волшебная девушка по имени Хайнувеле. У Дема существовал праздник, когда они 9 ночей подряд танцевали ритуальный танец, в котором мужчины образуют сложные фигуры типа спирали. Ночь за ночью Хайнувеле являлась на праздник и одаряла участников подарками. По какой-то неясной причине (уязвленное самолюбие?) это их раздражало, и на 9-ю ночь они ее убили. Приемный отец нашел тело Хайнувеле, разрубил его на части и закопал их в землю. Из них возникли культурные растения и домашние животные. Потом богиня Сатене построила лабиринт и приказала всем Дема идти через него к ней. Кто не мог найти выход, становился животным или духом, кто находил – человеком, смертным и способным к размножению. Сатене объявила людям, что больше не будет с ними жить, так как они совершили убийство. Она уходит в подземный мир, и, только умерев, они смогут вновь прийти к ней. Но для этого они должны преодолеть ряд трудностей (пройти по мосту из лиан над пропастью и т. д.), в чем им помогут совершаемые при жизни ритуалы. С тех пор при церемониях посвящения, когда мальчики становятся мужчинами, способными убивать и зачинать, все это священное предание воспроизводится в форме ритуала, центром которого является танец. В нем танцоры образуют сложные фигуры, напоминающие лабиринт. В разных вариантах аналогичные ритуалы сопровождают ситуации, в которых вообще возникает нечто новое (рождение ребенка, постройка нового дома и т. д.). Ритуал включает также убийство и поедание жертвы – животного или человека.

В очень многих районах мира была обнаружена система религиозных представлений, хоть в деталях и отличающаяся от описанной выше, но основывающаяся

ся на центральном мифе совершенно того же типа. Он содержит такие основные элементы: а) **идею «грехопадения»** из некоторого первоначального идеального состояния – в теперешнее. В результате в жизнь входит смерть, убийство и половое воспроизведение. Но сам акт «греха», вызывающий такое превращение, уже состоит в одном из этих действий: убийстве или половой связи; б) **концепцию жертвы**. Жертвой является обычно сверхъестественное существо – девушка или юноша. Это волшебное существо никогда не сопротивляется убийству, часто знает о нем и даже уговаривает людей совершить его, так что речь идет о добровольной жертве божественного существа. Во всех вариантах присутствует основная идея – что жизнь может возникнуть только из жизни. Только в результате жертвы божественного существа возникает качественно новая жизнь. В культурном круге, охватываемом описанным выше мифом, речь идет о новом укладе жизни, основанном на сельском хозяйстве: земледелии (самом примитивном – мотыжном, а не плужном с выращиванием клубневых, а не зерновых растений) и содержании домашних животных (в основном самого древнего – свиньи). Поэтому и сама религия иногда называется «раннеземледельческой»; в) **периодическое возвращение** в ритуале к первоначальному мифическому событию. Миф, заново воспринимаемый в ритуале, создает переживание, которое отдаленно можно сопоставить с нашим «пониманием» мира: Космос приобретает осмысленность. Центральной частью ритуала является приобщение к божественному существу путем поедания воплощающей его в этот момент жертвы. Те же действия обеспечивают человеку посмертное существование. Жертвой является либо животное, либо человек. Его убийство и поедание ассоциируется с убийством

домашних животных или срыванием (или вырыванием из земли) плодов и их поеданием.

Ритуалы обычно сопровождаются применением разнообразных очень ярких масок: зверей, покойников, духов. Применение масок является типичной отличительной чертой раннеземледельческих религий.

Очевидная связь этого круга мифов с возникновением примитивного земледелия заведомо не сводится просто к идеологическому отражению или осмыслению нового экономического уклада. Так, у некоторых индейцев Калифорнии то же место, что пальма в полинезийских мифах, занимает дуб, с которого собирают желуди, но который – не культурное растение. У других место свиньи занимает тапир – дикое животное, хотя и похожее на свинью.

Бросаются в глаза многочисленные параллели описанной системы религиозных представлений с христианством. Вплоть до того, что центральный миф племени уитото на юге Северной Америки начинается словами: «В начале было Слово и Слово было у Бога» (под Словом подразумевается здесь сам миф). Очевидно, это как бы предвидение или «предчувствие» христианства. Здесь можно видеть очень интересную конкретную реализацию положения Тертулиана: «Человеческая душа – урожденная христианка». Сходные взгляды высказывал Шеллинг (21): «Уже во все время язычества Христос был в непрерывном пришествии, хотя Он в действительности пришел, лишь когда исполнилось время», «Христианство не вышло из одного только иудаизма, оно в такой же степени имеет в качестве своей предпосылки и язычество, лишь потому его возникновение есть великое всемирно-историческое событие».

Система таких религиозных представлений описана этнографами в Полинезии, Индии, Африке, на Юге

Северной Америки, в Центральной и Южной Америке. Вскоре после того, как Иенсен опубликовал «миф Хайнувеле», специалисты по классической Греции – например Кереньи (22) – обратили внимание на многочисленные аналогии с мифом о богине-деве: Коре-Персефоне. Персефона – дочь Деметры, древней богини Земли (Ге-Метер: Мать Земля). Подземный бог Аид увлек ее дочь Персефону под землю, она была поглощена разверзшейся пропастью. За это Деметра запретила произрастание злаков. В результате Зевс положил, чтобы Персефона находилась под землей $\frac{1}{3}$ года. Подобно семени или клубню она выходит на свет «чуть наступит весна и цветы благовонные густо черную землю покроют». Деметра же, встретив четырех царей, повелевает им учредить Элевсинские мистерии. Это был тайный ритуал, видимо повторявший миф о похищении Персефоны под землю и ее освобождении. Известно, что в значительной части он состоял из танца, в котором посвященным открывался тайный смысл мифа. Посвященные в мистерии приобретали надежду на счастье за гробом, чего не могла предложить религия олимпийских богов. Как говорит Цицерон, «Элевсинские мистерии не только учили человека жить достойно, но и давали ему благородную надежду после смерти». Имеются и некоторые поразительные совпадения в деталях. Например, с культом Деметры и Персефоны тесно связана свинья, которая не принадлежала к числу наиболее важных для хозяйства древних греков домашних животных. В орфическом варианте мифа свидетелем похищения Персефоны является свинопас, стадо которого поглощается землею вместе с нею. Он рассказал Деметре о похищении и в благодарность вынес на свет хлеб. Свинья была главным культовым животным Деметры. В начале полевых работ жрец Деметры бросал жертвенного

поросенка в пропасть. Его разложившееся мясо потом закапывалось в разных частях поля. Наконец, танец в виде лабиринта напоминает мифологический Лабиринт на Крите. Эванс раскопал там оркестру, на которой был выложен спиралевидный узор. Существует предположение, что Лабиринт – это танец. Так, Лукиан, перечисляя танцы, известные на Крите, упоминает Лабиринт. Плутарх рассказывает о танце «Журавль», введенном Тезеем на Делосе в подражание Лабиринту. И Вергилий говорит, что вернувшиеся с Крита спутники Тезея «танец вели круговой и Тезей дирижировал хором» (см. 23). Конечно, не только в мифологии классической Греции встречаются подобные параллели. Например, в «Ригведе» рассказывается об убийстве богами бога Сома. Его смерть производит жизнь: растительную, животную. Выжимание опьяняющего растения Сома является каждый раз повторением мифологического убийства. Напиток дает богам бессмертие, но так же и людям – только через продолжение рода. С этой же религиозной идеей тесно связаны убиваемые и возрождающиеся боги в религиях государств Средиземноморского круга: Озирис, Адонис, Аттис. Религия убиваемого и воскресающего бога подробно описана Фрезером (24), указавшим на широчайшее ее распространение. Четким признаком, отличающим ее от религиозных представлений раннеземледельческих религий, является то, что Адонис и родственные ему божества воскресают индивидуально, в то время как божественные существа типа Хайнувеле воплощаются лишь в «новой жизни», возникающей в результате их гибели. На промежуточные формы, существующие между этими двумя религиозными концепциями, обратил внимание В. Я. Пропп (25). Он указал на случаи, когда возрождение Озириса, например, мыслилось в форме урожая: в глиняную фигурку бога

закладывались семена и их произрастание рассматривалось как его воскресение – такие изображения сохранились на папирусах.

Иенсена, конечно, интересовал вопрос, почему такая устойчивая система религиозных представлений столь широко распространилась по миру. Он отклоняет и концепцию «коллективного бессознательного» К. Г. Юнга, и объяснение, согласно которому общие причины вызывают одинаковые следствия. Этому противоречат, по его мнению, поразительные совпадения во многих деталях – вроде использования свиньи в роли культурного животного (а в одном варианте замена ее внешне схожим тапиром). По мнению Иенсена, объяснение то же, что и в случае мировых религий письменного периода. Толчком было некое единожды происшедшее событие, ставшее причиной возникновения этого комплекса религиозных представлений, который потом распространился через контакты с другими этносами. Большая размытость, наличие большего числа вариаций сравнительно с тем, что мы видим в мировых религиях письменного периода, объясняется тем, что передача верований происходила устно или путем совместного исполнения ритуала, письменно не фиксировалась, отсутствовала четкая догматика.

Иенсен считает, что раннеземледельческие цивилизации, о религиозных представлениях которых шла речь выше, создали основные религиозные концепции, структуру социальных отношений и технику, на основе которых человечество развивалось вплоть до возникновения первых государств. Последние во многих областях принесли усовершенствования и применения тех же принципов, часто внешне чрезвычайно эффективные. Но в духовном отношении это было скорее обеднение и огрубление более древней культуры.

Теперь мы можем вернуться к русским календарным праздникам, чтобы сравнить их с раннеземледельческой религией. Календарных праздников было очень много, по несколько на каждый месяц, они опоясывали весь год, поддерживая неиссякающее чувство близости к творческим силам Космоса, соприкосновения с основными загадками бытия. Вот перечень лишь некоторых из этих праздников, приходящихся на первую половину года. Святки: 25.XII – 6.I; Василий Кесаретский – 31.XII; Крещение – 6.I; Афанасий Ломонос – 18.I; Масленица – конец января или февраль; Агафья Коровница – 5.II; Власьев день – 24.II; Благовещение – 25.III; Пасха – март или апрель; Егорьев день – 23.IV; Троица, «русалочная неделя» – май или июнь; «Похороны Костромы» или «Ярилы» – июнь; Иван Купала – 24.VI. (Праздники делятся на «неподвижные», празднующиеся всегда в один и тот же день, и «подвижные» – Пасха, Масленица, Троица, день празднования которых менялся в зависимости от дня празднования Пасхи.)

В действиях, совершаемых во время календарных празднеств, часто можно увидеть параллели с ритуалами древней раннеземледельческой религии, которую мы бегло описали выше. Прежде всего это ритуализированное убийство сверхъестественного существа, разрывание его на части и закапывание этих частей в землю. Например, Забылин (26) описывает «изгнание, провозжание или прощание с русалками»: «Делают чучело в виде женщины, изображающей русалку. Несколько женщин его защищают, другие нападают, причем кидают друг в друга песком, землю и обливают водой. Выйдя за город, разрывают чучело и разбрасывают его части по полю». Из описаний Зерновой (25) «похорон масленицы»: «На запряженную лошадь сажают масленицу, сделанную в рост человека и одетую в празднич-

ное девичье платье. Молодежь размещается в санях и с песнями едет по деревне до темноты. Поздно вечером масленичный поезд выезжает на озимь, где уже приготовлен костер для сожжения масляницы. ...Когда костер начинает догорать, участники сожжения берут горящие головни и разбрасывают их по всем прилежащим озимым посевам». Из Снегирева (25) «похороны русалок» в Рязанской губ.: «...растерзывают чучела, разбрасывают их по полю»; на Украине «похороны Марены»: «...убирают венками, лентами, цветами, танцуют вокруг нее, поют песни, потом бросают ее в реку с притворным плачем или разрывают ее на куски, причем девушки сохраняют куски или несут их на огород, чтобы “огурцы родились”». «Похороны Костромы»: «Кострома воплощалась в образе мужской или женской куклы, которую носили по деревне, а потом топили или хоронили в земле где-нибудь в поле». Таких примеров можно привести еще очень много (см. Чичеров, 27; Носова, 28). К этому же типу относятся и похороны «березки» или «Кукушки». То существо, похороны которого изображаются, либо разрывают на части (причем иногда сообщается, что части закапываются либо разбрасываются), либо сжигают, либо топят. Можно думать, что сожжение и потопление либо замещают более древнее закапывание, либо представляют собой параллельный мотив, связанный с ролью воды (как Посейдон был и бог моря, и «земли колебатель» – т. е. подземное божество) или воздуха, неба, куда уходит дым костра. Вот уже сильно упрощившаяся форма праздника, зафиксированная в 1948 г. в Московской обл.: «Рядится чучело из тряпок, парни и девчата чучелу отнимут, уташат чучелу, руки и ноги оторвут и в футбол играют, а они снова найдут, соберут и сожгут» (27). Во многих из описанных случаев приводится утилитарное (магическое) толкование

обрядов: для повышения плодородия. Отсюда возникла «трудовая» или «аграрно-продуктивная» теория (Чичеров, 27; Пропп, 25), согласно которой большинство действий, совершаемых во время календарных праздников, имеет хотя и очень древнее происхождение, но чисто практическую цель повышения урожайности – как потом с той же целью стали вносить в почву органические удобрения, а еще позже – химические. Иенсен (29) считает, что потеря первоначального смысла обряда происходит параллельно упадку религиозной жизни. Тогда создаются новые объяснения более утилитарного и магического характера. Европейцам же, расспрашивающим туземцев, обычно сообщаются подобные «псевдоцели».

Образ жертвенного животного тоже присутствует в календарных праздниках. Таковым бывает курица, но обычно это не реальное животное, а его изображение, сделанное из теста и испеченное: «коровки», «лошади», «козульки». Как и в раннеземледельческой религии, особую роль при этом играет свинья. 31 декабря, на праздник св. Василия Кесарийского (которого называли «Кесаретским»), подавался «кесаретский поросенок». Свиное мясо или печенье в форме свиньи готовят на Святки у русских, болгар, сербов, румын, в Сицилии, Англии, Германии, Скандинавии, на Кавказе (Пропп, 25). «Кесаретский поросенок» воспринимается как элемент общинного, а не семейного праздника: в этот день каждый может без приглашения заходить в любой дом и угощаться поросенком. 1 января головы убитых свиней приносят к церкви. После молебна с водосвятием священник окропляет их св. водой. Часть их варят внутри церковной ограды, в общей трапезе ими угощаются богомольцы и нищие.

Маски, являющиеся отличительным типовым признаком раннеземледельческих религий, играют громад-

ную роль в календарных праздниках в виде «ряженных». Они вызывали осуждение Церкви, и благодаря этому мы узнаем об их существовании и из постановлений Стоглавого собора 1551 г., и из обращения патриарха Иоакима 1684 г. «...возложиша на лица скураты и деяху на глумленье человеком», – говорится в Прологе XV в. Осуждения «ряженья», «машкерования», «москолудства» встречается многократно. В празднествах использовались маски зверей: лошади, козы, быка, курицы, гуся, журавля, медведя, а также духов: черта, «кикимор», покойников.

Конечно, и танцы постоянно играли роль в праздниках. Но более того, можно найти там и аналогии с «танцем лабиринта». Вот описание святочного танца «круг» на севере России: «На середину комнаты выходит один из парней порасторопнее, берет любую из девушек за руку и ведет за собой; девушка затем другой рукой должна взять другого парня, этот парень берет опять девушку и т. д., так что составляет целая вереница из девушек и парней, и все парами, начавший первым игру парень ведет всю вереницу за собой, кружа по комнате и стараясь сделать шествие по возможности запутанными путями» (Чичеров, 27). Я сам помню, как видел танец с очень современным названием «большая кадриль» в исполнении ансамбля, записывавшего песни и танцы там, где они хорошо еще сохранились, на русском Севере. И помню, как при виде все более извивающейся и запутывающейся вереницы танцоров мне неожиданно вспомнился «танец лабиринта», которому Тезей учил своих спутников.

Мы сопоставили ритуалы календарных праздников и раннеземледельческой религии, чтобы указать на некоторую их близость (а отнюдь не идентичность, конечно). Отсюда можно заключить, что близки те рели-

гиозные представления, с которыми обе системы ритуалов связаны. Но существенная разница между ними в том, что многие раннеземледельческие религии, наблюдавшиеся этнографами, были живыми и цветущими. А календарные праздники в то время, когда их описывали, отражали угасавшие религиозные представления, истинный смысл которых сами участники ритуалов не вполне осознавали, давая им часто упрощенно-магические объяснения (воспринятые и рядом исследователей). Сопоставление обеих систем ритуалов дает возможность почувствовать древность и глубину тех религиозных принципов, выражением которых были календарные праздники. А ведь это, по существу, те же принципы, которые были предметом размышлений самых глубоких богословов более поздних веков.

Наконец, можно перейти к самой интересной стороне вопроса: какова была связь христианских и дохристианских религиозных представлений в русской религиозной жизни? Давно высказывалась концепция, которую можно назвать «конфликтной». Следуя ей, ситуацию можно описать как борьбу двух верований: народ держался старой веры, сопротивляясь введению христианства, а «церковники» преследовали язычество и проповедью, и сожжением капищ древних богов, и убийством наиболее влиятельных «волхвов». С 1917 г. до недавнего времени такой взгляд был единственно разрешаемым, но, конечно, многие историки его придерживались и совершенно независимо от официального давления. Это и есть концепция «двоеверия» в чистом виде. У меня она вызывает следующие сомнения. В России был создан прекрасный фольклор: былины, исторические песни; светская литература и летописи X–XVII вв.; иконопись и церковная архитектура; наконец, на той же культурной основе возникло великое ис-

кусство XIX и XX вв. Да и народ с теми религиозными представлениями, какими он жил, выдержал страшные испытания, создал за более чем 1000 лет громадное государство, совершенно особенное: объединившее более ста народов, причем эти народы в нем не погибали, сохранили свою индивидуальность и до сих пор (мордва, черемисы-марийцы, пермь-коми, весь-веспы и т. д.). Как все это можно было создать на основе раздвоенного религиозного сознания, в котором одна часть борется с другой? Вот только что мы пережили попытку построить государство на духовной основе, чуждой народной традиции: оно просуществовало 70 лет и вдруг распалось как строение из песка, без внешнего толчка – войны, экономического краха, революции, восстаний. Поражает как раз то, как ничтожны были трения, возникшие в связи с принятием христианства на Руси. Ведь нет же оснований считать наших предков какими-то пассивными, равнодушными людьми: насильственной христианизации они, вероятно, сопротивлялись бы восстаниями, как их потомки – разрушению церквей в советское время (да ведь тогда, к тому же, не было ни революции, ни голода, ни гражданской войны, подавившей народ). А мы читаем о столкновениях в Новгороде, продолжавшихся три (!) дня. Или о столкновении княжеской власти со жречеством старой религии, произошедшим из-за того, что во время неурожая волхвы инициировали «охоту на ведьм», вдохновляли убийства старух, по их мнению – виновниц неурожая. Летопись говорит и о случаях, когда «мужи княжи» пытались защитить волхвов, сожженных народом. Обычно указывается, что летописание было в руках «церковников» и поэтому пристрастно. Это, конечно, верно. Но никакое пристрастное описание не может скрыть крупного социального конфликта: оно будет

его лишь по-своему истолковывать. Предел уклонения от исторической истины был достигнут, вероятно, в знаменитом сталинском «Кратком курсе». Но и из него мы все-таки узнаем же о 4-х годах гражданской войны, о борьбе с «кулачеством», о непрерывных процессах над «врагами народа». Раньше было указано на поразительные параллели между рядом основных положений раннеземледельческих религий и христианства. Если согласиться, что религиозная жизнь дохристианской Руси имела в основе какой-то вариант такой религии, то станет понятным, почему христианство было воспринято как нечто, в своей основе близкое. Так что уже следующее поколение могло сказать:

И въ едино время
вся земля наша
въслави Христа
съ Отцемъ и съ Святымъ Духомъ.

Наоборот, скорее поразительно, что такой грандиозный духовный переворот не вызвал глубокого раскола в народе. Безусловно, проповедники новой веры, особенно приезжие греки, – как индивидуальные люди – редко могли быть на высоте той исключительно тонкой ситуации, с которой они столкнулись. Часто они с озлоблением третировали старую веру как «суеверие», старых богов – как «бесов». Но если посмотреть на дело Церкви на протяжении нескольких веков, то предстает иная картина. Многие верования, ритуалы, обычаи, связанные с язычеством, Церковь осуждала – но она их прощала. Другие же она восприняла как средства для выражения своих истин, как некий язык. Храмы часто воздвигались на месте языческих капищ – тем самым перенимая и какие-то их функции. Право-

славные святые сливались с языческими божествами, занимая ту же «психологическую нишу» (Перун – Илья и Георгий, Велес – Влас и Николай и т. д.). В народе было, например, распространено покаяние Земле (за то, что ее грудь рвали бороной) и исповедь Земле. Церковь осуждала исповедь Земле (в тех делах, исповедоваться в которых надлежало духовнику; это было связано и с тем, что в некоторых ересях – жидовствующим, стригольникам – исповедь Земле заменяла церковную). Но с другой стороны, Церковь принимала отношение к Земле как священному существу женского пола – мужчина, лежавший брюхом на земле (т. е. в непристойной позе), подлежал епитимье: «Грех сети легшее на черви на земли, опитемии 12 дней сухости, а поклонов 30 вечер» (30). «Зеленые святки» – русалии, в центре которых стояли ритуалы, связанные с деревьями (вроде «похорон» или «завивания» березок) – осуждались. Но деревья вошли в церковный ритуал: «В вербную субботу перед обедней, при большом стечении народа, выносили из Успенского собора большое цветное дерево, украшенное разными искусственными плодами и, установив его в огромные сани, возили в крестном ходе». В этой церемонии участвовал и патриарх – до отмены патриаршества Петром I (25). Многие древние ритуалы органически вошли в церковную жизнь: окропление скотины св. водой на Никольщину, молебны на поле. Большая часть ритуалов явно распадалась на две части – одна совершалась в церкви, другая имела более древний характер: венчание – свадьба, крещение – крестины, отпевание – поминки и т. д.

Сравнительно недавно взаимоотношения официального Православия и культуры народных праздников стало предметом тонкого анализа в работах А. М. Панченко (31) и Н. В. Понырко (32). Эти взаимоотношения

были, видимо, очень не простыми, они не укладываются в какую-то одну примитивную формулу. Так, с одной стороны, мы встречаем осуждения, запреты многих народных праздников, а потом (с середины XVII в.) и репрессии. О них писали: «бесовские игры», они «приводят в душепагубный грех», там «бесовское действие играют», «души свои губят». Но, с другой стороны, мы сталкиваемся с некоторыми поразительными фактами. Например, в молодости Иван Неронов, будущий идеолог старообрядчества и ревнитель сурового благочестия, набросился с обличениями на толпу святочных ряженных: «Когда неразумни люди обыкоша собираются на бесовские игрища паче прочих людей налагающе на лица своя личины разные страшныя по подобию демонских зраков». Ряженные избили Неронова, это было «первое его страдание». Но поразительно то, что в момент столкновения ряженные выходили из дома архиерея! «Не мню, дабы сей дом архиереев был, ибо архиереи поставлены суть от Бога пасти стадо Христово», – полагал Неронов, – но традиция, видимо, подсказывала иной взгляд. Похожий случай был и с Аввакумом. Когда он набросился на скоморохов, пришедших в его село, «изгнал их, и хари и бубны изломал», то за скоморохов заступился боярин Шереметьев, родственник царя «плывучи Волгою в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много...».

Наиболее яркими и, с точки зрения Церкви, одиозными представителями культуры народных празднеств были скоморохи: ряжения, маски, сквернословие, малопристойные танцы слишком резко противоречили ее эстетическим канонам. Но тем не менее мы видим, что еще в XVII в. крупный государственный деятель считает необходимым взять их под свою защиту. О такой же терпимости свидетельствует и социальное положение

скоморохов. Они иногда подрабатывали другим ремеслом, обладали «честью» (плата за бесчестье скомороху была такой же, как и сотскому). Известны случаи, когда они жили в монастырях и церковных кельях, они допускались к причастию.

Но картина еще поразительнее. В уставных грамотах от конца XV до середины XVI в. некоторым местностям дается привилегия: «А скоморохом у них в волости сильно (т. е. насильно!) не играти», «А скоморохом у них в том селе и в деревнях сильно не играти» (33). Есть основания предполагать, что вплоть до XV в. протесты обывателей против «игры» должны были пресекаться начальством. За изгнание скоморохов полагался штраф (Панченко, 31). То есть, как правило, скоморохи осуществляли какие-то функции, которые считались столь существенными, что препятствовать им было нельзя.

А. М. Панченко называет скоморохов «иереями смеха». Действительно, в ряде ситуаций они как бы делили роль с православным клиром. Например, бракосочетание начиналось с венчания в церкви, а заканчивалось брачным пиром, не обходившимся без скоморохов. Стоглавый собор 1551 г. воспрещает скоморохам лишь присутствие в церкви и не упоминает о свадебном пире. Вообще, пиры и братчины имели ритуальный оттенок. И, с одной стороны, необходимой их частью были скоморохи, а с другой – отлучение от церкви лишало права участия в них. В фольклоре скоморохов часто называли «святыми» – конечно, не в христианском смысле, а как признание некоторой их магической, ритуальной роли. А. М. Панченко приводит пример повести «О некоем купце-лихоимце», где скоморох спускается в преисподнюю и помогает спасти душу купца-лихоимца. То есть здесь скоморох играет роль шамана. Согласно А. М. Панченко, духовные ценности человека Древней

Руси составляли строго иерархическую структуру. На верху иерархии находилось спасение души, благочестие, нравственные заслуги, а ниже располагалось то, что связано с материальным миром и телесными страстями. Эта часть была подвержена своим грехам, которые обличались. Но не ставилась цель их полного уничтожения: так сказать, с ними надо было уметь жить, «Един Бог без греха», «бегайте того, кто говорит – я без греха» – такой человек считался хуже убийцы, он был не способен к покаянию.

Святки охватывали период от Рождества до Богоявления. Святкам и Масленице посвящена статья Н. В. Поньрко (32). Первая половина – 25.XII – 1.I называлась Святыми вечерами, вторая – 1.I – 6.I – Страшными вечерами. В церковной службе первая половина имеет основной темой рождение Христа, вторая – искушение и Крещение. Подобной схеме соответствует и народный ритуал. Первая неделя носит карнавальныи, приподнятый, праздничныи характер. Вторая связана с представлением об освобождении на это время злых сил: Бог отпирает ворота ада и позволяет «попраздновать бесям». Заканчивается цикл купанием в проруби – «Иордани». Это рассматривалось и как очищение от греха «ряженья» на Святки.

Рождество было воплощением соединения двух миров – божественного и земного. Соединилось божеское и человеческое, Бог стал человеком и поднял человека до Бога, небо стало землей, а земля – небом. Христос рождается «да нижняя с вышними совокупи». Святки были зрительным воплощением этой концепции. В это время стирались все грани, в частности и граница, отделяющая нас от будущего: они были временем гаданий. Соединение «нижняя с вышним» выражалось в карнавальнои характере празднества. Ряжение соответ-

ствовало как бы переодеванию Бога и человека: «Елицы во Христа крестися – во Христа облекухся». Рваные худые наряды ряженных выражали переодевание Бога в ветхого человека. Рождением Христа уже была предопределена тема «смертию смерть попра». В Святках этому соответствуют многочисленные ритуальные «похороны», «игры с покойником», имевшие фарсовый характер и кончавшиеся воскресением «покойника». Это был как бы фарсовый, карнавальный вариант тех ритуалов, которые весной или летом близко соответствовали ритуалам раннеземледельческой религии. Иногда даже название было одинаковое («похороны Костромы»).

В некоторых случаях церковный ритуал непосредственно переплетался с народным праздником. Таким было «Пещное действо», совершавшееся за неделю до Рождества. Оно происходило в храме и изображало сожжение в печи трех отроков и спасение их ангелом. Все действие имело элементы театрализованного представления. Действо предварило Рождество: отроки, неопаленные пещным огнем, являлись предсказанием, прообразом естества девы Марии, не опаленной вселившимся в нее небесным огнем. Исполнители роли мучителей отроков назывались «халдейцами». Они участвовали в богослужении в оставшейся части того дня, когда совершалось действо. И вот оказывается, что они получали разрешение от патриарха участвовать в святочных празднествах! «Халдейцы» бегали по улицам в тех же костюмах, в которых участвовали в действе, и с тем же потешным огнем. То есть они играли роль типичных «ряженных», а в крещенье подвергались очистительному купанью. Забавляясь, «халдейцы» поджигали встречавшиеся им возы с сеном. С одной стороны, мы имеем дело с типичной православной символикой: сено было символом греховного, земного, его сожжение – преодо-

ление ветхого мира и смерти. Но с другой стороны – это столь же типичная составляющая календарных праздников – сожжение соломы, ритуальные костры.

Масленица занимала сыропустную неделю, предшествующую Великому посту. Богослужения Великого поста говорят о пути от грехопадения Адама к Христу, распятием которого «Адам паки вниде в рай!». Тема сырной недели – грехопадение Адама и Евы. С этим Н. В. Понырко сопоставляет многочисленные масленичные обряды, в которых центральную роль играли молодожены. В одно место съезжались молодожены из всех окрестных сел. Центральным ритуалом было катание «молодых» с гор, сопровождавшееся поцелуями. Но всякий мужчина – новый Адам, а женщина – новая Ева, и их соединение – «обновление» грехопадения. Более того, само катание с гор – с «верха» в «низ» – неоднократно использовалось как символ греха, падения. В статье Понырко приведены иллюстрации из рукописей XVIII в., в которых дьяволы влекут грешников вниз под горку в повозке.

Грехопадение и распятие – основные темы богослужения в Великий пост. Более того, литургические тексты многократно подчеркивают их связь, толкуют распятие как грехопадение «наизнанку». Но, как мы видели, таковы же основные концепции раннеземледельческой религии: грехопадение и жертвоприношение божества. Они отражаются в ритуалах календарных праздников, которые поэтому не случайно связаны с сыропустной неделей, предшествующей Великому посту. Многочисленные ритуалы типа «похорон масленицы» относятся к этому кругу представлений. В верованиях, подобных «мифу о Хайнувеле», грехопадение и состояло именно в принесении божества в жертву. С приближением к Пасхе в литургии все нарастает

мотив «спасения». И в предваряющей Великий пост пятнице мы встречаем (те же, что и в Святки) ритуалы шуточных похорон, сжигания соломы. «В Великий четверток порану солому палаят и кличут мертвых», – свидетельствует Стоглавый собор. Масленичный обряд резания куриц, с одной стороны, связан с идеей жертвоприношения. С другой стороны, образ курицы не раз использовался как символ смерти и воскресения Христа. Ряд апокрифов содержит рассказ о некоем иудее, сказавшем, что поверит в воскресение Христа, только если оживет зарезанная курица, – и она ожила.

Суммируя эти сопоставления, можно сказать, что ритуалы календарных праздников не случайно были приурочены к определенным православным праздникам и часто в более зримой форме воплощали те же переживания. Это можно объяснить их связью с раннеземледельческой религией и тем, что она содержала ряд принципов, близких к христианству. И то, что они были так устойчивы и просуществовали много веков, показывает, что их родственность Православию отчетливо ощущалась, хотя и бессознательно.

«Двоеверие» часто рассматривалось как ущербность русского Православия – в сравнении с христианством западных народов. Вряд ли с этим можно согласиться. Во-первых, совершенно аналогичные календарные праздники можно встретить и у многих западных народов. В Англии праздник «майского дерева» был поистине всенародным еще в XVI в. – его запретил лишь Долгий парламент в 1644 г. Возможно, в России эта ритуальная жизнь сохранилась дольше, была более сильной. Но можно ли это считать недостатком? Чем глубже исторические корни, связь с которыми сохранила культура, тем она совершеннее. Ведь если «двоеверие» – порок культуры, то в нем надо было бы обвинить древних греков,

притом в большей мере, чем русских. В религиозных представлениях греков ясно различаются две компоненты. Боги олимпийского пантеона были богами света, их жилищем часто называется эфир, небо. Они действовали через и на человека, они не были связаны с природой. Эта религия была лишена мистики. Боги были связаны с человеком, пока он жив, и теряли всякую связь с ним после его смерти, иногда отстранялись от человека, как только узнавали, что неумолимые силы обрекли его на смерть. Со смертью они не имели ничего общего – это были боги жизни. Мертвые почти не играли роли в этой религии. Но явно существовала другая, более древняя религиозная концепция, связанная с Землей, воспроизведением жизни, смертью, мертвыми и загробной жизнью. Различие, даже противостояние этих концепций подчеркивается мифом об убийстве Кроноса Зевсом, о борьбе богов с титанами, в результате которой власть над миром получили «молодые» олимпийские боги, а древние боги были низвергнуты в Тартар. (См. подробно прекрасную книгу Вальтера Отто, 34.) Для обвинения в «двоеверии» здесь было побольше оснований, чем в случае русского Православия. Но, видимо, эта многоплановость религиозного сознания греков и была основой их поразительной культуры. И то, что русские обладают подобной же глубиной исторической памяти, является, как мне кажется, не недостатком, а драгоценным преимуществом русского типа религиозности.

РУССКИЙ ПУТЬ

В предшествующих параграфах мы пытались показать, что основная причина кризиса, переживаемого

сейчас человечеством, – духовная и даже религиозная. Он связан с мировоззрением, сложившимся в Западной Европе и в конце концов подчинившим себе почти весь мир. Но подчинение это все же не уничтожило полностью творческое разнообразие человеческого духа. В мире сохранились, хоть они сейчас и менее влиятельны, совершенно другие традиции. В частности, выше мы указали на своеобразность русской религиозной традиции. Однако в своем победоносном движении по миру технологическая цивилизация не могла не затронуть и Россию. Столкновение этих столь различных мировоззрений стало драматическим поворотным моментом в истории России.

Здесь уместно вспомнить приведенное выше наблюдение, что технологическая цивилизация основывается на технике (в самом широком смысле этого слова) и благодаря этому приобретает такую силу воздействия на окружающий мир, которой может противостоять тоже лишь столь же мощная техника. Могла ли Россия отстоять свой собственный путь развития, не усваивая каких-то элементов технологической цивилизации и присущего ей типа техники? Во всяком случае, подобных прецедентов История не знает. Подобная попытка была предпринята народом североамериканских индейцев. Это был многочисленный народ (более 1 млн человек)¹, обладавший глубокой системой религиозных и мифологических представлений, яркими празднествами, возвышенными этическими нормами (особенно высоко ставившими мужество и гордость), совершенной в экологическом отношении системой хозяйства. Он отказался хоть в чем-то отступить от своих фундаментальных ценностей – и ему была объ-

¹ Оценка, разумеется, приблизительная. Иногда называется цифра 8 миллионов.

явлена война на уничтожение. Индейцев истребляли, двигая на них целые армии – или отдельными набегами. На них устраивали облавы, их травили собаками или подбрасывали им отравленную муку. Выдавалась плата за скальпы индейцев: например, в Пенсильвании было истрчено – 130 долларов на скальпы мужчин старше 12 лет и 50 на скальпы женщин. Был в ходу принцип, сформулированный генералом Шериданом: «хороший индеец – это мертвый индеец». Дж. Кольер, долго живший среди индейцев, один из лучших знатоков их проблем, пишет (35): «Тщательно продуманное, досконально разработанное и комплексно осуществлявшееся уничтожение индейских сообществ, индейского характера, планомерная ликвидация индейцев – стала признанной политикой, законом и практикой». Пока колонизаторы осваивали восточные районы Северной Америки, индейцев насильственно переселяли на Запад, причем применявшиеся приемы полностью превосходили сталинскую «ссылку народов». Индейцев загоняли в концлагеря, их селения сжигали, а потом под вооруженной охраной их гнали через весь континент. При таком переходе в племени чероки, например, из 14 000 человек погибло 4 000. Но вскоре янки пришли и на Запад. Все соглашения, заключенные с индейцами, были нарушены. Генерал Уокер, комиссар по индейским делам, писал: «Когда имеешь дело с дикарями, так же, как и с дикими зверями, вопрос о национальной чести не возникает». Индейцев согнали в резервации на земли, где они не могли себя прокормить. В Калифорнии число индейцев с 1850 до 1880 г. сократилось от 120 000 до 20 000. Столь же свирепо искоренялись индейские религиозные представления и обычаи. Правительство обязалось снабжать резервации чем-то вроде современной «гуманитарной помощи», но тех, кто не

хотел отказаться от своей религии, обрекали голодной смертью. Детей с 6 лет отбирали и отправляли в особые интернаты, где им запрещалось пользоваться родным языком. На каникулы их отдавали в слуги белым. Они были обязаны принять одно из христианских вероисповеданий. В 1884 г. был принят уголовный кодекс, запрещающий индейские религиозные церемонии. Он был усилен в 1904 г. и действовал до 1933 г. (когда проблема уничтожения индейцев как нации была, видимо, решена). Индейское религиозное движение «Танцы духа» было подавлено расстрелами. Заключительным был расстрел в долине Ундед Ни в 1890: было убито 98 невооруженных воинов и около 200 женщин и детей. Кольер приводит воспоминание очевидца о кучах трупов и отдельных телах, рассеянных по ущелью, где солдаты убивали убежавших. «Я видел младенца, пытавшегося сосать свою мать, покрытую кровью и уже мертвую». «Возможно, мир никогда не был свидетелем столь неумолимого и искусно осуществляемого религиозного гонения», – говорит Кольер. И действительно, даже наши гонения, когда ими руководили Троцкий или Емельян Ярославский, кажется, бледнеют на этом фоне. И вот результаты. Вместо 1 млн индейцев, населявших в XVIII в. территорию современных Соединенных Штатов, там осталось лишь около 400 000, в основном живущих в резервациях. К 1925 г. они занимали территорию, составляющую 2 % некогда принадлежавшей им страны. Из 600 племен 400 исчезло полностью. Кольер так описывает мироощущение старого индейского вождя: «Горечь более глубокая, чем воображение может вместить; горечь человека, с полной ясностью видящего разрушение своего мира презренными врагами, которым нет числа». Сейчас индейцы нацией, собственно, уже не являются. Таков типичный пример

столкновения технологической цивилизации с другой, пытающейся сохранить полностью свою индивидуальную самобытность.

Россия избрала другой путь. Она восприняла некоторые элементы технологической цивилизации и, в частности, приобрела таким способом достаточные силы, чтобы защитить себя от полного покорения. Но она отнюдь не стала стандартной составной частью технологической цивилизации. Это был болезненный процесс: он породил раскол между европеизированным высшим классом и остальным народом, создал нигилистические течения в интеллигенции. Тем не менее в результате возникло органическое, живое образование, хотя и не лишённое, как все в этом мире, некоторых болезненных черт. Жизненность возникшего организма была подтверждена как материально (успешные войны, расширение империи, быстрое экономическое развитие), так и духовно – созданием русской культуры XIX в.

Средневековое мирозерцание, которым жила Россия до столкновения с технологической цивилизацией, основывалось на глубоком чувстве смысла жизни, осмысленности жизни каждого человека и всей Истории. В центре внимания тогдашней культуры были проблемы мироздания, события Истории, а не индивидуальные судьбы. Даже при характеристике конкретных исторических персонажей на первый план выдвигалась их общественная роль (святого, воина-вождя, чужеземного завоевателя), а не личные свойства или переживания. Искусство было столь сильно связано традицией, что приближалось к типу коллективного творчества. Постренессансная культура, принесенная к нам с Запада, обладала необычной яркостью, индивидуальностью, она дала такие формы искусства, как портрет, роман. Зато в ней постепенно выветривается

интерес к основным вопросам о смысле жизни и истории. Но если на Западе она заменила глубококонцептуальное мировоззрение Средневековья, то в России обе эти линии почти совместились. Как говорит Г. М. Прохоров (18): «В XVIII–XIX вв. Россия стала наследницей двух взаимодополняюще-взаимоисключающих традиций; она пережила их столкновение, она дала их синтез. Отсюда – “универсализм” Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого». Исходя из положений, изложенных в предшествующем параграфе, можно сказать, что в русской цивилизации слились три линии развития человечества: открытая Космосу древнеземледельческая религия, христианство (в его православном аспекте) и западная постренессансная культура.

Россия не вошла как прилаженный блок в мировую машину технологической цивилизации. К началу XX в. это была страна еще на 80 % крестьянская, глубоко православная и проникнутая монархическим сознанием. Хотя обе эти стороны народного мировоззрения начали ослабевать в XX в., они все еще составляли громадную духовную силу. И в то же время Россия входила в пятерку наиболее развитых индустриальных стран. Она имела устойчивый бюджет, быстро росла продукция тех областей промышленности, которые были нужны именно крестьянству. Потребление сахара с 1895 г. до 1913 г. увеличилось вдвое, выпуск кровельного железа с 1903 г. по 1913 г. увеличился в 1,7 раза, вклады в сберегательные кассы с 1903 г. по 1912 г. увеличились вдвое, и крестьянские вклады составляли 30 %. Кажется, что здесь нащупывался какой-то особый путь, свой ответ на проблемы роста населения, городов, индустрии. Страна оставалась в подавляющей части крестьянской, приобретя одновременно многие черты индустриально развитой страны.

И отчетливо видно, как Запад ощущал Россию инородным телом. В книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (36) одна глава так и называется: «Почему Европа враждебна России?». Он приводит ряд ярких примеров, когда реакция Европы в отношении России была резко враждебной, хотя аналогичные ситуации воспринимались совершенно спокойно, если речь шла о западноевропейских государствах, а иногда враждебность прорывалась даже вопреки интересам европейских держав. Объяснение он видит в том, что «Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т. д., – материалом, который можно бы формировать и обделывать по образцу и подобию своему». «Как ни рыхл и ни мягок оказался верхний, наружный выветрившийся и обратившийся в глину слой, все же Европа понимает или, точнее сказать, инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить, – которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, превратить в свою кровь и плоть, которое имеет силу и притяжение жить своей независимою, самобытной жизнью». «Итак, во что бы то ни стало, не крестом, так пестом, не мытьем, так катаньем, надо не дать этому ядру еще более окрепнуть и разрастись, пустить корни и ветви вглубь и вширь». «Не допускать до этого – общее дело всего, что только чувствует себя Европой. Тут можно и турка взять в союзники и даже вручить ему знамя цивилизации». Сначала антипатию Европы к России объясняли нелиберальностью правительства Николая I, но после

либеральных реформ, говорит Данилевский, отношение только ухудшилось. (Совершенно то же замечание делает Тютчев в одном письме.)

Возникла концепция «России – препятствия на пути к прогрессу». Концепцию эту принимали очень многие люди, понимавшие «прогресс» в совершенно разных смыслах. Революционеры полагали, что Россия препятствует мировой революции. Маркс и Энгельс писали: «...ненависть к русским была и продолжает быть у немцев их первой революционной страстью... только при помощи самого решительного терроризма можем мы... оградить революцию от опасности». Они предрекали, что исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы: «И это тоже будет прогрессом». А среди «реакционных народов» на первом месте у них стояли русские. Либералы полагали, что Россия нетерпима тем, что препятствует распространению просвещения. «Россия будто бы представляет собой нечто вроде политического Аримана, какую-то мрачную силу, враждебную прогрессу и свободе», – пишет Данилевский. Уже в самом конце XIX в. группа видных немецких историков издала многотомную «Всеобщую историю». Раздел, посвященный России, кончается там параграфом «Русская неприязнь к цивилизации». Он содержит строгое предупреждение: «Мир может в настоящее время переносить и терпеть лишь народы, дружественно расположенные к культуре...». Царское правительство во всей Европе считалось «деспотическим», хотя, например, после 1905 г. парламентская система России мало отличалась от немецкой, а во время войны 1914 г. цензура в России была либеральнее, чем в других воюющих странах. Русские революционеры, хотя бы и прямые террористы, встречали на Западе неизменное сочувствие. «Вешатели,

кинжальщики и поджигатели становятся героями, коль скоро их гнусные поступки обращены против России» (Данилевский). Даже во время войны 1914 г. в западных парламентах раздавались недовольные голоса по поводу союза с «деспотической Россией», а в салоне английского посла в Петрограде Бьюкеннена плелись заговоры против правительства России. И это союзники в войне, уносившей миллионы жертв среди обоих народов! Таковую же антипатию вызывала Россия и у русских либералов, являвшихся как бы здешними представителями Запада. Данилевский пишет о взгляде на Россию как «весьма трудно преодолимое препятствие к развитию и распространению настоящей человеческой, т. е. европейской цивилизации. Этот взгляд... в сущности, очень распространен между корифеями нашего общественного мнения... С такой точки зрения становится понятным (и не только понятным, а в некотором смысле законным и, пожалуй, благородным) сочувствие и стремление ко всему, что клонится к ослаблению русского начала по окраинам России, – к обособлению (даже искусственному) этих элементов и к доставлению им привилегированного положения в ущерб русскому». «Защитники национальных интересов умолкают, коль скоро дело идет о защите русской народности (Данилевский включал сюда украинцев и белорусов), донельзя угнетаемых в западных губерниях». Розанов описывает те же взгляды так: «Россия... это ужасный фантом, ужасный кошмар, который давит душу всех просвещенных людей. От этого кошмара мы бежим за границу, эмигрируем, и если соглашаемся оставить себя в России, то ради того, единственно, что находимся в полной уверенности, что скоро этого фантома не будет, и его рассеем мы, и для этого рассеяния остаемся на этом проклятом месте Восточной Европы» (37).

Особенно враждебен России был западный финансовый мир. В журнале «Красный архив» приведены многочисленные донесения русских финансовых агентов, показывающие, на какое сопротивление наткнулись попытки получения займов на Западе (например, № 4, 6, 10). В воспоминаниях немецкого посла в Лондоне барона фон Эккардштейна (38) приводится любопытный эпизод, как он в 1904 г. познакомил японского посла графа Хаяши с Альфредом Ротшильдом, который «всегда был рад перейти дорогу русской дипломатии». Япония не была способна начать войну с Россией без крупной финансовой поддержки, а английское правительство в ней отказывало, не желая нарушать нейтралитет. Но Ротшильд «заверил графа Хаяши в своей симпатии», гарантировал финансовую поддержку дома Ротшильда и тем дал возможность Японии начать войну.

Если принять, что Россия была препятствием на пути не мало вразумительного «прогресса», а конкретно – **распространения технологической цивилизации**, то может быть сделается понятным явление, иначе загадочное: **социалистическая революция в России финансировалась капиталистами!** Финансовый мир Запада старательно саботировал займы русскому правительству, идя на потерю выгодных сделок, – и в то же время его кошелек был широко открыт русским революционерам. Финансирование было очень многосторонним, в каждом отдельном случае можно найти свою индивидуальную причину. Но у такого сложного явления должна быть и какая-то общая причина. И ее естественно видеть в том, что в России в начале XX в. складывался свой путь развития, альтернативный индустриальной цивилизации. Революция же была наиболее эффективным способом ее с этого пути столкнуть.

Деньги шли и от крупнейшего финансиста Америки Якова Шифа, и от немецкого генерального штаба (не менее 50 млн большевикам). Известный революционер Валентинов рассказывает в воспоминаниях, что их организацию финансировал киевский миллионер Бродский, Валентинов называет его даже: «большой революционер» (39). Обильно финансировал революцию миллионер Савва Морозов. В книге Сеттона (40) описана поразительная история финансирования русской революции банкирскими домами Уолл-Стрита. Так, например, к моменту октябрьского переворота в России находилась американская делегация «Красного Креста», на самом деле состоявшая почти исключительно из крупных политических и финансовых деятелей. И уже 2.II.1918 один из ее руководителей, очень крупный американский финансист В. Томсон, перевел большевистскому правительству 1 млн долларов, причем сделал это по распоряжению Дж. Моргана, ближайшим сотрудником которого был. И потом осуществлялось планомерное давление на правительства США и западноевропейских стран с целью заставить их не помогать белым, признать большевистское правительство, причем агентами давления были финансовые и политические деятели, связанные с банкирскими домами Моргана и Рокфеллера. При этом те же люди иногда проявляются как сотрудники «Бюро пропаганды» Карла Радека или как советские финансовые агенты на Западе.

Если смотреть на революцию как на способ свернуть Россию с ее более самобытного пути развития и включить как элемент в систему технологической цивилизации, то участие в этом действии западного капитала станет понятным, оправданным и оправдавшим себя. Последовавшие за революцией 70 лет были эпохой разрушения именно тех структур, которые составляли

основу русского общества и его мировоззрения. Прежде всего это крестьянство, сам труд которого соединяет человека с Природой, Космосом. Именно это требовало искоренения. Горький мечтал, что «тяжелые, страшные люди», населяющие русскую деревню, вымрут, а хлеб станут выращивать в лабораториях. Этого достигнуть еще не удалось, но оказалось возможным придать крестьянскому труду формально-механический характер, подчинив его бесчисленным указаниям и планам, когда, например, день начала посевной во всей республике назначался в Совете Министров. Труд крестьянина лишился творческого характера, становился подобным труду каторжника. Большинство крестьян было согнано с земли – в лагеря, на новостройки, в громадные города. Оставшихся все время приучали к тому, что они являются механическими объектами внешнего манипулирования: у них можно отбирать коров и снова им их же продавать, сливать и разливать колхозы и т. д., пока не пришли к концепции «неперспективной деревни». Второй основой России была Православная Церковь. Все эти 70 лет приступы яростного гонения на Церковь (ленинского, сталинского, хрущевского) чередовались с периодами медленного давления, вытеснения из жизни. И, наконец, разрушалась вера вообще в существование России как некоторой исторической индивидуальности. Вся ее дореволюционная история изображалась как царство тьмы и отсталости (в духе идеологии прогресса).

Это была негативная часть работы: разрушение тех элементов русской жизни и мировоззрения, которые мешали включению России как послушно управляемой части в структуру технологической цивилизации. Следующий этап – тот, который называется «перестройкой», – должен осуществить само это включение – или,

как его идеологи предпочитают говорить, интеграцию – в экономической, политической и духовной области. Богатства и экономика страны подчиняются контролю Запада. Для облегчения этой операции разрушается армия, разведка, военная промышленность, а вся страна раздробляется на части. И планомерно разрушается народный тип сознания, переделывается под «дух капитализма». Когда перед голодной и нищей страной нагло рекламируются шикарные «презентации» с икрой и шампанским или автомобилем ценой в несколько миллионов, то этим в сознание внедряется ничтожество исконных нравственных норм, жалким и устаревшим звучат разговоры о какой-то справедливости перед торжествующими «брокерами», «менеджерами» и «дилерами» – боевиками новой жизни и морали. И как будто для иллюстрации работы Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» – валом повалили баптисты успешнее внедрять этот «дух». Интеграция может и не совершиться – мировоззрение нашего народа выработывалось многими поколениями, уходит, как мы выше пытались показать, в глубокую древность – и за 70 лет полностью разрушить его, конечно, невозможно. Но вполне реальна и победа технологической цивилизации над традицией России – это будет не первая ее жертва. Такая победа может осуществиться в виде полного слома традиционного мировоззрения, замены его стандартными нормами технологической цивилизации. Возможен и путь североамериканских индейцев: быстрое сокращение численности и деградация народа. В обоих случаях это будет гибелью русских как народа со своим индивидуальным лицом и своей цивилизацией. И это будет трагично не только для русских, но, как мне кажется, и для всего человечества. Дело в том, что в русской цивилизации сохранились еще элементы древ-

них, органических представлений, которыми духовно жили люди многие тысячелетия. Конечно, не только в русской – но таких незатопленных островов в мире остается все меньше. И лишь собрав вместе эти еще не уничтоженные богатства, мы получаем шанс найти альтернативу технологической цивилизации, спастись от технологической смерти.

Одна из наиболее глубоких книг, посвященных анализу того кризиса, к которому привела мир технологическая цивилизация, принадлежит Е. Шумехеру – сначала преуспевающему предпринимателю, а потом деятелю ООН в связи с развивающимися странами. Книга называется «Малое – красиво» (41) и стала столь популярной, что вызвала движение под тем же названием, пропагандирующее маломасштабную, неагрессивную технологию, «технику с человеческим лицом». Одной из самых коренных ошибок современного общества автор считает иллюзию «рентабельности», «неограниченных производительных возможностей» западной экономики. Он сравнивает ее с предприятием, быстро растрачивающим основной капитал и гордящимся своей рентабельностью. Этот основной капитал – невозстановимые ресурсы природы. Ошибка связана с тем, что человек воспринимает природу как нечто абсолютно ему чуждое, лишенное ценности, а ценным считает лишь созданное им самим. Выход из кризиса требует, по мнению автора, коренного изменения типа мышления: «Мы должны понять, что не бесконечно богаты природными ресурсами, а бедны; наша психология должна основываться не на беспредельном оптимизме, а на опасливости; мы должны культивировать не насилие над природой, а кротость, не войну, а мир». Эти принципы автор сопоставляет с Нагорной проповедью. И действительно, представим себе, какие

черты должны иметь деятели технологической цивилизации. Это люди сильные, волевые, жесткие, выше всего ставящие успех, агрессивные, интеллектуалы (или себя такими считающие). Попробуем сформулировать антитезу – и мы сразу попадаем в круг образов Нагорной проповеди: кроткие, алчущие и жаждущие правды, чистые сердцем, миротворцы, нищие духом. А заповедь: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» – сейчас прямо звучит как экологический принцип.

Но выше, опираясь на М. Вебера, мы говорили, что как раз идеология технологической цивилизации использовала некоторые существенные положения, заимствованные из христианства (особенно – из кальвинизма). Однако здесь нет противоречия и с точкой зрения Шумахера, если принять другой развитый выше тезис – что христианство «воплощается» в принимающий его народ и каждый народ создает собственное «прочтение» христианства. В идеологии технологической цивилизации отразились некоторые концепции, взятые из очень крайнего и одностороннего прочтения. Другое «прочтение», воплотившееся в русской цивилизации, дает совершенно иное видение и гораздо ближе к тем взглядам, на которые, например, обращает внимание Шумахер. Важно обратить внимание на громадное отличие Православия (по крайней мере русского) от западного христианства – католицизма и протестантизма: отличие не столько в догматах, сколько в духе и конкретных жизненных проявлениях. Православие было несравненно мягче, терпимее, менее воинственно, чем западное христианство. Это, с одной стороны, оказалось его слабостью, оно имело гораздо меньше сил противостоять давлению власти – как до, так и после революции. Но эти же черты защитили его от многих болезненных искажений духовной жизни Запада.

Конечно, большинство этих тенденций проявлялось и в России, но в несравненно более мягкой, многократно смягченной форме. Например, притеснения иноверных (баптистов, штундистов), гонения на еретиков (стригольников, жидовствующих) или даже преследования старообрядцев настолько отличаются по масштабам от грандиозной машины инквизиции, что их даже затруднительно рассматривать как одно и то же явление. В связи с преследованиями жидовствующих новгородский архиепископ Геннадий советовал брать пример со «шпанского короля». Но единичные случаи сожжения еретиков принесли меньше жертв, чем одно единственное небольшое аутодафе в Испании. (В. В. Кожин обратил мое внимание на то, что сохранились имена восьми казненных – притом, что проблема стояла в центре тогдашней политики, о ней много писали.) Точно так же в России, как и во всем мире, существовала вера в колдовство и подозреваемых в нем – казнили. Но Россию миновало преследование колдунов и ведьм, охватившее Западную Европу в XVI–XVII вв. и принявшее столь грандиозный характер, что историки называют его «ведьминским безумием» (Hexenwahn). Вольтер оценивал число его жертв в 100 000, но некоторые историки говорят о миллионах. Наконец, религиозная жизнь России совершенно отлична от западной по той роли, которую в ней играли еретические движения. В Западной Европе они вечно бурлили, иногда широко разливаясь, доходя до крайних, совершенно фантастических форм. Прекрасный обзор их содержится в книге Н. Кона «В поисках тысячелетнего царства» (42). Начиная по крайней мере с VI в. непрерывной чередой появляются эти движения: «Мессии» из Бурга, Адальберта, Танхельма из Антверпена, Эона де Этуаль, петробрузиан, вальденсов, катаров, альбигойцев, Братьев Желтого

Креста, Братьев Свободного Духа, флагеллантов, адамитов, Цвикауских пророков, анабаптистов, рантеров, шейкеров и т. д. и т. д. Часто они собираются вокруг проповедника, называвшего себя Христом (обычно его сопровождала «Мария») или обладавшего «письмом от Христа», подтверждавшим его мессианскую функцию. Нередко его окружали 12 «апостолов». Их действия поражают совершенно невероятными крайностями, как бы стремлением максимально подчеркнуть свой разрыв с жизнью. Поклонение духовному вождю доходило до того, что воду, в которой он мылся, пили в качестве св. причастия. Отрицание официальной Церкви выражалось в сожжении крестов и разрушении церквей, убийствах священников. Некоторые ходили нагими, совершали странные прыжки или нагими водили хороводы вокруг костра. Другие, борясь с грехом собственности, подвергали разграблению целые города. Еще одни считали, что они стали равными Богу или выше его, что делает для них бессмысленными моральные запреты. В качестве утверждения этих положений имели место разнообразные ритуализированные сексуальные эксцессы. Большинство из них считало весь мир — злом, откуда проистекали ритуальные самоубийства и убийства. Более агрессивные считали своим призванием истребление «нечестивых», предрекали наступление времени, когда кровь будет доходить до уздечки коня и ее будут пить как вино. Классическим примером является господство анабаптистов в г. Мюнстере в 30-е годы XVI в., которое сейчас воспринимается как массовое безумие. Подобные течения играли роль еще в Английской революции XVII в. Сравнение с русскими еретическими течениями (см., напр., 43) показывает, что это совершенно несопоставимые явления: и по радикальности их идей, и по крайностям эксцессов, до

которых они доходили, и по их массовости. В целом трудно отрешиться от впечатления, что дух русского Православия в чем-то кардинально расходился с духом западного христианства.

Вероятно, благодаря специфическому складу русского Православия, о котором мы говорили в предшествующем параграфе, его связи с раннеземледельческой религией, в нем с исключительной силой проявляется идея благословения Богом всей твари, Космоса. «Святость твари» является одним из основных принципов русского христианства. Эту идею можно возвести к загадочной фразе Евангелия от Марка (1:13): когда Христос был искушаем сатаной в пустыне, то он «был со зверями». Как реакция на монгольское иго меняется характер русского иночества: основываемые в городе или пригородные монастыри заменяются «пустынями» – отшельник уходит в лес, к зверям. Общение святого со зверями становится стандартным мотивом его жития.

Особенно выделяется тема общения святого с медведем. Сергей Радонежский кормил кусками приносимого ему хлеба ежедневно приходившего к нему медведя. Павел Обнорский жил в дупле липы. Навестивший его Сергей Нуромский увидел его в обществе медведя и других зверей. Особенно распространен образ св. Серафима Саровского с медведем: он встречается во многих народных изображениях святого. Розанов, посетивший Саров, рассказывает, что в память об их близости после смерти св. Серафима сложился обычай – не охотиться на медведей в довольно большом, окружавшем Саров лесу. И не было случая, говорит Розанов, чтобы медведь, встретив человека в этом лесу, причинил ему вред.

Эта связь русских святых с образом медведя кажется мне глубоко символичной, выражающей глубинные и древние переживания. Медведь – это символ Космо-

са, идущий из глубочайшей древности. Само его имя – только описательное (едящий мед) – заменяет табуированное священное имя. В Сибири его называют также «Хозяин», «Мудрый зверь», «князь зверей», «отец», «дед», «старуха» и т. д. Убийство медведя на охоте обычно сопровождается «медвежьим праздником». Над головой и лапами производят ритуальные церемонии, после чего они захороняются отдельно, в особых «медвежьих амбарах». У амуро-сахалинских нивхов и айнов пойманного медвежонка выкармливают грудью. Его выкармливают несколько лет, причем подпиливают клыки и резцы, чтобы сделать его менее опасным. Потом его славят, угощают, одевают как покойника – и расстреливают из луков, отправляя в «другой мир» как посредника между земным и «верхним» миром, где он занимает свое место рядом с Малой и Большой Медведицей (44). Древность этих культов видна из того, что такие же склады лап и черепов медведей, как народы Сибири, создавали и неандертальцы. Особенно большой склад найден в пещере Драхенлох в Альпах. Более того, в одной из альпийских пещер найден череп молодого медведя, жившего около 20 000 лет тому назад, у которого сточены клыки и резцы, как это делали айны и нивхи (45). Образ русского святого, благословляющего медведя, – это символ святости Космоса, апеллирующий к самым древним слоям человеческой души.

Другая столь же фундаментальная концепция – это святость Земли. В украинском фольклоре говорится: Вода – дочь Ульяна, Земля – матери Татьяна, Камне – брати Петро. В русском заговоре: Ты, небо-отец, ты, земля-мать. Землей клялись, кладя ее себе на голову. Перед землей винулись за то, что рвут ее грудь сохой. В. Л. Комарович утверждает, что аналогичные следы почитания Земли отсутствуют у западных славян и

относит эти верования к местной, причерноморской культуре (46). Восприятие христианских представлений сказывается в том, что у Земли праздновались именины – на Симона Зилота, 10 мая, на другой день после Николы вешнего. В русских духовных стихах не раз сопоставляются три матери: Мать Божия, мать, которая дала человеку жизнь в муках, и Мать-Земля. Грехом было оскорблять землю. Во время битвы на Куликовом поле земля плачет по детям своим – русским и татарам. У Достоевского Соня Мармеладова говорит Раскольникову: «Стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: я убил». И Раскольников целует землю «с наслаждением и счастьем». Алеша Карамазов целовал землю и обещал любить ее «целую вечность». Хромоножка говорит: «Богородица – великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость». Конечно, такое отождествление не православно-канонично. Но в Православии многое связывает Богородицу с тварью. В акафисте поется, что Она «всех стихий земных и небесных освящение»; «О Тебе радуется, Богородица, всякая тварь».

Дух христианства, открытого Космосу, пронизывает дореволюционную поэзию Есенина. Пожалуй, он составляет центральный стержень его стихов 16–17-ых годов. Вот типичный пример (47):

То не тучи бродят за овином
И не холод.
Замесила Божья Мать сыну
Колоб.
Всякой снадобью она поила жито,
В масле

Испекла и положила тихо
В ясли.
Заигрался в радости младенец,
Пал во дрему,
Уронил он колоб золоченый
На солому.
Покатился колоб за ворота
Рожью.
Замутили слезы душу голубую
Божью.
Говорила Матерь Божья сыну
Советы:
«Ты не плач, мой лебеденочек,
Не сетуй.
На земле все люди человеки,
Чада.
Хоть одну им малую забаву
Надо.
Жутко им меж темных
Перелесиц,
Назвала я этот колоб –
Месяц».

Этнограф вполне мог бы принять это за «креационный миф» из числа тех, которыми многие народы объясняли происхождение солнца, луны, человека или животных. Идея одухотворенности и даже божественности Космоса – очень древняя и общечеловеческая, она была лишь вытеснена из сознания человечества идеологией технологической цивилизации. Еще в XVII и XVIII вв. подобные концепции обсуждались крупнейшими мыслителями. Лейбниц, например, считал, что вся материя – живая, она состоит из монад, каждая из которых по-своему отражает универсум. В неопубликованных им рукописях Ньютон пишет:

«Во всей материи присутствуют признаки жизни» или «Земля подобна громадному животному, а скорее неодушевленному растению, вдыхающему эфир, чтобы жить... Подобно всему живому она должна иметь начало, молодость, старость, кончину». Подобные мысли Ньютон предполагал развить в своих книгах (например «Оптике»). Но сохранились они лишь в черновиках – им уже не находилось места в складывавшейся стройной механической «системе мира». Дальше направление мысли изменилось на противоположное – усилия науки и научной идеологии направляются на то, чтобы и живое подчинить той же логике «мертвого мира». Иначе складывалось мировосприятие русского Православия.

Близкие настроения чувствуются в учении о св. Софии-Премудрости Божией в трудах русских богословов XX в.: С. Булгакова, П. Флоренского. София – говорит, например, Флоренский (48) – есть идеальная личность твари, ангел-хранитель твари. Тем самым он приписывает Космосу некоторое личностное начало, душу. Учение о Софии исходит из того, что в акте творения Бог передал миру некоторые черты, благодаря которым Он в нем запечатлен. Только благодаря этому в мире возможно творчество, которое есть повторение акта творения. Как говорит св. Афанасий Великий: «Бог благословил, что премудрость его снизошла к тварям так, чтобы во всех вообще тварях и в каждой порознь были положены некоторые отпечаток и подобие ее, то есть Премудрости». В главе «Тварь» в «Столпе и утверждении истины» Флоренского содержится множество рассказов, характеризующих подобное отношение к твари. Например, рассказ об одном коптском святом, который был печальником за людей, скотов и даже червей. Он мог ходить по воде, но од-

нажды заметил, что подошвы сандалий его при этом увлажняются. Он обратился к другому святому, и тот, помолившись, поведал ему, что причина в том, что первый закрывает имеющиеся у него зерна ячменя, которые склевывали птицы, и лишает этим птиц пропитания. С. Булгаков пишет (49): «Мать земля! из тебя родилась та плоть, которая сделалась ложеснами для воплотившегося Бога, из тебя взял он пречистое тело Свое!.. Мать земля, из тебя произрастает хлебный злак и виноградная лоза, коих плод в святейшем таинстве становится Телом и Кровью Христовой». О «первозданной» земле, о которой сказано, что она была «безвидна и пуста», он говорит: «Эта земля есть в потенции своей Богоземля; эта мать таит в себе уже при сотворении своем грядущую Богоматерь». Здесь уже чувствуется созвучность тому взгляду, который у Достоевского высказала Хромоножка. Идею Софии Булгаков выражает так: «София есть мировая душа... Она есть та сверхсознательная душа мира, *anima mundi*, которая обнаруживается в целесообразности строения организмов, бессознательных функциях, инстинктах родового начала». И о мире в целом: «Мировое бытие есть бытие божественное». «Процесс космический есть процесс теокосмический или теогонический, а космос есть теокосмос и космотеос».

Традиция «освящения Космоса» проходит через всю историю Православия. Она подсказывает свое «прочтение», свое толкование христианства и Евангелий. Кто те «ближние», о которых говорит Христос? Какое основание толковать их только как людей, а не как все живое, все сотворенное Богом? Тогда, например, Нагорная проповедь есть собрание заповедей неагрессивного отношения к миру. То есть путь решения своих проблем не за счет внешнего мира, а за счет внутрен-

них сил своей души. В то время как ресурсы внешнего мира ограничены, силы души границ не имеют – это как раз тот источник неограниченной энергии, который Западный мир все время тщетно пытается найти: то в «вечном двигателе», то в «термояде».

Такой путь особенно близок русскому сознанию и проявляется, например, в категории «терпения», играющей в нем громадную роль. Оно рассматривается как добродетель, исключительно высоко стоящая в иерархии народных ценностей: «Бог терпел, да и нам велел», «Без терпенья нет спасенья», «За терпенье Бог дает спасенье». Очевидно, здесь речь идет не о пассивном перенесении тягот, а о принципе неагрессивной духовной силы. В православной системе понятий тот же взгляд на мир выражается образами «святых страстотерпцев» – прежде всего первых канонизированных русских святых Бориса и Глеба. Они приняли смерть не как мученики за веру, но «в подражание жертве Христовой». Казалось бы, мировоззрение, приемлющее подобные идеалы, должно было создать народ, готовый во всем уступать и отступать, легкую жертву своих соседей. Но в тысячелетней истории появились совсем иные черты – и не вопреки, а в связи с этим мировоззрением. Кажущаяся слабость оказалась силой. Как замечает Г. Федотов (50), «святые “непротивленцы” по смерти становятся во главе небесных сил, обороняющих землю русскую от врагов». В «Сказании» об их гибели говорится: «Вы нам оружие, земля Русская забрала и утверждение и меча обоюду остра, има же дерзость поганьскую низлагаем». И в роковой момент русской истории, перед Невской битвой, как рассказывает летопись, находившийся в дозоре воин Пелгусий видел св. Бориса и Глеба в ладье «одетых мглою». «Брате Глебе, – сказал Борис, – вели грести, да поможем сроднику

нашему Александру». Эта фундаментальная антиномия – и не только христианства, но, в какой-то мере, и всякого религиозного сознания: победа в мире дается жертвой в мире. То есть за счет внутренних сил души (прежде всего – Любви), а не физического преодоления внешних препятствий. И Православию очень близко распространение такого взгляда на все области человеческой деятельности, а не только на отношения между людьми. Распространение, возможное лишь за счет осознания Природы как состоящей из наших «ближних», творений – общего Отца.

ЕСТЬ ЛИ НАДЕЖДА?

Имеет ли продолжение в будущее тот «русский путь», который мы обсуждали в предшествующем параграфе? Если имеет, то в нем мы могли бы найти духовную основу для спасения от скорой гибели в зубастой пасти технологической цивилизации. Мы видели, что мироощущение русского Православия включает и осознание родства всей «твари», и идеал самоограничения, выраженный в заповеди терпения или образе «страстотерпцев», – то есть коренные духовные основы, на которые такое спасение как раз может опереться. В вопросе «быть или не быть?», стоящем сейчас перед человечеством, каждая цивилизация, сохранившая еще духовные силы и остатки своей индивидуальности, будет искать свой собственный путь. Но для русской цивилизации вся надежда сосредоточена в «русском пути» – ибо сменить духовную основу народа, складывавшуюся тысячелетиями, столь же безнадежно, как сменить генетический код человека.

Наиболее весомым возражением против реальности подобных надежд представляется мне следующее. Речь идет о мировоззрении, в самой своей основе религиозном. Казалось бы, оно может вызвать коренное изменение нашего жизненного уклада только тогда, когда религия опять станет основой жизни. Но ведь пока до этого еще очень далеко! Как можно строить надежды на предпосылке такого глубинного изменения сознания в считанные десятилетия – если учесть, с какой скоростью технологическая цивилизация пожирает все живое на Земле!

Мне кажется, однако, что положение более сложно и может быть не столь безнадежно. Во-первых, гибельные последствия технологической цивилизации связаны с тем, что не только религия перестала быть движущей силой жизни, но был вытеснен и подавлен несравненно более широкий пласт человеческого сознания. В этом пласте есть элементы, восстановление которых как важных факторов человеческой деятельности является гораздо более простой проблемой, чем глобальное возвращение человечества к Богу. То есть речь идет не о грандиозном скачке в духовной области, а о постепенном процессе. Во-вторых, те концепции, которые почти вытеснены из жизни победным шествием технологической цивилизации, скорее всего, не уничтожены в сознании человечества. Видимо, каждый человек и все человечество обладает памятью колоссальной глубины, в которой эти концепции сохранены. Так что речь идет всего лишь об их «восстановлении в правах» в качестве определяющих стимулов социальной жизни. Обсуждению этих двух факторов и посвящена оставшаяся часть работы.

Вернемся к замечанию Лоренца (приведенному раньше): современный человек теряет моральный кри-

терий в оценке своих действий, так как сама категория морали применима лишь к действиям, направленным на живое, а он имеет дело чаще всего с неживым. Здесь скрывается явление колоссальной важности. Поскольку в сознании современного человека господствуют категории научно-технического, чисто рационального происхождения, то сама идея морали оказывается в нем чужеродной. Как можно, например, обосновать – рационально, логически или экспериментально – хотя бы обращенный к ребенку запрет: «нельзя бить собаку»? Подобные истины невозможно обосновать, и поэтому можно ставить бесчеловечные эксперименты на собаках, способных нас так преданно любить. Можно использовать изощренную современную технику для преследования и истребления китов, которые, быть может, обладают высокой духовной жизнью, подобной нашей. Ничто не препятствует распространить этот образ действий и на людей. Так и были уничтожены как нация североамериканские индейцы – в стране, любящей называть себя «God's own Country» (избранная Богом страна). Да разве они одни? Еще тяжелее был жребий аборигенов Австралии, а из коренных жителей Тасмании не уцелел никто.

Видимо, мораль – это поразительно тонкий и совершенный орган для общения человека со всем живым (включая человека). В этой области он не менее совершенен, чем техника при обращении с мертвой природой. Только благодаря наличию морали живы до сих пор и Человек, и Природа. Но в системе представлений технологической цивилизации мораль не находит себе законного места. Она не уничтожена полностью – например, не дискутируется целесообразность умерщвления стариков, как ни эффективна была бы эта мера с экономической точки зрения. Однако моральные

оценки не опираются на основоположные постулаты идеологии технологической цивилизации, они воспринимаются как «субъективные», «эмоциональные», т. е. малонадежные критерии при оценке нашего поведения. Поэтому они легко уступают под давлением аргументов «целесообразности» и «эффективности», т. е. мораль занимает подчиненное положение сравнительно с «техникой» в широком смысле. Даже когда наши действия опираются на моральные стимулы, мы склонны это маскировать, чтобы придать им характер большей обоснованности. Например, в период борьбы с проектом «поворота рек» в ход чаще всего шли «объективные» и «научные» аргументы – экологические, экономические, технические. Но движущей силой бурлившего тогда (и победившего) «движения сопротивления» являлось, мне кажется, моральное чувство: нечестиво было бы перевернуть задом-наперед древние реки, на берегах которых вершилась наша история.

Отталкиваясь от рассмотренного примера морали, мы можем обнаружить множество других категорий нашего сознания, находящихся в таком же положении. Очевидно, существует громадный слой человеческого сознания, жизненно важный для человечества, но не укладывающийся в рамки идеологии технологической цивилизации. Таковы религиозное чувство, мораль, категория «красоты», фольклор и искусство, большая часть эмоциональной жизни каждого человека. С этим пластом сознания соприкасается, видимо, концепция «коллективного бессознательного» К. Г. Юнга, но далеко с ним не совпадает. Хотя бы потому, что, например, мораль или любовь часто никак не связаны с чем-то «коллективным», наоборот – очень индивидуальны. Мне кажется, что прекрасно передает суть дела термин, употреблявшийся о. С. Булгаковым: «сверхсознание».

Это «сверхсознание» обладает рядом очень своеобразных черт. Во-первых, только благодаря нему возможно религиозное сознание. Сверхсознание предоставляет в распоряжение человека какой-то орган, необходимый для восприятия религиозных категорий. Во-вторых, лишь в рамках сверхсознания возможен вопрос о смысле жизни. Более того, в какой-то мере сверхсознание способно и отвечать на этот вопрос. С точки зрения рационалистического, научно-технического мышления, такой вопрос вообще не существует, является перенесением в одну область понятий, которые осмысленны лишь в другой (например, смысл конкретной, частной деятельности). И это относится ко многим другим важнейшим вопросам человеческой жизни. Научно-техническое мышление, присущее технологической цивилизации, чрезвычайно сузило объем термина «понимание». Фактически понимание редуцировалось к возможности построить механическую модель – хотя бы теоретически. «Понять» явление – значит разложить его на совокупность элементарных связей: «Из *A* следует *B*». Это теоретически можно моделировать как то, что определенное перемещение предмета *A* вызывает определенное перемещение предмета *B*. Может быть, совокупность элементарных связей слишком сложна, чтобы сейчас возможно было изобразить ее механической моделью или даже моделировать при помощи мощного компьютера, но в принципе такая возможность должна существовать. Благодаря такому сужению механизма понимания, множество важнейших явлений остается за его пределами или получают надуманные, неубедительные объяснения. Зато сверхсознание способно, опираясь на религиозное чувство, религиозные ритуалы, на миф, на эстетические и другие эмоциональные переживания, создать в связи с этими вопросами то же

ощущение уверенности, способности выбрать верную линию поведения, какую дает в других, доступных ему ситуациях, технологическое понимание. Мы уже приводили пример сложной системы моральных норм индивидуального человека и человеческих обществ – но таких примеров можно привести множество, и только за счет этих актов «нерационального понимания» человечество смогло существовать сотни тысяч лет, да в значительной степени опирается на них и сейчас.

Наконец, сверхсознание обладает важнейшей особенностью: оно способно быть коллективным, то есть присуще не только отдельным людям, но и целым человеческим сообществам. Видимо, в этом случае сознание всех членов коллектива объединяется и возникает единый «сверхинтеллект» (или «сверхдуша»), способный давать ответы на вопросы, недоступные отдельному человеку. При этом ответ вырабатывается столь отчетливо на надындивидуальном уровне, что отдельные члены коллектива, как правило, не могут его никак аргументировать. Классическим примером является «экзогамия» – система брачных запретов, существующая во всех, даже самых примитивных обществах. Она делает невозможными браки между близкими родственниками. Например, племя делится на две части, два «клана», дети относятся к клану матери и воспрещены браки внутри одного клана. Уже этот простейший принцип исключает брак сестры и брата или матери и сына. Но та же идея применяется и в более сложном виде, делая невозможным браки и других близких родственников. Объективно экзогамия играла громадную роль, защищая племя от вредных генетических последствий близкородственных браков, которые в небольшом племени могли привести к полному его вырождению. Но отдельные члены племени, конечно, не имели никакого пред-

ставления об этих генетических факторах и субъективно воспринимали брачные запреты как «табу» – только такое объяснение они могли предложить европейцам. Да и наше чувство отвращения и страха, вызываемое идеей «кровосмешения», конечно, происходит не из учебника биологии, а из того же древнего источника. Примеров подобного надындивидуального решения социальных проблем, недоступных индивидуальному сознанию, существует очень много – в том числе и в не столь отдаленном историческом прошлом.

Существование надындивидуального сверхсознания является одним из оснований для надежды на выход из теперешнего кризиса – как всего человечества, так и России. Когда нам кажется, что выхода нет, что мы способны обозреть все варианты развития и что все они ведут к катастрофе (например, в связи со стремительным ростом населения и производства и с экологическим кризисом), – то ведь это относится лишь к тем путям выхода, которые способно предложить наше индивидуальное сознание. Мы не имеем оснований считать, что надындивидуальное сверхсознание не способно указать такой выход, основывающийся на принципах, нам сейчас рационально совершенно недоступных. Конечно, это лишь слабая надежда – не уверенность в том, что выход есть, только аргумент против убеждения, что его не существует.

Но для того чтобы можно было опереться даже на эту слабую надежду, система представлений, связанных со сверхсознанием, должна вернуть себе место признанной основы человеческого поведения. Да и в отношении всего мировоззрения русского Православия речь ведь тоже идет о реанимации духовных ценностей, некогда занимавших центральное место в жизни. Возможно ли такое восстановление? Много раз история

показывала, что возвращение назад в ней невозможно. Никакие «реставрации» никогда не были действительно восстановлением прошлого.

Конечно, безнадежно пытаться восстановить конкретный социальный или экономический уклад. Например, не в наших силах восстановить дореволюционную Россию – даже если бы мы признали ее абсолютным идеалом. Но нет оснований полагать, что так обстоит дело с фундаментальными составными частями духовной структуры человечества. Основные человеческие духовные ценности не являются ведь чем-то вроде ракет-носителей, которые, подтолкнув основную ракету на новую траекторию, потом отпадают и сгорают «в плотных слоях атмосферы». Несомненно, они остаются с нами, становясь лишь менее осознанными. Человечество, да и все живое, обладает, видимо, памятью колоссальной глубины. Возможно, в ней хранится вообще вся история, от амебы или Адама. Я приведу лишь несколько примеров, в свое время меня поразивших.

Первый пример – это рассказ одного моего друга-врача о том, как он помогал откачать чуть не утонувшую женщину. Он сказал, что это происходило на берегу моря, и это было счастьем, потому что если бы она столько времени провела под водой в пресной воде, то давно бы умерла. Почему же? Оказывается, это известный факт, что человек может намного больше времени провести под водой в море, чем в пресной воде. Происходит же это потому, что состав крови у человека близок к соленой морской воде, а это объясняется тем, что человек имеет предков, которые когда-то существовали в мировом океане. Но древняя кистеперая рыба выползла на берег и положила начало простейшим наземным позвоночным 350–400 миллионов лет назад. И вот информация о ее существовании, которое было

еще до этого, мы в себе храним и притом настолько четко и конкретно, что она может играть роль в таких реальных ситуациях, как откачивание утопленника. Другой пример касается культурной памяти. На детей колоссальное впечатление производят сказки, если это настоящие, фольклорные, не выдуманные сказки, не выдуманные Михалковым, Чуковским или даже Андерсеном, а, например, Афанасьевские сказки. Почему это происходит? Специалисты по фольклору говорят, что сказки содержат элементы древних мифов. Это мифы, потерявшие свой священный характер. Но чтобы эти остатки мифов так сильно действовали, должно существовать мифологическое сознание, их воспринимающее. Предположим, герой едет в тридевятое царство, но ему преграждает дорогу огненная река, которую он не может пересечь. Он видит, что на берегу пасутся быки, но время от времени с другого берега прилетает птица, хватая быка и уносит его. Тогда он убивает быка, сдирает с него шкуру и ложится, завернувшись в нее. Прилетает птица, хватая его и переносит через реку. Археологи объясняют нам, что заворачивать покойника в шкуру – это был один из распространенных древних ритуалов захоронения. И этнографы говорят, что в сказке тридевятое царство – это потусторонний мир, огненная река – это та граница, которая отделяет наш мир от того мира, а путешествие героя – это путешествие шамана или души после смерти в иной мир. Но почему же это все захватывает малыша, он сидит и слушает, затаив дыхание? Следовательно, сохранились какие-то элементы психики, которые воспринимают это как мифы, он ведь не читал этнографов и археологов и тем не менее он знает это лучше них. Это показывает, что мифы – какая-то грандиозная память человечества, и существует такая же память живого и, может быть,

даже и память космоса. Наконец, и совсем современный пример. Еще в брежневско-андроповские времена, когда религия находилась еще под страшным давлением, — на Пасху к кладбищам двигались неисчислимые толпы людей, чтобы помянуть своих родных. Чтобы добраться до кладбища, нужно было потратить несколько часов. Людей собиралось так много, что власти и не пытались им препятствовать. Значит, древнейший ритуал — поклонения своим почившим предкам — хранится где-то в сознании московского рабочего или сотрудника НИИ.

Мы имеем дело с каким-то совершенно особым видом памяти — не индивидуальной, а **исторической**. Она основана на **переживании** человеком прошлого, она его туда отчасти вновь переносит. Этим она кардинально отличается от механической «памяти» вычислительных машин, являющейся лишь складом большого числа предельно формализованных данных. Но именно механизмы являются идеальными составляющими частями технологической цивилизации. Связь с прошлым значительно предопределяет поведение, создает нечто, подобное инертности. А часть механизма тем совершеннее, чем меньше ее инертность, чем легче она подчиняется сигналу. Идеология прогресса постулирует ценность одного только будущего: «прошлое мертво». И естественно, что в рамках технологической цивилизации историческая память вытесняется из жизни, выпадает из арсенала средств, которыми может пользоваться человечество. Но она органически связана с человеком и может быть уничтожена только вместе с ним. А значит, нет необходимости вновь создавать сверхсознание, религиозное сознание или специфическое мировоззрение русского Православия: они сохранены в исторической памяти. Речь идет вовсе не о возвращении к прошлому, а о преодолении искусственных психологических

запретов, не позволяющих пользоваться реально существующими духовными силами.

Есть много русских пословиц – вроде «Нет худа без добра» – с удивительным, неодноплановым отношением к несчастью, указывающих на содержащуюся в нем пользу, которую только надо усмотреть. Действительно, глубокий кризис в жизни одного человека, народа или всего человечества обнажает вызвавшие его причины, помогает их разглядеть, а значит, и преодолеть. И та катастрофа, в которую технологическая цивилизация ввергла человечество, а сейчас в особенности нашу несчастную Россию, вероятно, тоже послана нам как урок. Каждый новый виток кризиса делает яснее его причины, любой человек уже на своей судьбе ощущает грозящий финал. Перед лицом разверстой у наших ног пропасти нам не остается иного выхода, как обратиться к древним и надежным ориентирам, пользуясь которыми человечество прожило сотни тысяч лет, сохранив физическое и духовное здоровье.

В ЭПОХУ САМИЗДАТА

*Статьи и выступления
разных лет*

ОБОСОБЛЕНИЕ ИЛИ СБЛИЖЕНИЕ?

(Национальный вопрос в СССР)

Из всех жгучих проблем, скопившихся в нашей жизни, вопрос об отношениях между нациями, кажется, самый больной. Ни на какой другой почве не сталкиваешься с такими взрывами обиды, злобы и боли – ни в связи с материальным неравенством, ни с духовной несвободой, ни с притеснениями религии. Вот два примера.

Не раз уже – и не одному мне – приходилось слышать в наших среднеазиатских городах выкрик: «Вот китайцы придут, они вам покажут!» Говорят это обычно не совсем некультурные люди, которые не могут не знать, что для них будет означать приход китайцев, хотя бы по примеру киргизов, еще счастливо отделавшихся – ограбленных и выгнанных из Китая. (О тибетцах, например, радио сообщало, что они подвергаются массовой кастрации.) Знают – и тем не менее говорят. Видимо, накал чувств, подавляющих даже инстинкт самосохранения, здесь такого уровня, как на Западной Украине в 1941 г., когда отряды ОУН нападали на отступавшие советские войска, а руководство ОУН заключило соглашение с немцами, хотя по примеру Польши не могло не предвидеть того, что через 1,5 месяца и произошло – ареста всего руководства и разгрома большей части отрядов.

Такое же впечатление остается, если сравнить, как в Самиздате трактуется национальный вопрос и другие, казалось бы, не менее острые проблемы, будь то положе-

ние заключенных в лагерях или заточение здоровых людей в психиатрические больницы. Уже многие обращали внимание на то, что в подавляющем числе произведений Самиздата авторы добровольно подчиняются некоторым запретам, определенные пути для них закрыты: разжигать злобу, зависть к живущим лучше, призывать к насилию. По-видимому, некоторые уроки прошлого усвоены так глубоко, что превратились уже в устойчивые нормы мышления. На почве же национального вопроса все такие запреты исчезают. Здесь можно встретить негодующие описания того, что один народ живет лучше другого или хоть и хуже, но все же получает больше, чем выработал. Самиздатские проекты решения национального вопроса обычно включают требования различных насильственных переселений, прозрачные намеки, что, впрочем, можно бы поступить и более жестко. Производит впечатление, что, вступая в эту область, наоборот, забывают все, чему научило прошлое.

Болезненность и острота отношений между нациями не является исключительной особенностью нашей, советской жизни, – она сейчас видна во всем мире. И мы можем попробовать понять свои проблемы, только осознав их как преломление на нашей почве общих для всего человечества закономерностей.

Совершенно неожиданно XX век оказался веком неслыханно обострившегося национализма. В прошлом столетии общее убеждение было – что национальная проблема отживает свой век, что малые нации постепенно растворяются в больших, различия между большими будут постепенно сглаживаться и в недалеком будущем человечество сольется в общемировом единстве, может быть и с единым языком. Действительность оказалась как раз противоположной. Страны, столетия жившие в национальном мире, оказались охваченными националь-

ной рознь. Появились разновидности национализма, о существовании которых раньше и не подозревали, например, бретонский, валлонский или валлийский. Национальная вражда достигла неслыханной раньше степени взаимного озлобления, привела к истреблению целых народов, например, в результате войны в Нигерии.

Это не единственный просчет в прогнозах XIX века, не единственный случай, когда господствовавшая тогда идеология оказалась прямо противоположной тому будущему, которое этот век готовил. Тогда казалось, что перед человечеством открывается ясный путь построения жизни, все более подчиненной принципам гуманности, уважения к правам личности, демократии. Казалось, что Россия именно потому загораживает дорогу прогресса, что внутренняя жизнь ее недостаточно либеральна и демократична. Один Достоевский, кажется, предчувствовал, что судьбы мира будут совсем иными.

Историческая роль XX в. сказалась именно в том, что громадные части человечества подпали идеологии максимального подавления личности. Социализм, столетиями высказывавшийся как учение, стал материализоваться в форме социалистических государств. Этот процесс с начала XX в. шел с остановками, но почти только монотонно расширяясь, и нет никаких оснований считать, что он закончился. В свете этой основной тенденции XX в. и следует пытаться понять национальный вопрос как во всем мире, так и в нашей стране.

В начале XX в. картина мира определялась ролью, которую в нем играли «великие державы» – сильнейшие государства, руководимые народами, воодушевленными верой в особую роль, которую они призваны играть в мире. Социалистические течения могли выбирать в этой ситуации между двумя стратегиями: использование устремлений великих наций, их веры в свою миссию

или подавление этих стремлений. Обе стратегии были испробованы. Опыт показал, что если использование национальных чувств может оказаться полезным для укрепления устойчивости уже сложившегося социалистического государства (особенно в период тяжелого кризиса, войны), то для захвата власти, для вовлечения новых народов в социалистическую идеологию несравненно эффективнее раздувание антинациональной идеологии, в особенности направленной против крупных наций и сопровождающейся некоторым поощрением патриотизма мелких народностей. Эта стратегия и стала основным оружием социалистических течений марксистского направления, основой идеологии которых был интернационализм, отрицание и разрушение патриотизма, учение о разделении нации на две враждебные культуры. Это мировоззрение, враждебное духу государств с сильно выраженной национальной и в особенности религиозной идеей, способствовало их разрушению, само же укреплялось в периоды кризисов этих государств. Что бы здесь ни было причиной, а что – следствием, мы явно имеем дело с двумя проявлениями одного процесса.

Сначала жертвой этого процесса пало Русское Царство, стоявшее на православной основе, потом Австро-Венгрия, еще сохранившая тысячелетнюю традицию священной Римской Империи. Через четверть века пришел черед Германии как единого немецкого государства. Но и среди ее победителей Британская Империя вскоре перестала существовать.

Все эти политические катастрофы сопровождались яростными идеологическими атаками на те народы, которые в этих странах играли руководящую роль, против их претензий на особую историческую миссию. Например, в послевоенной (после Второй мировой войны) Германии целая литература поставила своей целью доказать

немецкому народу его греховность, неизгладимую вину перед всем человечеством. Раскаяние как на уровне личности, так и народа – одно из самых возвышающих движений души, и уж, конечно, немцам есть в чем каяться. Но раскаяние теряет смысл, если нет той высокой цели, ради которой совершается очищение, оно превращается тогда в акт духовного самоубийства. А нам, русским, так знакома эта тема «проклятого прошлого», лишаящая народ его истории! И кажется символичной тесная личная связь между немецкими литераторами этого покаянного направления и политиками, убеждающими немцев в том, что их величайшей заслугой перед миром будет примириться навеки с разделением своей страны, то есть признать смерть германского народа.

И, наконец, в США такая ожесточенная кампания против войны во Вьетнаме вряд ли имела своей причиной повышение моральной чуткости, большее понимание своей ответственности. Иначе непонятно, почему, например, уничтожение целого народа ибо в Нигерии, сопровождавшееся большим числом жертв, чем вся война во Вьетнаме, прошло совершенно незамеченным. Да некоторые руководители антивоенного движения открыто признавали, что дело не в войне. «Закончите войну во Вьетнаме, – и мы выдумаем новые требования», – говорил один из них. Производит впечатление, что истинной целью, в которую метило это движение, была претензия Америки на особую роль в мире, чувство великой нации, еще не исчезнувшее у американцев.

Разрушение великих империй во все времена протекало параллельно обострению национального чувства отдельных входящих в них наций, обособлению этнических групп, стремлению их выделиться как самостоятельные нации. Опять здесь нельзя дать единого ответа – что было следствием, а что – причиной. Национальный

сепаратизм и выступал как разрушающая старую империю сила и стимулировался пустотой, которая создавалась в душах уничтожением чувства общеимперского единства, высокой объединяющей цели. Эта параллельность ярко видна и в XX в., где все более проявляются обе тенденции: к уничтожению великих государств, руководимых национальной идеей, и раздроблению человечества на все более мелкие национальные единицы.

* * *

Мне кажется, что, исходя из этой точки зрения, есть надежда понять, почему именно в нашей стране национальный вопрос является особенно болезненным. Причина в том, что теперешние отношения национальностей являются следствием *противоречивого* исторического процесса. С одной стороны, обособление различных наций, стремление к наибольшей национальной независимости протекало параллельно с подчинением всей жизни социалистической идеологии. Это были столь тесно переплетающиеся процессы, что во многих случаях их проявления трудно различить. Например, когда тенденции к обособлению нерусских наций сознательно развивались как противовес русскому патриотизму, который рассматривался тогда как основная опасность. Но с другой стороны, эти национальные устремления вскоре столкнулись с глубокими, основными сторонами социалистической идеологии – враждебностью к идее нации, стремлением подчинить ее себе, как и человеческую индивидуальность.

Таким образом, национальная жизнь многих народов сейчас является жертвой именно той силы – социалистической идеологии, – при содействии и под сильным влиянием которой у них еще не так давно вырабатыва-

лась система взглядов нетерпимого, радикального национализма. Эта идеология оставила такой сильный след в национальном мировоззрении, так сильно в него проникла и с ним смешалась, что тем, кто исходит из национальных позиций, исключительно трудно осознать, что именно она является основной причиной их несчастий.

На этой почве возникает та, как мне кажется, в корне неверная концепция, которая лежит в основе почти всех известных мне выступлений по национальному вопросу в нашей стране (я имею в виду, конечно, лишь свободную от цензуры литературу). Концепция эта очень проста:

Все проблемы национальной жизни нерусских народов сводятся в конечном счете к подавлению этих народов русскими, к стремлению их русифицировать. Области, населенные этими народами, являются русскими колониями. Перед народами стоит ясная цель: освобождение от русского колониального владычества.

Вполне понятна соблазнительность такой точки зрения. Она вводит сложную проблему в рамки некоторых простых и повсеместно принятых взглядов. Все сейчас согласны с тем, что колониализм – позор XX века и что колонии должны как можно скорее стать независимыми. Поэтому получить в глазах мира «статус колонии» – значит сейчас обеспечить себе автоматическую поддержку колоссальных сил. И это значит – предложить своему народу очень ясный, простой путь. Но решения сложных проблем никогда не бывают примитивно-простыми. Мы должны тщательно проверить, верно ли основное положение этой концепции, – что нерусские народы СССР находятся в колониальном подчинении у русского народа, – не только для того, чтобы знать правду, но потому, что вывод, основанный на неверной предпосылке, не может быть надежным для тех народов, которым его предлагают.

Те аргументы, которыми обычно обосновывается зависимое, колониальное положение нерусских народов СССР, на первый взгляд производят абсолютно убедительное впечатление. Чаще всего встречаются следующие.

1. Из территории, населенной нерусскими народами, выкачиваются большие ценности, за счет которых обогащается населенная русскими часть СССР.

2. Уменьшается плотность коренного населения, оно разрежается. Указывается две причины: депортация коренного населения (в прошлом) и переселение большого числа русских (в настоящее время). Русские прибывают в качестве рабочих на новые промышленные предприятия, создание которых часто экономически не обосновано, не нужно для развития этой области.

3. Подавляется национальная культура. Запрещается и преследуется проявление национальных тенденций в искусстве. Насильственно проводится определенная линия в истории, умаляющая национальную самобытность народа. Исторические реликвии не охраняются, разрушаются, древним городам и улицам даются не связанные с историей народа названия.

4. Подавляется национальная религия.

5. Национальный язык все больше вытесняется русским.

Но эти аргументы приобретают другой смысл, если мы спросим: не относятся ли они и к русскому народу? Разберем их по порядку.

1. В некоторых произведениях на национальную тему обращается внимание на то, что жизненный уровень русского народа ниже, чем у многих других народов: грузинского, армянского, украинского, латышского или эстонского.

Иногда это даже рассматривается как признак особого колониализма: колониализма русского типа. Не есть ли

это попытка обойти противоречие путем введения нового термина? Кажется очевидным, что здесь общее явление: громадная часть ценностей, производимых всеми народами, не возвращается к ним. И легко угадать, куда они идут: на поддержание гигантской военной машины и гражданской бюрократии, на деятельность в космосе, помощь азиатским, африканским и латиноамериканским революционным движениям, а более всего – на компенсацию неэффективности экономики.

2. Вряд ли кто-либо будет утверждать, что в прошлом, – например, в период коллективизации, – русский народ меньше пострадал от депортации, чем другие народы. По поводу же современности здесь и обращено внимание на совершенно общую причину – непропорциональное, не обоснованное интересами никакого народа развитие экономики. Эта причина и швыряет массы и русских, и нерусских, отрывая от их национальных задач. И если в документах, написанных украинцами, встречаешь жалобы на переселение русских в Украину, то, например, эстонцы и латыши жалуются на то, что к ним переселяется все больше не только русских, но и украинцев.

3. Подавление русской национальной культуры началось тогда, когда любое проявление национальной самобытности других народов еще активно поддерживалось. И сейчас во многих самиздатских статьях по национальному вопросу русские обвиняются в «великодержавном шовинизме». А ведь этот термин был пущен в ход более полувека назад и практически означал призыв к преследованию любого проявления русского национального сознания.

Еще до того как за это взялось государство, еще с прошлого века всеильное либеральное общественное мнение объявило русский патриотизм реакционным, для русских – позорным, для всех – опасным.

И так до сих пор русское национальное сознание живет под неусыпным враждебным присмотром, как преступник, сосланный под надзор полиции. Вот одно из последних суровых предупреждений. Группа анонимных авторов напечатала несколько связанных друг с другом статей, почти сборник, в № 97 «Вестника Русского христианского студенческого движения». Слово, составляющее (правда, в латинском переводе) заглавие первой статьи, то, что в других статьях сразу подкупает читателя, – это призыв России к покаянию. Но среди всех прегрешений России какой же самый страшный грех усмотрели авторы? Оказывается, это вера в то, что Россия обладает исторической миссией, что и она несет миру свое, новое слово или, как говорят авторы, – «русский мессианизм». В этом-то грехе они требуют у русских покаяние, указывая это даже как основную цель России в будущем. Ставить целью так изменить сознание народа, чтобы он не смел думать, что его жизнь имеет цель! К какому другому народу обращались с подобными поучениями?

Несколько поколений русских были воспитаны на такой трактовке русской истории, которая могла привести только к одному желанию – попытаться забыть, что у нас вообще было какое-то прошлое. Россия была и «жандармом Европы», и «тюрьмой народов», ее история заключалась «в том, что ее непрерывно били», наша история обозначалась одним термином: «проклятое прошлое».

Вряд ли метла переименований, чистившая все, что связывает нас с нашей историей, прошла по другому народу более жестоко, чем по русскому. Предлагаю любому провести простой опыт: сесть в автобус, идущий по центру Москвы, и послушать, какие остановки объявляет водитель. Тогда бросится в глаза, что уже редкими исключениями стали улицы, сохранившие свои старые,

исконные названия, – точно некая щетка оттирала все признаки, которые могли бы напомнить, что у русского народа была история.

4. То же самое можно сказать и о подавлении религии. Здесь Русская Православная Церковь приняла на себя первый удар, когда ислам, например, встречал еще очень бережное отношение. И в этом первом натиске большая роль была отведена как раз использованию религиозной политики других наций: например, созданию независимой, автокефальной грузинской Церкви или попыткам создать такую Церковь на Украине.

И лишь с последним, пятым из перечисленных выше аргументов необходимо согласиться: вся эта деятельность осуществляется в основном на русском языке как на государственном языке СССР. Но что от этого выигрывают русские?

Можно указать и другие болезненные явления в нашей национальной жизни – прежде всего, это катастрофическое разрушение деревни, которая всегда была основой национальности. Но и от этого русские пострадали никак не меньше, чем другие народы.

Мне кажется, что теория «русского колониализма» не только несправедлива по отношению к русскому народу, она фактически неверна, а тем вредна и для других народов, ибо мешает им верно понять свою национальную жизнь. На самом же деле, *основные особенности национальной жизни СССР являются непосредственным следствием господства у нас социалистической идеологии. Эта идеология враждебна каждой нации, как она враждебна и каждой отдельной человеческой личности. Она может временно использовать в своих интересах устремления тех или иных народов, но ее основоположная тенденция – это максимальное разрушение всех наций. Русские страдают от этого никак*

не меньше других, именно они первыми приняли на себя удар этой силы.

* * *

Если принять такую точку зрения на то, как сложилось сегодняшнее положение наций, то надо соответственно изменить и практическое отношение к современным проблемам. Если нельзя переложить вину на сложившееся положение на один народ, то надо признать, что в какой-то мере *ее разделяют все*. Такая точка зрения представляется мне плодотворной, так как она освобождает мысль от веры в подвластность внешним причинам, в которых мы, как правило, не властны, и направляет ее на причины, скрытые внутри нас, которые тем самым в большей мере подчинены нам. Такая дилемма стоит и перед личностью: определяются ли основные контуры ее судьбы внешними факторами – материальными причинами, социальной средой и т. д., – или они в основном внутренние. В конце концов это есть вопрос о свободе воли. Встает он и перед нацией. Но здесь, если признать превалирующую роль внутренних причин, если признать, что судьба народа больше определяется современными им действиями, его собственным мировоззрением, чем внешними факторами, то надо сделать и тот вывод, что, порвав с русским народом, этих внутренних причин не изменишь. Иначе говоря, отказавшись от правильности представления о «колонизации», надо заново пересмотреть и концепцию «деколонизации».

Здесь я имею в виду лишь то, что необходимо освободиться от некоторого штампа мысли, от непроверяемого, необсуждаемого убеждения в том, что разрыв с русскими и создание собственного государства для каждого народа даст автоматическое решение всех его про-

блем. Мне кажется, здесь есть глубокая аналогия с позицией тех деятелей русской культуры, которые поддались соблазну недавно появившегося такого для нас непривычного выхода – эмиграции. В обоих случаях в основе лежит надежда «убежать от своей тени» – внешними средствами решить проблемы по существу внутренние.

Мы все создавали предпосылки для тех проблем, которые сейчас стоят перед нами: здесь потрудились и русские нигилисты, и украинские боротьбисты, и латышские стрелки, и многие другие. Как же можно надеяться порознь распутать этот узел, затянутый совместными усилиями?

Наши отцы все вместе дружно объявили Россию «тюрьмой народов», прилагая к ней слова вдохновлявшего их гимна «...разрушим до основанья, а затем...». Разрушение «тюрьмы народов» удалось на славу, но вот «затем...» – затем, например, группа эстонских националистов обращается с письмом в ООН, уверяя, что сейчас создалась опасность для самого существования эстонского народа. И одновременно призывая к тому, чтобы порвать до конца все связи с народами СССР, выселить русских и украинцев из Эстонии, ввести войска ООН. Так разве мало нас учила история, что это не верх государственной мудрости – выбрасывать многовековые связи, как ненужный хлам, что начинать надо не с того, чтобы «разрушить до основания», а с того, чтобы *менять и улучшать?*

Народы нашей страны спаяны общей историей. Она наделила нас единственным во всем мире опытом, которым не обладают никакие другие народы. Как это ни странно звучит, но во многих отношениях мы сейчас находимся неизмеримо дальше на историческом пути, чем многие народы, которые мы привыкли только «догонять». Та фаза, в которой сейчас находятся Западная Европа и США, удивительно напоминает эпоху расцвета «нигилизма» в нашей стране, то есть нашу историю

столетней давности. Этот выстраданный нами опыт накладывается на нас и моральные обязательства. Мы сейчас способны увидеть и сказать миру то, что никто другой не в состоянии. В этом я вижу историческую миссию тех народов, которые населяли Россию, а сейчас – Советский Союз. Они могут указать выход из лабиринта, в котором сейчас заблудилось человечество. И это единственный способ, каким любой из наших народов может оказать влияние на судьбу человечества, а тем самым и на свою судьбу. Конечно, внутреннее дело, дело совести каждого народа решить, принять ли на себя эту миссию. Здесь невозможно судить, осуждать за то, какое решение принято. Но мне кажется, что не будет бестактным вмешательством высказать свою точку зрения на этот вопрос, который ведь кровно касается всех нас.

Почему, собственно, нужно считать, что разные народы не могут добровольно и к общему благу жить в пределах одного государства? Тогда позволительно задуматься, – а могут ли разные личности? Конечно, появление все более мелких государств – это тенденция последних десятилетий, но ведь из этого не следует, что она правильна. Небольшие и совсем крохотные государства, которых все больше появляется в последнее время, слишком слабы – во всех отношениях они обречены зависеть от более крупных и становиться их приживальщиками. Силой они могут стать только действуя вместе, подчиняя свою индивидуальность общности, из всех выходов выбирая всегда тот, который не вызовет ничего возражения, то есть самый тривиальный. Так возникает та «охлократия наций», картину которой мы видим в ООН. А ведь процесс находится еще только в самом начале. Сейчас в мире около 2000 наций и около 150 государств. Если тенденция к образованию однопациональных государств будет продолжаться, существующие государ-

ства надо будет еще раздробить более чем вдесятеро. Но и создание этих государств-песчинок не дает спасения от тех же бед: мы видим, что они по-прежнему страдают от той же язвы межнациональных и межплеменных раздоров. И вот такой путь предлагается как идеальный во многих самиздатских работах по национальному вопросу. В одной из них даже высказывается интересная мысль, что любое село вполне может стать государством. Стоит попробовать продумать это предложение всерьез и представить себе такое «государство»: откуда в нем возьмутся самые простые сельскохозяйственные машины или электрическое освещение, где оно возьмет учителей и врачей? А почему бы и всему человечеству не последовать, разбившись на села, этому удачному примеру? Стоит представить это себе и становится ясно, чем с охотой готов пожертвовать автор проекта ради своей идеи всеобщего обособления.

Ничто не указывает на необходимость раздробления государств до национальных атомов! Наоборот, сотрудничество разных народов порождает культуру качественно более высокую, чем мог бы создать один из них. Культура и самого крупного из народов приобретает новое измерение, которого не имела бы иначе. А гении, принадлежащие небольшим народам, достигают общечеловеческого значения, которое они вряд ли могли бы иметь, если бы не были причастны более мощной родственной культуре, – как шотландец Вальтер Скотт – общеанглийской. Но наиболее яркий пример принадлежит именно нашей культуре – я имею в виду, конечно, Гоголя. Как ни грандиозен его гений, думаю, что он не смог бы раскрыться в такой глубине, достигнуть самой вершины человеческих возможностей, если бы не был обогащен русской культурой. И его влияние на человечество было бы несравненно слабее, если бы его светом не светила вся русская культура.

Такое направление можно заметить и во взглядах Шевченко, об этом свидетельствует его русская проза, желание быть также и русским писателем.

Мне кажется, что этот путь для народов нашей страны не закрыт, но найти его сейчас непросто, для этого нужны и изменение привычных точек зрения, и усилия, и добрая воля. Было бы очень жаль, если бы меня поняли так, что, по моему мнению, этих усилий следует ожидать лишь от нерусских народов. Именно русские должны во многом переломить себя.

Не думаю, что русские грешат тем национальным высокомерием, которое имеется в отношении западных европейцев к их восточным соседям и тем более к не-европейским народам. Русские легко смешиваются с другими народами и часто склонны даже слишком низко ценить свою культуру.

Упоение силой – порок каждого большого народа – отнюдь не чуждо и русским. Если армии большой страны обрушиваются на маленькую соседку и если это им благополучно сходит с рук, то подавляющая часть населения большой страны испытывает при этом гордость и удовлетворение, – увы, надо признать, что такова была в течение многих веков психология многих наций и русские в этом отношении не являются исключением. Но мы не можем себе этого позволить, если хотим сохранить хоть тень надежды на то, чтобы жить в одном государстве с нашими теперешними соседями! И поэтому какой-то странной провокацией выглядит, когда журнал «Вече» начинает свою деятельность с описания среднеазиатских подвигов Скобелева, как будто самые важные войны в нашей истории были те, в которых покорялись другие народы.

Но есть и типично русский порок в нашем отношении к другим народам. Это – неумение видеть «грани-

цу», отделяющую нас от других наций, отсутствие внутреннего убеждения в их праве существовать именно в их самобытности. Как часто приходилось мне слышать, что русские с каким-то наивным недоумением пытались понять, почему украинцы, белорусы или литовцы не хотят хорошенько выучить русский язык и превратиться в настоящих русских. В этом корень и подтрунивания над украинском языке, бестактных выдумок вроде «самопер попер до мордописьни», в нежелании признать украинцев за отдельный народ и недоумении – почему эти «русские» так странно коверкают наш язык?

Может быть, это происходит от вывернутого, ложно понимаемого чувства равенства – ведь мы считаем всех этих людей равными себе, сразу (хотя и без их спроса) записываем их в русские. Но легко понять, какой ужас и негодование это вызывает у других, особенно маленьких народов, видящих надвигающуюся на них необозримую массу, готовую растворить их в себе без остатка.

Большинство животных, способных умертвить себе подобных, природа снабдила тормозными механизмами, делающими для них такое убийство невозможным: волк не может распороть шею волку, побежденному в драке, ворон – выклевать глаз другому ворону. Ни люди, ни нации такими тормозными механизмами не снабжены. Они могут их только выработать в процессе *духовного развития*. Такая цель стоит перед русским народом. Мы можем рассчитывать на симпатию или хотя бы невраждебное отношение наших соседей, только если будем видеть, например, в эстонцах не просто людей во всех отношениях нам равных, но почувствуем, насколько богаче наша жизнь оттого, что рядом с нами живет этот маленький мужественный народ, готовый нести любые жертвы, но не отказаться от своей национальной индивидуальности.

* * *

Возможна ли та картина, которую я пытался здесь изобразить? Я очень хочу надеяться, что возможна, но честно должен сказать: в том, что она осуществится, я не уверен. Слишком многое здесь наболело и слишком мало времени, может быть, осталось, чтобы исправить содеянное. А может быть, национальный вопрос потому самый болезненный, что он самый трудный, – ведь он заключается в том, чтобы научиться, как столь сложно организованные индивидуальности, какими являются нации, могут жить вместе, не поступаясь своей индивидуальностью. И может быть, надо искать другие гораздо менее очевидные пути его решения.

Но в одном я уверен – его нельзя решить, не отказавшись от укоренившихся штампов, от «коротеньких мыслей», как говорил Достоевский. И нельзя его решить на почве ненависти, взаимных попреков. С этой почвы необходимо сойти, а для этого нужно попытаться переориентировать сложившиеся десятилетиями, а иногда и веками, установки, превратить силы отталкивания в силы сближения. Это необходимо далеко не для того только, чтобы попытаться сохранить связи между народами нашей страны, в этом направлении должен прилагать свои усилия всякий, кто относится ответственно к судьбе своего народа – при любом взгляде на его будущее.

Некоторая близость во взглядах, умение понять друг друга нужны не только для того, чтобы жить вместе в одном государстве, но даже и для того, чтобы разойтись.

В. Маклаков высказал однажды любопытную мысль. Националисты, говорит он, обычно требуют плебисцита, считая, что, если большинство населения их области выскажется за отделение, независимость им должна быть предоставлена. То есть они считают, что вопрос может

быть решен волей большинства голосов в их области, в то время как во всем государстве они ведь составляют меньшинство. И наоборот, воля их – меньшинства – в масштабе всей страны должна быть решающей, в то время как меньшинство жителей области, не желающих отделения, должны подчиниться большинству.

Конечно, в жизни наций может настать момент, когда утрачена всякая духовная связь и совместное обитание в рамках одного государства будет только увеличивать взаимное озлобление. Но рассуждение Маклакова кажется мне интересным как парадокс, доказывающий путем приведения к абсурду, что никакой плебисцит (и даже введение войск ООН) не может решить тонкие и органические вопросы жизни наций. Каково бы ни было решение, единственный здоровый путь к нему – сближение народов. Альтернатива ему – только путь силы, на котором каждое решение оказывается лишь временным, ведет лишь к следующему, более тяжелому кризису.

Можно надеяться, для этого действительно есть реальные основания, что во многих отношениях уроки прошлого не прошли даром для наших народов. Своим опытом мы защищены от многих соблазнов, но не от всех. В смутную эпоху *классовая* ненависть, вероятно, не сможет больше стать той спичкой, которая подожжет наш дом. Но национальная – вполне может. По подземным толчкам, которые слышатся сейчас, можно судить, какой разрушительной силой она способна стать, вырвавшись наружу. Наивно думать, что кто сумеет ввести эту стихию в желательные для него рамки – с злобы и насилия подчиняются своим собственным законам и все пожирают тех, кто их развязал.

Кто может рассчитать, какие народы переживут еще один катаклизм, может быть более страшный, чем все, что довелось испытать до сих пор?

В этом последняя причина той крайней степени остроты, которую имеет национальный вопрос, — он может стать вопросом *существования* наших народов.

ЕСТЬ ЛИ У РОССИИ БУДУЩЕЕ?

I

Едва только стал к нам возвращаться дар свободной мысли, а уже возник этот страшный, но неизбежный вопрос: КАКОВО БУДУЩЕЕ РОССИИ И НАШЕ МЕСТО В ЕЕ СУДЬБЕ? Как ни отпугивает он своей непосильностью и неразрешимостью, о нем нельзя не думать, от ответа на него зависят ответы на остальные вопросы жизни.

А думать страшно, потому что возникает сомнение, которое жутко и выговорить: ЖИВА ЛИ ЕЩЕ РОССИЯ? Ведь жизнь и смерть народов не так резко разграничены, как у живых организмов. Историческое предназначение народа может быть исполнено, творящая душа может его уже покинуть, а тело его — государство — будет десятилетиями активно: казнить еретиков или покорять соседей. Для великой страны ЖИТЬ — не означает лишь не распадаться на части и сводить концы с концами в своем хозяйстве. Она должна еще осознавать ту цель, ради которой существует, свою миссию в мире. Есть ли сейчас у России такая миссия?¹

¹ «Вера в то, что хочешь и можешь сказать последнее слово миру, что обновишь, наконец, его избытком живой силы своей, вера в святость своих идеалов, вера в силу своей любви и жажды служения человечеству, — нет, такая вера есть залог самой высшей жизни нации и только ею они и принесут всю ту пользу человечеству, которую предназначено им принести, всю ту часть жизненной силы своей и органической идеи своей, которую предназначено им самой природой, при создании их, уделить в наследство грядущему человечеству. Только сильная такой верой нация имеет право на высшую жизнь». Достоевский. Дневник писателя. 1877 г. Январь, гл. 1.

Недавно в одном из самых ярких и умных произведений, которые дала русская мысль после революции, А. Амальрик¹ предложил ответ на этот вопрос. На основе многих тонких наблюдений и исторических параллелей он пришел к выводу, что Россия приближается к завершению своего исторического пути. По его мнению, некоторое смягчение строя не свидетельствует о начале продуманной политики либерализации: оно есть признак одряхления режима, который не способен ни изменяться в ответ на требования жизни, ни достаточно эффективно бороться с сопротивлением, которое встречает. Но нет и других сил, способных претендовать на руководство жизнью. Интеллигенция, или средний класс, как ее называет автор, проникнута бюрократической психологией, культом покорности, она бессильна выработать независимую точку зрения или организовать. Христианская мораль выбита и выветрена из сознания народа, который способен уважать лишь силу, но не личность и свободу. Русскому народу, считает автор, вообще чужда идея равенства всех перед законом, идея свободы и вытекающей из нее ответственности, он отождествляет свободу с беспорядком. Вместо нее у народа есть другая идея – справедливости.

Но и она носит деструктивный характер, сводится к принципу: пусть никому не будет лучше, чем мне. С пугающей убедительностью рисует автор наше будущее: неудачную, затяжную войну с Китаем, рост центробежных сил местного национализма, нарастающие экономические, в частности продовольственные, трудности, разрушительные и жестокие взрывы народного недовольства и в конце – гибель России, распадение ее на части. Амальрик предсказывает и срок, когда закончится наша 1100-летняя история, – это 1980-е годы.

¹ Амальрик А. «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» За свои мысли автор поплатился свободой.

Таков ответ, который Амальрик дает на наш вопрос: Россия умерла, впереди ее разложение. Что ж, великие государства гибли и раньше и чувства отчаяния и внутреннего протеста, которые вызывает вынесенный России приговор, не означают, что он несправедлив. Но эти чувства требуют от нас принять приговор только после того, как будут отброшены все остальные возможности, продуманы все пути развития. А такого впечатления работа Амальрика как раз не оставляет. Если, например, автор в одной фразе утверждает, что у русского народа идея справедливости оборачивается ненавистью ко всему из ряда вон выходящему, к любой индивидуальности, а в предыдущей – что за справедливость русские готовы и на костре сгореть – то здесь явно что-то не сходится. Вообще производит впечатление, что идея справедливости как силы, которая может влиять на историю, чужда автору, она лежит не в той плоскости, в которой он мыслит.

Значение этой работы представляется мне именно в том, что в ней *один* путь пройден до конца, один строй мыслей продуман исчерпывающе. Если смотреть на историю с точки зрения взаимодействия *интересов* различных социальных групп и личностей, их прав, гарантирующих эти интересы, или как на результат воздействия экономических факторов, то у России будущего нет – против аргументов Амальрика возразить нечего.

Но ведь есть в истории процессы, которые основываются на совсем других принципах. Не нам забывать такой пример, как Октябрьская революция. Уж кто лучше Ленина чувствовал малейшие колебания социальных и классовых сил, а за несколько дней до февральского переворота он не видел никаких признаков социалистической революции и в письме к швейцарским рабочим убедительно доказывал, что сейчас она и не может победить в России, самой мещанской стране Европы.

Или когда на 400 лет раньше неизвестный монах Лютер вступил в борьбу с величайшей силой тогдашнего мира, казалось, что он действует противно всем социальным и историческим законам.

Вот с такой точки зрения хотелось бы еще раз продумать судьбу России. Медицина много может сказать о болезни и смерти, но религия знает еще и воскресение. И где больше, чем в жизни народов применимы эти загадочные слова:

ИБО КАК СМЕРТЬ ЧЕРЕЗ ЧЕЛОВЕКА,
ТАК ЧЕРЕЗ ЧЕЛОВЕКА И ВОСКРЕСЕНИЕ

(1 Кор 15 : 21)

II

Кажется, что слова эти обращены прямо к нам, указывают нам путь. Ведь если ни класс, ни партия, ни удачное сочетание сил в мировой политике не способны остановить ту тень смерти, которая начинает уже опускаться на Россию, то значит, это может быть сделано только ЧЕРЕЗ ЧЕЛОВЕКА, усилиями отдельных человеческих индивидуальностей.

Но не безнадежно ли людям пытаться остановить неизбежное действие законов истории? Это самое серьезное возражение, и его надо обсудить прежде всего.

Уже которому поколению с детства внушают, что личность бессильна повлиять на ход истории, что он определяется безликими факторами экономики и производства. И мы так прониклись этим представлением, что, кажется, и позабыли проверять его своим умом. Казалось бы, нельзя узнать характер законов истории, не зная самих законов, а законы в любой науке проверяются сравнением и опытом.

Проделаем только один опыт и возьмем для этого закон, который казался всем высказывавшим его столь бесспорным, что они называли его «железным». Это «железный закон заработной платы», согласно которому плата, получаемая рабочим при капиталистическом способе производства, будет всегда соответствовать МИНИМУМУ средств, необходимых для поддержания его существования. Отсюда выводилась неизбежность абсолютного обнищания пролетариата. Сейчас как-то неловко и вспоминать о подобных пророчествах. Богатство рабочих Западной Европы и Америки не только непрерывно растет, но серьезной проблемой становится уже то, что они, благодаря стачечной борьбе и политике профсоюзов, получают гораздо больше, чем по справедливости причитающуюся им долю продукта. И так дело обстоит со всеми предсказаниями этих оракулов: о начале революции в наиболее промышленно развитой стране, о разрушении капитализма под ударами периодически повторяющихся кризисов, об отмирании государства при социализме, замене армии милицией и уничтожении специализации, уродующей человеческую личность, о невозможности войн между социалистическими странами и т. д., куда ни глянь. Вывод может быть лишь один: истины в этих теориях не найти. Их авторы либо совсем не понимали законов истории, либо говорили не то, что думали.

Но посмотрим на их дела. Октябрьскую революцию делали люди, фанатически убежденные в том, что история управляема, ход ее может изменить и маленькая группа людей, если только они знают, как взяться за дело. В этом смысле Октябрь определил характер нашего века. Вера в то, что власть валяется под ногами, распространилась по всему миру, и вот ЭТА концепция действительно подтверждается опытом – в Италии, Гер-

мании, Латинской Америке, Китае и Африке. А люди, которые все это движение начали, проповедовали, что личность бессильна перед имманентными законами истории. Какое странное противоречие!

Если судить не по словам, а по делам, то люди, готовившие и делавшие революцию, считали, что человеческая индивидуальность с такими ее проявлениями, как совесть, честь, любовь к другим людям и к родине, – это величайшая сила истории. Сколько трудов было потрачено, чтобы парализовать эту силу: убедить, что нравственность, мораль, гуманность, патриотизм – смешные, ненаучные, устаревшие понятия, что поведение человека определяется лишь выгодой, интересами той группы, класса или партии, к которой он принадлежит. Это была не только литературная деятельность: когда солдат – защитник родины – бежал с фронта и оборачивал штык против своего соседа-помещика, это служило той же цели.

Но зато как окупилась труды! Вот где разгадка тайны иначе необъяснимой покорности: чтобы бороться за жизнь, страх не поможет, нужно, чтобы душа сохранила еще нравственные силы. Кто днем на собрании голосовал за расстрел обвиняемых по процессу промпартии, ночью будет ждать своего ареста. И результат был пропорционален степени вовлеченности души в это мировоззрение, крестьяне, хоть со сломленной волей, пытались бороться, восставали, а старые большевики шли в лагеря с пением революционных песен и, получая свою пулю, кричали в подвале: «Да здравствует Сталин!».

Отрицать существование законов истории значило бы отказаться ее понять. Но разве правдоподобно, что эти законы такие же, как законы работы часового механизма? Даже квантовая механика считает принципиально невозможным исключить воздействие наблюдателя

на наблюдаемое явление. А законы истории должны, конечно в качестве основного элемента, включать воздействие человеческих личностей, свободу их воли. Да из этого и исходили не только политики, но и все великие историки. И при каждом повороте истории, куда бы он ни вел человечество, была ли это победа христианства или Октябрьской революции, решение всегда лежало в руках людей, зависело от их воли.

III

То, что люди в принципе могут влиять на ход истории, не значит, конечно, что и мы способны на это сейчас, в нашей стране. Каждый из нас является не только индивидуальностью, но и деталью грандиозного механизма, подчиняющегося своим собственным законам и предъявляющего к своим деталям требования, отнюдь не учитывающие их свободную волю и бессмертную душу. Некогда И. В. Сталин ласково называл всех нас «винтиками» и даже провозгласил тост за здоровье «винтиков». Сохранились ли в душах винтиков силы, способные противостоять давлению механизма?

Я уверен, что эти силы есть, что каждый, кто хочет, способен уже сейчас сделать первые шаги к своему освобождению и что препятствия к этому не вне, а внутри нас – наши жизненные установки.

Представим себе, как это конкретно происходит, что нас опутывает несвобода. Сейчас только редким людям, да и то всего несколько раз в жизни, приходится принимать решения, за которые они могли бы поплатиться головой или свободой. Но на каждом шагу жизнь предлагает нам сделать выбор в небольшом вопросе: немного уступить силе, пригнуться или же устоять, слегка распрямиться. Настойчиво приглашают всту-

пить в партию – вступить ли? Принуждают быть агитатором – участвовать ли в обидном для взрослого человека времяпрепровождении: безвыборных выборах? Родился ребенок – крестить ли его в церкви? Дали прочитать интересную самиздатскую статью – перепечатать ли для себя экземпляр, дать читать другим? Зовут на собрание, где ни докладчик, ни один из слушателей не верит в то, что говорится, – идти ли? Просят заступиться за жертву притеснений, – подписать ли письмо в ее защиту? Во всех этих случаях даже самое смелое решение не грозит сейчас ни тюрьмой, ни постоянной потерей работы. Угрожает только то, что отношение начальства будет похуже, не состоится очередное продвижение по службе, зарплата не увеличится, не будет нового телевизора, или лишней комнаты в квартире, или заграничной командировки.

Происходит обмен, в котором мы расплачиваемся кусочками своей души, необходимыми для ее здоровья и жизни. Исчезает чувство собственного достоинства, уверенность в своих силах, появляется жесткое, недоброжелательное отношение к другим людям, лукавая психология раба. И главное: жизнь теряет светлую окраску счастья, пропадает чувство ее высокого смысла. Расплата за это – бесплодность в искусстве и науке, жизнь, погубленная на многодневные бдения в очередях за никому не нужными вещами, и нигде, на всей планете, не виданный алкоголизм, губящий и это, а в его генах и будущие поколения.

Что же предлагает жизнь взамен? О минимуме, необходимом, чтобы не умереть с голоду и накормить детей, здесь речь, как правило, не идет. Тогда о чем же? Я думаю, что о ценностях, основной смысл которых нематериален. Иногда это совершенно очевидно, иногда немного замаскировано. Орден, например, ни кормит,

ни греет. Большая и дорогая машина садится на наших плохих дорогах, в городе труднее найти место для стоянки, а скорость движения все равно ограничена и быстрее на ней не проедешь, чем на самой дешевой. Заграничная командировка может быть профессионально важной для начинающего инженера или ученого, но ее притягательная сила не сравнима с пользой. Новый дорогой костюм греет не лучше старого и заплатанного и т. д. и т. д. Все эти ценности не потребительские. Смысл их иной – они указывают место человека в иерархии, которую образуют члены окружающего нас общества. Как бумажные деньги, они не имеют ценности сами по себе, но являются символами чего-то, что людьми высоко ценится.

По-видимому, для существования любого общества необходима некоторая иерархия среди его членов. Иерархия человеческого общества отражает его мировоззрение. Люди, наиболее способные к деятельности, которая является важной с точки зрения принципов общества, обладают и большим авторитетом. Общество снабжает таких людей символами, подчеркивающими их авторитет: продетым в ноздрю кольцом, расшитым мундиром или автомобилем «Чайка». Эти символы приобретают для членов общества исключительную привлекательность и заставляют людей действовать в желательном для общества направлении.

Это и есть та сила, которая более всего ограничивает сейчас нашу свободу. Ее источник не пулеметы и колючая проволока, а наши взгляды, то, что в душе мы, не задумываясь, принимаем иерархию окружающего нас общества и высокое положение в ней считаем реальной ценностью. Как курица, перед носом которой гипнотизер провел черту мелом, мы оцепенели лишь потому, что сами поверили в реальность своих цепей.

Путь к свободе начинается внутри нас, с того, чтобы перестать карабкаться по ступенькам карьеры или материального квазиблагополучия. И как, гонясь за этими приманками, мы жертвуем лучшими частями своей души, так, отказавшись от них, приобретем то, что составляет смысл жизни.

Такой выход возможен. Христианство, возникнув в момент высшего расцвета античного мира, не признало его мировоззрения и сложившейся в нем иерархии, и в этом была одна из причин его непобедимости. И теперь существуют маленькие кружки, в которых ценности измеряются совсем не теми эталонами, что в остальной жизни. Укрепится это движение, расширится, – и мы приобретем свободу, о которой не можем сейчас и помыслить.

IV

Опасной стороной такого взгляда представляется его негативный характер. Если жизнь требует от человека жертвы самым драгоценным, что у него есть, взамен предлагая лишь видимость, бумажки, на которых написано цена, но которые не соответствуют никакой реальной ценности, то очевидно, к каким практическим выводам зовет такое понимание: отказаться от этого обмена, свернуть с этого пути.

Но в нашей стране вся жизнь, все ее проявления находятся в руках государства. Приняв такой взгляд, не должен ли будет художник отказаться от искусства, ученый – от науки? Не придем ли мы к отказу от активного участия в жизни, в любой культурной деятельности?

Во всем мире сейчас часто высказывается мнение, что современная культура становится все более антигуманистической, человеку в ней не остается места, и

как реакция на это возникает тенденция ухода от культуры. Поэтому наш вопрос особенно важен и интересен и не только с точки зрения судьбы личности в современном индустриальном обществе, но и как вопрос о будущем культуры.

Отвечая на него, надо помнить, что здесь обсуждается лишь общий принцип. В жизни каждый рассчитывает свои силы, решит, как далеко он может пройти по этому пути. Надо только понять, не противостоит ли этот общий принцип культуре, не уводит ли с того поля, на котором должен трудиться человек.

Выберем для примера несколько областей деятельности. Естественно начать с литературы, потому что она всегда играла особую роль в русской жизни. Представление о писателе как об учителе, способном увидеть скрытую от других правду, – чисто русское, оно присуще нашему народу.

В литературе поставленный нами вопрос яснее всего. Чтобы подыматься по иерархической лестнице, писатель, как правило, должен выполнять функции, прямо противоположные целям литературы: не искать, а скрывать и извращать истину. Так появилась та антилитература, которая воспела Сталина, Дзержинского и Ежова, ЧК, Беломорско-Балтийский канал, коллективизацию, охоту за врагами народа и доносы детей на родителей. Что уж тут спрашивать, – возможно ли быть писателем вне этой организации – только вдали от нее литература и имеет шанс выжить. И действительно, все прекрасное, правдивое, глубокое в наше время было создано людьми, которых судьба, как бы жестоко она это ни сделала, но защитила от опасности быть затянутым в эту гибельную для литературы зону.

Похожая картина и в гуманитарных науках – философии, истории, социологии. Разница лишь в том, что

через антинауку удалось пробиться еще меньшему числу людей, чем через антилитературу. Может показаться, что в естественных науках мы лишены всякой свободы выбора. Тут, чтобы стать ученым, надо окончить институт, пройти аспирантуру, иметь доступ к лабораториям, ускорителям и вычислительным машинам. На самом деле, это далеко не очевидно. Именно массовый, сверхорганизованный характер современной науки является ее бедой, больше того, проклятием. Научных работников так много и их продукция так велика, что нет надежды прочесть все написанное даже в одной узкой области. Поле зрения ученого суживается до пяточка, он должен из кожи лезть, чтобы не отстать от бесчисленных конкурентов. Замысел Бога, божественная красота истины, открывающаяся в науке, заменяются набором технических задачек. Наука превращается в гонку, миллионная толпа мчится, и никому не понятно куда. Немногим еще эта гонка доставляет удовлетворение, они имеют какую-то перспективу, видят хоть на несколько шагов вперед, но для подавляющего большинства не остается ничего, кроме вида пяток бегущего впереди и сопения наступающего на пятки сзади.

Но даже если можно было бы перешагнуть через то, что наука сейчас не приносит того удовлетворения, которое она способна давать, уродует занимающихся ею людей, все равно и по иным причинам она не сможет развиваться в прежнем направлении. Сейчас продукция науки удваивается каждые 10–15 лет, примерно также растет число ученых, с близкой скоростью увеличиваются материальные затраты на науку. Этот процесс длится 200–250 лет, но сейчас уже видно, что долго такое развитие продолжаться не может: например, к концу этого века расходы на науку должны были бы превысить стоимость всего валового продукта обще-

ства. Однако на самом деле неустранимые трудности возникнут, конечно, раньше – приблизительно в 1980-е годы (как тут не вспомнить Амальрика!). Значит, это направление развития обречено, вопрос только, сможет ли наука свернуть на другой путь, на котором открытие истины не требует ни миллионных армий ученых, ни миллиардных затрат, путь, по которому шли и Архимед, и Галилей, и Мендель. В этом сейчас основная проблема науки, вопрос ее жизни и смерти. Кто как белка уже завертелся в этом колесе, вряд ли поможет ее решить, надежда может быть как раз на тех, кто этой инерции не поддастся.

Наконец, нельзя не вспомнить о той сфере культурной деятельности, которая может быть важнее всех других для здорового существования нации – религии.

Сотни тысяч лет она была самой мощной и самой высокой движущей силой человечества, и за несколько десятилетий мы порвали с ней, не потому, что нашли ей замену, что пришли к чему-то высшему. О том, как была этим искалечена душа народа, можно судить по последствиям и не только в нашей, но и в других странах, где государство пыталось оторвать народ от религии – от Германии до Китая. Вся история человечества состоит из жестокостей, но никогда еще насилие не выступало так неприкрыто, провозглашая себя благотворным орудием законов истории, и никогда поэтому оно не выливалось в столь технически совершенное перемалывание людьми себе подобных, как в последние десятилетия в этих странах.

«Бог умер!» Литературный оборот Ницше стал реальностью в нашей стране, и уже третье поколение живет в страшном мире, лишенном Бога.

Вероятно, здесь и есть ключ ко всему вопросу: от усилий, приложенных в этой области, зависит жизнь,

смерть или воскресение России. Это важнейшее для нашего народа поле деятельности требует сотен тысяч рук и голов (вспомним, до революции в России было 300 000 священников). И уж, конечно, работать на нем можно, только отказавшись от предлагаемой жизнью системы ценностей.

Так не получается ли, что этот путь не только не уводит нас от культуры, а наоборот, помогает найти те самые нужные и самые скрытые тропинки, которые без него не были бы видны?

V

И вот, выходит, что не так уж мы непоправимо скованы и опутаны, что есть для нас дорога, которая ведет к свободе. А чтобы по ней идти, надо одно: понять, что при этом придется жертвовать тем, что на самом деле никакой ценности не представляет.

Так можно сделать первые, быть может самые ценные, шаги к свободе – своей и России. Но нельзя закрывать глаза на то, что и не более, чем первые шаги. Уже за перепечатку Самиздата можно поплатиться тюрьмой, тем более за распространение своих работ. А ведь что может быть сейчас нужнее – объединить силы в обдумывании самых важных для своей страны вопросов – без этого, в одиночку, никакая мысль развиваться не может. Не меньшим грозит и проповедь веры, в особенности для тех религиозных течений, для которых невозможно подчиниться сложной системе утешающих инструкций. Любое гонение воздействует на совесть людей, вызывает протест, а тот – новые гонения. Но в отношении самых, казалось бы, естественных действий – распространения листовок или демонстраций в защиту арестованного – нельзя даже говорить

о риске – тюрьма обеспечена. А лишение работы, в особенности если есть семья, дети; или высылка в Сибирь; или концлагерь; или, наконец, ужас бессрочного заточения в доме умалишенных – все это никак не назовешь лишь КАЖУЩЕЙСЯ жертвой.

Вот к какому выводу мы приходим: судьба России находится в наших руках, зависит от индивидуальных усилий каждого из нас. Но самое существенное может быть тут сделано на единственном пути – через ЖЕРТВУ.

Может показаться, что в этом наша беда, на самом же деле этим нам дается неотразимое оружие и источник сил без границ. Едва ли есть среди социальных сил другая, которая так мощно движет людей, как стремление к жертве за высшие идеалы. Может быть, не всегда, но в решающие эпохи истории жертва приобретает притягательность, не объясненную никакой социологией. Этот эмпирический факт знают и используют опытные политики: призыв к жертве обычно встречает мощный отклик в народе. В нашей стране одна из причин успеха революции, несомненно, была в том, что только в революционной деятельности интеллигенция находила выход своему стремлению к подвигу, жертве. А какой исследователь мог бы предсказать такой героизм в последней войне? Ведь ее судьбу решили те самые крестьяне, которые перед тем так много вынесли на своих плечах. Как можно объяснить это чудо, если не тем, что война дала возможность распрямиться во весь рост, открыла путь честной добровольной жертвы, закрытый до того жизнью?

Известно, как радостно жертвовали собой христиане первых веков. Это движение было так сильно, что многие отцы Церкви призывали не искать мученического венца, учили, что свята лишь та жертва, которую не

ищут, а ждут. Увы, это сравнение мало относится к нам. Из всех несчастий России, может быть, главное в том и состоит, что она осталась жить (или умирать) без веры. Если здесь и возможно исцеление, то эта задача трудна бесконечно, на самой грани наших сил и на скорое ее решение надеяться трудно. Но близко вере и гораздо доступнее нам другое состояние души – жертвенность.

Всегда идея жертвы была таинственно связана с религией. Жертва дает такое же чувство высокого подъема, радости, осмысленности жизни. Если до готовности к жертве подымутся не только единицы, это очистит души, взрыхлит почву, на которой может взрасти религия.

Жертва может дать силы, чтобы преодолеть многие препятствия, стоящие на пути России, но при одном лишь условии: если такой путь у России еще есть. Это возвращает нас к вопросу, с которого мы начали эту статью: какова сейчас цель существования России, имеет ли она еще историческую миссию?

Вряд ли когда и где столько несчастий обрушилось на страну, как в последние полвека на Россию. Неужели они были бессмысленны и напрасны? Невольно ищешь в них цели, думаешь, что они готовили нас к чему-то. Так часто в судьбе человека и народа страдания являются путем к высшей цели. И действительно, сейчас Россия занимает в мире совсем особое место: свалившиеся на нас беды завалили все простые, легко видимые пути и заставляют искать единственный, нетривиальный и самый нужный (может быть, не только для России) путь. Мы уже встречались с примерами. Начинающему ученому на Западе несравненно легче включиться в конвейер современной науки: ему не надо для этого ни придумывать себе общественную работу, ни кривить душой на идеологических семинарах, да и научная информация ему гораздо более доступна

и международные контакты куда легче. У нас же все силы толкают от этого обреченного пути.

Много глубоких мыслей было высказано, начиная с Платона, о том, как лучшая часть народа, элита или аристократия, должна руководить его жизнью. Но всегда эти системы приходили к уничтожению самых глубоких и прекрасных частей души, не поднимали – снижали и тех, кем руководят, и тех, кто входит в элиту. Не потому ли, что путь руководства был указан неверно – оно должно осуществляться не через ВЛАСТЬ, а через ЖЕРТВУ? В других странах и в другие времена это, может быть, не так очевидно, но для нас такой путь служения своему народу – единственный.

Ко всему этому судьба нас подвела и дала нам почувствовать эти истины своими боками, своей кровью, а другим народам это далеко не так ясно показано¹.

Часто высказывалась мысль, что Россия не может спасти только себя, решить только свою частную проблему. Англичане могли строить самое свободное в тогдашнем мире общество, торгуя неграми и держа в рабстве Индию. Мы этого не можем и доказали это хотя бы отрицательно: какие бы несчастья ни приносила Россия другим народам, своему она всегда несла еще больше.

Все человечество зашло сейчас в тупик, стало очевидно, что цивилизация, основанная на идеологии «прогресса», приводит к противоречиям, которых эта цивилизация не может разрешить. И кажется, что путь воскресения России тот же, на котором человечество мо-

¹ Да возьмем хоть такой уже более частный пример, как метод распространения литературы. Для нас Самиздат – это единственная возможность, но он дает и идеальное в принципе решение: распространение работы не зависит ни от цензуры, ни от рекламы. Современная техника может сделать это решение и вполне эффективным, но на Западе трудно отказаться от других, разработанных и пока не плохо действующих методов.

жет найти выход из тупика, найти спасение от бессмысленной гонки индустриального общества, культа власти, мрака неверия. Мы первыми пришли к точке, откуда видна единственность этого пути, от нас зависит вступить на него и показать его другим. Такой представляется мне возможная миссия России, та цель, которая может оправдать ее дальнейшее существование.

Прошедшие полвека обогатили нас опытом, которого нет ни у одной страны мира. Одно из самых древних религиозных представлений заключается в том, что для приобретения сверхъестественных сил надо побывать в другом мире, пройти через смерть. Так объясняли происхождение предсказателей, пророков:

Как труп в пустыне я лежал.
И Бога глас ко мне воззвал...

Таково сейчас положение России: она прошла через смерть и может услышать голос Бога. Но Бог творит историю руками людей, и это мы, каждый из нас может услышать Его голос. А может, конечно, и не услышать. И остаться трупом в пустыне, которая покроеет развалины России.

О СБОРНИКЕ «ИЗ-ПОД ГЛЫБ»

(Пресс-конференция в Москве

14 ноября 1974 г.)

Идея этого сборника принадлежит А. И. Солженицыну. Работа над ним продолжалась около трех лет и уже близилась к окончанию, когда Солженицын был арестован. Изгнание Солженицына задержало послед-

ний этап нашей работы – иначе сборник был бы готов к марту или апрелю.

Цель сборника представляется мне такой. При всем разнообразии оттенков независимой мысли в нашей стране, одно положение принимается почти единодушно: основной, решающей причиной, препятствующей нашему нормальному развитию, признается недостаток свободы, подавление человеческой личности всесильным государством. И, действительно, свобода высказывать свои мысли и получать информацию, воспитывать детей в своей вере и жить там, где считаешь нужным, – это абсолютно необходимая предпосылка здорового существования любого государства. В последние годы я имел возможность столкнуться с этой стороной жизни и видеть трагические, изуродованные судьбы людей и целых народов. И тем не менее я пришел к убеждению, что не здесь тот центр, к которому сходятся наши трудности, ибо при всей остроте сегодняшних экономических, политических и социальных проблем наше будущее определяется все же в первую очередь не ими, а тем, как мы ответим на духовные вопросы, которые встают перед нами.

Как мне кажется, трагедия нашего теперешнего состояния в том, что понимание жизни, складывавшееся в течение тысячелетия, – утеряно, а его место не заняла никакая система взглядов, которая могла бы послужить основой для решения реальных человеческих проблем.

Официальная идеология, марксизм, такой функции на себя взять не способна. Я убежден, что социализм, и марксизм в частности, может овладеть душой народа, некоторое время двигать его историю, так же, как и убежден в том, что это движение ведет к национальной, а может быть и общечеловеческой катастрофе. Почему – я попытался показать в одной из статей

этого сборника. Но сейчас в нашей стране марксизм никого и никуда подвинуть не в состоянии. Я могу представить себе лишь три категории людей, способных сейчас у нас с сердечным жаром отстаивать догмы марксизма: это многочисленные преподаватели марксизма, несколько ничему за свою жизнь не научившихся пенсионеров – и Рой Медведев. Думающая молодежь, насколько я знаю, относится к марксизму, как правило, со смесью скуки и иронии.

Но основанная на принуждении идеологическая монополия марксизма преграждает большинству людей путь к размышлениям над основными вопросами жизни. Не проверенная, не оспоренная, не продуманная, даже не основывающаяся хотя бы на иррациональной вере доктрина не выдержала бы дуновения свободного обсуждения – а она стоит и давит жизнь, подминает ее под себя, как мертвец, душащий живого.

Именно в этом причина того, что другие попытки осмысления жизни, исходящие из религиозных или национальных точек зрения, не смогли заполнить образовавшуюся пустоту. Мировоззрение, как продуманное цельное понимание смысла существования отдельного человека и всего народа, у нас отсутствует, и мы живем, лишь балансируя между смутными, от рождения заложенными в нас импульсами добра и правды – и давлением внешних сил. Сформулировать те духовные вопросы, ответы на которые дали бы нам точку опоры в жизни, сделать первые шаги в их обсуждении, проследить их связи с социальными и экономическими проблемами – и попытались авторы этого сборника.

Естественно, что большинство работ сборника посвящено вопросам духовной жизни. Но это не значит, что принципиальная установка авторов уводит их от проблем свободы личности и прав человека. Наоборот, я уверен,

что в своих наиболее значительных аспектах эти проблемы упираются именно в идеологию и только так могут быть поняты. Приведу здесь в качестве примера несколько вопросов, являющихся, на мой взгляд, центральными для теперешней жизни и для будущего нашей страны. Конечно, для громадной России на такое место могут претендовать лишь вопросы, затрагивающие не сотни, даже не сотни тысяч, а – десятки миллионов людей.

1. ДЕРЕВНЯ. Для нашей страны, которая почти всю свою историю была сплошь крестьянской и сейчас – в значительной степени крестьянская, то, что происходит в деревне, это, вероятно, основная проблема. А что там неблагополучно – ясно, кажется, всем. Самый заметный признак – экономика: то, например, что из вывозящей хлеб страны Россия стала ввозящей. На более глубокие корни указывает то, что крестьяне не остаются сами в деревне, их надо держать, лишая паспортов. И экономический, и социальный указатели отражают духовный сдвиг: изменение отношения к своему труду. Труд крестьянина, который наполнял смыслом жизнь неисчислимых поколений наших предков, теперь свою красоту и притягательность, очевидно, потерял. Отчетливо видно, что дело здесь не в экономике: цены на сельскохозяйственные продукты (и доходы колхозников) за последние годы возросли во много раз, а те же административные меры все необходимы, даже уже недостаточны – пришлось их усилить, запретив и отъезд на сезонные работы без разрешения начальства.

Причина же заключается в столкновении двух идеологий: одной, согласно которой землю обобществить необходимо, и другой, которая рождается из особого чувства, из любви к своей земле, столь же несовместимого с ее обобществлением, как нормальное чувство к своей жене – с обобществлением жен.

2. РЕЛИГИЯ. Рим знал отдельные гонения на христиан: Нерона, Деция, Диоклетиана. Но в нашей стране вот уже почти 60 лет происходит одно непрекращающееся гонение религии, в котором только меняются методы и перемещается его эпицентр. Первый и, я думаю, самый тяжелый удар приняла на себя Православная Церковь. Испытания, через которые она прошла в 20-е и 30-е годы, потрясают воображение и далеко еще не описаны. Когда к началу 40-х годов осталась лишь ничтожная часть священников и когда сохранились лишь прошедшие тяжелую школу компромисса осколки высшей церковной иерархии, тогда – обнаружилась возможность перейти к другим методам. Эти методы действуют и до сих пор: просьбы об открытии храмов заполняют ящики в Совете по делам религии, а храмы постепенно закрываются; священники, пользующиеся влиянием на прихожан, переводятся в другой приход, люди нравственно нечистые активно поддерживаются в исполнительных советах религиозных обществ...

Другим же религиозным течениям, судьба которых в 20-е годы была гораздо легче, именно сейчас приходится испытать на себе старые и испытанные приемы. Этих течений много, и только в качестве одного примера я назову евангельских христиан-баптистов (Совет Церквей), с поразительной христианской жертвенностью переносящих сыплющиеся на них удары. Издаваемый ими (конечно, нелегально) «Бюллетень совета родственников узников евангельских христиан-баптистов в СССР» полон хватающими за душу описаниями арестов, избиений, издевательств. Там сообщается и об актах особенно изощренной жестокости – верующих лишают родительских прав и отбирают у них детей. (По их данным, сейчас более 50 детей оторваны от своих родителей.)

Такая трагедия, длящаяся более полувека, в которую были вовлечены за это время сотни миллионов людей, не может, конечно, быть объяснена несовершенством законодательства или нарушением законов. В основе лежит глубинная идеологическая установка, которая иногда высказывается открыто, но чаще может быть прослежена в конкретных делах: религия рано или поздно должна быть уничтожена. Только отказ от этой установки может создать предпосылку для разумного выхода.

3. ЛАГЕРЯ. Лагеря не окружены сейчас такой тьмой полного незнания, как это было в сталинские времена. Благодаря усилиям нескольких мужественных людей мир узнает кое-что о положении заключенных, о том, что это за люди, за что и как они осуждены. Но за редчайшим исключением мы узнаем лишь о политических заключенных. Особое внимание к ним оправдано: в большинстве случаев они осуждены за поступки, которые на Западе никому не пришло бы в голову считать преступными (например, те баптисты, о которых я говорил). Но несправедливо, чтобы их судьба полностью заслоняла судьбу их товарищей по несчастью, в общей массе которых они составляют едва ли процент. Сосредоточив внимание лишь на одних политических заключенных, мы тем самым ослабляем и силу собственной позиции, даем возможность людям, подобным Ж. Медведеву, обыгрывая их малочисленность, убеждать Запад, что никакой проблемы вообще нет. В то время как судьба всех заключенных – это неоспоримая и острая общенациональная проблема.

Сколько всего заключенных в нашей стране? Статистические данные отсутствуют полностью, но грубые подсчеты (основанные на делах, проходящих в нескольких судах) показывают, что цифры, которые назывались – 1 млн, 1,5 млн, – вполне реальны, никак не завышены.

И трудно себе представить, чтобы те нарушения законов, неоправданная суровость приговоров, жестокость лагерного режима, о которых мы знаем в связи с политическими заключенными, не касались и этих миллионов. Ведь если все, что происходит с политическими, может стать широко известным, иногда даже и всему миру, то здесь этого сдерживающего фактора нет.

Что это за люди, наполняющие наши лагеря? По-видимому, в подавляющей части – не закоренелые преступники, организованная преступность у нас почти полностью отсутствует. Очевидно, есть два источника, питающих это море. Первый – мелкие хищения. Та идеология, которая так долго поднимала на смех идею «священной и неприкосновенной» собственности, – достигла цели. На собственность определенного, конкретного человека рука может и не подняться – остановит жалость или совесть. Но никому конкретно не принадлежащая государственная собственность – она лишена и этой слабой защиты, она широко трактуется как ничья. Второй источник – хулиганство. Оно произрастает на почве распада семьи (которая и должна «отмирать» по Энгельсу) и нашего страшного в эпоху самиздата национального бедствия – неслыханного алкоголизма. Его же причина – это пустота жизни, бедность духовных интересов, отсутствие радости, даваемой высокими целями, направляющими жизнь.

4. ЭМИГРАЦИЯ. Эта проблема занимает особое положение. Она, конечно, не затрагивает десятков миллионов, хотя если судить по тому вниманию, которое она привлекает, по реакции мировой общественности и даже дипломатической активности, то ее можно было бы называть первой и единственной проблемой нашей страны.

Каждый человек должен, конечно, иметь возможность покинуть страну, которую он не считает своим

отечеством, – сама страна заинтересована в том, чтобы не удерживать тех своих граждан, которые не связывают свою судьбу с ее судьбой. Поэтому проблема здесь есть, но в реакции на нее произошло искажение перспективы: ни для какой страны не может быть столь центральным вопрос – как из нее уехать. Основной вопрос – это как в ней жить.

Однако есть другой аспект проблемы эмиграции, который действительно может повлиять на все наше будущее, но он относится уже не к области права, а к сфере духовной жизни. Это – эмиграция культуры. То, что за границей сейчас находятся лучшие представители нашей литературы, критики, музыки, – может быть признаком конца русской культуры, по крайней мере – русской культуры в России. Вопрос этот требует более детального рассмотрения. Изгнание Солженицына, несомненно, было тяжелым ударом по русской культуре. Но ведь его арестовали, посадили на самолет и вывезли за границу. А ни с кем другим ничего подобного не произошло. И поэт, писавший стихи о том, как он никогда не уедет, и мыслитель, создавший эссе о том, почему уезжать не надо, – все они уехали добровольно. И если теперь одни говорят, что их выслали, другие – что почти выслали, третьи возмущаются тем, что их лишили гражданства, то значит и первые, и вторые, и третьи сами чувствуют, что поступили не так, как были должны.

Добровольно уехавшие деятели русской культуры просто не выдержали давления, которое десятилетиями выдерживали, например, миллионы верующих. Иными словами, у них не оказалось достаточно духовных ценностей, которые могли бы перевесить угрозу испытаний – конечно тяжелых, но вполне доступных человеческим силам, как показали многочисленные примеры. А если

так, то о каком же значительном их вкладе в культуру может идти речь? Люди, лишенные этих ценностей, не могут внести жизненного вклада в культуру независимо от того, по какую сторону границы они находятся.

Это можно заметить и на многих конкретных примерах. Человек, например, способный написать: «Россия – Сука! ты ответишь и за это» – тысячу раз прав, уехав, – и ему бессмысленно переносить неудобства ради этой страны, и ей он ничего дать не может.

Здесь проявляется характерная особенность нашей духовной жизни. Она требует преодоления больших трудностей, гораздо больших, чем на Западе. Но, с другой стороны, этим же создается более глубокое отношение к жизни. Чтобы сделать что-то действительно ценное (конечно, не в регламентируемой государством сфере), как правило, приходится идти на риск – что уже гарантирует достаточно серьезное отношение к своему делу и к поискам истины.

Такое изменение духовной атмосферы сможет в будущем компенсировать потерю (конечно, прискорбную!) ряда талантливых людей.

Я привел несколько примеров таких вопросов, которые, как мне кажется, являются решающими и для настоящего, и для будущего нашей страны. Есть и другие, не менее острые. Во всех них проблема тех или иных конкретных аспектов человеческой свободы переплетается с вопросами духовной жизни, религиозными, национальными, моральными, интеллектуальными. Причем именно духовные вопросы лежат в основе. Этим я хотел иллюстрировать направленность сборника, но также и подчеркнуть то, что он имеет смысл первого шага: что громадные, важнейшие сферы нашей жизни ждут изучения, осмысления, а в итоге – и изменения к лучшему.

БЕСЕДА С КОРРЕСПОНДЕНТОМ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

– *Какова роль русской национальной традиции в новейшей истории России?*

– Вопрос этот очень емкий, он имеет несколько аспектов.

1. В ту эпоху русской истории, кульминационным моментом которой были февральская и логически из нее вытекавшая Октябрьская революция, основной силой, властвовавшей над умами, было учение социализма – а началось это еще с революционных кружков, убивших царя Александра II, который освободил крестьян. Но социализм – это было совершенно чуждое России учение, в отличие от Западной Европы он не имел здесь никаких исторических корней. В то время как социалистические учения были широко распространены в Западной Европе в век просвещения и еще раньше, вплоть до Крестьянской войны в Германии, в России до второй половины XIX в. нельзя найти никаких признаков их влияния. Занимаясь несколько лет историей социализма, я не переставал удивляться, насколько различны были в этом отношении пути России и Западной Европы. Две основные фигуры, с которых началось распространение социализма в России, Бакунин и Герцен, должны были сначала эмигрировать на Запад, чтобы познакомиться с этим учением, а уже оттуда импортировать его к нам.

Таким образом, здесь было внезапное вторжение совершенно новой для нашей страны идеологии. Одной из причин успеха социализма в России была именно эта внезапность, которая не дала времени критически осмыслить новое учение.

2. В частности, создатели марксизма проявляли всегда особенную ненависть к России и русским. Маркс и Энгельс называли ненависть к России даже «первой революционной страстью» немцев. В биографии Маркса есть трогательная черта – он прилежно изучал русский язык, казалось бы, полюбив русскую культуру и желая узнать ее лучше. Но в письме Энгельсу он дает другое объяснение: чтобы знать лучше своего врага. Эту традицию от них усвоили многие марксисты. Троцкий, например, писал, что одной из основных черт русского народа является «стадность», – и это будучи одним из глав страны, где большинство составляют русские!

3. Те либералы, которые оказались на правительственных постах после февральской революции, смотрели с презрением на традиционные формы русской жизни и государственности, стыдились их и лишь торопились скорее их переделать по образцам, взятым с Запада. Более же крайние группировки революционного движения, например большевики, призывали бороться за поражение своего правительства в войне. И для тех, и для других слово «патриот» было оскорблением. Одну из своих речей Троцкий закончил возгласом «Будь проклят патриотизм!»

Можно себе представить, к каким последствиям привело воплощение в жизнь таких взглядов. Сносились памятники, церкви и старые здания, напоминавшие о русской истории, а поэты призывали расстреливать дворцы, как белогвардейцев. Улицы переименовывались, чтобы названия никак не связывали их с нашим прошлым. Дети воспитывались на таком изложении русской истории, где все ее деятели изображались жадными грабителями, идиотами или сифилитиками. Элементарная логика приносилась в жертву этой концепции; так, два, казалось бы, взаимоисключающих по-

ложения особенно часто повторялись: «История России заключалась в том, что ее всегда били» и «Россия была жандармом Европы». Целое поколение было воспитано в этой атмосфере, которая прививала комплекс вины за русскую историю. Только поняв это, можно оценить тот жесточайший кризис, который пережило тогда русское национальное самосознание: речь шла вовсе не о чувстве ущемленной национальной гордости, – само право народа на существование (если не физическое, то духовное) было поставлено под сомнение.

4. Когда после смерти Сталина стали пробиваться на поверхность первые побегии независимой мысли, наметилось два течения в оценке русской истории и русского будущего. Одно из них объединяет людей, отказавшихся от сталинизма, иногда даже от марксизма, но как бы нечувствительных к национальному аспекту жизни (точнее, к русскому национальному аспекту; проблемы других народов, как правило, встречают очень сочувственное отношение). Обычно этот взгляд совпадает с тем, что современные проблемы нашей страны воспринимаются вне связи с ее тысячелетней историей, статически. Несомненно, на этом пути можно сделать (и было сделано) много полезного. Однако мне кажется, он чреват некоторыми искажениями, когда на первый план выдвигаются вопросы, важные лишь для сравнительно узких слоев, – как, например, проблема эмиграции, которая ведь подавляющей части народа вообще не затрагивает. С другой стороны, совершенно стихийно, не в трактатах или программах, а как чисто эмоциональный порыв, широко распространилось тяготение к воссоединению с утраченными национальными корнями: влечение к русской культуре, поездки групп молодежи в старые монастыри, коллекционирование репродукций икон, интерес к русской религиозной фи-

лософии XIX и начала XX в. Отсюда вытекали попытки защитить от разрушения старые здания или спасти для потомства рукопись умершего священника, стремление по-новому понять свою историю в свете современного опыта и найти ключ к проблемам современности в более чем тысячелетней истории.

Это течение является проявлением простого стремления к самосохранению нашего народа, оно есть непосредственное следствие того, что, несмотря на все испытания, через которые он прошел, русский народ существует, имеет свои национальные цели и свое мировоззрение. Оно является национальным, но это явное искажение истины, когда его называют националистическим или шовинистическим: в питающих его настроениях нет ничего агрессивного, враждебного другим народам. Конечно, в государстве, где вместе живет много наций, неизбежно возникают межнациональные трения, иногда проявляющиеся в злых и несправедливых суждениях. Но по большей части они исходят не от русских, так или иначе захваченных тем течением, о котором я говорил, а наоборот, направлены против русских. В меньшей мере с этим можно столкнуться внутри страны, гораздо чаще – в так называемой «третьей эмиграции». Я приведу только один пример из очень большого числа. В недавно опубликованной статье автор предлагает раздробить СССР на более мелкие государства по национальному признаку. При этом он прибавляет, что дело это хоть и трудное, но выполнимое, ибо собственно русское государство будет еще достаточно большим и сможет принять тех русских, которые будут вынуждены покинуть свое место жительства. То есть то, что считается одним из страшнейших сталинских злодеяний – насильственное переселение по национальному признаку – оказывается вполне допустимым, если оно применяется к русским. Я не представляю

себе, что могло быть опубликовано подобное предложение по адресу других народов, исходящее от русских.

Осознание своих национальных задач не мешает, а помогает понять другие народы. У Диккенса в одном романе есть глава «Телескопическая филантропия», где изображена дама, так занятая делами негров в провинции Бериобуло-Гха, что собственные ее дети ходят голыми, грязными и оборванными. Мысль Диккенса: дама на самом деле не любит ни своих детей, ни негров из Бериобуло-Гха. Точно так же и мне трудно представить себе, что человек, не болеющий прежде всего нуждами своего народа, может «телескопически» любить другие народы.

ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ ГАЗЕТЫ «ФРАНКФУРТЕР АЛЬГЕМАЙНЕ»

– Как вы оцениваете нынешнее положение диссидентов в Советском Союзе? Какие течения Вы различаете среди них? Думаете ли Вы, что расширение диссидентского движения связано с политикой разрядки?

– Понятие «диссидент» очень расплывчато и, безусловно, нуждается в уточнении. Во время Французской революции говорили: теперь есть только две партии – партия живых и партия мертвых. Мне кажется, что и в нашей стране все люди прежде всего разделяются на два типа. Первые – это те, кто чувствует, что его судьба неразрывно связана с судьбой его страны, кто ощущает себя ответственным лично за ее будущее. Вторые – это все остальные. Я не хочу сказать, что первый тип и есть диссиденты, это совершенно неверно. Под западное по-

нятие «диссидент» подходят лишь те из них, кого их жизненная установка привела к явному столкновению с аппаратом власти – кто выступил с нежелательным властям заявлением, опубликовал по собственной инициативе статью или книгу на Западе и т. д. Но подавляющее большинство в такое явное столкновение не вступают: учитель, старающийся рассказать школьникам вопреки программе побольше о Пушкине и поменьше о Шолохове; люди, борющиеся против загрязнения озера Байкал, вызывая неудовольствие начальства; писатель, рассказывающий о трагической судьбе русской деревни и т. д., и т. д. И все же основным представляется мне не факт столкновения с властями, прежде всего бросающийся в глаза, а МОТИВ этого столкновения: не внешнее действие, а внутренняя его причина. Например, человека, вступающего в какой-нибудь «Комитет» или «Комиссию», чтобы тем самым заставить власти разрешить ему эмигрировать, – было бы неразумно относить к тому же социальному типу, не хочу никак квалифицировать такую позицию, но только обращаю внимание на то, что здесь мы имеем два принципиально различных явления, которые неразумно объединять в едином понятии хотя бы потому, что они совершенно различно прогнозируемы. Подобно тому как человека и страуса хотя и можно объединить в одну группу по признаку хождения на двух ногах, но это не поможет пониманию сущности ни одного из обоих видов.

Среди диссидентов можно указать два течения, наиболее явно сходящихся в своих принципиальных установках (хотя в данный момент обе установки могут приводить и к очень близким действиям). Одна исходит из того, что все общества развиваются примерно по одним и тем же закономерностям, что на этом едином пути Запад обогнал Россию и Советский Союз, и поэто-

му единственный здоровый путь – это развитие по западному образцу. На такой точке зрения сходятся как те, кто «западный образец» понимает в духе парламентской демократии, так и те, кто исходит из другой идеологии западного происхождения – марксизма. До революции подобная точка зрения тоже существовала и ее последователи назывались «западниками».

Другие основываются на том убеждении, что каждый народ индивидуален, именно эта индивидуальность должна определять его жизненный путь, только благодаря ей народ и ценен для всего человечества. Поэтому они считают, что направление развития нашей страны должно органически определяться ее предшествующей историей, что разрыв в исторической традиции может быть смертелен для нации и должен быть всеми силами преодолен. Для большинства представителей этого течения основополагающую роль играют взгляды Достоевского на русскую историю. Достоевский сам называл себя «почвенником». Мне кажется, что такой термин хорошо характеризует все это течение.

Политика разрядки не вызвала расширения диссидентского движения по той причине, что такого расширения за последнее время и не произошло. Но интересно, что не произошло и его сужения. Сколько я помню, начиная с того времени, когда впервые заговорили о диссидентах, после очередного процесса каждый раз казалось, что это движение пришло к концу. Но каждый раз оно восстанавливалось в прежнем, весьма небольшом размере. По-видимому, именно в таком размере оно зачем-то нужно для жизни страны и страна его поддерживает на этом уровне.

– Как Вы определяете Вашу идейную позицию? Причисляете ли Вы себя к какой-либо группе? Можно

ли считать, что Вы выражаете взгляды какой-либо группы или идейного течения?

– Я разделяю взгляды того направления, которое я выше характеризовал как «почвенников». В частности, я считаю, что начало нашей национальной истории (точнее говоря, истории народа, который в течение нескольких веков называл себя русским, а потом разветвился на три родственные народа: белорусский, украинский и русский) неразрывно связано с принятием Православия. Тогда возникло сознание национального единства и представление о некоторых общенациональных целях. Православие было духовным стержнем, который помог перенести татарское иго, сохранив свои национальные идеалы. Оно дало силы преодолеть распад русского государства в XVII в., когда в Москве стоял польский гарнизон и сидел польский царь. Опираясь на Православие, страна смогла выстоять под наплывом западных веяний, нахлынувших после реформ Петра Великого и иностранцев, образовавших правящий слой страны, – и все же не потерять своей национальной индивидуальности, но творчески вобрать в себя западные влияния. Так возникла русская культура XIX в., величайшие гении которой – Гоголь, Достоевский, Толстой – тоже стояли на почве Православия. Мне кажется совершенно неправдоподобным, что какой-либо народ может отказать от источника, питавшего его духовную жизнь в течение тысячелетия, – и остаться духовно живым организмом. Поэтому я уверен, что если жизнь нашей страны еще не кончена, то возможна она на пути Православия и развития русской национальной традиции.

Я не принадлежу ни к какой группе, если под этим подразумевать хоть какую-либо форму организации, – хотя бы то, что члены группы знают друг друга. Но я думаю, что многие придерживаются близких мне взглядов.

Число их оценить, конечно, невозможно, но думаю – что очень многие. Об этом говорит и тяготение молодежи к религии – раньше в церкви можно было увидеть почти только пожилых женщин (они и отстояли церковь в самое страшное время), а теперь на большие праздники в церкви теснятся в основном молодежь. Или интерес к старым иконам, зданиям и церквям, движение в защиту памятников старины. И особенно – замечательная литература о русской деревне, возникающая за последние десятилетия, – одно из самых значительных явлений в культуре нашей страны.

– *Что Вы можете сказать о Вашем отношении к Солженицыну? Разделяете ли Вы общественно-политические взгляды Солженицына, высказанные им, например, в «Письме вождям Советского Союза»?*

– Я думаю, что Солженицын принадлежит к тому же духовному течению, так же смотрит на будущее нашей страны. Более того, он ярче и глубже всех сумел выразить это мировоззрение. В «Письме вождям» он сказал: «Вести такую страну – нужно иметь национальную линию и постоянно ощущать за своими плечами все 1100 лет ее истории, а не только 55 лет, 5% ее». Вряд ли можно более выпукло и четко выразить этот взгляд.

Что касается до конкретных рекомендаций его «Письма», то что их обсуждать, когда адресаты не проявили к ним НИКАКОГО ПРИЗНАКА интереса!

– *К какой общественной и политической альтернативе нынешней системы Вы склоняетесь? Считаете ли Вы либеральную демократию приемлемой моделью или предпочитаете авторитарную государственную систему?*

– Этот вопрос представляется мне сейчас, в условиях нашей страны, безнадежно академическим, абсо-

лютно несвязанным ни с какой жизненной реальностью. Я, например, не встречал в своей жизни ни одного человека, считавшего желательным немедленное введение у нас многопартийной парламентской системы (равно как и монархии). Все, вероятно, чувствуют, что такой перелом жизни привел бы только к еще одному кризису, быть может последнему для этой страны. Что нам нужно – это максимум духовных изменений при минимуме изменений внешних (какой-то минимум все же необходим). Нужен возврат к Богу и своему народу, ощущение общенациональных целей и чувство ответственности перед историей и будущим своей страны. Мне кажется, общественный строй есть нечто производное от духовного состояния народа. И он должен не логически конструироваться – это опасный путь «Утопий», – а органически вырастать из истории.

– *Как Вы оцениваете процесс Орлова?*

– Если отвлечься от некоторых деталей (например, что женщину раздевают и обыскивают в присутствии мужчин), то по своему характеру процесс Орлова ничем не отличается от предшествующих – например, Осипова или Ковалева.

Но очень велико отличие в реакции Запада. До сих пор западное общественное мнение почти не обращало внимания на политические процессы в СССР. Например, совсем не был замечен арест Талантова, который с поразительным мужеством выступил против массового закрытия церквей в начале 60-х годов, – и это в то время, когда о диссидентах еще не заговаривали. Началось с угроз, которые довели его жену до инфаркта и смерти. Вскоре он был арестован, отправлен в лагерь и умер там в тот же год. Кажется, никакого отзвука не получил в то время, когда он происходил, и крупнейший в после-

сталинское время политический процесс – ВСХСОНА (социально-христианского союза). А в нем участвовало 20 подсудимых. Не слышно было и откликов на процесс Осипова, хотя речь шла о первом значительном бесцензурном журнале, издававшемся открыто с фамилией редактора на первой странице!

Совсем другое дело процесс Орлова – заявления министров и президентов, резолюция американского конгресса и прения в английском парламенте, непрекращающиеся статьи в западной прессе... Думаю, что такое изменение позиции Запада должно быть воспринято с удовлетворением всеми. Если есть люди, считающие процесс безупречным, а приговор ему – справедливым, то они должны быть довольны, что это похвальное действие стало так широко известно. Другие же – могут видеть в дружной реакции общественности Запада признак надежды на то, что когда-то у нас такие процессы и приговоры прекратятся. А может быть, это смягчит и судьбу самого Орлова.

– *Какое отношение государства к диссидентам Вы предвидите в будущем?*

– Я оптимист и уверен, что когда-то возобладает единственно разумная точка зрения: что с сообщаемыми фактами и высказываемыми взглядами надо бороться публикацией других фактов и опровержением взглядов, а не лагерем и ссылкой. И по самой практической причине: потому что иначе можно прийти к заключению, что иных аргументов кроме лагеря – нет. Но страшно подумать, сколько еще процессов пройдет, прежде чем разум восторжествует. Увы, пока этот момент не виден и вдалеке. Как одно из последних свидетельств этого печального положения, хочу обратить внимание на арест 14 мая этого года Александра Подрабинека, чле-

на рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. Комиссия сообщала о случаях заключения в психиатрические больницы, имевших, по ее мнению, политическую причину, публиковала фамилии лечащих врачей и адреса больниц, обращалась с ходатайствами к медицинским властям. Подрабинек обвиняется в клевете на советский строй – это грозит лишением свободы до 3-х лет, но вполне вероятно, что (как это было в процессе Орлова) во время следствия формула обвинения будет заменена на дру-гую, угрожающую заключением до 7 лет.

Я надеюсь, что западное общественное мнение не останется равнодушным к судьбе Подрабинека, потому что уверен: речь идет об опасности, общей для нас всех, одинаково угрожающей и Западу и Востоку. То явление, с которым боролся Подрабинек, не было просто злоупотреблением властей или несовершенством законодательства. Это был вполне логичный вывод из глубоко укоренившегося, последовательно-материалистического взгляда на сущность Человека. Если в человеке не видеть большего, чем равнодействующей социальных или биологических сил, то для него теряют всякий смысл понятия вины и наказания, как они бессмысленны в применении к машине. Как испортившийся компьютер не судят и не наказывают, чинят, так надо чинить и человека, действующего не в соответствии с заложенной программой, – для этого и существуют психиатрические больницы особого типа. Вывод этот столь неизбежен, что еще предшественник и учитель Маркса – Вейтлинг – рисовал картину будущего общества «гармонии и свободы», где не будет судов и тюрем, но все «одержимые болезненными страстями» будут направляться в больницы, а неизлечимые – изолироваться в особых колониях на островах. Это – ти-

пичная Утопия, придуманная мрачным фантазером. Куда страшнее Утопия, которую создает сама жизнь: на пока еще маленькой модели показывает, что может нас ожидать в недалеком будущем. Например, когда врачи-психиатры, по-видимому совершенно искренне, объясняют насильственно доставленным к ним пациентам, что их религиозные убеждения или критическое отношение к жизни (как говорят врачи, ОТСУТСТВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ) – это и есть верный симптом их психического заболевания.

То мировоззрение, из которого вытекает этот вывод, возникло не у нас, оно произросло и расцвело на почве Запада. Поэтому я уверен, что и Западу угрожает та же опасность, быть может, только в другом облике: усовершенствование техники манипулирования человеческой психикой, превращение человека в «одномерное», лишенное духовной свободы существо.

– *В чем Вы видите признаки унификации личности на Западе?*

– Такая точка зрения высказывалась на Западе неоднократно и, по-видимому, разделяется многими. Например, эпитет «одномерный» подсказан мне названием книги Герберта Маркузе. Это – один образец литературы, возникшей в основном в 60-е годы. В ряде книг подобного направления убедительно высказывается такая точка зрения: массовое индустриальное общество не просто удовлетворяет потребности своих членов, но, в гораздо большей степени, искусственно создает их благодаря рекламе. Этот процесс переносится и в духовную область. Так возникает гонка создаваемых и удовлетворяемых потребностей, полностью поглощающая человека. Широкий выбор продукции материального и духовного производства на самом деле жестко ограничен рамками того,

что соответствует целям общества. Благодаря этому человек настолько интегрируется в общество, что критическое отношение к принципам этого общества становится для него невозможным – не из-за внешних ограничений, а ввиду изменения мышления самого человека. Такие взгляды были идеологической основой студенческих (и, конечно, не только студенческих) волнений, охвативших почти весь западный мир 10 лет назад. Громадный размах этого движения, несомненно, доказывает, что оно не случайно, но вызвано какими-то глубинными и болезненными сторонами западной жизни.

Другое дело – тот выход, который предлагали «Новые левые» (например, Маркузе), – он кажется мне чудовищным и ведущим к гораздо большей деградации человеческой личности, чем этого можно опасаться со стороны индустриального общества. Но ведь так и делается история: каждый большой обман должен основываться на доле правды. И мастера разрушительной работы умеют очень тонко найти эту правду – самое больное место того общества, в котором они живут.

– Чем отличаются преследования инакомыслящих и унификация личности в СССР и в царской России?

– Зачем же мне высказывать Вам свое субъективное мнение, когда Вам очень легко узнать объективные факты? Если это интересно Вам или Вашим читателям, возьмите законы о печати, партиях, профсоюзах, забастовках, действовавшие в России в 1905–1917 гг. и сравните их с известной Вам современностью. Это было бы тем более полезно, что, как мне кажется, на Западе господствуют совершенно фантастические представления о дореволюционной России!

А здесь я приведу только один случай, который мне недавно напомнил знакомый юрист. В 1906 г. Госу-

дарственная дума оказалась в состоянии непрерывного конфликта с правительством. В полном соответствии с «Основным законом» было объявлено о роспуске Думы и проведении новых выборов. Тогда большая часть депутатов (180 человек) отказалась подчиниться этому Указу. Они собрались в Выборге, в Финляндии, где, ввиду предоставленной Финляндии автономии, находились вне досягаемости властей – и объявили, что заседание Думы продолжается. Там они выпустили так называемое «Выборгское воззвание», в котором призывали население: не платить налоги и не идти рекрутами в армию. После этого почти все они вернулись в Россию, где были отданы под суд. На суде они не признали себя виновными и использовали суд для обвинения правительства. В результате они были приговорены к трем месяцам тюремного заключения. Их речи и речи адвокатов вместе с портретами и автографами всех подсудимых были изданы в виде книги, которая тотчас поступила в свободную продажу. Поучительно сравнить это, например, с процессом Осипова или Орлова.

– *Как, по Вашему мнению, должен строить Запад практически политику по отношению к Советскому Союзу? Есть ли у Вас принципиальные возражения против сотрудничества между Западом и Советским Союзом?*

– Политика, я думаю, как и всякая профессиональная деятельность, требует подготовки и опыта. Какие же советы я могу здесь давать? А если бы я собрался с советами обращаться, то советовать стал бы скорее уж своей стороне, чем Западу.

Принципиальных возражений против сотрудничества Запада с Советским Союзом, конечно, быть не может. Все дело в том, на какой основе это сотрудничество происходит и как конкретно осуществляется.

Приведу пример конкретной формы сотрудничества, которая у меня возражение вызывает. Когда бывший премьер Великобритании Вильсон в тот самый день, как шел процесс над Орловым, подписал соглашение с советским пропагандистским функционером Сурковым и еще сказал, что он гордится этим своим действием, то тем самым он взял на себя долю вины и за жестокий приговор Орлову, и за судьбу тех, кто последует за ним в этом скорбном ряду. Например, за судьбу Подрабинека.

**ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ
РАДИОКОМПАНИИ БИ-БИ-СИ
26.IX.1977**

(Перевод с английского)

– *Существуют ли в СССР ограничения свободы совести?*

– Ответить на Ваш вопрос не просто – и вот почему. Я хотел бы сообщить Вам не свои впечатления, а факты, на основании которых Вы могли бы сами сделать выводы. Самый убедительный ответ был бы, например, такой: вот число верующих, а вот число действующих церквей – судите, достаточно ли их. Но эти цифры являются секретом – ни представители властей, ни церковные деятели их не сообщают. Я мог бы рассказать Вам о некоторых конкретных фактах, которые стали мне известны, – но тогда встает вопрос, типичны ли они или представляют исключение?

К счастью, есть информация, которая опубликована и касается самой сути нашей проблемы, – это законы, регулирующие положение религии: о них

я и скажу. Начнем с Конституции. Общее положение о свободе совести конкретизировано там в том смысле, что за гражданами признается свобода «отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды». Это противопоставление подчеркивает, что верующим разрешается лишь «отправление культа». Но христианство – не магия, когда вполне достаточно произвести в храме определенные действия. Христианство – это образ жизни, и вера христианина проявляется не только в посещении церкви, но и в его жизни, в частности в том, что он воспитывает детей в своей вере, участвует в благотворительности или проповедует веру. Но Конституция санкционирует лишь **антирелигиозную** пропаганду, которая действительно ведется в грандиозном масштабе. Издается множество книг антирелигиозного содержания, несколько постоянных журналов посвящено исключительно пропаганде атеизма, по всей стране – по городам и деревням – разъезжают лекторы-антирелигиозники, атеизм включен в программы средней и высшей школы.

– *Каково содержание этой пропаганды?*

– Она пытается доказать, что религиозное мировоззрение противоречит научным фактам или вредно влияет на жизнь, что Христа никогда не существовало, что Церковь всегда играла самую отрицательную роль в истории, пытается опорочить личность живущих сейчас священников, например, о. Дмитрия Дудко. И на всю эту грандиозную богоборческую деятельность верующие не имеют права даже ответить, ибо это выходило бы уже за рамки «отправления культа». Более того, она ведется на средства населения, большую часть которого составляют верующие, оплачивающие направленную против них пропаганду!

Общие положения Конституции детализируются в законах и инструкциях. Они все собраны в книге, выпущенной издательством «Юридическая литература», на которой я и основываюсь. Вот несколько типичных положений. Церковь или религиозная община не имеет прав юридического лица и не может обладать собственностью: все, чем она пользуется, является собственностью государства. Так что ценные пожертвования верующих не только не принадлежат религиозной общине, но она еще ответственна за сохранение этого государственного имущества, которое после ликвидации общины переходит к государству. Запрещено обучение детей религии (речь идет о частном обучении при церкви или дома). Комментарий к закону считает обучение допустимым лишь при таких условиях: чтобы обучалось не более 3 детей (а как раз в религиозных семьях их бывает и 10) и чтобы обучали только родители своих детей (а значит, например, не бабушка – внука!). Нарушение этого закона карается принудительными работами до одного года. Церковь не имеет права заниматься благотворительностью и организовывать медицинскую помощь. Руководители религиозной группы могут обратиться для обсуждения своих дел только с разрешения властей и только представив предварительно повестку собрания. Не легче положение священника. Например, он не может без специального разрешения властей пригласить больного у него дома, в больнице или в тюрьме. Исключение может быть сделано только для тяжело больных или умирающих, если обряд будет происходить в «особо изолированном помещении».

И вся эта сеть законов и инструкций, обеспечивающих государственный контроль над каждым проявлением религиозной жизни, носит название: *«Законодательство об отделении церкви от государства»!*

– *Сталкивались ли Вы лично с теми трудностями, которые встречаются верующие?*

– Извините, мне не хотелось бы говорить о себе лично, но я скажу о том, что мне рассказывали мои друзья и знакомые и что я много раз наблюдал сам. Мне кажется, что самая болезненная проблема связана с детьми. Детей необычайно влечет к себе церковь, богослужение, они бывают глубоко потрясены встречей с Богом. Но вот они попадают в школу и, начиная с младших классов, сталкиваются с атеистической пропагандой. Они не только слышат на уроках, но должны и сами рассказывать о легенде о Христе, выдуманной богатыми, чтобы легче эксплуатировать бедных, и т. д. и т. д. Обычно это бывает очень мало убедительно, – думаю, и для самих учителей. Но очень немногие дети способны ради своих еще смутных чувств идти на открытый конфликт со взрослыми, учителями. Они чувствуют одно, а говорят другое, у них возникает чувство раздвоенности, нечестности.

Войдите в положение верующих родителей: что им делать? Отказаться от приобщения детей к религии, от того, что сами они считают самым важным в жизни? Взять детей из школы, учить их частным образом? – это противоречит закону об обязательном обучении. Приучать детей ко лжи? Выхода нет – всегда страдают дети, родители и страна, в которой граждане с детства приучаются к двоедушию.

– *Почему государство боится разрешить христианам свободно исповедовать их веру?*

– Прежде всего, я хочу подчеркнуть, что вопрос верно сформулирован: здесь действительно речь идет о страхе. Я приводил пример инструкции, которая запрещает священнику причастить умирающего, если для этого нет «специально изолированного помещения».

Как это понять, – почему необходимо изолированное помещение, да еще как-то «специально (как?) изолированное»? Очевидно, авторы инструкции верят в то, что одно присутствие при том, как совершается причастие, способно глубоко повлиять на людей – так сильно, что вся мощь государственной антирелигиозной пропаганды не способна перевесить этого впечатления.

Мне кажется, власти правы, оценивая религию как величайшую силу. Вот пример. В городе Горьком лет 8 назад верующие начали ходатайствовать об открытии церкви. Они писали, что в городе с населением более 1 миллиона человек фактически нет церквей – три маленькие церкви находятся далеко на окраинах. Под ходатайством они собрали больше 1500 подписей – и не добились ничего! кроме угроз и неприятностей по службе. Теперь они начали все сначала, собрали почти 3000 подписей и сейчас добиваются ответа властей (пока безрезультатно). Может быть, для вашей страны это небольшие цифры, но для нашей – огромные.

Ни под одной петицией, посвященной правам человека, не удалось собрать больше, чем $\frac{1}{10}$ этого числа подписей. И так всегда: когда речь идет о Церкви, поддержку оказывают тысячи и тысячи людей.

– *Почему Церковь пользуется такой поддержкой?*

– Мне кажется, у нас религия играет не совсем ту же роль, что на Западе. Одни люди устали от материалистического духа жизни, они ищут в религии духовных ценностей. Другие стремятся через Православие соприкоснуться с русской национальной традицией, которая так долго подавлялась. Третьи видят в Православии основу русской культуры. Религия исполняет в духовной жизни страны много функций, кроме основной – связи человека с Богом. Религия является сейчас

самой мощной духовной силой. И здесь возникает действительно трагическая ситуация для всей страны.

Причем, как ни тяжело положение верующих, ТРАГИЧНА эта проблема не столько для них, сколько для всей страны и всего народа. Верующие могут понять гонения как посланное им испытание и найдут силы его перенести. Но весь народ – можно ли его лишать основы его духовной жизни? Трудно представить себе человека, который первую половину жизни вдохновлялся одними принципами, потом сменил их на противоположные и столь же ревностно следовал им. Обычно в таком случае люди становятся разочарованными, духовно разбитыми. Так же и целый народ, и страна. Россия возникла как православная страна и такой была почти 1000 лет. Невозможно себе представить, чтобы она могла остаться духовно здоровой, потеряв связь с Православием. Казалось бы, никакая власть не может желать духовного ослабления народа, хотя бы потому, что за этим неминуемо наступает физическое ослабление. Но сила атеистических верований слишком велика...

– Расскажите о конкретных случаях преследований людей за их веру.

– Члены «Комитета защиты прав верующих», с которыми Вы будете разговаривать после меня, могут рассказать об этом лучше, чем я. Я же хочу сделать только одно общее замечание. В Православии – конечно, и в христианстве вообще, но особенно в Православии – тяжелейшим грехом считается гордыня, и одной из высших добродетелей – смирение. Поэтому для православных очень трудно говорить о жертвах, принесенных ими ради веры. Это издавна так. Например, в XVII в., во время раскола, вожди раскольников упоминали о страшных пытках и преследованиях, которым

они подвергались – обычно с иронией, как о чем-то не достойном серьезного отношения, – чтобы не проникнуться гордостью за свое мужество. Ввиду этой психологической особенности сведения о тех испытаниях, которым подвергается Православие, всегда были и, вероятно будут очень фрагментарными.

Вот несколько примеров. У меня есть один документ, составленный группой православных. Это список мучеников Православной Церкви, о которых составители смогли собрать сведения. Он очень лаконичен: имя, духовный сан, дата, место и вид мученической смерти. Конечно, я не имел возможности проверить эти сведения, но я знаю, как добросовестны бывают в таком случае верующие, поэтому я верю составителям. Документ этот составлен не в пылу борьбы, не под влиянием мстительности или гнева, а для совершенно конкретной цели: поминовения этих мучеников. Типичные записи такие:

Епископ Амвросий I Гудко	1919 г.	г. Свяжск	Умерщвлен, будучи привязан к хвосту лошади
Игумен Евгений и с ним 5 иноков	Третий день по Пасхе, 1918 г.	Александровский монастырь Олонецкой губ., Лодейнопольского уезда	Вырыли себе яму, во время расстрела пели «Христос Воскрес»
Свящ. Леонид Серебряников	На Рождество 1919 г.	с. Лермонтовка, станция Розенталовка, ок. Хабаровска	Устроив елку для детей, вернулся домой и схвачен. На реке раздет и брошен в прорубь со словами: «Ты крестил, и мы тебя будем крестить».

Один этот список охватывает более 8000 человек. И вот я думаю – о скольких из них стало известно на Западе и вообще во «внешнем мире»? Буквально о не-скольких, о единицах.

Вот пример ближе к нам по времени. Когда Хрущев начал новое гонение на Церковь и за 1–2 года было закрыто более половины всех православных храмов, против этого поднял голос митрополит Николай – в то время второе лицо в церковной иерархии после Патриарха. Немедленно он лишился своего положения, контакты с ним стали для приезжающих иностранных церковных деятелей затруднительны, а вскоре и вовсе невозможны. Скоро он скончался. В то же гонение архиепископ Андрей был присужден к 8 годам тюрьмы. Много ли внимания привлекла их судьба?

Вот, наконец, пример и вполне современный. Более 10 лет назад епископ Гермоген занял твердую позицию, не допуская вмешательства властей в церковные дела. Он лишился своей епархии и был направлен в Жировицкий монастырь. Это было предписание не советских, а церковных властей, и удерживает его в монастыре не физическое принуждение, а церковная дисциплина. Но он находится более 10 лет в условиях довольно строгой изоляции, – и я не слыхал, чтобы на Западе об этом были запросы, печатались статьи в газетах или создавались комитеты.

Поймите меня, пожалуйста, правильно. Я вовсе не хочу сказать, что все объясняется равнодушием общественного мнения Запада к судьбе Православной Церкви. Сейчас я хочу как раз подчеркнуть другую причину: вы здесь сталкиваетесь с очень необычной психологией, совершенно отличной, например, от более понятной вам, вероятно, диссидентской психологии. Верующий, по-

страдавший за свою веру, просто не может рассказывать об этом на пресс-конференции. Но я хочу вас предупредить, что благодаря этому то, что вы узнаете, всегда будет лишь маленькой частью картины, которую всю целиком вы должны попытаться представить себе сами.

– *Мы видели церкви – и православные, и баптистские, – переполненные народом, торжественное богослужение, никем не прерываемое. Как это согласуется с тем, что Вы нам рассказывали?*

– Мне кажется, не только согласуется, но одно с необходимостью вытекает из другого: чем больше верующих и чем меньше церквей, тем больше народа будет в каждой церкви. Вы были только в Москве, – а в провинции теснота в церквях еще больше. На праздники же вокруг церквей собираются огромные толпы верующих, для которых внутри не оказалось места.

Богослужение, как правило, не нарушается. Исключения бывают, Вы, вероятно, и недавно о них слышали, но это действительно исключения. Этому соответствует весь дух законодательства о религии и всей политики властей: стремление превратить религию в отправление культа», ограничить ее действие стенами храма. Посетитель церкви, как правило, не столкнется ни с каким видом преследований, если вне храма его вера ни в чем не будет проявляться: если он будет посещать атеистические лекции и даст своим детям атеистическое воспитание; если он не будет возражать, когда уволят священника, на службы которого собиралось очень много народа; он не будет возражать, когда решат закрыть церковь, в которую он привык ходить, и если он не будет добиваться открытия новой вместо закрытой – и т. д. и т. д. Такой тип верующего согласуется с духом и буквой законодательства о религии.

АРЬЕРГАРДНЫЕ БОИ МАРКСИЗМА

(О работах Р. А. Медведева)

I

Еще Геродот видел в борьбе и взаимовлиянии Востока и Запада основной стержень истории человечества. Казалось бы, все возможные взгляды на роль Востока и Запада в Истории были с тех пор высказаны и обсуждены. Но вот наш век принес с собой совершенно новый угол зрения на эту давнюю проблему. Именно сейчас стала ясной решающая всемирно-историческая роль явления, совсем по-новому одновременно и связывающего, и разделяющего Восток и Запад: социализма. Как ученик социализм – творение Запада. В России он не имел никаких корней и был полностью импортирован: настолько, что два главных вождя социалистического движения – Герцен и Бакунин – должны были эмигрировать на Запад, чтобы там проникнуться этим учением. Но зато в России (а потом в других странах Восточной Европы и Азии) социализм – в форме марксизма – был впервые воплощен в жизнь. Поэтому Запад сейчас смотрит на социализм как на свое возможное будущее, Восток же – как на прошлое и настоящее, как на отчасти уже пережитый им опыт.

По-видимому, у большинства западной интеллигенции социализм – и, в частности, марксизм – вызывает интерес и сочувствие. В громадной степени эта привлекательность марксизма для Запада связана с его завоеваниями на Востоке: успех и сила всегда притягивают. Но удивительным образом с Востока же был нанесен и самый тяжелый удар марксизму, и нанес его глава мирового коммунизма (тогда еще не разьедаемо-

го никакими видимыми противоречиями) – Хрущев. Его знаменитые доклады разбили догмат о непогрешимости марксизма и поставили под сомнение результаты экспериментальной проверки марксистского учения. А главное, он был единственным человеком, слова которого нельзя было отбросить как клевету классового врага! Позже в СССР стала проявляться независимая, немарксистская мысль – явление ранее невообразимое. Критическое отношение к марксизму с эмиграцией выплеснулось за советские границы: еще одна встреча Востока с Западом на почве социализма, но уже с обратной ориентацией. Для левой западной интеллигенции, воспринявшей сначала советских диссидентов как своих союзников – борцов за свободу против собственного истеблишмента, было шоком и разочарованием обнаружить, что многие из них не испытывают никакой симпатии ни к марксизму, ни к социализму вообще.

Начиная с выступлений Хрущева, то есть последние 20 лет, марксизм идеологически находится в отступлении. А всякое отступление опасно тем, что его трудно прекратить: неясно, где остановиться. Вот четыре «линии обороны», которые в этих арьергардных боях уже сменила марксистская мысль.

1. Предвидения Маркса и Энгельса оказались поразительно точны. Все неприятные слухи, иногда просачивающиеся на Запад, – клевета классовых врагов. (Впрочем, кое-что из этого, может быть, и правда, но такова историческая необходимость.)

2. В подобных слухах есть доля истины. Но это принципиальные отклонения, не влияющие на истинность основных положений марксизма. Они объясняются некоторыми свойствами характера Сталина, извратившего заветы Ленина и Маркса.

3. Марксизм не может нести ответственности за применение его в России. Русский эксперимент – это извращение марксизма; вообще не марксизм, а продолжение традиции Бакунина, результат многовекового рабства и татарщины.

4. Маркс сам уклонился от истины под влиянием партийной борьбы. Следует обратиться к его наиболее ранним произведениям эпохи левого гегельянства. В самой крайней форме эти мысли высказаны Ж.-П. Сартром, который с особой симпатией говорит о произведениях Маркса, предшествовавших его «злополучной встрече с Энгельсом». (По-видимому, следует понимать это так, что, кроме очень большого числа женщин, Энгельс соблазнил еще и Карла Маркса!)

Современная апологетика марксизма имеет один коренной дефект: подавляющее большинство защитников марксизма находится на Западе, в то время как основная часть его критиков происходит из социалистических стран (мы исключаем из рассмотрения тех находящихся на Востоке авторов, для которых марксистские убеждения переплетаются с их профессией и карьерой). Но такое распределение уже само является весомым аргументом: очевидно, какой вывод напрашивается из того, что противниками марксизма оказываются те, кто испытали его на себе, а сторонниками – те, кому судьба этого опыта еще не послала. Именно это обстоятельство определяет тот большой вес, который в лагере защитников марксизма приобретают авторы из социалистических стран (выступающие в то же время независимо от официального идеологического аппарата этих стран). В СССР мне известен только один такой автор – это Р. А. Медведев, опубликовавший несколько книг и статей о послеоктябрьской истории СССР и посвятивший ряд работ защите марксистской идеологии.

Такое особое положение делает интересным более пристальное рассмотрение его взглядов. Но и сверх того на этом частном примере можно надеяться более выпукло увидеть черты общего явления: яснее понять специфику марксистской идеологии, ее роль в современном мире и влияние на судьбы Востока и Запада.

II

В одной из статей Р. А. Медведева («Международное положение СССР и пути разрядки») содержится очень четкое изложение того комплекса положений, против которого он выступает. В разделе под названием «Эмиграция из СССР предлагает свои рецепты “спасения” Запада» изложен следующий взгляд, принадлежащий, по его словам, многим эмигрантам из СССР. Они считают, что социалистическая революция «несет с собой (1) тяжелую и кровопролитную гражданскую войну, (2) подавление и уничтожение всех политических партий, кроме коммунистической, (3) массовый террор и (4) принудительную коллективизацию, ликвидацию не только зажиточных хозяйств, но и всей частной собственности, (5) насилие над «буржуазными» специалистами и, (6) в конечном счете, взаимостреление самих революционеров...» (цифры в скобках вставлены мною, чтобы было удобнее обсуждать отдельные положения. – *И.Ш.*). Я мало знаком с высказываниями эмигрантов, и поэтому мне трудно судить, насколько точно здесь сформулированы их взгляды. Но меня поражает, что автор, который, казалось бы, должен быть хорошо осведомлен в марксистской литературе, не заметил, что им приведены точки зрения самих классиков марксизма, высказанные в их теоретических работах. (За исключением, разумеется, положения 6,

которое и отмечает черту, не специфическую для социалистической революции, столь же отчетливо проявившуюся во Французской революции 1789–1794 гг.). Вот несколько цитат.

(1) **О гражданской войне.** Маркс:

«Мы говорим рабочим: вы должны пережить 15, 20, 50 лет гражданской войны и международных битв не только для того, чтобы изменить существующие отношения, но чтобы и самим измениться и стать способными к политическому господству» («Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов»).

(2) **О демократии.** Говоря о демократических требованиях буржуазии: «демократического, конституционного и республиканского образа правления», Маркс и Энгельс пишут:

«В то время как демократические буржуа хотят возможно быстрее закончить революцию, в лучшем случае с проведением вышеуказанных требований, наши интересы и наша задача заключается в том, чтобы революция была перманентной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства...» (Первое обращение центрального комитета к союзу коммунистов).

(3) **О терроре:**

*«...существует только одно средство для того, чтобы сократить, упростить и локализовать кроважную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только одно средство – **революционный террор**» (Маркс и Энгельс, «Новая Рейнская газета» от 7 ноября 1848 г.).*

Эту фразу Маркс и Энгельс повторяют в последнем номере своей газеты как выражающую их принципиальную позицию и добавляют:

«Мы беспощадны и не ждем никакой пощады. Когда придет наш черед, мы не будем прикрашивать террор» (номер от 8 мая 1849 г.).

(4) **Частная собственность;** в частности на землю. В «Коммунистическом манифесте» говорится:

*«...коммунисты могут выразить свою теорию одним положением:
уничтожение частной собственности».*

Среди мер, которые должны быть приняты после победы пролетарской революции, первой провозглашается:

«Экспроприация поземельной собственности и обращение поземельной ренты на покрытие государственных расходов» (там же).

И, наконец, (5) о «буржуазных специалистах» Энгельс пишет:

«Но если мы, благодаря войне, преждевременно станем у власти, то техники будут нашими специальными противниками и будут обманывать и предавать нас, где только смогут. Нам придется применить террор...» (Письмо Бебелю от 24–26 октября 1891 г.).

И заметим: все эти высказывания сделаны не после захвата власти, когда желание удержать ее может заставить забыть о своих принципах, – это и есть сами принципы. Это не «искажение» марксизма, а сам марксизм.

Конечно, цитаты – любимое оружие марксистов – ничего не доказывают, и я привел несколько цитат, чтобы **иллюстрировать** свою точку зрения, а не чтобы **доказать** ее. Убедиться же читатель может, лишь прочитав некоторые произведения Маркса и Энгельса, например, «Революция и контрреволюция в Германии», «Классовая борьба во Франции» или «Гражданская война во Франции». Да достаточно просто непредубежденно прочесть «Коммунистический манифест», чтобы получить ясное представление об их основных взглядах. Пролетариат именно тем их и привлекает, что его ничто не связывает с существующим обществом: «Законы, мораль, религия являются для него всего лишь буржуазными предрассудками», «ему нечего упорочивать», «нечего терять, кроме своих цепей», его цель – «разрушить все ранее упорочившиеся формы частного обогащения». Из общих принципов исторического материализма вытекает, что тем самым будет уничтожена и политическая организация буржуазного общества, то есть демократия, и будет заменена чем-то совершенно новым. Эта новая форма и называется диктатурой пролетариата, причем Маркс в числе трех своих основных достижений называет ее открытие и доказательство ее неизбежности (в письме Вейдемейеру от 5 марта 1852 г.). Надо действительно совершенно отрешиться от духа марксизма, чтобы, как это делали Бернштейн и Каутский, заявлять, будто диктатура пролетариата – это просто парламентское большинство рабочей партии. Человек, преобразивший лик сегодняшнего мира при помощи марксизма, уже тем самым доказал, что понимал его лучше других. И, действительно, строго в духе основных принципов марксизма он сказал: «Выслушав сегодня ораторов справа, выступавших с возражениями по моему докладу, я удивляюсь, как они до

сих пор не научились ничему и забыли все то, что они всеу именууют “марксизмом”. Один из возражающих мне ораторов заявил, что мы стояли за диктатуру демократии, что мы признавали власть демократии. Это заявление столь нелепо, столь абсурдно и бессмысленно, что является сплошным набором слов. Это все равно что сказать – железный снег или что-либо вроде этого (смех). Демократия есть одна из форм буржуазного государства, за которую стоят все изменники истинного социализма...» (Ленин. «Заключительное слово по докладу Совета Народных Комиссаров на III Всероссийском Съезде Советов»). Дальше докладчик разъясняет, что нельзя противопоставлять демократию диктатуре пролетариата, так как демократия обеспечивает пролетариату захват власти, а эту власть он осуществляет в форме своей диктатуры).

Однако предупредим читателя: по всем этим вопросам у классиков марксизма можно найти и высказывания прямо противоположного характера. Несколько лет назад в Самиздате ходила остроумная работа, где был приведен длинный список таких «антитез» – почти по всем принципиальным вопросам, по которым основоположники марксизма писали. Можно ли это объяснить только как прием политики: желание предложить в любой момент и любой социальной группе подходящий лозунг? Несомненно, с самого основания марксизма в нем играла громадную роль и была тонко разработана техника управления социальными движениями путем неразрывной смены лозунгов. Но вряд ли возможно предположить, что столь грандиозные движения могут быть вызваны чисто тактическими приемами, как бы совершенно они ни были разработаны. Идя несколько глубже, мы обнаруживаем другое объяснение (очень возможно, также не окончательное): в марксизме всег-

да присутствовало учение о ДВУХ ЭПОХАХ, которые последовательно переживет человеческое общество после захвата власти пролетариатом, и мы можем во многих случаях отнести высказывание вроде приведенных выше к первой по времени эпохе, а противоположное им – ко второй. Одно различие при этом бросается в глаза. Характеристики первой эпохи бывают обычно очень яркими и конкретными, так что, например, Ленин мог заимствовать у Маркса и Энгельса много приемов, полезных для завоевания и упрочения власти. Наоборот, высказывания о второй эпохе обычно поражают своей абстрактностью, например: «Человек присваивает себе свою разностороннюю сущность разносторонними способами, то есть как целостный человек». Основной же слабостью всей этой концепции является полное отсутствие аргументов в пользу того, что первая эпоха трансформируется во вторую. Так, в «Коммунистическом манифесте» предлагается после захвата власти ввести систему принудительного труда: «Равное принуждение к труду для всех. Создание трудовых армий, особенно в сельском хозяйстве», и предполагается, что отсюда возникнет общество, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». При этом ни единым словом не поясняется, почему же система принудительного труда приведет именно к этому результату, а не к тому, что аппарат принуждения постепенно станет истинным хозяином жизни.

III

Но вернемся к Р. А. Медведеву. Какую точку зрения он противопоставляет взглядам своих оппонентов, которые он так четко сформулировал? Многократно Р. А. Медведев называет себя последователем

марксизма. С другой стороны, он не скрывает своего отрицательного отношения к определенным сторонам истории нашей страны в ту эпоху, когда эта история направлялась именно марксистскими принципами. Он говорит, например: «...масштабы несправедливостей и преступлений 20–50-х годов XX века превзошли все, что было известно в прежние века и десятилетия» (по контексту речь идет о России–СССР) – «О третьем томе книги А. И. Солженицына “Архипелаг ГУЛАГ”». Каким же образом примиряются эти две точки зрения? По-видимому, так: все, что автор осуждает в историческом опыте СССР, он относит за счет неправильно воплощения марксистских идей, а не за счет самих идей. По крайней мере, он упрекает А. И. Солженицына в том, что тот не увидел различия: «Солженицын не собирается анализировать различия между предпринимавшимися до сих пор конкретными попытками построить социалистическое общество и идеалами социализма...» («Международное положение СССР и пути разрядки»). Но как же быть с теми мыслями основоположников марксизма, которые мы привели выше (и громадным числом подобных высказываний)? Ведь они-то относятся не к «конкретным попыткам», а скорее к «идеалам». А если (как делает автор) расширять тему, включая в нее кроме марксизма и социализм, то картина становится только еще более яркой: принудительный труд (Т. Мор, Кампанелла, Уинстенли), детальная регламентация одежды, жилища, развлечений, отношений полов (Т. Мор, Кампанелла, Уинстенли, Бабеф), запрет свободного передвижения по стране (Т. Мор, Бабеф), объявление инакомыслящих больными и принудительное их лечение (Вейтлинг), каторга на островах (Бабеф, Вейтлинг. Так рано всплывает образ «Архипелага!»)... Если можно говорить (словами

Р. А. Медведева) о «не вполне удачном опыте» воплощения этих идей в нашей стране, то совсем не в том смысле, как это делает наш автор: их нечеловеческая лютость оказалась в данных исторических условиях недостижимой, ее пришлось во многом смягчить.

Р. А. Медведев заявляет себя последовательным сторонником демократии. В этом отношении его критика современной политической жизни СССР весьма сурова: «Это верно, что в нашей стране нет ни настоящих выборов, ни независимой прессы, ни свободной политической, научной или литературно-творческой деятельности. Это верно, что у нас нет независимых судебных органов или свободных от партийной опеки профессиональных союзов» («Международное положение СССР и пути разрядки»). В других работах он ратует за создание в нашей стране оппозиционных партий и оппозиционных групп в коммунистической партии. Непонятно, как последовательное проведение подобных взглядов может согласоваться с марксизмом, и ни в одной из известных мне работ Р. А. Медведев этого не поясняет. Однако в других его суждениях о том же предмете можно обнаружить иной оттенок, уже не столь далекий от духа марксизма. Так, о демократии он пишет:

«Только социалистическая революция может на практике осуществить принцип демократии: меньшинство подчиняется большинству». «Однако, заботясь о проведении в жизнь этого важнейшего принципа демократии, впервые на деле осуществленного только в условиях социалистической демократии, мы недостаточно внимания уделяли в прошлом и уделяем в настоящем осуществлению другого не менее важного принципа демократии: право меньшинства формулировать и отстаивать свою точку зрения» («Социализм и демократия»).

Если эти два разных высказывания о демократии включаются в какую-то единую точку зрения, то вывод может быть только один: автор считает, что указанные в первой цитате явления («нет ни настоящих выборов, ни независимой прессы» и т. д.) дурны тем, что препятствуют меньшинству отстаивать свои взгляды, однако они никак не противоречат представлениям автора о «власти большинства». Но скоро мы встречаемся с другим взглядом: в некоторых случаях автор вполне одобряет и насильственное осуществление воли меньшинства!

«В. И. Ленин весьма убедительно доказывал, что в условиях такой крестьянской, нищей, необразованной и многонациональной страны, как Россия, социалистическая революция может победить только как революция организованного и возглавляемого пролетариатом революционного меньшинства» («Социализм и демократия»).

Столь же зыбка и неопределенна точка зрения Р. А. Медведева на насилие. В одном лишь случае он – бескомпромиссный противник насилия, – когда речь идет о сегодняшнем дне в нашей стране:

«В некоторых провинциальных городах недовольство населения приводило даже к отдельным актам насилия, что может вызвать лишь осуждение. Всякая неразборчивость в средствах недопустима по принципиальным соображениям» («Социализм и демократия»).

За исключением уже очень недемократического, несокомерного тона, я присоединился бы к основной мысли. Но что могут значить здесь принципиальные соображения для марксиста? Как он забудет, что насилие – это

повивальная бабка истории, про пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата?.. И он не забывает – в той же работе автор пишет:

«И действительно, победа Советской власти в нашей стране явилась результатом вооруженного восстания и насильственного свержения власти буржуазного Временного правительства. В дальнейшем мировой империализм и внутренняя контрреволюция навязали нашему народу длительную и жестокую гражданскую войну»...

С сочувствием автор приводит и такие взгляды:

«Революция была необходима в такой стране, как Россия, – сказала автору одна из старейших коммунисток, – и эта революция не могла обойтись без насилия. Нельзя было победить в гражданской войне без массового террора, без насилия над офицерами, над кулаками. Вероятно, было нужно расстрелять в 1918 г. всю царскую семью, даже и малолетних наследников, чтобы они не стали знаменем монархической реакции. Разгорелась действительно смертельная борьба, и, если бы коммунисты не победили, их всех бы вырезали белые» («К суду истории», Нью-Йорк, 1974, с. 780. Я опускаю имя лица, названного Р. А. Медведевым, так как оно, кажется, еще живо и, может быть, раскаивается в этих своих взглядах. – И.Ш.).

Подобные высказывания являются драгоценными историческими свидетельствами, ибо они показывают, что психология, наиболее ярким выразителем которой был Сталин, не была еще самой низкой ступенью нравственной деградации. Чтобы расстрелять кого-либо, Сталину нужно было хотя бы выдумать, что этот чело-

век в чем-то виноват, хоть в том, что подмешивал гвозди в макароны. Видно, что какое-то бледное воспоминание о совести или нравственности еще сохранилось, их надо нейтрализовать. Но в приведенном отрывке убийство детей совершенно хладнокровно обсуждается с позиции **целесообразности**.

Позже (с. 789) автор пишет: что «целесообразность расстрела всей царской семьи, включая и ее малолетних членов, вызывает сомнения». К сожалению, он разъясняет на той же странице, что «революция может выбирать из очень широкого арсенала средств». Отказываться заранее от тех или иных из них, по его мнению, было бы неправильным. Надо лишь решить, «какие именно средства при минимуме издержек приведут нас кратчайшим путем к цели». В соответствии с этим он безо всякой иронии цитирует слова одного из руководителей ЧК Лациса: «... если можно винить Чрезвычайную Комиссию в чем-нибудь, то не в излишней ревности к расстрелам и в недостаточном применении высшей меры наказания» («К суду истории», с. 759).

Сердцем я верю в то, что насилие губительно для тех слоев населения, которые становятся его орудием – даже более, чем для тех, против кого оно направлено. Умом могу представить себе образ мыслей революционеров: Маркса, Энгельса, Ленина, Троцкого, Сталина, Мао, считающих насилие не только незаменимым орудием завоевания и удержания власти, но и средством изменения человечества в желательном для них направлении. Но каким органом можно понять точку зрения, согласно которой «отдельные акты насилия» в провинциальных городах – это «неразборчивость в яствах, недопустимая по принципиальным соображениям», а насильственное свержение правительства в великой стране, террор и расстрелы – допустимы, и даже защита этого правительства

является «навязыванием гражданской войны»? В лучшем случае – это вообще не точка зрения, а совершенно непродуманная система высказываний.

Или уж очень продуманная. Не в том ли здесь разница, что насилие во имя марксизма – вообще не насилие и поэтому не противоречит «принципиальным соображениям»? А причина та, что марксизм – это наука и насилие во имя его – это просто эксперимент. Такую точку зрения Р. А. Медведев действительно высказывает. Один раздел в его работе так и называется: «МАРКСИЗМ, КАК И ВСЯКАЯ НАУКА, ИМЕЕТ ПРАВО НА ЭКСПЕРИМЕНТ». Подобно классическому силлогизму о смертности Кая, это утверждение расчленяется на два положения: 1) «Всякая наука имеет право на эксперимент» и 2) «Марксизм есть наука». Вряд ли надо опровергать первое положение: доказывать, что не только не ВСЯКАЯ, но НИКАКАЯ наука не имеет права на эксперимент, за который надо расплачиваться человеческой жизнью, тем более – миллионами жизней. Возможно, что и сам Р. А. Медведев так не считает и перед нами просто неудачное выражение. Но второе положение заслуживает более тщательного рассмотрения.

IV

Итак, мы столкнулись, наконец, с важнейшим постулатом марксистской идеологии: МАРКСИЗМ – ЭТО НАУКА. Сила этого положения в том, что оно вырывает любую проблему из сферы действия простых человеческих аргументов. Выводы, которые предлагает марксизм, оказываются следствием «имманентных законов или логики производства», не зависящих от нашей воли, с ними так же бесполезно бороться, как с наступлением солнечного затмения. И так же наивно и

сентиментально применять к ним категории справедливости и гуманности – как к закону всемирного тяготения. Именно благодаря этому мы часто можем увидеть в работах одного и того же марксиста высказывания, как бы принадлежащие двум разным людям. Например, Р. А. Медведев с человеческим сочувствием и состраданием рассказывает о невероятной (и почти неизвестной) трагедии, пережитой в 1919 г. донским казачеством (в совместной со Стариковым работе «Жизнь и гибель Ф. К. Миронова»). Но вот в другой работе его мысль попадает в марксистскую колею, пожимает плечами: «Что ж делать! Это эксперимент».

Такова роль, которую играет утверждение о научном характере марксизма. Но в какой мере оно соответствует истине? Вопрос этот – обширный, и в духе настоящей работы естественно ограничиться одним его аспектом: относятся ли сами марксисты к своему учению как к науке? И попытаться проследить это на примере работ Р. А. Медведева.

Как считали и основоположники марксизма, научный анализ исторического процесса может быть применен, во-первых, к объяснению прошлого и настоящего и, во-вторых, к прогнозу будущего. В частности, переживаемая нами эпоха ставит перед марксистской мыслью ряд вопросов, из которых прежде всего бросаются в глаза следующие:

1. Является ли общество, возникшее в СССР, Китае, Северной Корее, на Кубе, во Вьетнаме, Камбодже, – тем социалистическим обществом, наступление которого предсказывает марксизм?

2. Если в каких-то из этих случаев это не так, то какова экономическая и классовая структура этих обществ? Являются ли они классовыми обществами? Если да, то какие классы в них существуют и как они

порождаются производственными отношениями, сложившимися в этих странах?

Пока нет ответа на эти вопросы, марксисты оказываются в несколько комическом положении теоретиков, с уверенностью объясняющих возникновение государства у древних германцев или генезис капитализма, но не знающих, как подступиться к явлению, протекающему на их глазах.

Попробуем выяснить, каково отношение к этим вопросам Р. А. Медведева. Для этого обратимся к его самому фундаментальному труду «К суду истории». Книга эта имеет подзаголовок «Генезис и последствия сталинизма». Не вдаваясь в дискуссию о том, что это за историческая категория – «сталинизм», согласимся с автором, что четверть века власти Сталина были одной из самых драматических эпох в истории нашей страны, ожидающей своего объяснения. Как же ее объясняет автор? Прежде всего бросается в глаза громадная роль, которую он отводит личности Сталина. Многократно говорится о жестокости, коварстве, властолюбии и честолюбии Сталина. С этим связано и большое значение, которое автор придает так называемому «Завещанию» Ленина, где тоже речь идет о личных качествах Сталина – грубости, капризности и т. д. Типичен такой заголовок: «Сталин – организатор и вдохновитель репрессий 1937–1938 гг.». И на последней странице книги автор еще раз повторяет свое убеждение, что сталинская эпоха «является еще одним свидетельством роли личности в истории».

Глава II называется «Об условиях, облегчивших Сталину узурпацию власти», тем самым подчеркивается, что эти условия не являются основной причиной, они лишь облегчают действия Сталина. Но посмотрим, какие же это условия. На первом месте здесь стоит культ,

созданный вокруг Сталина, то есть знаменитый «культ личности» (§ 2, гл. II). Чем же объяснить появление культа? Автор ссылается на психологию революции: вызванные ею грандиозные перемены заставляют народ видеть в революционных вождях «каких-то неземных героев» (с. 709–712). Играют роль «капиталистическое окружение» и «контрреволюционные организации» (с. 729). Все эти факторы, естественные революционные эмоции, были направлены как бы по ложному руслу, по видимому, по мнению автора, – злой волей Сталина. В книге все время встречаются выражения: «...Сталину удалось обмануть партию и народ» (с. 728), «...Сталин извратил ленинские требования» (с. 748).

Наконец, в § 10 гл. II мы все же встречаем указание на необходимость анализа «социальных процессов, которые происходили в нашей стране после революции». В той же фразе автор обращает внимание на борьбу «между пролетарской и мелкобуржуазной моралью, между пролетарскими и мелкобуржуазными и бюрократическими элементами в нашей партии». Автор несколько раз подчеркивает роль «мелкой буржуазии» в структуре сталинского аппарата власти. Он обращает внимание на мелкобуржуазное происхождение Сталина (с. 817), говорит: «Из этой именно мелкобуржуазной среды черпал сталинизм свои главные кадры» (с. 825). Перед нами возникает уже что-то, похожее на классовую точку зрения, хотя и не новую: в сталинские времена, например, называли сторонников Бухарина «агентурой кулака». Но если это звучало малоубедительно уже в конце 20-х годов, то о какой мелкой буржуазии можно было говорить к 1937 г., когда вся промышленность, включая самое мелкое ремесло, принадлежала государству и все крестьяне были в колхозах? Впрочем, Р. А. Медведев и сам не настаивает всерьез на таком взгляде, его последовательное

проведение он называет «упрощенным и искаженным изложением действительного положения дел» (с. 821). Неправильной является, по мнению автора, и теория «нового класса» Джиласа (с. 1117).

Какая парадоксальная картина встает перед нами со страниц книги Р. А. Медведева! Яркими красками он рисует грандиозную драму, равную которой трудно найти в Истории. «...Ни в одной войне ни одна армия не понесла такого огромного урона в командном составе, какой понесла Советская Армия в предвоенные годы» (с. 414). «...За два года репрессий было арестовано и убито больше членов коммунистической партии, чем за все годы подпольной борьбы, за годы трех революций и за пять лет гражданской войны» (с. 452). Автор полагает, что, «по самым осторожным предположениям», в 1936–1939 гг. было казнено не менее 500 000 человек (с. 460), а это БОЛЬШЕ ЧЕМ В 100 РАЗ превосходит число казненных во время РЕВОЛЮЦИИ 1905 г. Если верно, что «история всех предшествующих обществ – это история борьбы классов» («Коммунистический манифест»), то вот где эта теория могла бы найти блистательное подтверждение! А если даже такой грандиозный конфликт не поддается «классовому анализу», то зачем этот анализ вообще нужен? Если история определяется развитием производительных сил и производственных отношений, «имманентными законами или логикой производства», то какая благодарная задача для исследователя, владеющего «имманентными законами», – показать, как они определили этот катаклизм, до корней потрясший громадную страну! Увы, во всех этих ожиданиях книга Р. А. Медведева нас обманывает. Все объяснения, которые она предлагает для этой грандиозной драмы, в конце концов ведут нас к личным свойствам и побуждениям Сталина, как будто автор взялся на этом при-

мере опровергнуть классическое положение марксизма: «...выставленные напоказ, так и действительные побуждения исторических деятелей вовсе не представляют собой конечных причин исторических событий, за этими побуждениями стоят другие движущие силы, которые и надо изучать» (Энгельс. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»).

В книге Р. А. Медведева мы не встречаемся ни с анализом борьбы классов, ни с производительными силами, производственными отношениями и их диалектическими противоречиями. Зато в одном отношении она очень ценна: она является ярким примером того, что марксисты сами не рассматривают свой «научный метод» как средство для анализа исторических явлений. Роль его совершенно иная, мы уже встречались с нею и на примере других работ Р. А. Медведева: придать своим положениям характер законов, не зависящих от воли людей и не подлежащих нравственной оценке.

(Те же возражения вызывает книга Р. А. Медведева и в более широком плане: в ней трудно найти не только марксистское, но и какое-либо другое объяснение описываемых событий, разве лишь то, что наделенный от природы очень дурными чертами характера Сталин «извратил» течение исторического процесса – да и эта концепция не нова сравнительно с теорией «носа Клеопатры» или «насморка Наполеона». В книге много черт, невозможных в серьезном историческом исследовании: например, как сообщает в предисловии сам автор, он пользуется только работами исследователей, придерживающихся одинаковых с ним политических взглядов, «буржуазная», «троцкистская» и «зарубежная» литература им игнорируется. Книгу оживляет большое число цитат из неизданных работ и мемуаров, – по-видимому, в распоряжении автора имеется много подобных сочи-

нений. Однако для историков вряд ли могут быть полезны отрывки из источников, личность автора, общая установка, время написания и степень достоверности которых остаются неизвестными. Тщательное издание этих источников было бы несравненно полезнее. В последующих же работах Р. А. Медведева исчезает и этот элемент. Они носят характер не слишком пространных деклараций: с минимумом аргументов определенные точки зрения провозглашаются, а другие взгляды и люди – осуждаются).

V

Вторая задача, на которой «марксистский научный метод» мог бы себя проявить, – это прогноз будущего. И этот вопрос даже более интересен, так как с ним, очевидно, связано реальное значение всей литературной деятельности Р. А. **Медведева**. По-видимому, основная аудитория, к которой он обращается, – это левоориентированная западная интеллигенция, желающая почерпнуть в его работах уверенность, что она смело может добиваться осуществления марксистских принципов, что ее не ждет в будущем опыт, аналогичный пережитому нашей страной. (По крайней мере, я узнал о всех последних работах Р. А. Медведева по западному радио, и мне стоило большого труда достать некоторые из них здесь, в Самиздате.)

Не обнаружив «научного» и «классового» анализа истории нашей страны, мы вряд ли можем надеяться встретить «научное» обоснование того, что эта история не повторится на Западе, если он пойдет по пути, который предлагает ему марксизм и социализм. И действительно, единственный аргумент, который мне удалось обнаружить в работах Р. А. Медведева, не основан ни на

анализе «соотношений классовых сил», ни на «логике производства»: «Однако история, вопреки известному афоризму, все же многому учит и отдельных людей, и целые классы. Поэтому великие исторические трагедии, пережитые одним народом, очень редко повторяются в жизни других стран и народов» («Международное положение СССР и пути разрядки»). Некогда Энгельс с высоты «единственно научного метода» иронизировал над бакунистами, говоря, что они выдвигают «свое нетерпение в качестве теоретического аргумента». Но ведь и благоразумие западных коммунистов – аргумент, не намного более теоретический. Да и сам исторический факт, на который ссылается автор, весьма сомнителен. Хотя аналогия с Французской революцией не сходила во времена Русской революции с языка, русские революционеры не научились на этом примере даже тому, что люди понимают обычно яснее всего, – как удержать на шее свои собственные головы: они развязали революцию, в которой – в точном соответствии с французским прецедентом – погибли почти поголовно. И общая тенденция здесь как раз не в сторону смягчения: Французская революция была куда более жестокой, чем Английская, а Русская – далеко превзошла Французскую. Поэтому можно думать, что Американская или Западноевропейская революция будущего по размаху кровопролития превзойдет все до сих пор виденное.

Дальше мы не встречаем не только «научного марксистского анализа», но и вообще никаких аргументов: «Не развивая здесь подробно этой темы, нужно тем не менее со всей определенностью сказать, что западные страны обладают иными традициями, иной социальной, экономической и политической структурой, чем царская Россия 1917 г. Поэтому коммунистические и социалистические движения Запада имеют возможность найти

собственный путь создания справедливого социалистического порядка, избегнув и гражданских войн, и террористической диктатуры, но, напротив, сохранив привычные для Запада институты и политический плюрализм» («Международное положение СССР и пути разрядки»).

Признаться, трудно понять, как в таком ответственном вопросе можно что-то утверждать, да еще «со всей определенностью», притом «не развивая подробно эту тему». Западные левые жадно прислушиваются к Р. А. Медведеву как к своему единомышленнику, который может помочь им понять загадочный для них опыт России, ибо сам был ему причастен. И он с легким сердцем советует им идти вперед, не заботиться о последствиях и верить, что у них все обязательно кончится хорошо, – не имея в то же время для этого никаких аргументов (или по какой-то загадочной причине не желая их обнародовать). Добросовестно ли это?

Конечно, современный Запад во многом отличается от дореволюционной России. Но для того-то и надо было бы «подробно развить эту тему», чтобы выяснить, **в какую сторону** будут влиять эти различия. На Западе имеется старая традиция участия в политической жизни, основанной на многопартийной системе, почти полностью отсутствовавшая в России. Но зато там разработана и несравненная техника манипулирования психикой человека при помощи средств информации, рекламы и приманок материального изобилия. И в предреволюционной России свирепствовал терроризм, но не в такой степени, как сейчас на Западе, – по крайней мере, правительство не вступало в переговоры и соглашения с террористами. Слова Столыпина «Не запугаете» вряд ли мог бы повторить кто-либо из современных западных политиков. Та степень отрицания всего существующего общества, его культуры и мора-

ли, от которой существенно зависит размах и радикализм революции, – на Западе сейчас гораздо выше, чем в предреволюционной России. Мысль Ж.-П. Сартра, что Джоконду было бы не жалко сжечь, в России мог высказать разыскиваемый полицией заговорщик вроде Бакунина (и говорил очень похожее), – но в устах почтенного философа она была бы невозможна. А сексуальная или «психоделическая» революция, «суинг» или Берлинские коммуны шокировали бы русских нигилистов больше, чем современных благонамеренных буржуа.

Не кажется столь уж фантастической гипотеза, что ряд факторов, в том числе большой вес консервативного крестьянства и влияние христианства в народном мировоззрении и интеллигентской культуре, – сильно смягчили характер революции в России, так что она является не **усиленным**, а **ослабленным** вариантом того, что может проявиться на Западе. Несколько приведенных выше замечаний, конечно, не являются попыткой доказательства такой гипотезы: мы хотели лишь указать, насколько сложным и неочевидным является этот вопрос. Он требует тщательных и объективных исследований, которых скорее всего и можно было бы ждать от историка, предлагающего нам вместо этого голословные утверждения, сделанные «со всей определенностью».

VI

Как действовали бы близкие по взглядам Р. А. Медведеву левые круги Запада (например, так называемые еврокоммунисты), если бы власть оказалась в их руках? Как они на деле отнеслись бы к инакомыслию и оппозиции? Вопрос этот, быть может, будет проверен экспериментально, если власть к ним в руки попадет, однако жизнь показала, что такой эксперимент мо-

жет дорого обойтись. Безопаснее попробовать извлечь какую-то информацию из модели, которая находится перед нами, – понять, как чуждые и несимпатичные автору точки зрения воспринимаются, например, в работах Р. А. Медведева.

Прежде всего бросается в глаза, что любое мнение, отличное от того, которого придерживается сам автор, встречается предельно враждебно и подозрительно. Так, говоря о течении «западников», автор пишет: «Есть среди “западников” и крайние группы, которые доходят до апологии капитализма, **открыто** восхищаясь его достоинствами». («Социализм и демократия». Подчеркнуто мною. – *И. Ш.*) Очевидно, такая точка зрения представляется ему какими-то геркулесовыми столбами, до которых **доходят** только отчаянные люди. Ее надо было бы скрывать, как тайный порок, а они, пренебрегая приличиями, высказывают ее **открыто!**

Издатели журнала «Вече» характеризуются как «группа **воинствующих** религиозных националистов» (Там же. Подчеркнуто опять мною). Интересно, что это значит – воинствующие? Считает ли, например, Р. А. Медведев себя **воинствующим** марксистом?

Вот какими эпитетами награждает автор своих оппонентов. Об А. Д. Сахарове: «Беспомощность теоретических суждений» («О книге А. Д. Сахарова “О стране и мире”»). Об «Инициативной группе прав человека»: «Некоторая неразборчивость в суждениях, действиях и связях» («Социализм и демократия»). Об А. И. Солженицыне: «Вздорный тезис» («Вопросы, которые волнуют каждого», журнал «XX век»). П. Г. Григоренко характеризуется как «анархист» и «экстремист», не владеющий марксизмом («Социализм и демократия»), и это в то время, как Григоренко содержался для принудительного лечения в психиатрической больнице «осо-

бого типа»! Оппоненту сплошь да рядом предъявляется обвинение в жульничестве, подлоге, причем ничем не аргументированное. Так, по поводу А. И. Солженицына автор говорит: «Сознательная фальсификация» («Международное положение СССР и пути разрядки»). Даже советский закон в понятие «заведомо ложных измышлений» включает не только фактическую неверность распространяемых сведений, но и уверенность в том, что распространявшее лицо знало об их неверности. Если Р. А. Медведев предполагает, что А. И. Солженицын неправ, – откуда же происходит уверенность в **сознательной фальсификации**? Почему не предположить, что он просто ошибся? Это было бы так естественно, – ведь он не владеет единственно научным методом, доступным Р. А. Медведеву! Уж казалось бы, можно предположить, что дочь может искренне заблуждаться в оценке родного отца. Но дочь Сталина высказывает мысль, что Сталин арестовал родственников ее матери под влиянием Берии, и наш автор заявляет: «Но это, конечно, сознательная ложь» («К суду истории», с. 385). И все, и больше никаких аргументов!

А вот несколько полемических приемов, используемых Р. А. Медведевым. В одном своем выступлении А. И. Солженицын привел некоторые высказывания Маркса и Энгельса против демократии (например, «демократия хуже монархии и аристократии»). Р. А. Медведев видит в этом **фальсификацию**, так как цитаты «вырваны из контекста» и – это ранние статьи Энгельса, написанные за год до встречи с Марксом. При этом он не приводит этих цитат и не объясняет, почему они «вырваны из контекста» (да это и невозможно объяснить). Читатель не может проверить и утверждения автора о том, что эти высказывания опубликованы за год до встречи Энгельса с Марксом. А это утвержде-

ние **просто не верно**. Маркс познакомился с Энгельсом лично в августе 1844 г. Одна из цитат, о которых идет речь, относится к 1866 г., другая – к сентябрю-октябрю 1844-го и лишь третья – к 1843-му, что свидетельствует об устойчивости взглядов классиков марксизма по этому вопросу. Я не буду возвращать Р. Медведеву обвинения в фальсификации, но с истиной он обходится донельзя вольно. Но, пожалуй, замечательнее всего то, сам Р. А. Медведев за несколько лет до Солженицына несколько раз ссылался на статьи Маркса о свободе печати, **написанные в 1842 г., то есть на год раньше, чем самая ранняя из цитированных Солженицыным статей Энгельса**, – как на выражение подлинных взглядов Маркса («Социализм и демократия», «К суду истории», с. 717). В этом он не видел фальсификации.

О моей работе «Социализм» в сборнике «Из-под глыб» Р. А. Медведев пишет, например: «В “Подготовительных работах” к “Святому семейству” К. Маркс делает ряд выписок из статей своих оппонентов и предшественников из лагеря так называемого мелкобуржуазного, буржуазного и феодального социализма. Выписывая из черновиков Маркса те же цитаты, Шафаревич называет **“автором этих ярких мыслей”** самого Маркса. Какая уж тут может быть основа для полемики!» («Вопросы, которые волнуют каждого» в журнале «XX век»). Но, даже не заглядывая в Маркса, естественно было бы усомниться, что «оппоненты и предшественники К. Маркса» излагали свои взгляды такими словами (приведенными в моей статье): «...это движение... выражается в совершенно животной форме, когда оно противопоставляет **браку ...общность женщин...**». Ведь это только в русских пьесах XVIII в. магометане говорили: «Клянусь лжепророком!» На самом же деле, прочитав это место из знаменитых «Экономико-философских ру-

копией 1844» Маркса (раньше был известен лишь отрывок их, считавшийся подготовительным черновиком к «Святому семейству»), легко убедиться, что там нет **никаких** «выписок из статей», но содержится систематическая критика коммунистического учения, которое Маркс называет «грубым коммунизмом». Эта (действительно яркая) критика и представляется мне интересной, причем в двух отношениях. Во-первых, Маркс выступает здесь в роли, столь часто встречающейся в истории социалистических идей. Он говорит, что предшествующие коммунистические теории были несовершенны, они приводили к таким чудовищным выводам, как устранение талантов или общность женщин, но они были «ненаучными» или «нереволюционными», а вот он Маркс, укажет путь, минуя эти ужасы. То есть в области теории говорит: «У нас все будет по-другому» – совершенно так же, как в области практической реализации марксизма говорят современные западные марксисты (и с ними Р. А. Медведев), обсуждая русский или китайский опыт. С другой же стороны, эта работа Маркса выдержана в духе гегелевского параллелизма между развитием идеи и развитием ее «эмпирического бытия». Поэтому логично предполагать, что последовательность: «грубый коммунизм» – «истинный коммунизм» Маркс переносил также и в историческую реальность, предвидя неизбежное наступление, в качестве первой фазы, – эпохи, соответствующей духу «грубого коммунизма». Впоследствии этот взгляд трансформировался у него в идею «диктатуры пролетариата».

Я несколько не сомневаюсь, что в других случаях Р. А. Медведев не объявляет «фальсификацией» цитаты, которыми сам пользуется. И что он не думает, будто кто-то, излагая свои взгляды, может сам называть их «совершенно животными». По-видимому, в этом конкретном

вопросе проявляется крайнее нежелание понять неприемлемую из априорных соображений мысль или, вернее, твердая решимость ее не понять, отгородиться от нее первым попавшимся аргументом.

VI

Отзывы Р. А. Медведева на сборник «Из-под глыб» («Вопросы, которые волнуют каждого») – это очень типичный пример того, как он воспринимает «инакомыслие». Он пишет: «Составители сборника “Из-под глыб”, и прежде всего Солженицын и Шафаревич, не просто не принимают социализм и социалистические идеи, их проповедь исходит из ненависти к социализму, допускающей при этом в борьбе со своими оппонентами любые средства... Что касается социально-политических и экономических высказываний авторов сборника, то здесь вообще нет никакой основы для научной полемики».

«Полемика невозможна» – означает, казалось бы, что автор отказывается обсуждать этот предмет. Ничего подобного! Далее следует больше двух страниц текста, который я не знаю как назвать: «обличение» или «разоблачение» (типичные отрывки приведены выше). Все это, как припевом, сопровождается словами «какая уж тут полемика!». Как же понимать этот текст? По-видимому, здесь перед нами нечто вроде суда, где нет прений сторон, подсудимых не заслушивают («полемика невозможна»), а гремит только обличающий голос прокурора. Приведя еще несколько цитат из моей статьи уже безо всяких комментариев, Р. А. Медведев резюмирует: «Спорить с подобными рассуждениями и пророчествами невозможно, ибо они порождены не логикой научного анализа, а эмоциями...», «...разум Шафаревича в значительной мере уже парализован...».

Живя в нашей стране, Р. А. Медведев должен очень хорошо понимать, что значит такое обвинение: «исходит из ненависти к социализму» (даже если оно не снабжено никакими доказательствами). Да еще сопровождаемое диагнозом «разум в значительной мере парализован»! Но я далек от того, чтобы видеть здесь проявление каких-то личных качеств, готов предположить, что в своей личной жизни автор руководствуется совсем иными нормами. Здесь же он подхвачен мощной волной марксистской традиции. С самого возникновения марксизма его сторонники просто не признавали чуждые им взгляды существующими; в отношении оппонентов переставали действовать любые моральные нормы, ибо речь шла о чем-то противоестественном и незаконном. Как-то А. И. Солженицын остроумно обратил внимание на прием марксизма: любую существенную критику объявлять «за рамками дискуссии», а дискуссией называть – когда принимает 95% марксистского учения и обсуждается 5% второстепенных деталей. К этому надо еще прибавить, что и этот небольшой процент открытых для дискуссии вопросов непрерывно уменьшается, неуклонно стремясь к нулю.

Перенесите эти взгляды из литературной деятельности в реальную политику, и вы получите ту самую гражданскую войну, террор и диктатуру, которых, – как думает Р. А. Медведев, – Запад может избежать, следуя по пути марксизма. Вместо литературных судов, где взгляды противников не разбираются, а только обличаются, – вы получите реальные суды, где подсудимые не имеют голоса, а защитники их обвиняют. Вместо обвинения оппонентов в подлоге и жульничестве – их ликвидацию как шпионов и диверсантов. А намек: «разум парализован» реализуется как заключение в «психушку». Пока же есть возможность развивать эти взгляды

только в теории. В таком положении были когда-то и основоположники марксизма:

«Это единственное, что нам остается, пока мы не сможем воплотить наши идеи в жизнь руками, а если надо, то и кулаками» (Письмо Энгельса Марксу, 19 ноября 1844 г.).

ЗАЯВЛЕНИЕ НА СЛУЧАЙ АРЕСТА

Посвятив интеллектуальной работе всю жизнь, я не могу кончить ее соучастием в процессе, где судится мысль. Поэтому от всякого участия в следствии и суде должен отказаться.

Я готов к любому жребию, но приму его на Родине. Ее я не покину добровольно никогда и ни при каких обстоятельствах. Если же захотят силой вывезти меня в другое государство, то предлагаю его правительству задуматься, готово ли оно превратить свою страну в место ссылки, новую Караганду или Колыму?

**О ЖЕРТВАХ
ГОНЕНИЙ**

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Советская пресса начала беспрецедентную, массированную кампанию против академика А. Д. Сахарова. Тема считается столь важной, что все основные газеты ежедневно печатают по нескольку статей, враждебных А. Д. Сахарову, но ни одна из них не познакомила читателей с его выступлениями, вызвавшими эти нападки. Вспоминаются 30-е и 40-е годы, когда мы клеймили «гневом и позором», сами-то толком не зная, что мы клеймим. Вспоминаются и итоги тех суждений – судьба академиков Н. И. Вавилова, Плетнева, Королева, Туполева...

Враждебную А. Д. Сахарову кампанию сочли возможным открыть некоторые мои коллеги по Академии наук СССР. В своем письме они квалифицируют выступления А. Д. Сахарова как «глубоко чуждые интересам всех прогрессивных людей», утверждают, что его деятельность «в корне чужда советским ученым». В отличие от моих коллег я не уполномочен ни советскими учеными, ни всеми прогрессивными людьми говорить от их имени. Элементарная добро-совестность ученого оставляет мне лишь одну возможность – высказать свое личное мнение о деятельности А. Д. Сахарова.

Я считаю, что последние годы жизнь Андрея Дмитриевича Сахарова была примером того, как может и должен жить человек, искренне считающий, что все

происходящее сейчас в нашей стране, что ее будущее – это дело каждого гражданина, а не только тех учреждений, которым надлежит этим ведать. С неотступностью и самоотверженностью, типичной для лучших представителей русского народа, он говорил о пороках и язвах нашего общества, молчать о которых ему не позволяла совесть, искал и предлагал пути их исцеления, – или мы должны верить, что живем в раю, где нет ни пороков, ни язв? (Легко понять, какое озлобление его поведение вызывает не только у тех, кто извлекает выгоду из этих язв, но и у тех, кто сделал принципом своей морали их не замечать.)

Как ни велики достижения А. Д. Сахарова в физике, как ни уникален его вклад в оборонную мощь СССР, то значение, которое для нашей страны имеет его общественная деятельность, – я уверен, неизмеримо больше. Если люди, подобные Андрею Дмитриевичу, будут появляться и дальше, если их будет становиться все больше, наша страна справится со всеми неисчислимыми трудностями, стоящими на ее пути. Если таких людей не будет, наша будущность представляется исключительно мрачной.

Уже с самого начала общественной деятельности А. Д. Сахарова ясно было, что она потребует от него бесстрашия и самопожертвования. Сразу же он потерял работу, для которой сделал так много. (Теперь его коллеги по Академии наук обвиняют его в том, что он «отошел» от активной научной деятельности. Не «отошли» ли?)

Сейчас положение А. Д. Сахарова несравненно серьезнее. В письме моих коллег говорится о заявлениях А. Д. Сахарова, «порочащих государственный строй СССР». Какое совпадение! – это цитата из ста-

тьи 70 Уголовного кодекса РСФСР, угрожающей тюремным заключением сроком до семи лет. Они подписали свое письмо после угроз по адресу Сахарова со стороны прокуратуры. Используя оборот из их письма, скажу: я надеюсь, что мои коллеги задумаются над своими действиями.

По тому, какая тяжелая артиллерия двинута против А. Д. Сахарова: секретарь Компартии Франции, 40 академиков, 30 писателей, сельскохозяйственные академики, токарь-карусельщик... – видно, в сколь опасном положении он сейчас находится.

А. Д. Сахарова обвиняют в том, что он давал интервью иностранным корреспондентам, апеллировал ко всему миру. Вопрос в том, как и когда следует обращаться к мировому общественному мнению. Есть ли это прием пропаганды, годный, чтобы сбить с толку идеологических противников, – или речь идет о реальной силе, которую надо укреплять и которая может благотворно влиять на жизнь во всех странах?

Я придерживаюсь второго подхода и поэтому обращаюсь ко всем людям, а в особенности ко всем ученым и, в частности, к членам Академии наук СССР – как советским, так и иностранным, – с призывом:

использовать все свои возможности, все каналы, чтобы защитить А. Д. Сахарова – выдающегося ученого и одну из самых светлых личностей в современном человечестве.

Это необходимо для всех нас, чтобы существовали такие люди. Только они не дают человечеству превратиться в озверевшее стадо.

Сентябрь 1973

ИЗГНАНИЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Истекают последние часы, отпущенные нашему государству на проверку: способно ли оно на «политику мира» – с Правдой. Есть ли у него другой ответ кроме насилия и жестокости, – не на взрыв и убийство президента, не на убийство судьи, даже не на демонстрацию – а на правду, сказанную великим писателем.

Это испытание и всего мира. Заседали в общих комиссиях с Вышинским (какая несправедливость к Эйхману!), любезно встречали министра здравоохранения (не в насмешку ли так названного?), санкционировавшего заключение неугодно мыслящих в сумасшедшие дома... Неужели не хватит мужества остановиться на этом пути?

Но больше всего это проверка нам – соотечественникам Солженицына. Некогда Иосиф Виссарионович Сталин назвал нас всех «винтиками» и любовно поднял тост за здоровье «винтиков». Истекает время убедиться: может быть, Мудрый Вождь был прав, выше винтиков нас назвать и нельзя, была бы только хорошая смазка – и будем вертеться до износа.

АРЕСТ СОЛЖЕНИЦЫНА

В России литература никогда не была развлечением, имела цель более высокую даже, чем нравственное совершенствование, это был орган народной души, помогавший отличить правду от лжи, выразить смутные импульсы на-

родной совести. Ранить литературу – значит поставить под смертельную угрозу духовную жизнь народа.

А по ней сыплются удар за ударом уже которое десятилетие: от расстрела Гумилева до депортации Солженицына. И мы молчим и рождаем детей, которых воспитываем, чтобы и они молчали.

Пора ужаснуться и опомниться! В какой стране будет жить нынешняя молодежь, какую Родину будут любить наши дети, если мы с равнодушным молчанием будем глядеть, как отрывают от тела России чудом ей данного и сохраненного великого писателя? А может, и молчать не будем: единодушно осудим его на собраниях и пойдем домой смотреть телевизоры?

Февраль 1974

ОБРАЩЕНИЕ

*к Всемирному комитету
защиты Л. И. Плюща в связи с митингом
23 апреля (Международный день Плюща)
в институте им. Анри Пуанкаре в Париже*

Есть люди, чьи судьбы выходят за пределы их биографии, становятся символами несравненно более широких явлений. Таким символом гремело пять лет имя генерала Петра Григорьевича Григоренко. Такова же судьба математика Леонида Ивановича Плюща.

Уже третий год Плющ находится на принудительном лечении в психиатрической больнице, в тяжелом отделении, вместе с агрессивными больными. Но и это не самое страшное. Еще страшнее, что все время его психика подвергается воздействию химических препаратов: то уколами, то лекарствами. Те, кто прошли че-

рез то же, говорят: это ужас, который нельзя передать словами, ибо в обычной жизни нет аналогий.

Знавшие Плюща описывают его как спокойного, уравновешенного человека, с широким кругом интересов, увлекательного собеседника. Ни у кого не возникло сомнения в его психическом здоровье. И если бы для его заключения в больницу были медицинские основания, почему не успокоить тысячи защищавших Плюща людей, пригласив для его освидетельствования независимого иностранного психиатра?

В поведении Плюща действительно были отклонения от укоренившейся нормы. Но заключались они в том, что он писал работы, в которых пытался понять: как увязать свои марксистские убеждения с требованиями совести, с тем, что он видит своими глазами? И особенно в том, что его подпись стояла среди других под обращением в ООН с протестом против нарушений прав человека в нашей стране. Из подписавших это письмо сейчас осталось лишь несколько человек, которые не прошли через суд, тюрьму или психиатрическую больницу. Но эти несколько – живут в Москве, а в провинции (как жил Плющ) их не осталось ни одного. Так их собственные судьбы стали иллюстрацией их письма.

Вас, тех, кого заботит судьба Плюща, объединяют не политические, национальные или классовые интересы, а требование человечности спасти разум и жизнь человеческого существа! И то, что порыв такого размаха возможен, – это луч надежды в наш тяжелый век. Но вы защищаете гораздо больше, чем одного лишь человека: так же и всех тех, кто сейчас находится в такой же беде, как Плющ, но чьи имена вам не известны. И я уверен, что в конечном счете ваши усилия не останутся безрезультатными и для вас самих: столь

символическая судьба Плюща – это урок, который может помочь лучше понять и вашу жизнь, оценить ваше будущее, будущее ваших детей, вашей страны и всего человеческого рода.

1975

ЗАЯВЛЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРЕСЛЕДУЕМЫХ СВЯЩЕННИКОВ

*(В связи со статьей
в «Литературной газете»)*

Статья в «Литературной газете» является, конечно, удивительным образцом клеветы, который вряд ли когда-либо удастся превзойти. Но человеку, не привычному к особенностям нашей жизни, вероятно, трудно понять, почему ей придают такое значение. Дело, однако, в том, что ее нельзя рассматривать лишь как произведение искусства клеветы, каким бы шедевром в этом жанре она ни являлась. Скорее ее можно сравнить с анонимным письмом, содержащим угрозу убийства. Я приведу один пример.

В XIX и начале XX в. в России расцвела блестящая школа религиозной философии. Но к началу 30-х годов только один из ее главных представителей сохранился в стране – о. П. Флоренский. Это был универсальный гений, которому принадлежат совершенно новые идеи не только в богословии и философии, но и в теории искусства и в технике (как теперь бы сказали, в кибернетике). В 1938 г. в одном из советских журналов появилась статья «Против новейших откровений буржуазного мракобесия». Автором ее был Эрнст Кольман – тогда весьма влиятельная фигура (недавно

на короткое время он снова стал известен в связи с тем, что эмигрировал, возвратил свой партийный билет и заявил, что идеалы социализма, за которые он боролся, оказались в нашей стране извращенными). Но тогда он не находил противоречия между своими идеалами и делами. В статье он напоминал «анализ т. Сталина», согласно которому классовая борьба разгорается. Отца Флоренского он называет «дипломированным лакеем поповщины» и «нарядившимся в ученую тогу классовым врагом», призывает к усилению революционной бдительности. Вскоре о. Флоренский был арестован. Он погиб в лагерях около 10 лет спустя – даже точная дата его смерти неизвестна. Это был конец русской школы религиозной философии по крайней мере, до сих пор она не возродилась.

Но произошло другое, гораздо более чудесное явление – возрождение религиозной жизни в нашей стране. И против этого течения и направлена, в первую очередь, статья «Рощина», – как статья Кольмана была направлена против традиций русской религиозной мысли. Конечно, статья «Рощина» – прямая и неприкрытая угроза по адресу о. Д. Дудко и о. Г. Якунина. Пример о. П. Флоренского показывает, что может означать такая статья. Но она адресована и к тысячам православных священников, большинство из которых не рискует открыто проявить свои чувства, чтобы не лишиться возможности делать то дело, к которому они призваны. Главная же ее цель – остановить процесс духовного возрождения России. Цель явно недостижимая, ибо если даже Сталин не смог уничтожить церковь, то тем более это не под силу «Рощину» – какой бы человек или какая бы организация под этим псевдонимом не скрывалась.

НЕ БУДЕМ МОЛЧАТЬ

В потоках грязи, которую льют на Россию, есть, видно, и частицы правды. Кроме выдуманных наших грехов, есть и истинные: не умеем мы, русские, беречь своих великих писателей.

Как не уберегли Пушкина – так и покатилося. Уже на моей памяти шабаш злобы бушевал в 1946 г. вокруг Ахматовой. В 1958-м – вокруг Пастернака. В 1974-м – вокруг Солженицына. А сейчас нечто подобное надвигается на Распутина.

Травля Пастернака через полгода кончилась его смертью. Травля Солженицына – изгнанием. Какая участь готовится Распутину?

Писатель в России – совесть и душа народа. Раз, два раза, три раза мы молчали, когда топтали и волокли по грязи тех, кто был голосом нашей совести. Неужели промолчим и в этот раз?

А литературные чекисты по-прежнему на посту. С каким восторгом вцепились они в Распутина! Не пришло еще время поносить его открыто за любовь к России, так выдумать повод: пусть поводом будет то, что он подписал документ, под которым стоит и подпись будущего члена ГКЧП.

Подпись под одним документом означает совпадение взглядов в каком-то вопросе. Гитлер, например, призывал бороться с безработицей. Неужели это значит, что... да стыдно и продолжать! ведь ясно и так, что все это красносотенное завывание не рассчитано на встречу со здравым смыслом.

Когда партия выбрала курс на «великие стройки», губившие природу и деревню, борзые перья писали

о Братской ГЭС. Распутин написал тогда «Прощание с Матерой». Разве можно ему простить?

Обращаюсь к русским, отнюдь не к русским «по крови»; ко всем, кто стоит на почве русской культуры и истории: ведь Распутин у нас один. Персонажи кричащие, свистящие и плюющие сейчас в великого писателя – они почти неразличимы, в следующем поколении даже имен их знать не будут. А Распутин дан нам на всю нашу оставшуюся историю.

Так не будем молчать. Сейчас молчание – уже есть определенное действие. Шлите письма, телеграммы в газеты и журналы! Если вы депутаты Советов – говорите с их трибуны! Если вам доступно телевидение – пользуйтесь им!

Наши храмы разрушены, деревни разорены, леса гибнут. Все это мы допустили...

Но где-то мы должны остановиться.

**РУССКИЙ
ВОПРОС**

РУСОФОБИЯ

Глава 1 Цель работы

Как течет сейчас духовная жизнь нашего народа? Какие взгляды, настроения, симпатии, антипатии – и в каких его слоях – формируют отношение людей к жизни? Если судить по личным впечатлениям, то размах исканий (и, может быть, метаний?) необычайно широк: приходится слышать о марксистах, монархистах, русских почвенниках, украинских или еврейских националистах, сторонниках теократии или свободного предпринимательства и т. д. и т. д. И, конечно, о множестве религиозных течений. Но как узнать, какие из этих взглядов распространены шире других, а какие лишь отражают мнение активного одиночки? Социологические обследования на эту тему, кажется, не проводятся, да и сомнительно, дали ли бы они ответ.

Но вот случилось непредвиденное: в 70-е годы произошел взрыв активности именно в этой области. В потоке статей, передававшихся здесь из рук в руки или печатавшихся в западных журналах, авторы раскрывали свое мировоззрение, взгляды на различные стороны жизни. Судьба как будто приоткрыла крышку кастрюли, в которой варится наше будущее, и дала заглянуть в нее. В результате обнаружилась совершенно

неожиданная картина: среди первозданного хаоса самых разнообразных, по большей части противоречащих друг другу суждений обрисовалась одна четкая концепция, которую естественно счесть выражением взглядов сложившегося, сплоченного течения. Она привлекла многих авторов, ее поддерживает большинство русскоязычных эмигрантских журналов, ее приняли западные социологи, историки и средства массовой информации в оценке русской истории и теперешнего положения нашей страны. Приглядевшись, можно заметить, что те же взгляды широко разлиты в нашей жизни: их можно встретить в театре, кино, песенках бардов, у эстрадных рассказчиков и даже в анекдотах.

Настоящая работа возникла как попытка уяснить себе причины, вызвавшие это течение, и цели, которое оно себе ставит. Однако, как будет видно дальше, здесь мы неизбежно сталкиваемся с одним вопросом, находящемся под абсолютным запретом во всем современном человечестве. Хотя ни в каких сводах законов такого запрета нет, хотя он нигде не записан и даже не высказан, каждый знает о нем и все покорно останавливают свою мысль перед запретной чертой. Но не всегда же так будет, не вечно же ходить человечеству в таком духовном хомуте! В надежде на возможность хоть в будущем читателя и написана эта работа (а отчасти и для себя самого, чтобы разобраться в своих мыслях).

В наиболее четкой законченной форме интересующее нас течение отразилось в литературной продукции – ее мы и будем чаще всего привлекать в качестве источника. Укажем конкретнее, о какой литературе идет речь. Она очень обширна и растет от года к году, так что мы назовем только основные работы, чтобы очертить ее контуры. Началом можно считать появление в Самиз-

дате сборника эссе Г. Померанца¹ и статьи А. Амальрика² в конце 60-х годов. Основные положения, потом повторявшиеся почти во всех других работах, были более полно развернуты в четырех псевдонимных статьях, написанных здесь и опубликованных в издающемся в Париже русском журнале «Вестник Русского студенческого христианского движения». Разъясняя принципиальный, программный характер этих работ, редакционная статья предвещала: «Это уже не голоса, а голос, не вообще о том, что происходит в России, а глубокое раздумье над ее прошлым, будущим и настоящим в свете христианского откровения. Необходимо подчеркнуть необыкновенную важность этого, хотелось бы сказать, события...» С усилением потока эмиграции центр тяжести переместился на Запад. Появились книги Б. Шрагина³ «Противостояние духа» и А. Янова⁴ «Разрядка после Брежнева» и «Новая русская правая», несколько сборников статей. Близкие взгляды развивались в боль-

¹ Приведем самые краткие сведения об авторах тех произведений, которые будут здесь обсуждаться. Г. Померанц – советский востоковед. В сталинское время был арестован. Свои исторические, общественные взгляды он излагал в сборниках работ, распространявшихся в Самиздате, а потом изданных на Западе, а также в лекциях и докладах на семинарах. Несколько его статей появилось на Западе в журналах, издаваемых на русском языке.

² А. Амальрик учился на историческом факультете МГУ, потом сменил ряд профессий. Вскоре после опубликования указанной выше работы был арестован и осужден на три года, а когда срок почти отбыл – вторично осужден лагерным судом. После заявления, разъясняющего его взгляды, был амнистирован и эмигрировал.

³ Б. Шрагин – кандидат философских наук. Был членом КПСС и даже секретарем своей организации. Опубликовал под различными псевдонимами ряд статей в Самиздате и за границей. За подписи под несколькими письмами протеста был исключен из партии и эмигрировал. В эмиграции участвовал в сборнике «Самосознание» и писал в эмигрантских журналах.

⁴ А. Янов – кандидат философских наук и журналист. До эмиграции был членом КПСС и любимым автором журнала «Молодой коммунист». После эмиграции – профессор университета в Нью-Йорке, советолог. Опубликовал большое число работ в англо- и русскоязычных журналах и газетах.

шинстве работ современных западных специалистов по истории России. Мы выберем в качестве примера книгу Р. Пайпса¹ «Россия при старом режиме», особенно тесно примыкающую к интересующему нас направлению по ее основным установкам. Наконец, множество статей того же духа появилось в журналах, основанных на Западе недавними эмигрантами из СССР: «Синтаксис» (Париж), «Время и мы» (Тель-Авив), «Континент» (Париж), и в западных журналах и газетах.

Вот очень сжатое изложение основных положений, высказываемых в этих публикациях.

Историю России, начиная с раннего Средневековья, определяют некоторые «архетипические» русские черты: рабская психология, отсутствие чувства собственного достоинства, нетерпение к чужому мнению, холуйская смесь злости, зависти и преклонения перед чужой властью.

Издrevле русские полюбили сильную, жестокую власть и саму ее жестокость; всю свою историю они были склонны рабски подчиняться силе, до сих пор в психике народа доминирует власть, «тоска по Хозяину».

Параллельно русскую историю, еще с XV в., пронизывают мечтания о какой-то роли или миссии России в мире, желание чему-то научить других, указать какой-то новый путь или даже спасти мир. Это «русский мессианизм» (а проще – «вселенская русская спесь»), начало которого авторы видят в концепции «Москва – Третий Рим», высказанной в XVI в., а современную стадию – в идее всемирной социалистической революции, начатой Россией.

В результате Россия все время оказывается во власти деспотических режимов, кровавых катаклизмов. Доказательство – эпохи Грозного, Петра I, Сталина.

¹ Р. Пайпс (Пипес или Пипеш) – выходец из Польши, американский историк. Считается ведущим специалистом по русской истории и советологом. Ближайший советник бывшего президента Рейгана.

Но причину своих несчастий русские понять не в состоянии. Относясь подозрительно и враждебно ко всему чужеродному, они склонны винить в своих бедах кого угодно: татар, греков, немцев, евреев... только не самих себя.

Революция 1917 г. закономерно вытекает из всей русской истории. По существу, она не была марксистской, марксизм был русскими извращен, переиначен и использован для восстановления старых русских традиций сильной власти. Жестокости революционной эпохи и сталинского периода объясняются особенностями русского национального характера. Сталин был очень национальным, очень русским явлением, его политика – это прямое продолжение варварской истории России. Сталинизм прослеживается в русской истории по крайней мере на четыре века назад.

Те же тенденции продолжают сказываться и сейчас. Освобождаясь от чуждой и непонятной ей европеизированной культуры, страна становится все более похожей на Московское царство. Главная опасность, нависшая сейчас над нашей страной, – возрождающиеся попытки найти какой-то собственный, самобытный путь развития – это проявление исконного «русского мессианства». Такая попытка неизбежно повлечет за собой подъем русского национализма, возрождение сталинизма и волну антисемитизма. Она смертельно опасна не только для народов СССР, но и для всего человечества. Единственное спасение заключается в осознании губительного характера этих тенденций, в искоренении их и построении общества по точному образцу современных западных демократий.

Некоторые же авторы этого направления высказывают бескомпромиссно-пессимистическую точку зрения, исключаящую для русских надежду на какое-либо осмысленное существование: истории у них вообще никогда не было, имело место лишь «бытие вне истории», народ оказался мнимой величиной, русские только продемонстрировали свою историческую импотенцию, Россия обречена на скорый распад и уничтожение.

Это лишь самая грубая схема. Дальше по ходу нашего исследования мы должны будем еще очень много цитировать авторов рассматриваемого направления. Надо надеяться, читатель сможет тогда более ясно почувствовать дух этих работ и тот тон, в котором они написаны.

Такая энергичная литературная деятельность с четко очерченными взглядами отражает, несомненно, настроенная гораздо более широкого круга: она выражает **идеологию** активного, значительного течения. Это течение уже подчинило себе общественное мнение Запада. Предлагая четкие, простые ответы на центральные вопросы, связанные с нашей историей и будущим, оно в какой-то момент может оказать решающее влияние и на жизнь нашей страны. Конечно, историю движут не теории и концепции, а гораздо более глубокие и менее рациональные переживания, связанные с духовной жизнью народа и его историческим опытом. Вероятно, то отношение к истории и судьбе своего народа, те жизненные установки, которые важнее всего для нашего будущего, вызревают веками, продолжают создаваться и сейчас и хранятся где-то в глубинах душ. Но пока все эти черты национального характера, традиции, чувства не нашли выхода в сферу разума, они остаются аморфными и малодейственными. Они должны быть конкретизированы, связаны с реальными проблемами жизни. С другой стороны, четкая, безапелляционная, ярко сформулированная схема может захватить на время сознание народа, даже будучи совершенно чуждой его духовному складу, – если его сознание не защищено, не подготовлено к столкновению с подобными схемами. Поэтому так важно было бы понять и оценить это новое течение в области мировоззрения. Именно само течение и породивший его социальный слой будут представлять для нас основной интерес, а созданная им литература привлекаться лишь как материал для его анализа.

Авторы, которых мы будем цитировать, вряд ли и сейчас широко известны, а лет через 10 их, возможно, никто не будет знать. Но социальные явления, отражающиеся в их произведениях, несомненно будут еще долго и сильно влиять на жизнь нашей страны.

План работы таков. Изложенные выше взгляды группируются вокруг двух тем: оценка нашей истории и оценка нашего будущего. Мы разберем их, разделив по этому признаку, в двух следующих параграфах. В оставшейся части работы мы попытаемся понять происхождение этих взглядов: какое духовное течение и почему могло их породить?

Ссылки на источники, из которых заимствованы приводимые цитаты, отнесены в «Библиографические примечания» в конце работы.

Глава 2 Взгляд на Русскую историю

Начать, конечно, надо с обсуждения конкретных аргументов, которыми авторы рассматриваемого направления подкрепляют свои взгляды. Такое обсуждение предпринималось уже не раз, и это облегчает мою задачу. Приведем краткий обзор высказанных при этом мыслей.

Декларируемый многими авторами тезис о «рабской душе» русского человека, о том, что в нем собственное достоинство было менее развито, чем у жителей Запада, трудно подкрепить какими-либо фактами.

Пушкин, например, считал, что соотношение – обратное. Мнениям приезжих иностранцев, видевших в России азиатскую деспотию, а в ее жителях – рабов, можно противопоставить взгляды других иностранцев, поражав-

шихся чувству собственного достоинства у русского крестьянина или даже видевших в России «идеальную страну, полную честности и простоты», скорее всего и те и другие очень мало знали реальную Россию.

Отношение к власти в Московской Руси никак не совпадает с «рабским подчинением». Термин «самодержец», входивший в титул русского царя, не означал признания его права на произвол и безответственность, а выражал только, что он – Суверен, не является ничьим данником (конкретно – Хана). По представлениям того времени, царь был ответственен перед Богом, религиозными и нравственными нормами, и царю, нарушающему их, повиноваться не следовало, идя, если надо, на муки и смерть. Яркий пример осуждения царя – оценка Грозного не только в летописях, но и в народных преданиях. В одном из которых, например, говорится, что «Царь обманул Бога». Так же и Петр I прослыл в народе Антихристом, а Алексей – мучеником за веру.

Концепция «Москва – Третий Рим», сформулированная в начале XVI в. псковским монахом Филофеем, отражала историческую ситуацию того времени. После флорентийской унии Византии с католичеством и падения Константинополя Россия осталась единственным православным царством. Автор призывает русского царя осознать свою ответственность в этом новом положении. Он напоминает о судьбе Первого Рима и Второго (Царьграда), погибших, по его мнению, из-за отпадения от истинной веры, и предсказывает, что Русское царство будет стоять вечно, если останется верным Православию. Эта теория не имела политического аспекта, не толкала Россию к какой-либо экспансии или православному миссионерству. В народном сознании (например, в фольклоре) она никак не отразилась. Утверждение, что идея «Третьего Рима» и революционная марксистская идеология XX в. составляют единую традицию, принадлежит Бердяеву, кото-

рого, по-видимому, особенно пленило созвучие Третьего Рима с Третьим Интернационалом. Но ни он, ни кто-либо другой не пытался объяснить, каким образом эта концепция передавалась в течение 400 лет, никак за это время не проявляясь¹.

Никакой специфической для русских ненависти к иностранцам и иностранным влияниям, которая отличала бы их от других народов, обнаружить нельзя. Сильны были опасения за чистоту своей веры, подозрительность по отношению к протестантской и католической миссионерской деятельности. Здесь можно видеть известную религиозную нетерпимость, но эта черта никак уж не отличает Россию того времени от Запада, уровень религиозной терпимости которого характеризуется инквизицией, Варфоломеевской ночью и 30-летней войной.

Сводить всю дореволюционную историю России к Грозному и Петру I – это схематизация, полностью искажающая картину. Это все равно что представлять историю Франции состоящей лишь из казней Людовика XI, Варфоломеевской ночи, гонений на протестантов при Людовике XIV и революционного террора. Такая подборка выдернутых фактов ничего не может доказать. Не доказывает она и того тезиса, что революция была специфически русским явлением, закономерным следствием русской истории. И если бы это было так, то как можно было бы объяснить революцию в Китае или на Кубе: господство марксизма над умами западной интеллигенции, влияние коммунистических партий Франции и Италии?

¹ В отличие от Бердяева и повторяющих его мысль цитированных выше авторов современные профессиональные историки, по-видимому, эту концепцию не поддерживают. Обширная литература, посвященная этому вопросу, сходится на признании того, что концепция «Москва – Третий Рим» даже в XVI в. никак не влияла на политическую мысль Московского царства, а последние ее следы обнаруживаются в XVII веке.

К этим аргументам, заимствованным из упомянутых выше работ, прибавлю несколько своих, чтобы обратить внимание на один важный аспект вопроса.

1. Как мало отношение русского допетровской эпохи к власти походило на «рабскую покорность», «стремление думать и чувствовать одинаково с нею», показывает Раскол, когда второстепенные, не имевшие догматического значения изменения обрядов, введенные властью, не были приняты большей частью нации, люди тысячами бежали в леса, шли на муки и смерть, самосжигание – и за 300 лет проблема не потеряла своей остроты. Интересно сравнить это с похожей ситуацией в классической стране, утвердившей принцип личной свободы и человеческих прав, – Англии. Генрих VIII **скроил совершенно новое вероисповедание**, взяв кое-что от католичества, кое-что от протестантизма, да еще несколько раз его перекраивал, так что под конец его подданные уже и не знали хорошенько, во что же им надлежит верить. И вот – парламент и духовенство оказались покорными, большинство народа приняло это сочиненное из политических и личных соображений вероисповедание. Конечно, в Западной Европе XVI–XVII веков религиозные разделения играли не меньшую роль, чем у нас, но они, по-видимому, больше сплелись с политическими и материальными интересами. Так, Р. Пайпс поражается: «Секуляризация церковных земель (в России XVIII века. – *И. Ш.*) – пожалуй, самая веская причина Европейской Реформации – прошла в России так спокойно, как будто речь шла о простой бухгалтерской операции». Немыслимо в России того времени было бы положение, зафиксированное Аугсбургским религиозным миром, выражавшееся формулой «*cujus regio, ejus religio*» (чья власть, того и религия), когда вера подданных определялась их светскими властителями. Некоторые из авторов разбираемого направления считают

особенно ярким проявлением рабских черт русского национального характера – подчинение церкви государству в форме синодального управления Церквью, введенного Петром I. В цитированной книге Р. Пайпса одна глава так и называется: «Церковь – служанка государства». А. Шрагин пишет: «Наиболее ярко и, так сказать, архитипически¹ российская психологическая предрасположенность к единогласному послушанию сказалась в подчинении Церкви государству в тех формах, какие оно приняло в синодальный период». Уж им-то – историку и философу – должно быть прекрасно известно, что возникли эти формы подчинения Церкви государству в протестантских странах, откуда и были точно скопированы Петром I, так что в них нет ничего не только «архитипического», но вообще типичного для русских.

2. Другое любопытное наблюдение связано с точкой зрения, которую высказывает Р. Пайпс. Он считает, что законодательство Николая I послужило образцом для советского, с которого, в свою очередь, Гитлер якобы копировал законы Третьего рейха (!), так что законодательство николаевских времен оказывается в итоге источником всех антилиберальных течений XX в. Он прокламирует даже, что значение николаевского законодательства для тоталитаризма сравнимо со значением великой хартии вольностей для демократии! Концепция Р. Пайпса, конечно, является всего лишь анекдотом, типичным, впрочем, для всей его книги, но интересно, что более внимательное рассмотрение этого вопроса приводит к выводам, прямо **обратным** тем, к которым его тянет. Вся концепция тоталитарного государства (как в монархическом, так и в демократическом его варианте), подчиняющего себе не только хозяйственную и политическую деятельность под-

¹ Мы сохраняем правописание подлинника, хотя речь идет, по-видимому, о понятии архетипа, принадлежащем К. Юнгу.

данных, но и их интеллектуальную и духовную жизнь, была полностью разработана **на Западе**, – а не будь она столь глубоко разработана, она не могла бы найти и воплощения в жизни¹. Так, еще в XVII в. Гоббс изобразил государство в виде единого существа, Левиафана, «искусственного человека», «смертного Бога». К нему он относит слова Библии: «Нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным; на все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости». А более конкретно, Суверен обладает властью, не основывающейся ни на каких условиях. Все, что он делает, справедливо и правомерно. Он может распоряжаться собственностью и честью подданных, быть судьей всех учений и мыслей, в частности и в вопросах религии. К числу главных опасностей для государства Гоббс относит мнения («болезни»), что частный человек является судьей того, какие действия хороши и какие дурны, и что все, что человек делает против своей совести, является грехом. Отношение подданных к Суверену, по его мнению, лучше всего выражается словами «вы будете ему рабами». В этом же веке Спиноза доказывает, что к государственной власти вообще неприменимы нравственные категории, государство принципиально не может совершить преступления, оно в полном праве нарушать договоры, нападать на союзников и т. д. В свою очередь, любое решение государства о том, что справедливо и несправедливо, должно быть законом для всех подданных. В XVIII в. Руссо разработал демократический вариант этой концепции. Он полагает, что верховная власть принадлежит народу (тоже называемому Сувереном), и теперь уже ОН образует «коллективное существо», в котором полностью растворяются отдельные индивидуальности. Суверену опять принадлежит неограниченная власть над собственностью и личностью граж-

¹ На это много лет назад обратил мое внимание А. И. Лапин.

дан, он не может быть не прав и т. д. От Суверена каждый индивид «получает свою жизнь и свое бытие». Суверен должен изменить «физическое существование» человека на «существование частичное».

«Нужно, чтобы он отнял у человека его собственные силы и дал взамен другие, которые были бы для него чужими и которыми он не мог бы пользоваться без содействия других».

Что уж тут могло прибавить столь бледное на таком фоне законодательство Николая I?! Да, можно четко проследить, как эти принципы были заимствованы в России с Запада. Положение о том, что подданные отреклись от своей воли и отдали ее монарху, который может повелеть им все, что захочет, высказано в «Правде воли монаршей», составленной Феофаном Прокоповичем по поручению Петра. Там почти дословно цитируется Гоббс со всеми основными элементами его теории, как, например, о «договоре», который заключают между собой подданные, отказываясь от своей воли и отдавая ее монарху.

3. «Мессианиззм», то есть вера некоторой социальной группы (нации, Церкви, класса, партии...) в то, что ей предназначено определить судьбу человечества, стать его спасителем, – явление очень старое. Классическим примером, от которого пошло и само название, является содержащееся в иудаизме учение о Мессии (Помазаннике), который установит власть «избранного народа» над миром. Такая концепция возникала в очень многих социальных движениях и учениях. Марксистское учение об особой роли пролетариата принадлежит к традиции «революционного мессианизма», развивавшейся в Европе в XIX веке. Недавнее очень тщательное исследование этой традиции описывает различные ее стадии (Сен-Симон,

Фурье) вплоть даже до концепции «Третьего Рима» («Рома Терцио» у Мадзини), но о России упоминает лишь в самом конце книги в связи с тем, что западный «революционный мессианиззм» к концу века захлестнул и Россию.

4. Наконец тезис о том, что революция в России была predeterminedена всем течением русской истории, надо было бы проверить на вопросе о происхождении русского СОЦИАЛИЗМА, так как без этого ингредиента столь радикальное изменение всего общественного и духовного уклада жизни было бы невозможно – что доказывают многочисленные прецеденты, хотя бы наше Смутное время. Социализм же, по-видимому, не имел никаких корней в русской традиции вплоть до XIX века. В России не было авторов типа Мора и Кампанеллы. Радикальное сектанство, которое в Западной Европе было питательной средой социалистических идей, в России играло гораздо меньшую роль, и лишь в исключительно редких случаях в еретических учениях встречаются взгляды, которые можно было бы считать предшественниками социалистических концепций (например, пожелание общности имущества). Тем более это относится к попыткам воплотить такие взгляды в жизнь: ничего хоть отдаленно напоминающего «Мюнстерскую коммуну» в России не было. Другой источник, в котором можно было бы искать зародыши социалистических идей – народные социальные утопии, – тоже не дает ничего, на что могла бы опереться социалистическая традиция. Они поражают своей мягкостью, отсутствием воинственной агрессивности. Это осуждение Зла, противопоставление Правды – Кривде, мечты о «царстве Правды», призывы к братству всех людей во Христе, провозглашение любви высшим законом мира.

В Россию социализм был полностью привнесен с Запада. В XIX веке он настолько однозначно воспринимался как нечто иностранное, что, говоря о современных ему со-

циалистических учениях, Достоевский часто называл их «французский социализм». И основоположниками движения являются два эмигранта – Бакунин и Герцен, начавшие развивать социалистические идеи только после того, как эмигрировали на Запад. Зато западное общество нового, постренессансного типа родилось с мечтой о социализме, отразившейся в «Утопии» Мора, «Городе Солнца» Кампанеллы и целом потоке социалистической литературы.

Таким образом, многие явления, которые авторы рассматриваемого направления объявляют типично русскими, оказываются не только не типическими для России, но и вообще **не русскими** по происхождению, занесенными с Запада: это как бы плата за вхождение России в сферу новой западной культуры.

Подобных аргументов можно было бы привести гораздо больше, но, вероятно, и этих достаточно, чтобы дать оценку разбираемой нами концепции: ОНА ПОЛНОСТЬЮ РАССЫПАЕТСЯ ПРИ ЛЮБОЙ ПОПЫТКЕ СОПОСТАВИТЬ ЕЕ С ФАКТАМИ.

Обратим внимание еще на одну черту рассматриваемых нами произведений: их равнодушие к фактической стороне дела, использование удивительно легковесных аргументов, так что минутное размышление должно было бы сделать для авторов очевидной их несостоятельность. Например, Померанц приводит в качестве примера того, как русская душа «упивалась жестокостью власти», «Повесть о Дракуле», распространяющуюся в списках в XVI веке, в то время как она посвящена **обличению** жестокости, в некоторых списках Дракула называется дьяволом. В одной из работ, посвященных критике подобной концепции, указывается на это обстоятельство. Но в появившейся позже самиздатской «антикритике» Померанц заявляет, что он и не особенно настаивает на своей трактовке по-

вести. Зато, говорит он, ему был известен один автор, подписывавший свои самиздатские произведения псевдонимом «Скуратов». Так что приверженность русских жестокой власти все равно доказана!

Из одного рассуждения Р. Пайпса следует, что он полагает, будто в Московской Руси не существовало частной собственности! В другом месте своей книги он приводит поговорку «Чужие слезы – вода» как доказательство «жесточкого цинизма» и эгоизма русских крестьян. По-видимому, он понял ее не как осуждение эгоизма, а как нравственную максиму. Он же утверждает, что в допетровской Руси не было школ и подавляющее большинство служилого сословия было неграмотным. А ведь еще в 1892 г. А. И. Соболевский писал: «Мы привыкли думать, что среди русских того времени (XV–XVII вв.) было очень немного грамотных, что духовенство было малограмотно, отчасти безграмотно, что в высшем светском сословии грамотность была слабо распространена, что низший класс представлял безграмотную массу». Он приводит многочисленные подсчеты, из которых вытекает, что белое духовенство было поголовно грамотно, среди монахов процент грамотных был не ниже 75, среди землевладельцев не ниже 50, среди посадских – 20, среди крестьян (в XVII в.) – 15, по всей стране было много «училищ» для обучения грамоте. Как полагает Д. С. Лихачев, уровень грамотности в России XVII в. во всех слоях населения был не ниже, чем на Западе. И вот предрассудок, опровергнутый 90 лет назад, сейчас повторяет ведущий специалист США по русской истории!

Особенно много таких мест в работах А. Янова (может быть, по той причине, что он чаще привлекает конкретные аргументы, в то время как другие авторы в основном ограничиваются декларациями). Так,

он полагает, что «Архипелаг ГУЛАГ» – постоянный спутник русской истории, периодически в ней проявляющийся, и в качестве даты его предшествующего явления указывает 1825 г. Сначала даже не поймешь, что речь идет о восстании декабристов – попытке вооруженного свержения правительства и убийства царя (а по некоторым планам – истребления всего царского дома), когда был убит генерал-губернатор Петербурга Милорадович, – а в результате были казнены 5 человек и около ста сосланы. Притом, что в это же время в Испании, Неаполе, Сицилии, Пьемонте и Ломбардии были совершены такие же попытки военных переворотов (1820–1823), сопровождавшиеся после подавления такими же казнями. В Англии в 1820 г. был раскрыт заговор Тистельвуда, ставивший себе целью убийство членов кабинета. Пятеро руководителей заговора были казнены, остальные участники сосланы на каторгу в колонии. Так что ничего типичного для русской истории здесь вообще нет. Не «отсталая» Россия, а «передовая» Франция показывала, как надо расправляться с подобными возмущениями: тысячи расстрелянных после подавления восстания в Париже в 1848 г., десятки тысяч – после подавления Парижской коммуны.

Или, желая показать, что даже самые на первый взгляд невинные русские национальные течения, вроде славянофильства, приводят к черносотенству и погромам, он рассматривает для доказательства в качестве последователей славянофилов только Данилевского, Леонтьева, третьеразрядного публициста начала этого века Шарапова и очень темного интригана В. И. Львова (которого он почему-то называет князем), обер-прокурора Синода во Временном правительстве, эмигрировавшего, потом вернувшегося и под конец вступившего в «Союз воинствующих безбожников».

Но если он счел бы, что идеи славянофилов развивал Достоевский – как писатель, Соловьев – как философ, Тихомиров – как публицист, А. Кошелев, Ю. Самарин и другие деятели эпохи реформ, а позже Д. Шипов – как политики, то картина получилась бы совсем другая, а еще при одном подборе – третья. Вот прием, при помощи которого можно доказать решительно все, что желательно!

Обсуждая вопрос о приемлемости для России демократической формы правления, Янов отводит указания на некоторые недостатки этого строя тем, что «демократия как политическое изобретение еще ребенок. Ей не 1000 лет, а едва 200». Трудно себе представить человека, рассуждающего об истории и не слыжавшего о демократии в Греции, Риме или Флоренции, не читавшего посвященных ей страниц Фукидида, Платона, Аристотеля, Полибия, Макиавелли! Наконец – уже совсем курьез – Белинского Янов относит к «классикам славянофильства»! За такой ответ школьник получает двойку, а пишет это кандидат философских наук и ныне профессор университета Беркли.

Мы поневоле приходим к вопросу, от ответа на который зависит все дальнейшее направление наших размышлений: **интересует ли вообще истина этих авторов?** Вопрос неприятный: существуют «правила игры», согласно которым следует обсуждать аргументы, а не добросовестность и мотивы оппонента. Столь опостылела постановка вопросов: «Кому это выгодно?», «На чью мельницу льет воду?..» Но, с другой стороны, дискуссия с авторами, которых ни факты, ни логика не интересуют, действительно превращается в какую-то игру. Поэтому прежде чем идти дальше, давайте проверим наши сомнения еще на одном примере: на утверждении, встречающемся почти во всех разби-

раемых работах, – о жестокости, варварстве, специфическом якобы для всей русской истории.

Как будто существовал народ, который в этом нельзя упрекнуть! Ассирияне покрывали стены завоеванных городов кожами их жителей. В Библии читаем:

«И предали закланию все, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, [все] истребили мечом». (Нав 4:20)

И о царе Давиде:

«А народ, бывший в нем, он вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими». (2 Цар 12 : 31)

И светлые, прекрасные эллины во время междоусобных войн уничтожали население целых городов (по их масштабам – государств): всех мужчин убивали, а женщин и детей продавали в рабство. И так идет через всю Историю: не только в темные средние века, но и в эпоху торжества разума. Кромвель уничтожил треть населения Ирландии, и только восстание в Шотландии помешало ему осуществить первоначальный план – покончить с ирландцами как нацией. В США благочестивые пуритане истребляли индейцев, как волков: была назначена плата за скальп. А работоторговля, в которой участвовали короли, которую парламенты защищали, ссылаясь на права человека, и которая стоила Африке 100 миллионов жизней! А Французская революция, число жертв которой некоторые современники оценивали в 1 миллион, – это когда все население Франции составляло 28 миллионов! И наконец Гитлер!

Конечно, много жестокости было и в нашей истории, но ведь нужно совершенно позабыть о добросовестности, чтобы приписывать русским жестокость как какую-то специфическую черту! Нет, кажется, ни одного из названных выше авторов, который не помянул бы с торжеством опричнину! Но современный историк, специально исследовавший число жертв опричнины, пишет: «Традиционные представления о масштабах опричного террора нуждаются в пересмотре. Данные о гибели многих десятков тысяч человек крайне преувеличены. По синодику опальных, отразившему подлинные опричные документы, в годы массового террора было уничтожено около 3–4 тысяч человек». (Речь идет, конечно, о числе убитых. Голод, эпидемии, набеги крымцев и бегство от непосильных поборов уменьшили население Центральной России на сотни тысяч человек.) А в Варфоломеевскую ночь, близкую по времени, **за несколько дней** было истреблено больше народа (в Париже и провинции).

Русскую историю авторы рассматривают исключительно в плоскости современного сознания, полностью игнорируя требование **историзма**. А ведь все они — люди с гуманитарным образованием, факты, которые мы выше напомнили, должны быть большинству из них прекрасно известны. Те же, которым они не известны, легко могли бы их узнать, если бы их действительно интересовали **факты**. Приходится признать, что мы имеем здесь дело не с искренними попытками понять смысл русской истории, не с «историософскими размышлениями». Перед нами деятельность совершенно другого типа: это **журналистская публицистика, пропаганда**, стремящаяся внушить читателю некоторые заранее заданные мысли и чувства. Но тогда ее и надо исследовать как пропаганду. А всякая пропаганда имеет определен-

ную ЦЕЛЬ. Мы приходим к важнейшему вопросу: какова же цель всей этой литературы, зачем понадобилось внушать читателям взгляд, **согласно которому русские – это народ рабов, всегда преклонявшихся перед жестокостью и пресмыкающихся перед сильной властью, ненавидевших все чужое и враждебных культуре, а Россия – вечный рассадник деспотизма и тоталитаризма, опасный для остального мира?**

Можно было бы и не ломать голову над этим вопросом, если бы мы имели дело просто с эмигрантскими эмоциями. Но дальше мы убедимся, что это не так. Мы просто видим надводную часть айсберга: то, что рассматриваемая литература в своем большинстве опубликована на Западе, объясняется только тем, что там публиковать безопаснее и легче. А сами эти настроения уходят корнями сюда, да и здесь они проявляются, хотя и не так прямолинейно. Ведь надо отдать себе отчет в том, что если эта концепция впитается в национальное сознание, то это будет равносильно духовной смерти: народ, ТАК оценивающий свою историю, существовать не может. Мы имеем здесь дело с каким-то явлением, которое нас, жителей этой страны, кровно затрагивает.

Глава 3 Планы для России

Ответить на вопрос, поставленный в конце предшествующего параграфа, поможет рассмотрение второй группы взглядов, развиваемых авторами интересующего нас направления. Как оценивается сегодняшнее положение страны и какие пути предлагаются на будущее. Если верно высказанное нами предположение, что интерес и к Древней Руси, старцу Филофею, Грозному, Пересвету

и т. д. определяется не склонностью авторов к историческим исследованиям, а какими-то очень злободневными интересами и чувствами, то очевидно, что их суждения о современности должны особенно прояснить их мотивы.

Все высказываемые здесь точки зрения концентрируются в основном вокруг двух положений: опасность, недопустимость влияния русского национального начала на жизнь государства и необходимость точно следовать образцу современных западных демократий в построении общества.

Авторы очень болезненно и резко реагируют на любые попытки взглянуть на жизнь с русской национальной точки зрения, то есть подойти к сегодняшним проблемам с точки зрения русских духовных и исторических традиций.

«...Не национальное возрождение, а борьба за свободу и духовные ценности должна стать центральной творческой идеей нашего будущего». (Горский, псевдоним)

Тот же автор предупреждает:

«Новое национальное сознание должно строиться не на бессознательном патриотизме...»

как оно, по-видимому, строилось у 20 миллионов... сложивших свою голову в последней войне¹. Опасным соблазном автор считает размышление о СМЫСЛЕ существования России, то есть саму презумпцию ОСМЫСЛЕННОСТИ русской судьбы. С осуждением он говорит:

«Русский человек, если он только способен самостоятельно мыслить, до сих пор мучается вопросом: что

¹ По некоторым данным, гораздо больше.

такое Россия? в чем смысл ее существования? каково ее назначение и место во Всемирной истории?»

(Интересно, что по смыслу этой фразы сам «Горский» себя к числу «русских людей», по крайней мере «самостоятельно мыслящих», не относит!)

К анонимным авторам, выступившим в «Вестнике РСХД», № 97 («Горский» и др.), с большим сочувствием относится Янов. Он считает даже, что будущее России в значительной степени зависит от того, какую политическую ориентацию примет движение «Русский Православный Ренессанс». Здесь он различает два направления: одно, близкое ему по духу, к которому относятся упомянутые авторы, он называет «либерально-экуменическим». Трудно вложить в этот осторожный и деликатный оборот речи другое содержание, кроме – **безнациональное**. Да и в предисловии к другой книге Янова Бреслауер подчеркивает, что симпатии Янова – на стороне КОСМОПОЛИТИЧЕСКОЙ прослойки советского общества. Нужно как-то назвать и другое направление в «Православном Ренессансе», по смыслу оно **НАЦИОНАЛЬНОЕ**, но тут Янов не выдерживает роли профессора, беспристрастно анализирующего интересный социальный феномен, его прорывает: оно – «**ТАТАРСКИ-МЕССИАНСКОЕ**» и угроза «мировому политическому процессу».

В этом противопоставлении Янов видит основную проблему современной советской жизни: «решающий водораздел **проходит между националистами и ненационалистами**». Излишне оговаривать, что «национализм» имеется в виду не армянский, литовский или еврейский, а только русский. И очевидно, по какую сторону водораздела стоит автор. Более того, он обвиняет

своих противников в том, что если бы реализовались их идеи о будущем России, то там не оказалось бы места АНТИРУССКОЙ ОППОЗИЦИИ! Не берусь судить, справедливо ли это обвинение, но уж очень ярко оно демонстрирует заботы автора.

С предельной отчетливостью концепции Янова проявляются в его полемике с самиздатским журналом «Вече», выходявшим в начале 70-х годов. Как иллюстрацию «слепого отказа видеть происходящее» цитирует он статью из этого журнала: «Даже проблема гражданских прав в СССР МЕНЕЕ важна в данную историческую минуту, чем проблема гибнущей русской нации». Поучительно дать себе отчет в позиции самого Янова. Если эта точка зрения не верна и «проблема гибнущей русской нации» является менее важной, то что же произойдет, если мы сконцентрируем усилия на более важной проблеме, а нация погибнет? (В цитированной статье утверждается, что численность русских сокращается.) За чьи же права тогда бороться? Уж конечно – не за права русских!

Наконец, эта проблема обсуждается еще раз на более высоком уровне. По поводу одной самиздатской статьи Янов пишет:

«Рискуя профанировать метафизический энтузиазм статьи, сформулируем просто ее смысл: человечество квантуется, так сказать, не на отдельные индивидуальности, как до сих пор наивно полагало “гуманистическое сознание”, но на нации».

Однако «профанирование метафизического энтузиазма» здесь совсем ни при чем, то, что делает Янов, называется гораздо проще: подмена одной мысли другою. В отрывке из обсуждаемой статьи, который Янов

сам приводит перед цитированным выше местом, говорится: «Нации – **один** из уровней в иерархии Христианского космоса...» (выделено мною. – *И. Ш.*), то есть, если пользоваться терминологией Янова, человечество квантуется **и на нации**. Обратная точка зрения, которой, по-видимому, придерживается Янов, заключается в том, что человечество квантуется **только на отдельные личности**, а не на нации. Точка зрения не новая. Человечество, распыленное (или «квантованное») на ничем друг с другом не связанные индивидуумы, – таков, по-видимому, идеал Янова.

Но существует и еще более радикальное направление мысли. Вместо того чтобы бороться с национализмом, предупреждать о его опасности – утверждается, что спора и вести-то не о чем, так как **НАРОДА ВО-ОБЩЕ НЕТ**. Мы уже приводили утверждение: «народ оказался мнимой величиной» («Горский»). Особенно подробно и с любовью эту мысль развил Померанц:

«Народа больше нет. Есть масса, сохраняющая смутную память, что когда-то она была народом и несла в себе Бога, а сейчас совершенно пустая...»

Народа в смысле народа-богоносца, источника духовных ценностей вообще нет. Есть неврастенические интеллигенты – и массы...

В нашей стране остались только следы народа, как следы снега весной... То, что у нас обычно называют народом, совсем не народ, а мещанство».

Итак, если в прошлом у русского народа не было истории, то в настоящем нет уже и русского народа...

Эти мысли естественно вытекают из концепций, рассмотренных в предшествующем параграфе. В русской истории авторы не видят ничего, кроме тирании,

раболепия и бессмысленных, кровавых судорог. Поме-ранц разъясняет:

«Так в России вообще делается история. Русский народ трепещет и пьтится перед грозным самодержцем, который его режет на части, как Иванушку, и спекает заново. Потом, когда спечется, признает хозяина своим и служит верой-правдой».

Или в поэтической форме Галич:

*Что ни год – лихолетье,
Что ни враль – то мессия.*

Если принять этот взгляд, то, действительно, попытка строить будущее на основе ТАКИХ традиций может кончиться лишь еще одной катастрофой. Мнение одного из авторов, что «Россия не имела истории», другие, может быть, отклонили бы как полемическое преувеличение, но по существу все их взгляды приводят к этому выводу: Истории, как того чрева, в котором вынашивается будущее народа, Россия, согласно их точке зрения, не имела. На чем же тогда строить будущее этой страны? Ответ дает второй основной тезис, выдвигаемый рассматриваемой нами литературой: на основе **чужого** опыта, заимствуя как образец современную западную многопартийную демократию. Именно то, что это опыт **чужой**, не вырастающий органически из русской истории, делает его привлекательным, так как дает гарантию, что он не заражен теми ядами, которыми пропитано, по мнению авторов, все наше прошлое. Наоборот, поиски какого-то своего пути неизбежно вызовут, как они полагают, цепь новых катастроф. Янов, например, считает это основным вопросом, «который сейчас, как и много

поколений назад, разделяет русское диссидентское движение – является ли Россия европейской страной или для нее существует особый, собственный путь развития...»

Таким образом, именно ПОИСК собственного пути (конечно, без ограничения его направления, так что, в частности, результатом мог бы оказаться и какой-то собственный вид демократии) здесь отклоняется. Причина в том, что, по мнению авторов, **вообще существуют лишь два решения, выбор возможен лишь из двух вариантов: современная демократия западного типа или тоталитаризм.** Говоря о том же основном вопросе, что и в цитированном только что отрывке, Янов спрашивает:

*«Не заключается ли он в **поисках альтернативы** для европейской демократии? И не приводит ли такой поиск неизбежно даже самых благородных и честных мыслителей в объятия авторитаризма, ибо никакой “особой” русской альтернативы демократии в истории до сих пор не было известно. Далее, не ведет ли логика **борьбы** против демократии (как доктрины и как политической реальности) в конце концов к оправданию самых крайних, тоталитарных форм авторитаризма?»*

Отметим эту характерную черту, которая будет дальше полезна для анализа взглядов наших авторов: они предлагают выбор только из **двух** возможностей: или «европейской демократии», или «авторитаризма», да еще в его «самых крайних тоталитарных» формах. Вряд ли реальная жизнь укладывается в столь упрощенную схему. В обществе действовало и действует столько сил: монархическая власть, аристократия, буржуазия и другие сословия, Церковь или Церкви, корпорации, партии, национальные интересы и т. д. и т. п., что из их комбинаций способен возникнуть (и все время возникает) непре-

рывный спектр государственных форм, а не те две его КРАЙНИЕ точки, между которыми нам предлагается выбирать. И часто тот механизм, при помощи которого формируется государственная власть, оказывается далеко не самым важным признаком общества. Иначе мы должны были бы признать родственными Римскую империю в «Золотой век Антонинов» и китайскую империю Цинь Ши Хуан Ди с ее всеобщим рабством, круговой порукой и сожжением книг. В нашем веке однопартийные государства – и современная Югославия, и Кампучия при красных кхмерах, а многопартийные – и ЮАР, и Швейцария. Тот строй, который существовал в Англии, когда она победила Людовика XIV, выдержала четверть века войн с революционной Францией и Наполеоном, стала «мастерской Европы» и образцом свободного общества, – был столь отличен от современной демократии, что вряд ли разумно объединять их одним термином. Он опирался на очень ограниченное избирательное право. Парламент состоял из лиц, тесно связанных общими интересами и даже родством, дискуссии в нем носили технический характер, и демагогия, стремление влиять на общественное мнение не играли заметной роли. Зомбарт сравнивает его с советом акционерной компании, где обсуждается, как вести предприятие, в успехе которого все одинаково заинтересованы и в делах которого все более или менее хорошо осведомлены. Большинство членов парламента фактически назначалось крупными землевладельцами, а часто места и покупались. И тем не менее суд Истории показал, что этот парламент в какой-то мере получил поддержку народа. Точно так же, как в 1912 г. русский народ, по-видимому, единодушно поддержал самодержавную власть, а американский народ во вьетнамской войне, потребовавшей от него сравнительно небольших жертв, отказался поддерживать правительство,

выбранное по всем канонам западной демократии. И как оценить, кто в большей мере выразил волю американского народа: партийная машина, выдвинувшая президентов Кеннеди, Джонсона и Никсона, которые вели вьетнамскую войну, или левые круги, опирающиеся на средства массовой информации, которые добились отставки президента и капитуляции в этой войне?

Здесь возникает очень глубокая проблема. Поиски лучшего пути для выявления воли народа молчаливо предполагают, что такое понятие, как «воля народа», существует и всеми одинаково толкуется. А именно это предположение, которое почти не обсуждается, требует тщательного анализа. Говоря современным научным жаргоном, народ – это «большая система». Но далеко не всякая большая система обладает свойством, которое можно было бы назвать «волей». Например, заведомо им не обладает сколь угодно сложная вычислительная машина; совершенно не ясно, можно ли его приписать живой природе в целом или отдельному виду или биоценозу, – и только в отношении индивидуального человека или высших животных наличие воли не вызывает у нас сомнения. В реальной жизни народ проявляет себя не путем формулирования своей воли, а восстаниями или подъемом хозяйственной активности, ростом или падением рождаемости, взлетом культуры или распространением алкоголизма и наркомании, стойкостью и жертвенностью на войне или легкой капитуляцией. Именно бесчисленная совокупность таких признаков и показывает, здоров ли народный организм. Выработать наиболее органичную для данного народа и в данный момент его истории форму государственного устройства – это, конечно, необходимое условие здорового существования народа. Но далеко не единственное и зачастую не самое важное.

Что касается демократии западного типа, которую столь настойчиво предлагают разбираемые авторы в качестве универсального решения всех общественных проблем, то в ее **современном состоянии** она вызывает ряд сомнений, которые надо было бы тщательно обсудить, прежде чем рекомендовать ее безоговорочно в качестве единственного решения наших проблем. Назовем некоторые из них.

1. Этот строй, по-видимому, не является таким уж естественным. Переход к нему обычно был связан с мучительным и кровавым катаклизмом: очевидно, необходимо какое-то насилие над естественным историческим процессом. Такова была гражданская война в Англии. Во Франции гражданская война и террор были только началом. Почти столетие после этого страну трясло как в лихорадке: наполеоновские войны, революции, Вторая империя, Коммуна. У нас попытка введения этого строя в феврале 1917 г. не оказалась успешной. В Германии такая попытка, осуществленная в Веймарской республике, в качестве реакции привела к победе национал-социализма. (Такой адепт демократии, как Черчилль, в своих мемуарах высказывает мнение, что судьба Германии была бы иной, если бы в 1918 г. была сохранена монархия.)

Можно ли сейчас идти на риск еще одного подобного катаклизма в нашей стране? Есть ли шанс, что она его переживет? А в то же время наши авторы предлагают этот путь с легкостью, которая вызывает подозрение, что такие опасения их совершенно не заботят.

2. Основоположники западной либеральной мысли (например, Монтескье и авторы американской конституции) исходили из концепции **ограниченной власти**. Эта концепция своими корнями уходит в религиозное средневековое мировоззрение. В эпоху абсолютизма

было развито учение о неограниченной власти – сначала о власти неограниченного монарха, а потом о неограниченном народовластии (ср. мысли Гоббса, Спинозы и Руссо, цитированные в предыдущих главах). Ограничения власти пытались добиться на основе принципа разделения властей: когда, например, законодательство неподвластно конституционному монарху или судебная власть – воле народа. Но чтобы такая система функционировала, необходима сила, ограничивающая все эти власти, а для этого в обществе должны существовать часто незаписанные и даже неосознанные нормы поведения, традиции, моральные и религиозные принципы, которые в шкале ценностей занимают более высокое место, чем авторитет любой власти, так что противоречащие им действия власти воспринимаются как незаконные. Это и есть единственный надежный путь ограничения власти в ее принципе. Отсутствие таких ценностей, стоящих выше авторитета власти, автоматически порождает общество тоталитарного типа. Именно поэтому основанные на неограниченном народовластии государства так легко порождают тоталитаризм: в Германии Веймарская республика или во Франции власть Учредительного собрания в 1789–1791 гг. Эта закономерность была замечена очень давно. Платон писал, что демократия вырождается в тиранию. Как он, так и Аристотель полагали, что неограниченное народовластие вообще нельзя считать формой государственного строя. Эдмунд Берк, наблюдавший начальный этап французской революции, писал, что неограниченная демократия столь же деспотична, как и неограниченная монархия. Современные же западные демократии целиком основываются на принципе неограниченного народовластия: любое решение, принятое большинством населения, – законно. (Этот дух уловили и разбираемые

нами авторы: например, во введении к сборнику «Демократические альтернативы» прокламируется «демократия в правовой области», то есть подчинение права решению большинства.) В этом многие либеральные критики современной демократии видят признак ее упадка, неудачу предпринятой 200 лет тому назад попытки построить свободное общество на принципах народовластия. Сейчас, по их оценке, в западном обществе свободы существуют в силу инерции, а не как следствие принципов, на которых это общество построено.

3. Авторы рекомендуют демократию западного типа в качестве альтернативы однопартийному коммунистическому государству. Но способна ли она быть такой альтернативой? Ведь не по волшебству же будет один уклад заменен другим, очевидно, предполагается какая-то конкуренция. А способен ли демократический строй в **современной** его форме на такую конкуренцию? Все больше западная демократия уступает и уступает своему антагонисту. Если часть человечества, населяющая страны с однопартийной коммунистической государственной системой, составляла 7,5% в 1920 году и 8,5% в 1940 г., то в 1960-м она составила более 45%, а сейчас составляет не меньше половины. И ведь процесс шел только в одном направлении! Давно прошло время, когда западные демократии были динамичной силой, когда число стран, следовавших по этому пути, росло, да и другим они навязывали свои принципы. Теперь – все наоборот! Из вновь возникающих государств почти ни одно не избрало государственный строй западного типа. А в самих западных демократиях все растет число противников их государственной системы. Сторонники же ее обычно прибегают к тому аргументу, что как она ни плоха, остальные – еще хуже. Такой аргумент вряд ли может вдохновить кого-либо на защиту этого строя.

200 лет назад так не говорили! Если же привлечь к сравнению античную демократию, то мы увидим, что она – недолговечная форма. 200 лет – это предельный срок ее жизни. Но как раз столько и существует многопартийная демократия в Западной Европе и США. По всем признакам многопартийная западная система – **уходящий** общественный строй. Ее роль в Истории можно оценить очень высоко: она принесла с собою гарантию внутреннего мира, защиту от правительственного террора (но не от «красных бригад»), рост материального благосостояния (и угрозу экологического кризиса). Но вернуть к ней все человечество так же безнадежно, как мечтать о возврате к Православному царству или Киевской Руси. История явно перерабатывает этот строй во что-то новое. Можно попытаться повлиять на то, во что и какими путями он будет перерабатываться, но повернуть этот процесс вспять – безнадежно.

А между тем есть ли у самих-то разбираемых нами авторов **определенное** представление о той «западной демократии», которую нам предлагают взять или отклонить в готовом виде, не разрешая обсуждать возможные ее варианты и альтернативы? Из их произведений как будто следует, что у них это представление весьма расплывчато. Часто кажется, что они имеют в виду классическую форму многопартийной демократии вроде существующей сейчас в США. (Например, Шрагин и Янов.) Но вот, например, Краснов-Левитин¹ желает ввести «пол-

¹ А. Краснов (А. А. Левитин) – церковный деятель, принимавший в 20-х годах активное участие в движении «обновленцев», направленном на раскол Православной Церкви: был секретарем руководителя этого движения А. Введенского. После того как движение «обновленцев» сошло на нет, вернулся в Православную Церковь, в связи с его церковной деятельностью был арестован. В 1960-е годы протестовал против массового закрытия церквей при Хрущеве. Был вновь арестован и осужден на 3 года. Отбыв срок, эмигрировал. В нескольких работах развивает идеи объединения христианства с социализмом.

ное имущественное равенство», а Л. Плющ¹ утверждает, что государственное планирование должно сохраниться вплоть до достижения коммунизма: но ведь таких целей современная западная демократия себе отнюдь не ставит! Более того, Плющ пишет:

«Я не понимаю Вас, если Вы не сочувствуете террористам, уничтожающим палачей своего народа, индивидуальный террор аморален, если он направлен против невинных людей».

Нельзя же предположить у автора такой степени интеллектуальной недоразвитости, чтобы он не задался вопросом: КТО будет разделять на «невинных» и «виновных»? До сих пор террористы никогда не прибегали к третейскому суду, а вершили его сами. Вероятно, баскские террористы (пример которых с сочувствием приводит Плющ), стреляя в полицейского, считают, что он виновен если не лично, то как представитель виновного государства. Но ведь и любой классовый или расовый террор основывается на таких взглядах. Очевидно, здесь мы имеем, правда еще робкую, апологию политического террора, а тогда как это связать с идеалами западной демократии? Да и большинство авторов сборника «Демократические альтернативы» высказывают свою приверженность социализму, и заканчивает сборник документ «Российские демократические социалисты за рубежом». Перед нами, очевидно, какие-то другие демократы: **социалистические**. Но это уже не современная западная

¹ Л. Плющ – марксист, но критически относящийся к некоторым сторонам советской жизни. Написал несколько работ в этом духе, был членом «инициативной группы по охране прав человека». Был арестован, признан невменяемым и помещен в психиатрическую больницу. Его арест вызвал широкое движение на Западе... Плющ был освобожден, эмигрировал и продолжает развивать на Западе свои марксистские взгляды.

демократия, а некая **альтернатива** ей, то есть как раз то, против чего так страстно борется Янов. Как же тогда понять его участие в этом сборнике? Если он считает таким решающим аргументом, что «никакой особой русской альтернативы демократии в истории до сих пор не было известно», то не должен ли он был прежде всего обратиться с этим аргументом к своим единомышленникам и соавторам по сборнику, ибо ведь уж синтез-то демократии западного типа с социализмом (например, с «полным имущественным равенством») в истории безусловно до сих пор не был известен?

Так что, по-видимому, не тяготение к демократии, понимаемой ими весьма неоднозначно, объединяет этих авторов. А действительно, общее у всех у них – раздражение, возникающее при мысли, что Россия может ИСКАТЬ какой-то СВОЙ ПУТЬ в истории, стремление всеми средствами воспрепятствовать тому, что народ пойдет по пути, который он сам выработает и выберет (конечно, не при помощи тайного голосования, а через свой исторический опыт). Это мечта о превращении России в механизм, работа, лишённого всех элементов жизни (исторических традиций, каких-либо целей в будущем) и управляемого изготовленной за тридевять земель и вложенной в него программой... Демократия же играет роль такой «программы», «управляющего устройства», никак органически со страной не связанного. Так что если сделать фантастическое предположение, что авторы обратились бы со своими идеями к американцам, то от них они должны были бы требовать безоговорочного принятия абсолютной монархии.

Та же схема, то же представление о призрачности нашей жизни, являющейся лишь бледным **отражением** реальной западной жизни, принимает уже несколько гротескный характер в статье Померанца в сборнике

«Самосознание». Трактует развитие культуры ВСЕХ стран мира, кроме Англии, Голландии, Скандинавии и Франции, лишь как СКОЛОК с культуры этих последних, автор подчеркивает, какие искажения, выпадения целых этапов и слияние нескольких в один при этом происходят. Но не пытается обсудить свою аксиому. А ведь если бы он взял за аксиому, что европейская поэзия – искаженное копирование персидской, то, вероятно, должен был бы прибегнуть к еще более остроумным конструкциям, чтобы объяснить, почему Фирдоуси, Омар Хайям и Хафиз так искаженно отражаются в виде Данте, Гёте и Пушкина¹.

В несколько упрощенной, но зато очень яркой форме все эти вопросы – и планы для будущего России, и их национальный аспект – предстают в теории, которую выдвинул Янов и изложил в ряде статей и в двух книгах. В классическом духе «анализа расстановки классовых сил» он делит наше общество на два слоя – «истеблишмент» и «диссидентов». Каждый из них порождает как «левое», так и «правое» течение. Все свои надежды автор возлагает на «левых». «Истеблишментарная левая» (термин автора!) состоит из «партийной аристократии», или «элиты», и «космополитических менеджеров». Она нуждается в реконструкции и «модернизации их архаической идеологии», а для этого – в союзе с «самыми блестящими умами России, которые сейчас концентрируются в диссидентском движении», то есть с «диссидентской левой». Для этого необходимо преодолеть «эгалитарный и моральный максимализм интеллигенции» и «высокомерную нетерпимость интеллектуально и этически

¹ Любопытно, что при этом автор как раз сам отстает от развития западной мысли. «Европоцентристская» точка зрения Померанца на Западе в основном преодолена, рассматривается как отражение империализма XIX в. и, вероятно, была бы с возмущением отвергнута, если бы ее пытались применить к какой-нибудь африканской стране.

ущербного нового класса». Но – и тут автор подходит к центральному пункту своей концепции – ЭТОГО ОНИ СДЕЛАТЬ САМИ НЕ В СОСТОЯНИИ:

«Однако это противоречие зашло так далеко, что его разрешение невозможно без арбитра, авторитет которого признан обеими сторонами. Западное интеллектуальное общество может служить таким арбитром. Оно может выработать точную и детальную программу, чтобы примирить все позитивные социально-политические силы СССР, – программу, которая их объединит для нового шага вперед...»

Вот это и есть секрет Янова, его основная концепция. И чтобы выразить ее понятнее, автор предлагает в качестве модели – ОККУПАЦИЮ:

«Это предприятие грандиозной, можно сказать, исторической сложности. Однако оно по существу аналогично тому, с которым столкнулся “мозговой трест” генерала Макартура в конце Второй мировой войны¹.

Было ли правдоподобно, что автократическая Япония может быть преобразована из опасного потенциального врага в дружелюбного партнера по бизнесу без фундаментальной реорганизации ее внутренней структуры? Тот же принцип приложим к России...»

Тот слой, на который это «грандиозное предприятие» будет опираться внутри страны, Янов тоже характеризует очень точно, приводя в качестве примера – героя одной сатирической повести. Речь идет о паразите, не сохранившем почти никаких человеческих черт (кроме чисто внешних), вся деятельность которого направлена

¹ Генерал Макартур был главнокомандующим американскими оккупационными силами в Японии.

на то, чтобы реальная жизнь нигде не пробивалась через преграду бюрократизма. Настоящая жизнь для него – это поездки на Запад и покупки, которые он оттуда привозит. Его мечта – привезти из Америки какой-то необычайный «стереофонический унитаз». «Предположим, что он хочет стереофонический унитаз, – рассуждает Янов, – правдоподобно ли, что он хочет мировой войны?»

Этой картине не откажешь в смелости: духовная (пока) оккупация «западным интеллектуальным сообществом», которое становится нашим арбитром и учителем, опираясь внутри страны на слой «космополитических менеджеров», снабжаемых за это в изобилии стереофоническими унитазами! Ее можно принять как лаконичное и образное резюме идеологии рассматриваемого нами течения.

Глава 4 Малый народ

Взгляды, рассмотренные в двух предыдущих главах, сливаются в единую систему. Более того, в основе их лежит целая философия истории – особый взгляд на характер исторического процесса. Речь идет о том, является ли история органическим процессом, сходным с ростом живого организма или биологической эволюцией, или же она сознательно конструируется людьми, подобно некоторому механизму. Иначе говоря, вопрос о том, как воспринимать общество – **организмом** или **механизмом, живым или мертвым**.

Согласно первой точке зрения, человеческое общество сложилось в результате эволюции «норм поведения» (в самом широком смысле: технологических, социальных, культурных, моральных, религиозных). Эти

«нормы поведения», как правило, никем сознательно не изобретались, но возникли как следствие очень сложного процесса, в котором каждый новый шаг совершается на основе всей предшествующей истории. Будущее рождается прошлым, Историей, совсем не по нашим замыслам. Так же, как новый орган животного возникал не потому, что животное предварительно поняло его полезность, так и новый социальный институт чаще всего не создавался сознательно, для достижения определенной цели.

Вторая точка зрения утверждает, что общество строится людьми логически, из соображений целесообразности, на основании заранее принятого решения. Здесь вполне можно, а часто и нужно, игнорировать исторические традиции, народный характер, выработанную веками систему ценностей. (Типично высказывание Вольтера: «Хотите иметь хорошие законы? Сожгите свои и напишите новые».) Зато решающую роль играют те, кто обладает нужными познаниями и навыком: это истинные творцы Истории. Они и должны сначала вырабатывать планы, а потом подгонять неподатливую жизнь под эти планы. Весь народ оказывается лишь материалом в их руках. Как плотник из дерева или инженер из железобетона, возводят они из этого материала новую конструкцию, схему которой предварительно разрабатывают. Очевидно, что при таком взгляде между «материалом» и «творцом» лежит пропасть, «творцы» не могут воспринимать «материал» как таких же людей (это и помешало бы его обработке), но вполне способны испытывать к нему антипатию и раздражение, если он отказывается правильно понимать свою роль. Выбор той или другой из этих концепций формирует людей двух разных психологических типов. Приняв первую точку зрения, человек чувствует себя

помощником и сотрудником далеко превосходящих его сил. Приняв вторую – независимым творцом истории, демиургом, маленьким богом, а в конце концов – насильником. Вот на этом-то пути и возникает общество, лишенное свободы, какими бы демократическими атрибутами такая идеология ни обставлялась.

Взгляды, которые мы рассмотрели в двух предшествующих параграфах, представляют собой последовательное применение второй точки зрения (общество как механизм) к истории нашей страны. Вспомним, сколько сил потрачено, чтобы очертить историю и весь облик нашего народа. Видно, какое раздражение у авторов вызывает опасение, что наше будущее будет опираться на исторические традиции этой страны. Чуть ли не с пеной у рта доказывают они нам, что демократия западного типа абсолютно чужда духу и истории нашего народа, – и столь же темпераментно настаивают, чтобы мы приняли именно эту государственную форму. Проект духовной оккупации «западным интеллектуальным сообществом», разработанной Яновым, так и воплощается зрительно в образ России – машины, на сиденье которой весело вскакивает ловкий водитель, включает зажигание – и машина помчалась. Типично и то, что для нашего будущего предлагается выбор только из двух возможностей: «демократия западного типа» и «тоталитаризм». Ни рост организма, ни поведение всего живого никогда не основывается на выборе между двумя возможностями, но всегда среди бесконечного числа непрерывно друг в друга переходящих вариантов. Зато элемент вычислительной машины должен быть сконструирован именно так, чтобы он мог находиться лишь в двух состояниях: включенном и выключенном.

И необходимый вывод из этой концепции: выделение «творческой элиты» и взгляд на весь народ как на

материал для ее творчества очень ярко отразился у наших авторов. Приведем несколько примеров того, как они характеризуют отношение своего круга к остальному населению. При этом мы встретимся с такой трудностью – эти авторы характеризуют тот круг, с которым они себя явно отождествляют, различными терминами: интеллигенция (чаще), диссиденты (реже), элита, «избранный народ»... Я предлагаю временно совершенно игнорировать эту терминологию, а исходить из того, что мы имеем пока нам не известный слой, некоторые черты которого хотим восстановить. К вопросу же о том, в каком отношении этот слой находится к интеллигенции, диссидентам и т. д., мы вернемся позднее, когда представим его себе конкретнее.

Итак, вот как понимает ситуацию «Горский»:

«...Старое противоречие между “беспочвенной интеллигенцией” и народом предстает сегодня как противоречие между творческой элитой и оболваненными и развращенными массами, агрессивными по отношению к свободе и высшим культурным ценностям».

Причем в то же время:

«Необходимо отметить также, что новая оппозиционная интеллигенция, при всем ее отрыве от народных масс, представляет тем не менее именно породившие ее массы, является как бы органом их самосознания».

Точка зрения Шрагина такова:

«Помимо тонкого слоя европейски образованной и демократически настроенной интеллигенции, корни диссидентского движения натолкнулись на толщу вечной мерзлоты».

И более того:

«Интеллигент в России – это зрячий среди слепых, ответственный среди безответственных, вменяемый среди невменяемых».

Итак, «европейски образованная и демократически настроенная интеллигенция» созрела для того, чтобы большинство народа объявить НЕВМЕНЯЕМЫМ! А где же место невменяемому, как не в психушке?

Наконец, взгляд Померанца:

*«Религия перестала быть приметой народа. Она стала приметой элиты». «Любовь к народу гораздо опаснее (чем любовь к животным): никакого порога, мешающего стать на четвереньки, здесь нет». «Новое что-то заменит народ». «Здесь... **складывается хребет нового народа**». «Масса может заново кристаллизироваться в нечто народоподобное только вокруг новой интеллигенции».*

Концепция элиты, «избранного народа» для автора является необсуждаемым догматом, обсуждается только – где элиту найти:

«Рассчитываю на интеллигенцию вовсе не потому, что она хороша... Умственное развитие само по себе только увеличивает способность ко злу... Мой избранный народ плох, я это знаю... но остальные еще хуже».

На этом пути наши авторы неизбежно должны встретиться с очевидной логической трудностью, так что с нетерпением ожидаешь, когда же они на нее натолкнутся. Ведь если русское сознание так проникнуто раболепием, обожанием жестокой власти, мечтой о

хозяине, если правовые традиции нам абсолютно чужды, то как же такому народу привить демократический строй **демократическими методами**, да еще в ближайшем будущем? Но оказывается, что для авторов здесь и затруднения нет. Просто тогда русских надо сделать демократичными, хотя бы и **недемократическими методами**. (Руссо называет это: **заставить быть свободными**.) Как пишет Шрагин:

«При деспотиях не большинство решает. Конечно, это противоречит идеалам демократии. Но и наилучший из идеалов вырождается в утопию, когда он тесен для вмещения реальности».

И это заявление, столь поразительное своей откровенностью, не вызвало, кажется, никакой реакции в эмигрантской прессе, так подчеркивающей в других случаях свою демократичность!

Перед нами какой-то слой, очень ярко сознающий свое единство, особенно рельефно подчеркнутое резким противопоставлением себя всему остальному народу. Типичным для него является мышление антитезами:

*творческая элита – оболваненная и развращенная масса
избранный народ – мещанство
европейски образованная и демократически настроенная
интеллигенция – вечная мерзлота
вменяемые – невменяемые
племя гигантов – человеческий свинарник*

(последнее – из самиздатской статьи Семена Телегина «Как быть?»).

Слой этот объединен сознанием своей элитарности, уверенностью в своем праве и способности определять судьбы страны. По-видимому, в существовании такого

социального слоя и находится ключ к пониманию той идеологии, которую мы рассматриваем.

Этот социальный феномен стал бы, вероятно, понятнее, если бы его можно было включить в более широкие исторические рамки. И действительно, по крайней мере в одной исторической ситуации подобное явление было подробно и ярко описано – в эпоху Великой французской революции.

Один из самых интересных исследователей Французской революции (как по свежести его идей, так и по его удивительной эрудиции) Огюстен Кошен в своих работах обратил особое внимание на некий социальный, или духовный, слой, который он назвал «малым народом». По его мнению, решающую роль во французской революции играл круг людей, сложившийся в философских обществах и академиях, масонских ложах, клубах и секциях. Специфика этого круга заключалась в том, что он жил в своем собственном интеллектуальном и духовном мире: «малый народ» среди «большого народа». Можно было бы сказать – **анти-народ** среди народа, так как мировоззрение первого строилось по принципу ОБРАЩЕНИЯ мировоззрения второго. Именно здесь вырабатывался необходимый для переворота тип человека, которому было враждебно и отвратительно то, что составляло корни нации, ее духовный костяк: католическая вера, дворянская честь, верность королю, гордость своей историей, привязанность к особенностям и привилегиям родной провинции, своего сословия или гильдии. Общества, объединявшие представителей «малого народа», создавали для своих членов как бы искусственный мир, в котором полностью протекала их жизнь. Если в обычном мире все проверяется опытом (например, историческим), то здесь решает общее мнение. Реально то, что считают

другие, истинно то, что они говорят, хорошо то, что они одобряют. Обычный порядок обращается: доктрина становится причиной, а не следствием жизни.

Механизм образования «малого народа» – это то, что тогда называли «освобождением от мертвого груза», от людей, слишком подчиненных законам «старого мира»: людей чести, дела, веры. Для этого в обществах непрерывно производят «очищения» (соответствующие «чисткам» нашей эпохи). В результате создается все более чистый «малый народ», движущийся к «свободе» в смысле все большего освобождения от представлений «большого народа»: от таких предрассудков, как религиозные или монархические чувства, которые можно понять только опытом духовного общения с ним. Этот процесс Кошен иллюстрирует красивым примером – образом «дикаря», столь распространенным в литературе эпохи Просвещения: «персидский принц» Монтескье, «гурон» Вольтера, «таитянин» Дидро и т. д. Обычно это человек, обладающий всеми материальными аксессуарами и формальными знаниями, предоставляемыми цивилизацией, но абсолютно лишенный понимания духа, который все это оживляет, поэтому все в жизни его шокирует, кажется глупым и нелогичным. По мнению Кошена, этот образ – не выдумка, он взят из жизни, но водились эти «дикари» не в лесах Огайо, а в философских академиях и масонских ложах; это образ того человека, которого они хотели создать, парадоксальное существо, для которого средней его обитания является пустота, так же, как для других – реальный мир. Он видит все и не понимает ничего, и именно по глубине непонимания и измерялись способности среди этих «дикарей».

Представителя «малого народа», если он прошел весь путь воспитания, ожидает поистине чудесное суще-

ствование: все трудности, противоречия реальной жизни для него исчезают, он как бы освобождается от цепей жизни, все представляется ему простым и понятным. Но это имеет свою обратную сторону: он уже не может жить вне «малого народа», в мире «большого народа» он задыхается, как рыба, вытщенная из воды. Так «большой народ» становится угрозой существованию «малого народа», и начинается их борьба: лилипуты пытаются связать Гулливера. Эта борьба, по мнению Кошена, занимает годы, предшествовавшие Французской революции, и революционный период. Годы революции (1789–1794) – это пятилетие власти «малого народа» над «большим народом». Только себя «малый народ» называл народом, только свои права формулировал в «Декларациях». Этим объясняется парадоксальная ситуация, когда «победивший народ» оказался в меньшинстве, а «враги народа» – в большинстве. (Это утверждение постоянно было на языке у революционных деятелей.)

Мы сталкиваемся с мировоззрением, удивительно близким тому, которое было предметом нашего анализа в этой работе. Сюда относится взгляд на собственную историю как на сплошную дикость, грубость, неудачу – все эти «Генриады» и «Орлеанские девственницы». И стремление порвать все свои связи, даже внешние, связующие с исторической традицией: переименование городов, изменение календаря... И убеждение в том, что все разумное следует заимствовать извне, тогда – из Англии; им проникнуты, например, «Философские письма» Вольтера (называемые иногда «Письмами из Англии»). И в частности, копирование чужой политической системы – английского парламентаризма.

Мне кажется, что эта замечательная концепция применима не только к эпохе Французской революции, она проливает свет на гораздо более широкий круг

исторических явлений. По-видимому, в каждый кризисный, переломный период жизни народа возникает такой же «малый народ», все жизненные установки которого ПРОТИВОПОЛОЖНЫ мировоззрению остального народа. Для которого все то, что органически выросло в течение веков, все корни духовной жизни нации, ее религия, традиционное государственное устройство, нравственные принципы, уклад жизни – все это враждебно, представляется смешными и грязными предрасудками, требующими бескомпромиссного искоренения. Будучи отрезанным начисто от духовной связи с народом, он смотрит на него лишь как на материал, а на его обработку – как чисто ТЕХНИЧЕСКУЮ проблему, так что решение ее не ограничено никакими нравственными нормами, состраданием или жалостью. Это мировоззрение, как замечает Кошен, ярко выражено в фундаментальном символе масонского движения, игравшего такую роль в подготовке Французской революции: в образе построения Храма, где отдельные люди выступают в роли камней, механически прикладываемых друг к другу по чертежам «архитекторов».

Сейчас мы приведем несколько примеров, чтобы подтвердить нашу догадку, что здесь мы действительно имеем дело с общеисторическим явлением.

1. Обращаясь к эпохе, предшествующей той, которую изучал Кошен, мы сталкиваемся с КАЛЬВИНИЗМОМ, оказавшим в форме движения гугенотов во Франции и пуритан в Англии такое влияние на жизнь Европы XVI–XVII вв. В его идеологии, особенно у пуритан, мы легко узнаем знакомые черты «малого народа». Учение Кальвина утверждало, что еще до сотворения мира Бог предопределил одних людей к спасению, других – к вечной гибели. Никакими своими делами человек не может повлиять на это уже принятое решение.

Избраны лишь немногие: крошечная группа «святых» в греховном, страждущем и обреченном на вечные муки человечестве. Но и «святым» недоступна никакая связь с Богом, «ибо конечное никогда не может соприкоснуться с бесконечным». Их избранность проявляется лишь в том, что они становятся **орудием** Бога, и тем вернее их избранничество, чем эффективнее они действуют в сфере их мирской активности, откинув попытки понимания смысла этой деятельности.

Это поразительное учение, собственно новая религия, создавало у «святых» ощущение полной изолированности, противопоставленности остальному человечеству. Центральным их переживанием было чувство избранности, они даже в молитве благодарили Бога, что они не такие, как «остальная масса». В их мировоззрении колоссальную роль играла идея эмиграции. Отчасти из-за того, что началу движения пуритан положила группа протестантов, бежавших от преследования в период католической реакции при Марии Тюдор: в состоянии полной изоляции, оторванности от родины они, под влиянием учения Кальвина, заложили основы теологии и психологии пуританизма. Но отчасти и потому, что, даже и вернувшись в Англию, они по своим взглядам оставались эмигрантами, чужаками. Излюбленным образом их литературы был странник, беглец, пилигрим.

Узкие общины «святых» постоянно подвергались очищениям, отлучениям от общения, охватывавшим иногда большинство общин. И «обреченные», согласно взглядам пуритан, должны были быть подвергнуты дисциплине их Церкви, причем здесь вполне было допустимо принуждение. Пропасть между «святыми» и «обреченными» не оставляла места для милосердия или помощи грешнику – оставалась только ненависть к греху и его носителю. Особым предметом обличений

и ненависти пуританской литературы были крестьяне, потерявшие землю и толпами отправлявшиеся в города в поисках работы, а часто превращающиеся в бродяг. Пуритане требовали все более и более строгих законов: перевозили порку, клеймение раскаленным железом. А главное – требовали защиты «праведных» от соприкосновения с нищими бродягами. Именно из духа пуританизма в XVIII в. возникла страшная система «рабочных домов», в которых бедняки находились почти на положении каторжников.

Литература пуритан стремилась оторвать «святых» от исторических традиций (которые были традициями «людей мира»), для «святых» не имели силы все установленные обычаи, законы, национальные, династические или сословные привязанности. Это была в самом своем принципе нигилистическая идеология. И действительно, пуритане и призывали к полной переделке мира, всех существующих «законов, обычаев, статутов, ордонансов и конституций». Причем к переделке по известному им заранее плану. Призыв «строить на новом основании» подкреплялся у них знакомым уже нам образом «построения Храма», на этот раз – восстановления Иерусалимского Храма после возврата евреев из пленения.

Как утверждает Макс Вебер, реальная роль кальвинизма в экономической жизни заключалась в том, чтобы разрушить традиционную систему хозяйства. В английской революции его решающая роль состояла в том, что, опираясь на пуритан и еще более крайние секты, новому слою богачей удалось опрокинуть традиционную монархию, пользовавшуюся до того поддержкой большинства народа.

2. В эпоху, следующую за Французской революцией, можно наблюдать очень похожее явление. Так,

и 30-е и 40-е годы XIX века в Германии вся духовная жизнь находилась под влиянием философского и политического радикализма: «Молодая Германия» и «левое гегельянство». Его целью было разрушение (как тогда говорили – «беспощадная критика» или «революционирование») всех основ тогдашней немецкой жизни: христианства, философии, государства, общества. Все немецкое переименовывалось в «тевтонское» или «прусаческое» и становилось объектом поношений и насмешек. Мы встречаем знакомые читателю утверждения, что немцы лишены чувства собственного достоинства, что им свойственна ненависть ко всему чужому, что их история – цепь подлостей, что их вообще трудно считать людьми. После Гете, Шиллера, немецкого романтизма Руге писал: «Мы, немцы, так глубоко отстали, что нам еще надо создавать человеческую литературу».

Немецкий патриотизм отождествлялся с реакционностью, наоборот, преклонялись перед всем западным, особенно французским. Был в ходу термин «профранцузский антипатриотизм». Высказывались надежды, что французы опять оккупируют Германию и принесут ей свободу. Модной была эмиграция во Францию, в Париже жило 85 000 немцев.

Типичным представителем этого направления был Гейне. Предметом его постоянных злобных, часто грязных и от этого уже и не остроумных нападок было, во-первых, христианство. Например, такой художественный образ: «Некоторые духовные насекомые испускают вонь, если их раздавить. Таково христианство: этот духовный клоп был раздавлен 1800 лет назад (распятие Христа?), а до сих пор отравляет воздух нам, бедным евреям». А во-вторых, немецкий характер, культура, история: так, в конце поэмы «Германия – Зимняя сказка» он сравнивает будущее Германии со зловонием, ис-

ходящим из ночного горшка. И не потому, что он просто был такой желчный, скептический человек: Наполеона он обожал до идолопоклонства, перед всем французским преклонялся и даже называл себя «вождем французской партии в Германии».

3. В России второй половины XIX века те же черты очень отчетливо видны в либеральном и нигилистическом течении. Известный публицист-шестидесятник В. Зайцев писал о русских: **«Оставьте всякую надежду, рабство в крови их»**. Тому же Зайцеву принадлежит мысль:

«...Они хотят быть демократами, да и только, а там им все равно, что на смену аристократии и буржуазии есть только звери в человеческом образе... Народ груб, туп и вследствие этого пассивен... Поэтому благообразие требует, не смущаясь величественным пьедесталом, на который демократы возвели народ, действовать энергически против него».

Как видим, мысль Шрагина, что при деспотиях решать должно меньшинство, а «принципы демократии тесны для вмещения реальности», была высказана уже тогда. Более того, Достоевский рассказывает:

«“Этого народ не позволит”, – сказал по одному поводу, года два назад, один собеседник одному ярому западнику. “Так уничтожить народ!” – ответил западник спокойно и величаво».

Замечательно презрительное отношение к своей культуре, такое же, как у немецких радикалов 30-х годов, сочетающееся с преклонением перед культурой западной и особенно немецкой. Так, Чернышевский и Зайцев объявили Пушкина, Лермонтова и Гоголя без-

дарными писателями без собственных мыслей, а Ткачев присоединил к этому списку и Толстого. Салтыков-Щедрин, высмеивая «Могучую кучку», изобразил какого-то самородка (Мусоргского?), тыкающего пальцами в клавиши наугад, а под конец садящегося всем задом на клавиатуру. И это не исключительные примеры: таков был общий стиль.

В «Дневнике писателя» Достоевский все время полемизирует с какой-то очень определенной, четкой идеологией. И когда его читаешь, то кажется, что он имеет в виду именно ту литературу, которую мы в этой работе разбираем: так все совпадает. Тут есть и утверждение о рабской душе русского мужика, о том, что он любит розгу, что «история народа нашего есть абсурд» и как следствие – **«надобно, чтобы такой народ, как наш, не имел истории, а то, что имел под видом истории, должно быть с отвращением забыто им, все целиком»**. И цель – добиться того, что народ «застыдится своего прошлого и проклянет его. Кто проклянет свое прежнее, тот уже наш, – вот наша формула!» И принцип – что, **кроме европейской правды, «другой нет и не может быть»**. И даже утверждение, что **«в сущности, и народа-то нет, а есть и пребывает по-прежнему все та же косная масса»**, – как будто Достоевский заглянул в сочинения Померанца. И наконец, эмиграция, причина которой, согласно этой идеологии, в том, что «виноваты все те же наши русские порядки, наша неуклюжая Россия, в которой порядочному человеку до сих пор еще ничего сделать нельзя». Как современны мысли самого Достоевского:

«Неужели и тут не дадут и не позволят русскому организму развиваться национальной, своей органической силой, а непременно безлично, лакейски подражая Ев-

ропе? Да куда же девать тогда русский-то организм? Понимают ли эти господа, что такое организм?»

Страшное предположение он высказывает: что отрыв, «отщепенство» от своей страны приводит к ненависти, что эти люди **НЕНАВИДЯТ** Россию,

«так сказать, натурально, физически: за климат, за поля, за леса, за порядки, за освобождение мужика, за русскую историю, одним словом, за все, за все ненавидят».

Л. Тихомиров, прошедший путь террориста вплоть до одного из руководителей «Народной воли», а потом отошедший от этого течения, рисует в своих позднейших работах очень похожую картину. По его словам, мировоззрение тех кружков молодежи, из которых вышли террористы, имело своею основой разрыв с прошлой культурой. Прокламировалось ниспровержение всех авторитетов и следование только «своему разуму», что привело, наоборот, к господству авторитетов самых низких и примитивных. Значение материализма и антинационализма поднялось до религиозного уровня, и эпитет «отщепенец» был похвалой. Идеи этих кружков были столь ограничены, что появились молодые люди, утверждавшие, что вообще ничего не надо читать, – их прозвали «троглодитами». И действительно, они могли заимствовать в предлагавшейся им литературе только подтверждение уже заранее известных им идей. В результате развивалась душевная пустота, тоска. Было много случаев самоубийств, «чувствовали, что стоят перед тьмой». Готовы были броситься куда угодно – и бросились в террор.

«От них не жди никаких уступок ни здравому смыслу, ни человеческому чувству, ни истории. Это было

возмущение против действительной жизни во имя абсолютного идеала. Успокоиться ему нельзя, потому что если его идеал невозможен, то, стало быть, ничего на свете нет, из-за чего стоило бы жить. Он скорее истребит “все зло”, т. е. весь свет, все избличающее его химеру, чем уступит».

Такое повторение на протяжении 400 лет и в разных странах Европы столь четкого комплекса идей не может быть случайным; очевидно, мы имеем дело с каким-то очень определенным социальным явлением, возникающим всегда в устойчивой стандартной форме. Можно надеяться, что это наблюдение поможет нам разобраться в той современной проблеме, которой посвящена настоящая работа.

Последние века очень сузили диапазон тех концепций, которыми мы способны пользоваться при обсуждении исторических и социальных вопросов. Мы легко признаем роль в жизни общества экономических факторов или политических интересов, не можем не признать (хотя и с некоторым недоумением) роли межнациональных отношений, соглашаемся, на худой конец, не игнорировать роль религии – но в основном как политического фактора, например, когда религиозная рознь проявляется в гражданских войнах. На самом же деле, по-видимому, в истории действуют гораздо более мощные силы духовного характера – но мы их не способны и обсуждать, их не ухватывает наш «научный» язык. А именно от них зависит – привлекательна ли жизнь людям, может ли человек найти свое место в ней, именно они дают людям силы (или лишают их). Из взаимодействия таких духовных факторов и рождается, в частности, это загадочное явление: «малый народ».

Глава 5
**Современный вариант
«малого народа»**

Какие есть основания считать, что этот же феномен «малого народа» проявляется в нашей стране? Прежде всего, конечно, та литература, которую мы разбираем. В ней представлен весь стандартный комплекс представлений «малого народа»: вера в то, что будущее народа можно, как механизм, свободно конструировать и перестраивать; в связи с этим – презрительное отношение к истории «большого рода», вплоть до утверждения, что ее вообще не было; требование заимствовать в будущем основные формы жизни со стороны, а со своей исторической традицией порвать; разделение народа на «элиты» и «инертную массу» и твердая вера в право первой использовать вторую как материал для исторического творчества; наконец, прямое отвращение к представителям «большого народа», их психологическому складу. И эти черты выражены в современном нам «малом народе» не менее ярко, чем в его предшествующих вариантах. Например, нигде раньше не встречался такой яркий символ господства «малого народа» над «большим народом», как модель оккупации, предложенная Яновым. А тонкий образ Померанца:

*«...место интеллигенции всегда на полдороге...
Духовно все современные интеллигенты принадлежат
диаспоре. Мы всюду не совсем чужие. Мы всюду
не совсем свои», –*

прекрасно передает мироощущение «людей без корней», составляющих «малый народ».

Часто изречения из литературы современного «малого народа» настолько совпадают с мыслями их предшественников, что кажется, будто одни других цитируют. Особенно это поражает при сопоставлении современного «малого народа» с его предшественником 100–120-летней давности, сложившимся внутри либерального, нигилистического, террористского и революционного движения в нашей стране. Ведь это действительно странно: в литературе современного «малого народа» можно встретить мысли – почти цитаты из Зайцева, Чернышевского или Троцкого, хотя в то же время его представители выступают как убежденные западники-демократы, полностью отрицающие идеалы и практику «революционного века» русской истории, относя все это к традиции «русского тоталитаризма».

Так, Зайцев и Шрагин, отделенные друг от друга веком, совершенно единодушно признают, что в отношении всего народа рамки демократии *«чересчур узки»*. *«Рабство в крови их»*, – говорит Зайцев, а Померанц повторяет: *«Холуйская смесь злобы, зависти и преклонения перед властью»*.

И если вдова поэта О. Мандельштама Н. Я. Мандельштам в своих воспоминаниях, осуждая тех, кто уходит от борьбы за духовную свободу, писала: «Нельзя напиваться до бесчувствия... Нельзя собирать иконы и мариновать капусту», а Троцкий (в «Литературе и революции») называл крестьянских поэтов (Есенина, Клюева и др.) *«мужиковствующими»*, говорил, что их национализм *«примитивный и отдающий тараканами»*, то ведь в обоих случаях выражается одно и то же настроение. Когда Померанц пишет:

«Интеллигенция есть мера общественных сил – прогрессивных, реакционных. Противопоставленный

интеллигенции, весь народ сливается в реакционную массу»,

то это почти повторение (интересно, сознательное или невольное?) положения знаменитой Готской программы:

«По отношению к пролетариату все остальные классы сливаются в одну реакционную массу».

Очевидно, что здесь не только совпадение отдельных оборотов, мыслей. Ведь если отжать основное ядро литературы современного «малого народа», попытаться свести ее идеи к нескольким основным мыслям, то мы получим столь знакомую концепцию «*проклятого прошлого*», России – «*тюрьмы народов*»; утверждение, что все наши сегодняшние беды объясняются «*пережитками*», «*родимыми пятнами*» – правда, не капитализма, но «*русского мессианства*» или «*русского деспотизма*», даже «*дьявола русской тирании*». Зато «*великодержавный шовинизм*» как главная опасность – это буквально сохранено, будто заимствовано литературой «малого народа» из докладов Сталина и Зиновьева.

Вот еще одно конкретное подтверждение. Шрагин заявляет, что он не согласен, будто сознание нашего народа покалечено обработкой, цель которой была – заставить стыдиться своей истории, забыть о ее существовании, когда Россия представлялась «*жандармом Европы*» и «*тюрьмой народов*», а история ее сводилась к тому, что «ее непрерывно били»¹. Время, когда это делалось, всеми забыто, говорит он. «Попробовал бы кто-нибудь протащить через современную советскую

¹ Хотя, казалось бы, какой это жандарм, если его только и делают, что бьют? Видимо, здесь сказалось желание уязвить Россию сразу двумя аргументами, хотя и противоречащими друг другу.

цензуру эти слова – “жандарм Европы”, отнеся их хотя бы к русскому прошлому».

Но сам на той же странице пишет:

«Была ли Россия “жандармом Европы”? – А разве нет? Была ли она “тюрьмой народов” – у кого достанет совести это отрицать? Били ли ее непрерывно за отсталость и шапкозакидательство? – Факт».

Значит, «время, когда это делалось», – совсем не забыто, прежде всего самим Шрагиным. Сменился только солист – перед нами как бы хорошо отрепетированный оркестр, в котором мелодия, развиваясь, переходит от одного инструмента к другому. А в то же время нам-то рисуют картину двух антагонистов, двух путей, друг друга принципиально исключаящих. И предоставляется нам только выбор между этими двумя путями – ибо третьего, как нас уверяют, – нет. Опять та же, хорошо знакомая ситуация!

Никогда, ни при каком воплощении «малого народа» такая полная убежденность в своей способности и праве определять жизнь «большого народа» не останавливалась на чисто литературном уровне. Так, Амальрик уже сравнивает теперешнюю эмиграцию с «эмиграцией надежды», предшествующей 1917 г. И конечно, можно не сомневаться, что в случае любого кризиса они будут опять здесь в роли идейных вождей, муками изгнания выстрадавших свое право на руководство. Недаром так упорно поддерживается легенда, что все они были «высланы» или «выдворены», – хоть и долго обивали пороги ОВИРа, добиваясь своей визы.

Другое указание на наличие некоторого слоя, проникнутого элитарными, кружковыми чувствами, не стремящегося войти в контакт с основными социальными

ми слоями населения, даже отталкивающегося от них, можно, мне кажется, извлечь из наблюдения над нашей общественной жизнью, из различных выступлений, заявлений и т. д. Я имею в виду ту их удивительную черту, что уж очень часто они направлены на проблемы МЕНЬШИНСТВА. Так, вопрос о свободе выезда за границу, актуальный разве что для сотен тысяч человек, вызвал невероятный накал страстей¹. В национальной области судьба крымских татар вызывает куда больше внимания, чем судьба украинцев, а судьба украинцев – больше, чем русских. Если сообщается о притеснениях верующих, то говорится гораздо больше о представителях сравнительно малочисленных религиозных течений (адвентистов, иеговистов, пятидесятников), чем православных или мусульман. Если говорится о положении заключенных, то почти исключительно политзаключенных, хотя они составляют вряд ли больше 1% общего числа. Можно подумать, что положение меньшинства реально тяжелее. Это совершенно неверно: проблемы большинства народа никак не менее острые, но, конечно, ими надо интересоваться; если их игнорировать, то их как бы и не будет. И пожалуй, самый разительный пример – заявление, сделанное несколько лет назад иностранным корреспондентам, что детям интеллигенции препятствуют получать высшее образование (было передано по нескольким радиостанциям). В то время как для детей интеллигенции, особенно в крупных городах, возможность поступления в высшую школу, наоборот, больше, чем для остальных из-за внушенной в семье установки, что высшее образование необходимо получить, из-за большей культурности семьи, компенсаци-

¹ А ведь широко дискутируются и более изысканные проблемы: право на свободный выбор месяца эмиграции (на три месяца раньше или позже), право на свободный выбор вызова (по американскому или израильскому вызову эмигрировать?).

рующей недостаточный уровень средней школы, из-за возможности нанять репетиторов. Каким позором было бы такое заявление в глазах интеллигенции прошлого века, считавшей себя в долгу перед народом! Теперь же задача – вырывать своим детям места **за счет народа**.

Еще один знак, указывающий в том же направлении, – это «культ эмиграции». То внимание, которое уделяется свободе эмиграции, объявление права на эмиграцию «первым среди равных» прав человека – невозможно объяснить просто тем, что протестующие хотят сами уехать, в некоторых случаях это не так. Тут эмиграция воспринимается как некий принцип, жизненная философия. Прежде всего как демонстрация того, что *«в этой стране порядочному человеку жить невозможно»*. Но и более того, как *модель* отношения к здешней жизни, безгливости, изоляции и отрыва от нее. (Еще Достоевский по поводу Герцена заметил, что существуют люди, так и родившиеся эмигрантами, способные прожить так всю жизнь, даже никогда и не выехав за границу.) Насколько эта тема деликатная и болезненная, показывают следующие два примера.

1. На одной пресс-конференции была высказана мысль, что эмиграция все же не подвиг, а уезжают люди, порвавшие духовные связи со своей родиной, которые поэтому уже вряд ли способны внести большой вклад в ее культуру. Опровержения и протесты так и посыпались в западной и эмигрантской печати, по радио... Один живущий здесь писатель написал громадную статью в известную французскую газету «Монд», в которой, в частности, утверждал, что *«отрыв от родины»* – всегда подвиг и что *«мы(?), оставшиеся, благословили уехавших»*.

2. Выходящий в Париже на русском языке журнал «Континент» в своем первом номере, где предлагается

программа журнала и прокламируется его намерение говорить от имени «Континента Восточной Европы», публикует статью одного из его организаторов и влиятельного члена редколлегии, А. Синявского¹ (под псевдонимом Абрам Терц). *«Сейчас на повестке дня третья эмиграция»*, – пишет автор. Понимает он ее широко. *«Но все бегут и бегут»* – не только люди, например, она совпадает с тем, что *«уходят и уходят из России рукописи»*. А кончается статья картиной:

«Когда мы уезжали, а мы делали это под сурдинку, вместе с евреями, я видел, как на дощатом полу грузовика подпрыгивают книги по направлению к таможене. Книги прыгали в связке, как лягушки, и мелькали названия: “Поэты Возрождения”, “Салтыков-Щедрин”. К тому времени я от себя уже все отряс. Но они прыгали и прыгали (...). Книги тоже уезжали...»

Я только радовался, глядя на пачки коричневых книжек, что вместе со мной, поджав ушки, уезжает сам Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин.

Мы уезжали навсегда. Все было кончено и забыто. ...Даль была открыта нашим приключениям. А книги прыгали. И сам, собственной персоной, поджав ушки, улепетывал Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин.»

Это какой-то гимн эмиграции, апофеоз бегства: сам автор *«все от себя отряс»*, для него *«все было кончено и забыто»*, но этого мало – бегут не только люди, но и рукописи, книги и даже *«улепетывают»* великие русские писатели – Русская Литература.

¹ А. Д. Синявский в 60-е годы опубликовал на Западе под псевдонимом Абрам Терц несколько рассказов и повестей. Был судим и осужден на 5 лет. Отбыв 4 года, был амнистирован и эмигрировал. В Париже был одним из организаторов журнала «Континент». Опубликовал несколько книг, из которых «Прогулки с Пушкиным» имели успех скандала (типичная рецензия: «Прогулки хама с Пушкиным»). Сейчас издает в Париже журнал «Синтаксис».

И ту же психологию «малого народа» мы все время можем наблюдать в нашей жизни. Популярные певцы, знаменитые рассказчики – из магнитофонов, телевизоров, с подмостков эстрады – вдалбливают в головы образ русского – алкоголика, подонка, «скота с человеческим лицом». В модном театре с репутацией либеральности идет пьеса из русского прошлого. Понижающая публика тонко переглядывается: «как смело, как остро подмечено, как намекает на современность, действительно – в этой стране всегда так было и быть иначе не может». В кино мы видим фильмы, в которых наше прошлое представляется то беспросветным мраком и ужасом, то балаганом и опереткой. Да и на каждом шагу можно натолкнуться на эту идеологию. Например, в таком стихе, в четырех строках излагающем целую концепцию революции:

Как жаль, что Марксово наследство
Попало в русскую купель,
Где цель оправдывает средства,
А средства обо...ли цель.

Или в забавном анекдоте о том, как два червя – новорожденный и его мама – вылезли из навозной кучи на белый свет. Новорожденному так понравилась трава, солнце, что он говорит: «Мама, зачем же мы копошимся в навозе? Поползем туда!» – «Тсс, отвечает мама, – ведь это наша Родина!» Сами такие анекдоты не рождаются, кто-то и зачем-то их придумывает!

Изложенные выше аргументы приводят к выводу:

Литературное течение, рассматриваемое в этой работе, является проявлением идеологии «малого народа», отражением его войны с «большим народом».

Такая точка зрения объясняет все те черты этой литературы, которые мы отмечали на протяжении нашей работы: антипатию к России («большому народу»), Русской истории; раздражение, которое вызывает любая попытка взглянуть на жизнь с русской национальной точки зрения; настойчивое требование идейно порвать с нашим прошлым и конструировать будущее, не обращаясь к своему историческому опыту. Здесь оказывается особенно уместным образ Кошена: лилипуты ползут на связанного Гулливера, осыпают его отравленными стрелами...

Этот вывод порождает, однако, сразу же другой вопрос: из кого состоит этот «малый народ», в каких слоях нашего общества он обитает? В настоящем параграфе мы проделаем только подготовительную работу, рассмотрев термины, которыми пользуются сами идеологи «малого народа», когда они говорят о социальных слоях, с которыми себя отождествляют. Таких терминов, хоть сколько-нибудь конкретных, употребляется два: «интеллигенция» и «диссидентское движение».

Безусловно, авторы рассматривавшихся нами работ являются людьми «пишущими» и поэтому относятся к интеллигенции в любом понимании этого слова. Точно так же те, к кому они обращаются, – это читатели Самиздата или люди, способные доставать выходящие на Западе русские журналы, и, вероятно, также принадлежат к интеллигенции. Поэтому правдоподобно, что наш «малый народ» составляет какую-то часть интеллигенции. Однако отождествлять его со всем сословием «образованных людей», например «лиц с высшим образованием», – нет никакого основания. Жизненные взгляды миллионов учителей, врачей, инженеров, агрономов и т. д. совершенно иные. Но, к сожалению, мы унаследовали еще от XIX в. дурную привычку рассма-

тривать интеллигенцию только как единое целое. Примером такого глобального суждения была концепция «интеллигенции, противопоставившей себя народу». Если это суждение принимать точно, то от интеллигенции надо бы отчислить славянофилов, Достоевского, Соловьева, Мусоргского (да и почти всю русскую музыку), Менделеева (который из-за своих националистических, консервативных убеждений даже не был избран академиком). А ведь они для кого-то писали, имели своих читателей и слушателей – не окажется ли, что большинство интеллигенции к ней не принадлежит? В русской публицистике к интеллигенции часто применяли термин «орден» (П. Анненский, Ф. Степун, Н. Зернова). Например, Анненский писал:

«Интеллигенция представляет собой как бы воюющий орден, который не имеет никакого письменного устава, но знает всех своих членов, рассеянных по нашей земле, и который по какому-то соглашению всегда стоял поперек всего течения современной жизни».

Очень странно было бы применять этот образ к земским врачам, учителям гимназии или инженерам. Не естественно ли предположить, что авторы имели в виду некоторый очень специфический круг внутри образованной части общества, весьма напоминающий «малый народ»? Интересно посмотреть, как этот вопрос трактуется в известном сборнике «Вехи», имеющем подзаголовок «Сборник статей о русской интеллигенции». П. Струве оговаривается, что он имеет в виду не всю интеллигенцию, но определенную ее часть, которой свойственно *«безрелигиозное отщепенство от государства»* – черта, очень подходящая к характеристике «малого народа». Бердяев в начале статьи

упоминает, что он имеет в виду *«кружковую интеллигенцию»* и даже предполагает для нее новый термин: *«интеллигентщина»*. Он говорит: *«Странная группа людей, чуждая органическим слоям русского общества»*. Характеристика Гершензона: *«Сонмище больных, изолированных в своей стране»*. Франк называет интеллигента *«воинствующим монахом нигилистической религии безбожья»*, интеллигенция – *«кучка чуждых миру и презирающих мир монахов»*.

Сборник «Вехи» вызвал бурную реакцию либеральной части интеллигенции. Как ответ появился сборник «Интеллигенция в России», в котором участвовали видные представители этого направления: Ковалевский, Милуков, Туган-Барановский и др. Как же толкуют термин «интеллигенция» они? Милуков считает *«интеллигенцию»* **ядром** *«образованного класса»*, «ей принадлежит инициатива и творчество». Характеризуя ее, он пишет: *«Русская интеллигенция почти с самого своего возникновения была антиправительственна»,* у нее *«сложился свой патриотизм государства в государстве, особого лагеря, окруженного врагами»*. Он отмечает «эмигрантское настроение» интеллигенции. Овсяннико-Куликовский пишет об интеллигенте-разночинце: *«Он относится с величайшим отвращением к историческим формам русской жизни, среди которой он чувствует себя решительным отщепенцем»*.

Казалось бы, эти черты выделяют какой-то очень узкий, специфический слой или течение. Но иногда авторы совершенно определенно относят их ко всему «образованному обществу». Вопрос «кто же это – интеллигенция?» как-то обходится, на него нет определенной точки зрения. Видно, что авторы сборников имели перед собой очень трудный для определения

социальный феномен. Они смутно чувствовали его уникальность, но даже не поставили задачи о его более точной характеристике. Дальше исчезло и это чувство: укоренилось аморфное, нерасчлененное понятие «интеллигенции», очень искаженно отражающее сложную жизненную ситуацию. Этот штамп, к сожалению, сохранился, дожил до наших дней и мешает правильно оценить нашу действительность. В частности, надо признать, что термин «интеллигенция» дает совершенно неверную интерпретацию интересующему нас «малому народу». Но следует помнить, что термин этот тем не менее в литературе *самого* «малого народа» широко используется, и, встречаясь в анализируемой литературе с термином «интеллигенция», мы можем понимать его как «малый народ».

Шрагин и Янов (и, кажется, только они) пользуются иногда термином «диссиденты» для обозначения того течения, с которым они себя отождествляют. Термин этот еще менее определенный, чем «интеллигенция». И пущен-то он в обиход иностранными корреспондентами, в нашей жизни очень мало разбирающимися. Но при любом его понимании как раз ни Янова, ни Шрагина диссидентами не назовешь: пока они жили здесь, они были типичными «работниками идеологического сектора». Также не являются диссидентами четыре анонимных (и до сих пор не проявившихся) автора в № 97 «Вестника РСХД» и тем более Р. Пайпс.

Другие термины, которые применяет, например, Померанц: «элита», «избранный народ» – еще более расплывчаты. Так что, как мне представляется, та терминология, которой пользуются сами идеологи «малого народа», не дает возможности этот «народ» скольконибудь точно локализовать. Мы должны искать какие-то другие пути для решения этой задачи.

Глава 6 Национальный аспект

Направление, в котором надо это решение искать, может указать одна очень ярко заметная особенность разбираемой литературы – ее насыщенность национальными и прежде всего **противорусскими** эмоциями. Авторы, по-видимому выступая как объективные исследователи, ищущие истину мыслители – историки, философы или социологи, часто не выдерживают своей линии и срываются в чисто эмоциональные выпады не только против русской истории, но и против русских вообще. Быть может, читатель уже отметил эту особенность приведенных выше цитат («вселенская русская спесь», «отсутствие чувства собственного достоинства у русских», «холуйская смесь злобы и зависти», «архитипическая российская психологическая предрасположенность к единогласному послушанию», «российская душа упивалась жестокостью власти»). Вот еще несколько образцов, которые можно было бы объединить заголовком ОНИ О НАС:

«Россией привнесено в мир больше Зла, чем какой-либо другой страной» (N.N.).

«Вековой смрад запустения на месте святом, рядившийся в мессианское “избранничество”, многовековая гордыня “русской идеи”» (он же).

«“Народ” оказался мнимой величиной, пригодной сегодня лишь для мифотворчества» («Горский»).

«Собственная национальная культура совершенно чужда русскому народу» (он же).

«...Византийские и татарские недоделки» (о русских допетровских времен) (Померанц).

«[На Руси] христианские глубины практически всегда переплетаются с безднами нравственной мерзости» (он же).

«Страна, которая в течение веков пучится и расплывается, как кислое тесто, и не видит перед собой других задач» (Амальрик).

«Страна без веры, без традиций, без культуры» (он же).

«А что самим русским в этой тюрьме сквернее всех, так это логично и справедливо» (Шрагин).

«[В дореволюционной России] “трудящиеся массы” пропитаны приобретательским духом худшего буржуазного пошиба в сочетании с нравственным цинизмом и политической реакционностью» (Пайпс).

«...Исполнение мечты о “порядке” и “Хозяине”, которая уже сейчас волнует народное сознание» (Янов).

«...Традиционная преданность народа “Хозяину”» (Янов).

«[Перемешивание населения в СССР хорошо тем, что] “у русофилов выбивают почву из-под ног”. Предлагается отказаться от слов “Россия”, “русский народ”, заменив их “советский народ, советские люди” и т. д.» (Белоцерковский)¹.

Вообще в литературе этого направления из всех народов претензии предъявляются только русскому. Например, «национализм» без всяких оговорок подразумевается только русский (см. хотя бы сборник цитат «Спектр неонационализма» в «Демократических альтернативах»). И при этом Плющ еще заявляет: «Ненормальным мне кажется подсчитывать, кто на сколько процентов сделал пакостей русским за тысячу лет», – это в сборнике «Демократические альтернати-

¹ В. Белоцерковский – недавний эмигрант, участник сборника «Демократические альтернативы» и автор публицистических работ. Живет в ФРГ, возбуждал против нескольких других публицистов процессы по обвинению в антисемитизме (в ФРГ есть соответствующий закон), но не выиграл их.

вы», где подобные «подсчеты» и упреки адресованы только русским»!

Чтобы не создавалось впечатления, будто здесь какую-то особую роль играет *слово*, приведем два примера, где те же чувства передаются средствами *живописи*.

1. На обложке журнала «Третья волна» (1979, № 6), издаваемого А. Глезером, напечатана репродукция картины художника Влад. Овчинникова: избушка и мужичок изображены на фоне кладбища, покрытого крестами. Картина называется: СОБАЧЬЕ КЛАДБИЩЕ.

2. В роскошно изданном каталоге выставки под названием «Современная русская живопись» репродуцирована картина Александра Злотника «Тяжелое небо». На картине какое-то существо без головы, стоя, раздвинув ноги, рождает чудище с тремя собачьими головами. Из первого существа течет моча, целое озеро мочи, рождающее реку, которая втекает в качестве ночного горшка – в храм Василия Блаженного.

Особую брезгливость вызывают у этих авторов крестьяне. Мы уже упоминали мнение Р. Пайпса о пословицах русских крестьян, смысл которых, по его мнению, *«примитивно прост: заботиться только о себе и не думать о других»*. Об их религии Меерсон-Аксенов¹ говорит:

«...Магизм и суеверие крестьянского православия».

(И это пишет человек, рукоположенный в сан православного священника!)

¹ М. Г. Меерсон-Аксенов – по образованию историк. Опубликовал в Самиздате и на Западе (частично под псевдонимами) несколько работ. Эмигрировал и окончил в США семинарию. Рукоположен в сан священника Американской Православной Церкви.

Суждения Померанца таковы:

«Мужик не может возродиться иначе как оперный. Крестьянские нации суть голодные нации, а нации, в которых крестьянство исчезло (так!), – это нации, в которых исчез голод.

Крестьяне несовершенны в религии, как и в агрономии». А. Амальрик пишет:

«И если язык наиболее полное выражение народного духа, то кто же более русский – “арапчонок” Пушкин и “жиденек” Мандельштам или мужик, который у пивной, размазывая соплю по небритым щекам, мычит: “Я... русский!”»¹

Этот список можно было бы продолжать и продолжать...² Чувства, которые движут авторами, трудно иначе характеризовать как РУСОФОБИЮ (причем вполне подходят оба смысла, вкладываемые в термин «фобия» – страх и ненависть). А ненависть к одной нации, скорее всего, связана с обостренным переживанием своей принадлежности к другой. Не делает ли это правдоподобным, что авторы находятся под действием какой-то мощной силы, коренящейся в их национальных чувствах? Я предлагаю принять этот тезис как рабочую гипотезу и посмотреть, не может ли она понять все явление.

¹ Прошу извинения за пропуск в цитате, но как-то не выписывается грязное ругательство, употребленное автором.

² Именно этими эмоциями, а не элементарной неграмотностью следует, вероятно, объяснить те грубые логические и фактические ошибки, на которые мы обратили внимание в гл. 2. Неправдоподобно, например, чтобы Янов полагал, будто Белинский – «классик славянофильства». Скорее всего, это проявление брезгливого отталкивания, когда и славянофилы, и западники одинаково омерзительны.

Если, приняв эту «рабочую гипотезу», спросить, ЧЬИ ЖЕ национальные чувства здесь проявляются? — то для человека, знающего жизнь нашей страны, ответ, думаю, не вызовет сомнений. Есть только одна нация, о заботах которой мы слышим чуть ли не ежедневно. Еврейские национальные эмоции лихорадят и нашу страну, и весь мир: влияют на переговоры о разоружении, торговые договоры и международные связи ученых, вызывают демонстрации и сидячие забастовки и всплывают чуть ли не в каждом разговоре. «Еврейский вопрос» приобрел непонятную власть над умами, заслонил проблемы украинцев, эстонцев, армян или крымских татар. А уж существование «русского вопроса», по-видимому, вообще не признается.

То, что рассматриваемые нами авторы часто находятся под влиянием сильных еврейских национальных чувств, подтверждается многими чертами этой литературы. Например, тем, какое место занимают в ней вопросы, волнующие сейчас еврейское националистическое движение: проблема отъезда и страх антисемитизма — они всплывают почти в каждой работе. Еще более универсальным и характерным является другой признак. Рассматриваемые работы могли бы создать впечатление, что их авторам чужд и даже антипатичен национальный аспект жизни вообще. Но вот что поражает: хотя авторы в большинстве являются евреями, они НИКОГДА не пытаются примерить и своему народу и ЕГО государству те упреки, которые они адресуют русским в России. Например, почти все авторы обвиняют русских в «мессианстве», в гордыне «избранничества». Есть ли у русских такие черты и насколько сильно они проявились, вопрос спорный. Но ведь «мессия» — не русское слово! Бердяев говорил, что любой мессианизм есть лишь подражание еврейскому. Именно

у евреев представление о себе как «избранном народе» и ожидание Мессии составляет несомненную основу их религии, а религия – основу государства Израиль – и ни один из авторов в ЭТОМ не видит ничего болезненного или неестественного.

Ярче всего эти стороны выступают в работах Янова (что Янов еврей, подчеркивает Бреслауер в предисловии к одной из его книг, считая это очень важной чертой для характеристики Янова). Он очень искренне описывает свою растерянность и недоумение, когда в 60-е годы в СССР «наступили новые и странные времена»: вместо того чтобы отдыхать в санаториях Крыма и Кавказа, интеллигенты начали бродить по деревням, собирая иконы и даже выражая беспокойство по поводу того, что крестьянское население исчезает! Как он стремился убедить всех «честных и мыслящих людей», что, склоняясь к русскому национализму, они вступают на опасный и темный путь. Но, по-видимому, ему не казалось странным, что его соплеменники в то же самое время отправлялись не в близкую деревню, а в далекую тропическую страну – не в отпуск, а навсегда, – и притягивали их не иконы, которым молились еще их отцы и деды, а храм, разрушенный почти 2000 лет назад! Или вот, Янов описывает русскую националистическую группу, провозгласившую в своей программе неприкосновенность свободы личности, свободу всех методов распространения истины, демонстраций и собраний и т. д. Тем не менее Янов считает, что это – начало пути, который неизбежно приведет к деспотизму, – только потому, что они говорили о духовном возрождении и русском пути, употребляя выражение «Великая Россия», и предлагали обеспечить особую роль Православия в будущей России. Но ведь все эти черты и не в виде мечтаний 30 молодых людей, а в реальности – можно

наблюдать в государстве Израиль! Считает ли Янов, что оно неизбежно пойдет по пути деспотизма? Однако Израиль упоминается в его книгах лишь однажды – и как пример демократического государства. Янов полагает, что традиционный образ мышления русских заключается в том, чтобы по любому поводу спрашивать: «кто в этом виноват?», попытаться свалить вину на других, в «презумпции национальной невиновности». (Заключение не безусловно убедительно – часто ведь отмечается и склонность к *покаянию*, типичная для русских, сказавшаяся в типах «кающегося дворянина» и «кающегося интеллигента», в помощи русских польскому восстанию 1863 г. и т. д.). С другой стороны, в его книгах и статьях исключительно большую роль играет концепция «антисемитизма». Но ведь содержание этой концепции и выражается лучше всего его термином: «презумпции национальной невиновности», вопросом «кто виноват?» в злоключениях евреев и ответом «все остальные, от жителей древней Элефантины или античной Александрии до современных русских». И Янов не видит здесь никаких параллелей!

Некоторые аргументы таковы, что они вообще имеют смысл, только если обращены к людям тех же взглядов, смотрящих на все вопросы с точки зрения еврейского национализма. Так, Янов приводит в качестве документа, который должен показать отрицательные черты русского национализма, письмо, распространявшееся среди аппарата одной западной радиостанции. Автор письма утверждает, что большинство аппарата русской редакции – евреи, проводящие русофобскую политику. (Янов заимствует эти данные из статьи Белоцерковского – того самого, который хотел «*выбить почву из-под ног русофилов*». О содержании этой статьи он ничего не сообщает.) Но что предосудительного мо-

жет в этом увидеть беспристрастный читатель? Сам Янов считает главным злом – внесение в политику моральных оценок, демократами он признает только тех, кто борется за свои права «в экономической и политической сферах». Вот русские и борются за свои права в русской же редакции! Ведь недавний упрек еврейской «Лиги борьбы с диффамацией», что процент евреев, занятых в американском банковском бизнесе, недостаточно высок, не вызвал возмущения! С негодованием Янов отмечает, что автор не останавливается перед тем, чтобы «исследовать кровь (то есть расовое происхождение)», по-видимому, считая, что говорить об этом недопустимо. (Хотя почему бы? В «открытом обществе», сила которого, как нас уверяют, в том, что все обсуждается, ничто не замалчивается?) Но тут же Янов доказывает, что и он может делать то же самое, только лучше, поправляя автора: двое из указанных им как евреи таковыми не являются.

Лишь предположение о националистически-еврейской подоплеке может объяснить загадку опубликования статьи Янова о славянофилах – в Тель-Авиве! Увы, славянофилами и в Москве-то мало кто интересуется, кому до них дело в Тель-Авиве? Но с предлагаемой точки зрения ситуация становится понятной. Автор хочет сказать: «Не доверяйте свободолобивому, духовному облику, который имеет русское национальное движение! В конце концов оно приведет к вредным для нас результатам. Так было раньше, так будет всегда». И действительно, мотив «антисемитизма» возникает на последней странице статьи.

Наконец, и у самих идеологов «малого народа» нередко заявления, которые, если воспользоваться известным нам переводом: «интеллигенция» – «малый народ», приобретают смысл прокламирования особой,

центральной роли, которую играет в современном нам «малом народе» его еврейское ядро. Так, Н. Я. Мандельштам (вдова поэта) пишет:

«Евреи и полукровки сегодняшнего дня – это вновь зародившаяся интеллигенция».

«Все судьбы в наш век многогранны, и мне приходит в голову, что всякий настоящий интеллигент всегда немного еврей...»

Мысль, по-видимому, не случайная, так как мы встречаем ее у других авторов. Например, Борис Хазанов (псевдоним, автор сообщает, что живет здесь) говорит:

«Такова ситуация русского еврейства, какой она мне представляется. Я не вижу противоречия между моей “кровью” и тем, что я говорю по-русски; между тем, что я иудей, и тем, что я русский интеллигент. Напротив, я нахожу это сочетание естественным. Я убеждаюсь, что быть русским интеллигентом сейчас неизбежно значит быть евреем».

Автор не принимает эмиграции как выхода (по крайней мере для себя). Тем не менее он заявляет:

«...Я торжественно ставлю крест на теории ассимиляции, на философии ассимиляционизма... Я принимаю как нечто законное то, что я чужой здесь, и в этом состоит мое освобождение... Я не осознаю себя блудным сыном, которому пора вернуться под отчий кров, мой кров всегда со мной, где бы я ни скитался, мне нет надобности осознавать себя евреем, я и так еврей с головы до кончиков ногтей. Вы скажете: а почва? Как можно жить, имея под ногами бездну? Но удел русских евреев – ступать по воде».

Заявляя, что он не собирается уезжать, автор говорит:

«Патриотизм в русском понимании слова мне чужд. Та Россия, которую я люблю, есть платоновская идея, в природе ее не существует. Россия, которую я вижу вокруг себя, мне отвратительна»¹.

Вместе с тем автор берется указать некоторую миссию, особую роль русского еврейства (или по крайней мере какой-то его части):

«Заменяв вакуум, образовавшийся после исчезновения (!) русской интеллигенции, евреи сами стали этой интеллигенцией. При этом, однако, они остались евреями. Поэтому им дано переживать ситуацию изнутри и одновременно видеть ее со стороны. Русские люди этого преимущества лишены – что они неоднократно доказывали».

Также и Шрагин подчеркивает национальную окраску своего понимания интеллигенции («малого народа»):

«Национальный склад русского интеллигента имеет мало общего с национальным складом крестьянина, рабочего или бюрократа». «Еще Гершензон заметил, что русский интеллигент даже антропологически иной тип, чем человек из народа».

Да и Янов, излагая свой проект духовной оккупации и преобразования России «западным интеллектуальным сообществом», не забывает добавить, что для осуществления этого грандиозного плана понадобится «Новый Барух или Маршалл» (еврейская фа-

¹ Это не пустые слова – его книга пропитана отвращением к России и русским, выплескивающимся почти на каждой странице.

милия Маршалл происходит от слова «маршалик» — шут в гетто).

Особенно поучительной представляется мне мысль, высказанная Померанцем:

«Даже Израиль я хотел бы видеть не чисто еврейским государством, а убежищем для каждого “перемещенного лица”, для каждого человека, потерявшего родину, центром вселенской международной диаспоры (которая растет и ширится). Если у еврейского народа, после трех тысяч лет истории, есть некоторая роль, то скорее в этом, а не в том, чтобы просто выжить и быть как все».

Интересно было бы понять, что это за «перемещенные лица»? Вероятно, образ этот применяется не буквально, например, это не арабские беженцы из Палестины. Скорее, здесь подразумеваются лица, утратившие почву по аналогии с «потерявшими родину». Образ Израиля как столицы или Ватикана, объединяющего международную диаспору людей «без корней», утративших почву и родину, вполне соответствует концепции «малого народа», в нашу эпоху находящегося под доминирующим влиянием одного из течений еврейского национализма.

Очевидно, еврейские национальные чувства являются одной из основных сил, движущих сейчас «малый народ». Так, может быть, мы имеем дело с чисто национальным течением? Кажется, что это не так — дело обстоит сложнее. Психология «малого народа», когда кристально ясная концепция снимает с человека бремя выбора, личной ответственности перед «большим народом» и дает сладкое чувство принадлежности к элите, такая психология не связана непосредственно ни

с какой социальной или национальной группой. Однако «малый народ» «воплощается»: использует определенную группу или слой, в данный момент имеющий тенденцию к духовной самоизоляции, противопоставлению себя «большому народу». Это может быть религиозная группа (в Англии – пуритане), социальная (во Франции – 3-е сословие), национальная (определенное течение еврейского национализма – у нас). Но как во Франции в революции играли видную роль и дворяне, так и у нас можно встретить русских или украинцев среди ведущих публицистов «малого народа». В подобной открытости и состоит сила этой психологии: иначе все движение замыкалось бы в узком кругу и не могло бы оказать такого влияния на весь народ.

По-видимому, в жизни «малого народа», обитающего сейчас в нашей стране, еврейское влияние играет исключительно большую роль: судя по тому, насколько вся литература «малого народа» пропитана точками зрения еврейского национализма, естественно думать, что именно из националистически настроенных евреев состоит то центральное ядро, вокруг которого кристаллизуется этот слой. Их роль можно сравнить с ролью фермента, ускоряющего и направляющего процесс формирования «малого народа». Однако сама категория «малого народа» шире: он существовал бы и без этого влияния, хотя активность его и роль в жизни страны была бы, вероятно, гораздо меньше.

Глава 7 Больной вопрос

Но если принять, что обостренный русофобский характер литературы «малого народа» объясняется

влиянием каких-то еврейских националистических течений, то все же остается вопрос: почему некое течение еврейского национализма может быть проникнуто таким раздражением, чтобы не сказать – ненавистью к России, русской истории и вообще русским? Ответ будет очевидным, если обратить внимание на ту проблему, с которой так или иначе соприкасается почти каждое произведение русофобской литературы: КАКОЕ ВЛИЯНИЕ НА СУДЬБУ ЭТОЙ СТРАНЫ ОКАЗАЛ БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ПРИЛИВ ЕВРЕЙСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИЛ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ — КАК РАЗ В ЭПОХУ ВЕЛИЧАЙШЕГО КРИЗИСА В ЕЕ ИСТОРИИ? Вопрос этот должен быть очень болезненным для еврейского националистического сознания. Действительно, вряд ли был в Истории другой случай, когда на жизнь какой-либо страны выходцы из еврейской части ее населения оказали бы такое громадное влияние. Поэтому при любом обсуждении роли евреев в любой стране опыт России очень долго будет одним из основных аргументов. И прежде всего в нашей стране, где мы еще долго обречены распутывать узелки, затянутые в ту эпоху. С другой стороны, этот вопрос становится все более актуальным во всем мире, особенно в Америке, где как раз теперь «лобби» еврейского национализма достигло такого необъяснимого влияния: когда в основных вопросах политики (например, отношения с СССР или нефтедобывающими странами) на решения влияют интересы численно небольшой группы населения или когда конгрессмены и сенаторы упрекают президента в том, что его действия могут ослабить государство Израиль, – и президент, вместо того чтобы напомнить им, что они должны руководствоваться американскими, а не израильскими интересами, извиняется и доказывает, что

никакого урона Израиль не понесет¹. В такой ситуации естественно может возникнуть желание познакомиться с тем, к каким последствиям подобное же влияние привело в судьбе другой страны.

Эта проблема никогда еще, насколько мне известно, не поднималась русской стороной (здесь, а не в эмиграции). Но другую сторону она явно беспокоит и все время всплывает в литературе «малого народа» и в произведениях новейшей эмиграции. Проблема часто хоть и называется, но либо формулируется так, что нелепость, неуместность самого вопроса становится совершенно очевидной, либо тут же закрывается при помощи первого попавшегося аргумента. Например, *«революцию делали не одни евреи»*, утверждает один аноним NN, блистательно опровергая взгляд, что *«революцию делали одни евреи»* (который, впрочем, никаким разумным человеком и не мог быть высказан). Другой автор в «Континенте» признает участие евреев в революции на 14 % (!) – *«вот за эти 14 % и будем отвечать!»* Вот еще пример: пьеса *«Утомленное солнце»* (вообще замечательная клокочущей ненавистью к русским), напечатанная в издающемся на русском языке в Тель-Авиве журнале. Автор – Нина Воронель, недавний эмигрант из СССР (может быть, пьеса здесь и писалась?). В пьесе трус и негодяй Астров спорит с чистым, принципиальным Веней. Астров кричит: *«...ответственности вы не несете, но устраиваете»*.

¹ Вот один из бесчисленных примеров. В передаче от 29 апреля 1979 г. «Голос Америки» начал сводку последних известий с сообщения о том, что четыре еврея, осужденные в СССР за попытку угона самолета и теперь амнистированные, прибыли в Израиль. «Их освобождение рассматривается как попытка Москвы добиться расширения советско-американской торговли». Все уже так приучены, что никому не надо объяснять, какое же отношение имеет освобождение четырех еврейских террористов к советско-американской торговле? И никого не удивляет, что госдепартамент организует пресс-конференции террористам, что их принимают высшие официальные лица США, они выступают в английском парламенте.

те нам революции, отменяете нашего бога, разрушаете церкви». – «Да чего вы стоите, если вам можно революцию устраивать!» – парирует Веня. Многие авторы отвергают мысль о сильном еврейском влиянии на русскую историю как оскорбительную для русского народа, хотя это единственный пункт, в котором они готовы проявить к русским такую деликатность. В недавней работе Померанц так и кружит над этим «проклятым вопросом». То он спрашивает, были ли евреи, участвующие в революционном движении, на самом деле евреями – и признает вопрос неразрешимым:

«А кто такой Врангель? (то есть немец ли?), Троцкий? Это зависит от ваших политических взглядов, читатель». То открывает универсальную закономерность русской жизни – что в ней всегда ведущую роль играли нерусские. *«Даже в романах русских писателей какие фамилии носят деловые, энергичные люди? Костанжогло, Инсаров, Штольц... Тут уже заранее было приготовлено место для Левинсона».* Ставится даже такой «мысленный эксперимент»: если бы опричника Федьку Басманова перенести в наш век и сделать наркомом железнодорожного транспорта, то у него, утверждает автор, поезда непременно сходили бы с рельсов, а вот *«у мерзавца Кагановича поезда ходили по расписанию (как раньше у Клейнмихеля)»* – хотя должен был бы автор помнить тот первозданный хаос, который царил на железных дорогах, когда ими распоряжался «железный нарком»! И наконец намекает, что если и было что-то там, ну... не совсем гуманное, то в этом виноваты сами русские, такая у них страна: *«Блюмкин, спьяну составляющий список на расстрел, немислим в Израиле: нет ни пьянства, ни расстрелов».* (За исключением разве расстрелов арабских крестьян, как в деревне Дейр-Ясин? – *И. Ш.*) Последнее рассуждение сквозит под-

текстом и во всей русофобской литературе: если что и было, во всем виноваты сами русские, у них жестокость в крови, такова вся их история. Именно этот лейтмотив и придает такой яркий антирусский оттенок идеологии современного нам «малого народа», именно потому возникает необходимость снова и снова доказывать жестокость и варварство русских.

Впрочем, в такой реакции нет ничего специфически еврейского: в прошлом каждого человека и каждого народа есть эпизоды, о которых вспоминать не хочется, куда легче внушить себе, что вспоминать не о чем. По-человечески удивляться надо скорее тому, что были честные и мужественные попытки разобраться в том, что произошло. Такой попыткой был сборник «Россия и евреи», изданный в Берлине в 1923 г. Были и другие подобные попытки. Они вселяют надежду, что отношения между народами могли бы определяться не эгоизмом и взаимной ненавистью, а раскаянием и доброжелательностью. Они приводят к важному вопросу: нужно ли нам размышлять о роли евреев в нашей истории, неужели не достаточно у нас своих грехов, ошибок и проблем? Не плодотворнее ли путь раскаяния каждого народа в своих ошибках? Безусловно, это высшая точка зрения, и от сознания своих исторических грехов не уйти никуда, как это ни трудно, особенно перед лицом злобных и недобросовестных нападок, подобных тем, которые мы в большом числе приводили. Но совершенно очевидно, что человечество далеко еще не созрело для того, чтобы ограничиваться лишь этим путем. Если перед нами болезненная проблема, от понимания которой зависит, быть может, судьба нашего народа, то чувство национального самосохранения не допускает, чтобы мы от нее отворачивались, запрещали о ней себе думать в надежде, что другие за нас ее

разрешат. Тем более что надежда эта очень хрупкая. Ведь и те попытки анализа взаимоотношений евреев с другими народами, о которых мы говорили, скольконибудь широкого отклика не вызвали. Авторы сборника «Россия и евреи» очень ярко описывают враждебное отношение, которое они встретили в эмигрантской еврейской среде, о них писали: «...отбросы еврейской общественности...». И также дело обстоит и сейчас, например, А. Суконик, напечатавший в «Континенте» рассказ, где выведен несимпатичный еврей, немедленно был обвинен в «антисемитизме».

Да всем этим можно было бы еще пренебречь, если бы речь шла о судьбах каждого из нас индивидуально, но ведь ответственны же мы и перед своим народом, так что, как эта проблема ни болезненна, уклониться от нее невозможно.

А обсуждать ее нелегко. Жизнь в стране, где сталкивается столько национальностей и национальные чувства обострены до предела, вырабатывает, часто даже неосознанную, привычку осторожно обходить национальные проблемы, не делать их предметом обсуждения. Чтобы высказаться по этому вопросу, надо преодолеть некоторое внутреннее сопротивление. Однако выбор уже сделан – теми авторами, взгляды и высказывания которых мы привели. Нельзя же в самом деле предположить, чтобы один народ, особенности его истории, национального характера и религиозных взглядов – обсуждался (часто, как мы видели, крайне злобно и бесцеремонно), а обсуждение других было бы недопустимо.

Но здесь нам монолитной глыбой перегораживает путь глубоко укорененный, внушенный запрет, делающий почти безнадежной всякую попытку разобраться в этом вопросе. Он заключается в том, что всякая мысль,

будто когда-нибудь или где-нибудь действия каких-то евреев принесли вред другим народам, да даже всякое объективное исследование, не исключаящее с самого начала возможность такого вывода, – объявляется реакционным, неинтеллигентным, нечистоплотным.

Взаимоотношения между любыми нациями: немцами и французами, англичанами и ирландцами или персами и курдами – можно свободно обсуждать и объективно указывать на случаи, когда одна сторона пострадала от другой. Можно говорить об эгоистической позиции дворянства, о погоне буржуазии за прибылями или о закоренелом консерватизме крестьянства. Но по отношению к евреям подобные суждения, независимо от того, оправданы они или нет, с этой точки зрения – в принципе запрещены. Такой, нигде явно не высказанный и не записанный запрет строго соблюдается всем современным цивилизованным человечеством, и это тем больше бросается в глаза, чем более свободным, «открытым» претендует быть общество, а разительнее всего – в Соединенных Штатах.

Яркий пример обнаженного применения этого положения – в недавней статье Померанца. В одной статье он обнаруживает фразу: «Аппарат ЧК избил латышами, поляками, евреями, мадьярами, китайцами» – и по этому поводу пишет:

*«Он перечисляет, безо всякого лицепрития, латышей, поляков, евреев, мадьяр и китайцев. **Опасное** слово засунуто посредине так, чтобы его и выдернуть нельзя было для цитирования».*

Слово «опасное» выделено мною. Очень хотелось бы понять, как Померанц объясняет, что опасно именно это, «засунутое в середину» слово, а не то, напри-

мер, которое стоит в конце, хотя китайцев в мире раз в пятьдесят больше, чем евреев. И никак уж не опасно было ему назвать русских «недоделками» и «холуями». Очень характерно, что Померанц отнюдь не оспаривает самого факта, он даже иронизирует над осторожностью автора:

«Однако позвольте, разве евреи действительно играли третьестепенную роль в русской революции! Поменьше поляков, побольше мадьяр! Современники смотрели на эти вещи иначе...»

Он просто предупреждает, что автор подходит к границе, переступать которую – недопустимо.

И в этом Померанц прав – «слово» действительно опасное! На каждого осмелившегося нарушить вышесказанный запрет обрушивается обвинение в «антисемитизме». Откровенный Янов этим грозит особенно неприкрыто. Упоминая о «националистах», он говорит:

«...возразят они мне, что антисемитизм – атомная бомба в арсенале их оппонентов. Но если так, то почему бы не лишить своих оппонентов их главного оружия, публично отрекшись...»

Это «главное оружие» неуточненных Яновым «противников национализма» действительно является «оружием устрашения», сравнимым с атомной бомбой. Недаром в наше время опасную тему обходят самые принципиальные мыслители, здесь умолкают самые смелые люди.

Что же представляет собой эта «атомная бомба»? Всем известно, что антисемитизм грязен, некультурен, что это позор XX века (как, впрочем, и всех других ве-

ков). Его объясняли дикостью, неразвитостью капиталистических отношений, или, наоборот, – загниванием капитализма, или еще – завистью менее талантливых наций к более талантливой. Бебель считал его особой разновидностью социализма: «социализмом дураков», Сталин – «пережитками каннибализма», Фрейд объяснял антипатией, вызываемой обрезанными у необрезанных (у которых обрезание подсознательно ассоциируется с неприятной идеей кастрации). Другие считали его пережитком маркионитской ереси, осужденной во II веке Церковью, или хулой на Богоматерь. Но никто никогда не разъяснил то, с чего, казалось бы, надо было начать, – что это такое, антисемитизм, что подразумевается под этим словом? По сути-то речь идет о том самом запрете: не допустить даже как предположение, что действия каких-то еврейских групп, течений, личностей могли иметь отрицательные последствия для других. Но так открыто его формулировать, конечно, нельзя. Поэтому и напрасно добиваться ответа, его дано не будет, ибо тут и заключается взрывная мощь этой атомной бомбы: в том, что вопрос уводится из сферы разума в область эмоций и внушений. Мы имеем дело с символом, знаком, функция которого – мобилизовать иррациональные эмоции, вызвать по сигналу прилив раздражения, возмущения и ненависти. Такие символы или штампы, являющиеся сигналом для спонтанной реакции, – хорошо известный элемент управления массовым сознанием.

И применяют обычно штамп «антисемитизма» именно как средство воздействия на эмоции, сознательно игнорируя логику, стремясь увести от всякого с ней соприкосновения. Яркие примеры можно встретить у автора, вообще весьма озабоченного этой темой, А. Синявского. В уже цитированной нами статье в № 1 журнала «Континент» он пишет:

«Здесь уместно сказать несколько слов в защиту антисемитизма в России. То есть: что хорошее скрыто в психологическом смысле в русском недружелюбии (выразиться так – помягче) к евреям».

И разъясняет, что сколько бы бед русский человек ни натворил, он просто не в силах постичь, что все это получилось от его же собственных действий, и валит грех на каких-то «вредителей» – в частности на евреев. Но дальше, подымаясь до пафоса, автор по поводу еврейской эмиграции (до которой, конечно, евреев довели русские) восклицает: *«Россия – Мать, Россия – сука, ты ответишь и за это очередное, вскормленное тобою и выброшенное на помойку (?) дитя».*

Видите, автор даже берет русских под защиту, старается, сколько возможно, извинить их антисемитизм, найти в нем что-то и «хорошее», ибо ведь они не ведают, что творят, а в более современной терминологии – невменяемы (хотя... все же ответит и за это, и за что-то еще...). И уж от такого защитника читатель принимает на веру, без единого доказательства, утверждение о том, что «недружелюбие» русских к евреям как нации действительно существует, и не задумывается, всегда ли евреи «дружелюбны» к русским?

В каком другом вопросе такой трюк сошел бы с рук? А тут эти мысли признаются столь важными, что в английском переводе сообщаются американскому читателю.

В более поздней статье того же автора приводится несколько высказываний «писателя Н. Н.» вроде того, что еврейские погромы были и при Мономахе или что сейчас в Московской организации Союза писателей евреев – 80 %. Не пытаюсь ни оценить правильность этой цифры, ни то, какое влияние подобное положение

вещей могло бы оказать на развитие русской литературы, автор утверждает, что Н. Н. призывает *«приступить к погромам, опоясавшись Мономахом»*, и даже что *«мы имеем дело... с православным фашизмом»*. Видно, что цель – увести читателя с неудобной для автора почвы фактов и размышлений. Вместо этого внушается образ русских – почти невменяемых недоумков, а любые неприятные высказывания перекрашивают под призывы к погрому. В русофобской литературе мы встречали такие уверенные обвинения русских в отсутствии уважения к чужому мнению! Авторы так часто прокламировали «плюрализм», и «толерантность», что мы, казалось бы, могли рассчитывать встретить эти черты у них самих. Однако когда они сталкиваются с болезненными для них вопросами, то не только не проявляют терпимости и уважения к чужому мнению, но без обиняков объявляют своих оппонентов фашистами и чуть ли не убийцами. А ведь как раз в трудных, болезненных ситуациях только и проверяются и «плюрализм», и «толерантность». Если пытаться на этой модели понять, что же подразумевают авторы под свободой мысли и слова, то ведь может показаться, что они понимают ее как свободу **своей** мысли и свободу слова лишь для ее **выражения!**

Более рационально, аргументировано тот же запрет высказывается в такой форме: неоправданно любое суждение о целом народе, этим отрицается автономность человеческой индивидуальности, одни люди становятся ответственными за действия других. Но приняв такую точку зрения, мы должны бы вообще отказаться от применения в истории общих категорий: сословие, класс, нация, государство. Впрочем, подобных возражений почему-то не вызывают ни такие мысли, что *«Россией привнесено в мир больше зла, чем любой другой*

страной», ни раздающиеся в последнее время в США требования (еврейских авторов) больше освещать вклад (разумеется, положительный) евреев в американскую культуру (тоже ведь суждение о целой нации!).

Главное же, никакого отрицания индивидуальности здесь не происходит. Мы, например, привели выше аргументы в пользу того, что разбираемая нами русофобская литература находится под сильным влиянием еврейских националистических чувств. Но ведь не все же евреи принимают в этой литературе участие! Есть и такие, которые против нее возражают (некоторых из них мы называли выше). Так что здесь вполне остается свобода проявления своей индивидуальности и ни на кого не возлагается ответственность за действия, им не совершенные.

Раз уж мы произнесли слово «ответственность», то позволим себе еще одно разъяснение. В этой работе мы вообще отказываемся от всяких «оценочных суждений», от постановки вопроса «кто виноват?» (и насколько). Дальше мы попытаемся лишь понять: что же происходило? Как отразилась на истории нашей страны та роль, которую некоторые слои еврейства играли в течение «революционного века» – от середины XIX до середины XX века?

Глава 8

Еврейское влияние в «революционный век»

В конце XIX века устойчивая, замкнутая жизнь религиозных общин, объединяющих почти всех живших в России евреев, стала быстро распадаться. Молодежь покидала религиозные школы и патриархальный кров

и вливалась в русскую жизнь – экономику, культуру, политику, – все больше влияя на нее. К началу XX века это влияние достигло такого масштаба, что стало весомым фактором русской истории. Если оно было велико и в экономике, то особенно бросалось в глаза во всех течениях, враждебных тогдашнему жизненному укладу. В либерально-обличительной прессе, в левых партиях и террористических группах евреи, как по их числу, так и по их руководящей роли, занимали положение, совершенно несопоставимое с их численной долей в населении.

«...Факт безусловный, который надлежит объяснить, но бессмысленно и бесцельно отрицать», – писали об этом объективные еврейские наблюдатели (цитированный выше сборник «Россия и евреи»).

Естественно, что весь процесс особенно обострился, когда разразилась революция. В том же сборнике читаем:

«Теперь еврей – во всех углах, на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе армии, совершеннейшего механизма самоистребления. Он видит, что проспект св. Владимира носит славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск – в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьей, и палачом...»

Тем не менее мысль, что *«революцию делали одни евреи»*, бессмыслица, выдуманная, вероятно, лишь затем, чтобы ее было проще опровергнуть. Более того, я не вижу

никаких аргументов в пользу того, что евреи вообще «сделали» русскую революцию, то есть были ее инициаторами, хотя бы в виде руководящего меньшинства.

Если начинать историю революции с Бакунина, Герцена и Чернышевского, то в их окружении не было никаких евреев, а Бакунин вообще относился к евреям с антипатией. Когда возникли первые революционные прокламации («К молодой России» и др.), в период «хождения в народ» и когда после его неудачи произошел поворот к террору, евреи в революционном движении были редким исключением. В самом конце 70-х годов в руководстве «Народной воли» было несколько евреев (Гольденберг, Дейч, Зунделевич, Геся Гельфман), что после убийства Александра II привело к взрывам народного возмущения, направленного против евреев. Но как слабо было влияние евреев в руководстве организации, показывает то, что «Листок “Народной воли”» ОДОБРИЛ эти беспорядки, объяснив их возмущением народа против евреев-эксплуататоров. К концу 80-х годов положение несколько изменилось. Согласно сводке, составленной Министерством внутренних дел, среди известных ему политических эмигрантов евреи составляли немного более трети – 51 из 145. Только после создания партии эсеров евреи образовали прочное большинство в руководстве этого движения. Вот, например, краткая история Боевой организации эсеров: ее создал и ею с 1901 по 1903 год руководил Гершуни, с 1903 по 1906 – Азев¹, с 1906 по 1907 – Зильберберг. После этого во главе встал Никитенко, но через два месяца был арестован, а в 1908 году она была распущена (когда выяснилась роль Азева). Обильный материал в этом отношении дают донесения Азева, позже опубликованные. В одном из них он перечисляет членов

¹ Кажется, его фамилию надо произносить Азев, а не Азеф.

заграничного комитета: Гоц, Чернов, Шишко, супруги Левиты, жена Гоца, Миноры, Гуревич и жена Чернова, а в другом – «узкий круг руководителей партии»: Мендель, Виттенберг, Левин, Левит и Азев.

Аналогичную эволюцию мы видим и в социал-демократии. Идея, что не крестьяне, а рабочие могут стать главной революционной силой, была высказана применительно к России не евреями, а Якубовичем и особенно Плехановым, который начал пересадку марксизма на русскую почву. В социал-демократии сначала гораздо больше евреев было среди меньшевиков, чем среди большевиков (в заметке о V съезде РСДРП Сталин писал, что в меньшевистской фракции подавляющее большинство составляли евреи, а в большевистской – русские, и приводил известную «шутку», что неплохо бы устроить в русской социал-демократии небольшой еврейский погром), к большевикам еврейские силы стали приливать только перед самым октябрьским переворотом и особенно вслед за ним – от меньшевиков, из Бунда (многие руководители Бунда перешли в большевистскую партию), из беспартийных. После переворота несколько дней главой государства был Каменев, потом до своей смерти – Свердлов. Во главе армии стоял Троцкий, во главе Петрограда – Зиновьев, Москвы – Каменев, Коминтерн возглавлял Зиновьев, Профинтерн – А. Лозовский (Соломон Дризо), во главе комсомола стоял Оскар Рывкин, вначале – несколько месяцев – Ефим Цетлин и т. д.

Положение в 30-е годы можно представить себе, например, по спискам, приведенным в книге Дикого. Если в самом верховном руководстве число еврейских имен уменьшается, то в инстанциях ниже влияние расширяется, уходит вглубь. В ответственных наркоматах (ОГПУ, иностранных дел, тяжелой промышлен-

ности), в руководящей верхушке (наркомы, их заместители, члены коллегии) евреи занимали доминирующее положение, составляли заведомо больше половины. В некоторых же областях руководство почти сплошь состояло из евреев.

Но это все лишь количественные оценки. Каков же был *характер того влияния*, которое оказало на ту эпоху столь значительная роль радикального еврейства? Бросается в глаза особенно большая концентрация еврейских имен в самые болезненные моменты среди руководителей и исполнителей акций, которые особенно резко перекраивали жизнь, способствовали разрыву исторических традиций, разрушению исторических корней.

Например, из большинства мемуаров времен гражданской войны возникает странная картина: когда упоминаются деятели ЧК, поразительно часто всплывают еврейские фамилии – идет ли речь о Киеве, Харькове, Петрограде, Вятке или Туркестане. И это в то время, когда евреи составляли всего 1–2 % населения Советской России! Так, Шульгин приводит список сотрудников Киевской ЧК: в нем почти исключительно еврейские фамилии. И рассказывает о таком примере ее деятельности: в Киеве до революции был «Союз русских националистов» – его членов расстреливали по спискам.

Особенно же ярко эта черта выступает в связи с расстрелом Николая II и его семьи. Ведь речь шла не об устранении претендентом на престол своего предшественника – вроде убийства Петра III или Павла I. Николай II был расстрелян именно **как царь**, этим ритуальным актом подводилась черта под многовековой эпохой русской истории, так что сравнивать это можно лишь с казнью Карла I в Англии или Людовика XVI во Франции. Казалось бы, от такого болезненного, остав-

ляющего след во всей истории действия представители незначительного этнического меньшинства должны были бы держаться как можно дальше. А какие имена мы встречаем? Лично руководил расстрелом и стрелял в царя Яков Юровский, председателем местного Совета был Белобородов (Вайсбарт), а общее руководство в Екатеринбурге осуществлял Шая Голощекин. Картина дополняется тем, что на стене комнаты, где происходил расстрел, было обнаружено написанное (по-немецки) двестише из стихотворения Гейне о царе Валтасаре, оскорбившем Иегову и убитым за это¹.

Или вот другая эпоха: состав верхушки ОГПУ в период раскулачивания и Беломорканала, в переломный момент нашей истории, когда решалась судьба крестьянства (он приведен в книге одного английского исследователя, вовсе не желающего подчеркнуть национальный аспект): председатель Ягода (Игуда), заместители – Агранов, Трилиссер, позже Фриновский; начальник оперотдела – Залович, позже Паукер; начальник ГУЛАГа – Матвей Берман, потом Френкель; политотдела – Ляшков; хозяйственный отдел – Мирнов; спецотдел – Гай, иностранный отдел – начальник Слуцкий, заместитель – Борис Берман и Шпилгельглас; транспортный отдел – Шанин. А когда Ягodu сменил Ежов, его заместителями были Берман и Фриновский.

Или, наконец, уничтожение Православной Церкви: в 20-е годы им руководил Троцкий (при ближайшем помощнике Шпицберге), а в 30-е – Емельян Ярославский (Миней Израилевич Губельман). Тот период, когда кампания приняла уже грандиозный размах, освещается в самиздатском письме покойного украин-

¹ Довольно откровенной попыткой затемнить именно этот аспект екатеринбургской трагедии является недавняя книга двух английских журналистов. Но по другому поводу мы узнаем из нее, что на стенах дома, где произошел расстрел царской семьи, были обнаружены надписи на идиш!

ского академика Белецкого. Он, например, приводит список основных авторов атеистической (то есть почти исключительно антиправославной) литературы: Емельян Ярославский (Губельман), Румянцев (Шнайдер), Кандидов (Фридман), Захаров (Эдельштейн), Ранович, Шахнович, Скворцов-Степанов, а в более позднее время – Ленцман и Менкман.

Самая же роковая черта всего этого века, которую можно отнести за счет все увеличивающегося еврейского влияния, заключалась в том, что часто либеральная, западническая или интернационалистическая фразеология прикрывала антинациональные тенденции. (Конечно, вовлеченными в это оказались и многие русские, украинцы, грузины.) Тут – кардинальное отличие от Французской революции, в которой евреи не играли никакой роли. Там «патриот» был термином, обозначающим революционера, у нас – контрреволюционера, его можно было встретить и в смертном приговоре: расстрелян как заговорщик, монархист и патриот.

И в России эта черта появилась не сразу. В мышлении Бакунина были какие-то национальные элементы, он мечтал о федерации анархически-свободных славянских народов. Та приманка, которая заманивала большинство молодежи в революцию, была любовь и сострадание к народу, то есть тогда – к крестьянству. Но рано началась и обратная тенденция. Так, Л. Тихомиров рассказывает о В. А. Зайцеве (мы уже цитировали его в главе 4, например, что *«рабство в крови русских»*): *«Еврей, интеллигентный революционер, он с какой-то бешеной злобой ненавидел Россию и буквально проклинал ее, так что противно было читать. Он писал, например: “сгинь, проклятая”*». О Плеханове Тихомиров пишет, что он “носил в груди неистребимый русский патриотизм”. И вот, вернувшись после

февральской революции в Россию, он обнаружил, что его бывшее влияние испарилось. У Плеханова просто не повернулся бы язык воскликнуть, как Троцкий: *«Будь проклят патриотизм!»*

Это «антипатриотическое» настроение господствовало в 20-е и 30-е годы, Зиновьев призывал тогда *«подсекать головку нашего русского шовинизма», «каленным железом прижечь всюду, где есть хотя бы намек на великодержавный шовинизм»*; Яковлев (Эпштейн) сетовал, что *«через аппарат проникает подлый великодержавный русский шовинизм»*. Что же понималось под «великодержавным шовинизмом» и что означала борьба с ним? Бухарин разъяснял: *«...мы в качестве бывшей великодержавной нации должны (...) поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям»*. Он требовал поставить русских *«в положение более низкое по сравнению с другими...»*. Сталин же раз за разом, начиная с X съезда и кончая XVI, декларировал, что «великодержавный шовинизм» является главной опасностью в области национальной политики. Тогда термин «РУСОПЯТ» был вполне официальным, его можно было встретить во многих речах тогдашних деятелей. «Антипатриотическое» настроение пропитало и литературу. Безыменский мечтал:

О, скоро ли рукою жесткой
Расеюшку с пути столкнут?!

Эта тема варьировалась до бесконечности:

Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?
Что же! Вечная память тебе.

(Александровский)

Или:

Я предлагаю
Минина расплавить,
Пожарского.
Зачем им пьедестал?
Довольно нам
Двух лавочников славить,
Их за прилавками
Октябрь застал.
Случайно им
Мы не свернули шею,
Я знаю, это было бы под стать,
Подумаешь,
Они спасли Расею!
А может, лучше было б не спасать?
(Джек Алтаузен)

Занятие русской историей включало в себя как обязательную часть выливание помоев на всех, кто играл какую-то роль в судьбах России, – даже за счет противоречия с убеждениями самих исследователей: ибо был ли, например, Петр Великий сифилитиком или гомосексуалистом, это ведь не оказывало никакого влияния на «торговый капитал», «выразителем интересов которого он являлся». Через литературу и школу это настроение проникло и в души нынешних поколений – и вот, например, Л. Плющ называет Кутузова «реакционным деятелем»!

Здесь уместно рассмотреть часто выдвигаемое возражение: евреи, принимавшие участие в этом течении, принадлежали к еврейству лишь по крови, но по духу они были интернационалистами; то, что они были евреями, никак не влияло на их деятельность. Но ведь Сталина, например, те же авторы объявляют «продолжателем политики русского царизма», хотя в своих речах он неус-

танно обличал «великодержавный шовинизм». Если они не верят на слово Сталину, то почему же верят Троцкому и считают его чистым интернационалистом? Именно эту точку зрения имеет, конечно, в виду Померанц, когда пишет, что если считать Троцкого евреем, то Врангеля надо считать немцем. Кем же они в действительности были? *«Этот вопрос кажется мне неразрешимым»*, – говорит Померанц. В то же время, по крайней мере в отношении Троцкого, положение не представляется столь безнадежным. Например, в одной из его биографий читаем:

«Судя по всему, рационалистический подход к еврейскому вопросу, которого требовал от него исповедуемый им марксизм, никак не выражал его подлинных чувств. Кажется даже, он был “одержим” по-своему этим вопросом; он писал о нем чуть ли не больше, чем любой другой революционер».

Как раз сравнение с Врангелем поучительно: заместителем Троцкого был Эфраим Склянский, а Врангеля – генерал Шатилов, отнюдь не немец. И неизвестно признаков какой-либо особой симпатии к Врангелю, стремления его реабилитировать со стороны немецких публицистов, в то время как с Троцким дело обстоит не так: например, тот же Померанц сравнивает трудармии Троцкого с современной посылкой студентов на картошку! Тогда как сам Троцкий пользовался совсем другим сравнением – с крепостным правом, которое он объявлял вполне прогрессивным для своего времени. Или В. Гроссман в романе «Все течет», развенчивая и Сталина, и Ленина, пишет: «блестящий», «бурный, великолепный», «почти гениальный Троцкий»¹.

¹ В. С. Гроссман – советский писатель и публицист, вместе с Эренбургом и Заславским был руководящим пропагандистом сталинского времени. Одновременно, втайне, написал несколько книг, которые были опубликованы после его смерти, в одной из них, «Все течет», он, сурово развенчивая Ста-

Не только этот пример Померанца неудачен, но можно привести много примеров того, что как либеральные, так и революционные деятели еврейского происхождения находились под воздействием мощных националистических чувств. (Конечно, из этого не следует, что так было со всеми.) Например, Винавер – один из самых влиятельных руководителей конституционно-демократической («кадетской») партии, после революции превратился в активнейшего сиониста. Или возьмем момент, когда создавалась партия эсеров. В воспоминаниях один из руководящих деятелей того времени (позже – один из вождей Французской компартии) Шарль Раппопорт пишет:

«Хаим Житловский, который вместе со мной основал в Берне “Союз русских социалистов-революционеров”, из которого выросла в дальнейшем партия эсеров...¹ Этот пламенный и искренний патриот убеждал меня дружески: будь кем хочешь – социалистом, коммунистом, анархистом и так далее, но в первую очередь будь евреем, работай среди евреев, еврейская интеллигенция должна принадлежать еврейскому народу».

Взгляды самого Раппопорта таковы:

«Еврейский народ – носитель всех великих идей единства и человеческой общности в истории... Ис-

лина и Ленина, очень сочувственно отзываясь о Троцком (оттуда и взяты приведенные выше цитаты), в той же книге он утверждает, что вся русская история – это история рабства, что русская душа – тысячелетняя раба, извратившая занесенные с Запада свободолюбивые идеи (хотя в своей официальной публицистике военного времени он говорил совсем другим языком: в русской душе он видел «неистребимую, неистовую силу», «железную аввакумовскую силу, которую нельзя ни согнуть, ни сломить» и т. д.). Таким образом, В. Гроссмана можно рассматривать как предшественника того течения, которое является предметом рассмотрения настоящей работы.

¹ Автор несколько преувеличивает: партия эсеров образовалась из слияния нескольких организаций, в числе которых был и вышеупомянутый Союз.

чезновение еврейского народа будет обозначать гибель человечества, окончательное превращение человека в дикого зверя».

Очень трудно представить себе, чтобы деятельность таких политиков (в качестве ли кадетов, эсеров или французских коммунистов) не отражала их национальных чувств. Следы этого можно действительно увидеть, например, в истории партии эсеров. Так, два самых знаменитых террористических акта, потребовавших наибольшего напряжения сил Боевой организации, были направлены против Плеве и Великого князя Сергея Александровича, которых молва обвиняла в антисемитизме. (Плеве считался ответственным за Кишиневский погром; ходила даже легенда, что он хотел выселить евреев в гетто; Вел. кн. Сергей Александрович, будучи московским генерал-губернатором, восстановил некоторые ограничения на проживание евреев в Московской губернии, отмененные раньше.) Зубатов вспоминал, что в разговоре с ним Азев «трясся от злобы и ненависти, говоря о Плеве, которого он считал ответственным за Кишиневский погром»¹.

О том же свидетельствует и Ратаев. Один из руководителей партии эсеров – Слетов – рассказывает в своих воспоминаниях, как реагировали вожди партии в Женеве на весть об убийстве Плеве:

«Несколько минут стояло столпотворение. Некоторые мужчины и женщины впали в истерику. Большинство присутствующих обнимались. Со всех сторон раздава-

¹ В судьбе Азева вообще много загадочного. Почему после разоблачения он не был убит, в то время как партия казнила за гораздо меньшие проступки, только попытки предательства (например, Гапона)? Считалось, что он скрывается, но Бурцев нашел его и взял у него интервью! Азев умер своей смертью в 1918 г. Трудно придумать иное объяснение, чем то, что руководство партии знало о его сотрудничестве с властями и санкционировало это на определенных условиях.

лись крики радости. Я, как сейчас, вижу Н., стоявшего немного в стороне: он разбил стакан с водой об пол, заскрежетал зубами и вскричал: “Это за Кишинев!”»

Вот другой пример. Советский историк М. Н. Покровский рассказывает:

«...Я знал, что еще в 1907 году кадетская газета “Новь” в Москве субсидировалась некоторого рода синдикатом еврейской буржуазии, которая больше всего заботилась о национальной стороне дела и, находя, что газета недостаточно защищает интересы евреев, приходила к нашему большевистскому публицисту М. Г. Лунцу и предлагала ему стать редактором газеты. Он был крайне изумлен, говоря: “Как же – ведь газета кадетская, а я большевик”. Ему говорят: “Это все равно. Мы думаем, что ваше отношение к национальному вопросу более четко”».

Мысль, что политический переворот может быть инструментом для достижения национальных целей, не чужда еврейскому сознанию. Так, Витте рассказывает, что, когда он в 1905 г. вел в Америке переговоры о заключении мирного договора с Японией, к нему пришла «делегация еврейских тузов», в том числе Яков Шифф, «глава еврейского финансового мира в Америке». Их волновал вопрос о положении евреев в России. Слова Витте, что «предоставление сразу равноправия принесет больше вреда, чем пользы», «вызвали со стороны Шиффа резкое возражение». Шульгин приводит, со ссылкой на первоисточник, версию одного из еврейских участников этой встречи о том, в чем заключалось «возражение» Шиффа. По его словам, Шифф сказал:

«...в таком случае революция воздвигнет республику, при помощи которой права будут получены».

В качестве продолжения этой истории можно привести другую, имевшую место в 1911–1912 гг. В эти годы в Америке разыгралась бурная кампания протеста против того, что, согласно тогдашним русским законам, въезд американских евреев в Россию был ограничен. Требовали разрыва русско-американского торгового договора 1832 г. (Договор и был расторгнут, совершенно так же, как в наши дни торговый договор не был подписан из-за того, что был ограничен выезд евреев из СССР в США.) Выступая на митинге, министр продовольствия Герман Леб (вышеупомянутый Шифф был главным директором банка Кун, Леб и К^о) сказал, что расторжение договора – это хорошо, но еще лучше – переправить в Россию контрабандой оружие и послать сотню инструкторов:

«Пусть они обучат наших ребят, пусть научат их убивать угнетателей, как собак. Трусливая Россия вынуждена была уступить маленьким японцам. Она уступит и Избранному Богом Народу... Деньги помогут нам добиться этого».

Таких примеров можно привести гораздо больше. Они недостаточны, конечно, для того, чтобы понять, как именно влияли национальные чувства на политических деятелей-евреев, но показывают, что такое влияние во многих случаях несомненно существовало.

Глава 9 Прошлое и настоящее

Почему случилось так, что именно выходцы из еврейской среды оказались ядром того «малого наро-

да», которому выпала роковая роль в кризисную эпоху нашей истории? Мы не будем пытаться вскрыть глубинный смысл этого явления. Вероятно, основы – религиозные, связанные с верой в «избранный народ» и в предназначенную ему власть над миром. Какой другой народ воспитывался из поколения в поколение на таких заветах?

«...Введет тебя Господь, Бог твой, в ту землю, которую Он клялся отцам твоим, Аврааму, Исааку и Иакову, дать тебе с большими и хорошими городами, которых ты не строил, и с домами, наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, и с колодезьями, высеченными из камня, которых ты не высекал, с виноградниками и маслинами, которых ты не сажил...» (Втор 6:10–11)

«Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их – служить тебе; ибо во гневе Моём Я поражал тебя, но в благоволении Моему буду милостив к тебе. И будут всегда отверсты врата твои, не будут затворяться ни днем ни ночью, чтобы приносило к тебе достояние народов и приводимы были цари их. Ибо народ и царства, которые не захотят служить тебе, – погибнут, и такие народы совершенно истребятся». (Ис 60:10–12)

«И придут иноземцы и будут пасти стада ваши; и сыновья чужестранцев будут вашими земледельцами и вашими виноградарями». (Ис 61:5)

«И будут цари питателями твоими, и царицы их кормилицами твоими; лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих...» (Ис 49:23)

У кого можно встретить подобные чувства?

«О прочих же народах, происшедших от Адама, Ты сказал, что они ничто, но подобны слюне, и все мно-

жество их Ты уподобил каплям, каплющим из сосуда». (3 Езд 6:56)

«Если для нас создан век сей, то почему не получаем мы наследия с веком? И доколе это?» (3 Езд 6:59)¹

Именно это мировоззрение «избранного народа» явилось прототипом идеологии «малого народа» во всех его исторических воплощениях (что особенно ясно видно на примере пуритан, пользовавшихся даже той же терминологией, – из новейших авторов ею пользуется Померанц).

Однако здесь я укажу только на самую очевидную причину – почти двухтысячелетнюю изоляцию и подозрительное, враждебное отношение к окружающему миру. Конечно, встает также вопрос о причинах и смысле этой изоляции. Например, такой тщательный и объективный исследователь, как Макс Вебер, считает, что изоляция еврейства была не вынужденной, а добровольно избранной, задолго до разрушения Храма. В этом с ним соглашается и советский историк С. Лурье в работе «Антисемитизм в древнем мире». Он полагает, что в эпоху, предшествующую разрушению Храма, большинство евреев уже жило в диаспоре, а Иудея играла роль культового и национального центра (очевидно, несколько напоминая современное государство Израиль).

Но чтобы не углубляться в эту цепь загадок, мы примем за данное ее конечное звено – рассеяние и изоляцию. Двадцать веков было прожито среди чужих народов в полной изоляции ото всех влияний внешнего

¹ Третья книга Ездры не входит в еврейский канон: она относится к течению еврейской апокалиптики. Считается, что начало и конец есть вставки христианского переписчика, а центральная часть (откуда взяты цитаты) воспроизводит первоначальный иудейский материал (см., напр., «Библейский словарь» Дж. Гастингса).

мира, воспринимаемого как «трефа», источник заразы и греха. Хорошо известны высказывания Талмуда и комментариев к нему, в которых с разных точек зрения разъясняется, что иноверца (акума) нельзя рассматривать как человека: по этой причине не следует бояться осквернить их могилы; в случае смерти слуги-акума не следует обращаться с утешением к его господину, но выразить надежду, что Бог возместит его убыток – как в случае падежа скота; по той же причине брак с акумом не имеет силы, его семя – все равно что семя скота, акумы – это животные с человеческими лицами и т. д. и т. п. Тысячи лет каждый год в праздник Пурим праздновалось умерщвление евреями 75 000 их врагов, включая женщин и детей, как это описано в книге Эсфири. И празднуется до сих пор – в Израиле по этому поводу происходит веселый карнавал! Для сравнения представим себе, что католики ежегодно праздновали бы ночь св. Варфоломея!

Сошлюсь, наконец, на источник, который уж никак нельзя заподозрить во враждебности к евреям: известный сионист, друг и душеприказчик Кафки, Макс Брод, в своей книге о Рейхлине сообщает об известной ему еврейской молитве против иноверцев с призывами к Богу лишить их надежды, разметать, низринуть, истребить в одно мгновение и «в наши дни». Можно представить себе, какой неизгладимый след должно было оставить в душе такое воспитание, начинавшееся с детства, и жизнь, прожитая по таким канонам, и так из поколения в поколение – 20 веков!

Какое отношение к окружающему населению могло возникать на этой почве, можно попытаться восстановить по мелким черточкам, разбросанным во многих источниках. Например, в своем дневнике молодой Лассаль, не раз негодуя по поводу угнетенного положения евреев, гово-

рит, что мечтал бы встать во главе их с оружием в руках. В связи со слухами о ритуальных убийствах он пишет:

«Тот факт, что во всех уголках мира выступают с подобными обвинениями, мне кажется, предвещает, что скоро наступит время, когда мы действительно освободимся пролитием христианской крови. Игра началась, и дело за игроками».

Если еще принять во внимание злобность и злопамятность, которые видны на каждой странице этого дневника, то легко представить себе, что такие переживания должны были оставить след на всю жизнь. Или Мартов (Цедербаум), вспоминая страх, испытанный в трехлетнем возрасте при ожидании погрома (толпа была разогнана казаками еще до того, как дошла до дома Цедербаумов), задумывается:

«Был бы я тем, чем стал, если бы на пластической юной душе российская действительность не поспешила запечатлеть своих грубых перстов и под покровом всколыхнутой в детском сердце жалости заботливо схоронить семена спасительной ненависти?»

Более явные свидетельства можно найти в литературе. Например, *«спасительная ненависть»* широко разлита в стихах еврейского поэта, жившего в России, – Х. Бялика:

Пусть сочтется как кровь неотмщенная в ад,
И да рвет во тьме и да точит как яд,
Разъедая столпы мироздания.

Да станет наша скорбь, как кость у злого пса,
В гортани мира ненасытной;

И небо напоит, и всю земную гладь,
И степь, и лес отравой жгучей,
И будет с нами жить, и цвести, и увядать,
И расцветать еще могучей;

Я для того замкнул в твоей гортани,
О человек, стенание твое;
Не оскверни, как те, водой рыданий
Святую боль святых твоих страданий,
Но береги нетронутой ее.
Лелей ее, храни дороже клада
И замок ей построй в твоей груди,
Построй оплот из ненависти ада –
И не давай ей пищи кроме яда
Твоих обид и ран твоих и жди,
И возрастет взлелеянное семя,
И жгучий даст и полный яду плод –
И в грозный день, когда свершится время,
Сорви его – и брось его в народ!

Из бездны Авадонна вознесите песнь о Разгроме,
Что, как дух ваш, черна от пожара,
И рассыпьте в народах, и все в проклятом их доме
Отравите удушьем угара;
И каждый да сеет по нивам их семя распада
Повсюду, где ступит и станет.
Если только коснется чистойшей из лилий их сада,
Почернеет она и завянет;
И если ваш взор упадет на мрамор их статуй
Треснут, разбиты надвое;
И смех захватите с собой, горький проклятый,
Чтоб умерщвлять все живое.

Презрение и брезгливость к русским, украинцам,
полям как к существам низшего типа, недочеловекам,

ощущается почти в каждом рассказе «Конармии» И. Бабеля. Полноценный человек, вызывающий у автора уважение и сочувствие, встречается там только в образе еврея. С нескрытым отвращением описывается, как русский отец режет сына, а потом второй сын – отца («Письмо»), как украинец признается, что не любит убивать, расстреливая, а предпочитает затаптывать насмерть ногами («Жизнеописание Павличенка, Матвея Родионыча»). Но особенно характерен рассказ «Сын Рабби». Автор едет в поезде вместе с отступающей армией.

«И чудовищная Россия, неправдоподобная, как стадо платяных вшей, затопала лаптями по обе стороны вагонов. Тифозное мужичье катило перед собой привычный гроб солдатской смерти. Оно прыгало на подножки нашего поезда и отваливалось, сбитое прикладами».

Но тут автор видит знакомое лицо: «И я узнал Илью, сына житомирского рабби». (Автор заходил к раввину в вечер перед субботой – хоть и политработник Красной Армии – и отметил «юношу с лицом Спинозы» – рассказ «Гидали».) Его, конечно, сразу приняли в вагон редакции. Он был болен тифом, при последнем издыхании и там же, в поезде, умер. «Он умер, последний принц, среди стихов, флактерий и портянок. Мы похоронили его на забытой станции. И я – едва вмещающий в древнем теле бури моего воображения, – я принял последний вздох моего брата».

Холодное отстранение от окружающего народа часто передают стихи Э. Багрицкого, в стихотворении же «Февраль» прорывается крайняя ненависть. Герой становится после революции помощником комиссара:

Моя иудейская гордость пела,
Как струна, натянутая до отказа...

Я много дал бы, чтобы мой пращур
В длиннополом халате и лисьей шапке,
Из-под которых седой спиралью
Спадали пейсы и перхоть тучей
Взлетает над бородой квадратной...
Чтоб этот пращур признал потомка
В детине, стоящем подобно башне
Над летящими фарами и штыками
Грузовика, потрясшего полночь.

Однажды, во время налета на подозрительный дом, автор узнает девушку, которую он видел еще до революции, она была гимназисткой, часто проходила мимо него, а он вздыхал, не смея к ней подойти. Однажды попытался заговорить, но она его прогнала... Сейчас она стала проституткой...

Я – Ну, что! Узнали?
Тишина.
– Сколько дать вам за сеанс?
И тихо,
Не раздвинув губ, она сказала:
– Пожалей меня! Не надо денег...
Я швырнул ей деньги,
Я ввалился,
Не стянув сапог, не сняв кобуры,
Не расстегнув гимнастерки.
Я беру тебя за то, что робок
Был мой век, за то, что я застенчив,
За позор моих бездомных предков,
За случайной птицы щебетанье!
Я беру тебя как мщенье миру,
Из которого не мог я выйти!
Принимай меня в пустые недра,
Где трава не может завязаться,

Может быть, мое ночное семя
Оплодотворит твою пустыню.

Мне кажется, пора бы пересмотреть и традиционную точку зрения на романы Ильфа и Петрова. Это отнюдь не забавное высмеивание пошлости эпохи нэпа. В мягкой, но четкой форме в них развивается концепция, составляющая, на мой взгляд, их основное содержание. Действие их как бы протекает среди обломков старой русской жизни, в романах фигурируют дворяне, священники, интеллигенты – все они изображены как какие-то нелепые, нечистоплотные животные, вызывающие брезгливость и отвращение. Им даже не приписывается каких-то черт, за которые можно было бы осудить человека. На них вместо этого ставится штамп, имеющий целью именно уменьшить, если не уничтожить, чувство общности с ними как с людьми, оттолкнуть от них чисто физиологически: одного изображают голым, с толстым отвисшим животом, покрытым рыжими волосами; про другого рассказывается, что его секут за то, что он не гасит свет в уборной... Такие существа не вызывают сострадания, истребление их – нечто вроде веселой охоты, где дышится полной грудью, лицо горит и ничто не омрачает удовольствия.

Эти чувства, пронесенные еще одним поколением, дожили до наших дней и часто прорываются в песнях бардов, стихах, романах и мемуарах. Бурный взрыв тех же эмоций можно наблюдать в произведениях недавних эмигрантов. Вот, например, стихотворение недавно эмигрировавшего Д. Маркиша, напечатанное уже в Израиле в журнале «Сион»:

Я говорю о нас, сынах Синая,
О нас, чей взгляд иным теплом согрет.

Пусть русский люд ведет тропа иная,
До их славянских дел нам дела нет.
Мы ели хлеб их, но платили кровью.
Счета сохранны, но не подведены.
Мы отомстим – цветами в изголовье
Их северной страны.
Когда сотрется лаковая проба,
Когда заглохнет красных криков гул,
Мы станем у березового гроба
В почетный караул...

В статье, опубликованной в другом израильском журнале, читаем:

«Народу “богоносцу” мало огромной конформированной страны, ему нужна также жемчужина, т. е. Святая Земля... Ему хочется этой недоступной ему святости, и хотя он сам – погрязший в презрении к самому себе и ко всем остальным, даже не знает, что ему с этой святостью делать, потому что в его язычески-христианском представлении святость не живая и не может освятить мир, он все ждет своего часа самодурапалача. И в его темном инстинкте это вызывало и вызывает чудовищные порывы ненависти к Израилю – носителю святости живой»¹.

Под конец приведем выдержку из журнала, издающегося на русском языке в Торонто:

«Не премолчи, Господи, вступишь за избранных твоих, не ради нас, ради клятвы твоей отцам нашим – Аврааму, Исааку и Якову. Напусти на них Китайца, чтобы славили они Мао и работали на него, как мы на них.

¹ Автор, по-видимому, совершенно не чувствует иронии того, что он обвиняет в «порывах ненависти» кого-то другого, хотя его самого в этом вряд ли можно превзойти.

Господи, да разрушит Китаец все русские школы и разграбит их, да будут русские насильно китаизированы, да забудут они свой язык и письменность. Да организует он им в Гималаях Русский национальный округ».

Часто приходится слышать такой аргумент: многие поступки и чувства евреев можно понять, если вспомнить, сколько они испытали. Например, некоторые стихи Бялика написаны под впечатлением погромов, у Д. Маркиша отец расстрелян при Сталине по «процессу сионистов», другие помнят черту оседлости, процентную норму или какие-то более поздние обиды. Здесь надо еще раз подчеркнуть, что мы не собираемся в этой работе никого судить, обвинять или оправдывать. Сама постановка такого вопроса вряд ли имеет смысл: оправдывает ли унижение немцев по Версальскому миру национал-социализм? Мы хотели бы только представить себе, что происходило в нашей стране, какие социальные и национальные факторы и как на ее историю влияли.

Начиная с пореформенных 60-х годов в России у всех на устах появилось слово «революция». Это был явный признак приближающегося кризиса. И как другой его признак – стал формироваться «малый народ» со всеми присущими ему чертами. Создавался новый тип людей вроде молодого человека (о нем рассказывает Тихомиров), с гордостью произносившего: «Я отщепенец», или Ишутинского кружка «Ад», в программе которого стояло: «Личные радости заменить ненавистью и злом – и с этим научиться жить». Но можно понять, какая это была мучительная операция, как трудно было отрывать человека от его корней, как бы выворачивать наизнанку, как для этого надо было осторожно, шаг за

шагом посвящать его в новое учение, подавлять силой авторитетов. И насколько проще все было с массой еврейской молодежи, не только не связанной общими корнями с этой страной и народом, но и воспринявшей с самого детства враждебность именно к этим корням; когда враждебная отчужденность от духовных основ окружающей жизни усваивалась не из книг и рефератов, а впитывалась с раннего детства, часто совершенно бессознательно, из интонаций в разговорах взрослых, из случайно услышанных и запомнившихся на всю жизнь замечаний! И хотя чувства, отразившиеся в приведенных выше отрывках, вероятно, испытывали далеко не все евреи, но именно то течение, которое было ими проникнуто, с неслыханной энергией вторгалось в жизнь и смогло оказать на нее особенно сильное и болезненное влияние.

Надо признать, что кризис нашей истории протекал в совершенно уникальный момент. Если бы в то время, когда он разразился, евреи вели такой изолированный образ жизни, как, например, во Франции во время Великой революции, то они и не оказали бы заметного влияния на его течение. С другой стороны, если бы жизнь местечковых общин стала разрушаться гораздо раньше, то, возможно, успели бы укрепить какие-то связи между евреями и остальным населением, отчужденность, вызванная двухтысячелетней изоляцией, не была бы так сильна. Кто знает, сколько поколений нужно, чтобы стерлись следы двадцативековой традиции? – но нам практически не было дано ни одного, прилив евреев в террористическое движение почти точно совпал с «эмансипацией», началом распада еврейских общин, выходом из изоляции. Пинхус Аксельрод, Геся Гельфман и многие другие руководители террористов происходили из таких слоев еврейства, где

вообще нельзя было услышать русскую речь. С узелком за плечами отправлялись они изучать «гойскую науку» и скоро оказались среди руководителей движения. Совпадение двух кризисов оказало решающее воздействие на характер той эпохи. Вот как это виделось еврейским наблюдателям (все по той же книге «Россия и евреи»):

«И, конечно, не случайно то, что евреи, так склонные к рационалистическому мышлению, не связанные в своем большинстве никакими традициями с окружающим их миром, часто в этих традициях видевшие не только бесполезный, но и вредный для развития человечества хлам, оказались в такой близости к этим революционным идеям».

И как закономерное следствие:

«Поражало нас то, чего мы всего менее ожидали встретить в еврейской среде: жестокость, садизм, насильничество, казалось, чуждые народу, далекому от физической воинственной жизни, вчера еще не умевшие владеть ружьем, сегодня оказались среди начальствующих головорезов».

Эта примечательная книга кончается словами:

«Одно из двух: либо иностранцы без политических прав, либо русское гражданство, основанное на любви к родине. Третьей возможности нет».

Но нашлось течение, выбравшее именно третий, «невозможный», с точки зрения автора, путь. Не только нелюбовь к родине, а полная отчужденность, активная враждебность ее духовным началам и не только не отказ от политических прав, но напряжение всей воли и сил

для воздействия на жизнь страны. Такое соединение оказалось поразительно эффективно; оно создало «малый народ», который по своей действенности превзошел все другие варианты этого явления, возникшие в Истории.

Глава 10 Заключение

Мы видим, что сегодняшняя ситуация уходит корнями далеко в прошлое. На традиции двухтысячелетней изоляции накладываются страшные реминисценции более близкого прошлого, они давят на современное сознание, которое стремится вытолкнуть их, переориентировать возникающие на их основе чувства. Так создается тот болезненный национальный комплекс, на счет которого надо, по-видимому, отнести самые резкие обертоны в современной литературе «малого народа», раздраженные выпады против русских и русской истории.

Но для нас – русских, украинцев, белорусов... – этот сгусток больных вопросов жгуче современен, никак не сводится только к оценке нашей истории. Трагичнее всего он проявляется в положении молодежи. Не находя точек зрения, которые помогли бы ей разобраться в проблемах, выдвигаемых жизнью, она надеется найти свежие мысли, узнать новые факты – из иностранного радио. Или старается добыть билет в модный театр с ореолом независимости, чтобы с его подмоштов услышать слово правды. В любом случае крутит пленки с песенками Галича и Высоцкого. Но отовсюду на нее льется, ей навязывается как вообще единственно мыслимый взгляд та же идеология «малого народа»: надменно-ироническое, глумливое отношение ко всему русскому, даже к русским именам; концепция – «в этой

стране всегда так было и быть ничего хорошего не может», образ России – «Страны дураков»¹.

И перед этой отточенной, проверенной на практике, усовершенствованной долгим опытом техникой обработки мозгов растерянная молодежь оказывается **АБСОЛЮТНО БЕЗЗАЩИТНОЙ**. Ибо ведь никто из тех, кто мог бы быть для нее авторитетом, ее не предупредит, что она имеет дело просто с новым вариантом пропаганды – хоть и очень ядовитой, но покоящейся на более чем хрупкой фактической основе.

На нашем горизонте опять вырисовывается зловещий силуэт «малого народа». Казалось бы, наш исторический опыт должен выработать против него иммунитет, обострить наше зрение, научить различать этот образ – но боюсь, что не научил. И понятно почему: была разорвана связь поколений, опыт не передавался от одних к другим. Вот и сейчас мы под угрозой, что наш опыт не станет известен следующему поколению.

Зная роль, которую «малый народ» играл в истории, можно представить себе, чем чревато его новое явление: реализуются столь отчетливо провозглашенные идеалы – утверждение психологии «перемещенного лица», жизни без корней, «хождение по воде», то есть **ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАЗРУШЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВ ЖИЗНИ**. И в то же время при первой возможности – безоглядно-решительное манипулирова-

¹ Конечно, живущие здесь, в окружении русских, авторы не всегда могут себе позволить такой силы выражений, как в произведениях эмигрантской литературы, процитированных в предыдущих главах. Обычная форма такова, что можно еще и поспорить: это пьяница, хулиган, тупой чинуша вообще не только русский. Но говор-то у них чисто русский. И имена – коренные русские, сейчас даже редко встречающиеся. А ведь, например, Галичу (Гинзбургу) куда лучше должен был бы быть знаком тип пробивного, умеющего втереться в моду драматурга и сценариста (совсем не обязательно такого уж коренного русака), получившего премию за сценарий фильма о чекистах и приобретающего славу песенками с диссидентским душком. Но почему-то этот образ его не привлекает.

ние народной судьбой. А в результате новая и последняя катастрофа, после которой от нашего народа, вероятно, уже ничего не останется. Злободневно звучит призыв, приведенный в самом конце предшествующей главы: сделать выбор между положением иностранцев без политических прав и гражданством, основанным на любви к родине, – он логически адресуется ко всему «малому народу». Каждый из тех, кого мы столько раз цитировали, от Амальрика до Янова, имеет право презирать и ненавидеть Россию, но они сверх этого хотят определить ее судьбу, составляют для нее планы и готовы взять на себя их исполнение. Такое сочетание типично в истории «малого народа», именно оно приносит ему успех. Оторванность от психологии «большого народа», неспособность понять его исторический опыт, которая в обычное время могла бы восприниматься как примитив и ущербность, в кризисных ситуациях обеспечивает возможность особенно смело резать и кроить его живое тело.

Что же мы можем противопоставить этой угрозе? Казалось бы, с мыслями можно бороться мыслями же, слову противопоставить слово. Однако дело обстоит не так просто. Уже по тем образцам литературы «малого народа», которые были приведены в нашей статье, можно видеть, что эта литература вовсе не результат объективной мысли, не апелляция к жизненному опыту и логике. Мы встречаемся здесь с какой-то другой формой передачи идеологических концепций, причем присущей всем историческим вариантам «малого народа».

Такая очень специфическая деятельность по *«направлению общественного мнения»* сложилась, по видимому, уже в XVIII в. и была описана Кошеном. Она включает, например, колоссальную, но кратковременную концентрацию общественного внимания на некоторых событиях или людях, чаще всего обличениях

некоторых сторон окружающей жизни – от процесса Каласа, когда чудовищная несправедливость приговора, разоблаченная Вольтером, потрясла Европу (и про который историки заверяют, что никакой судебной ошибки вообще не было) – до дела Дрейфуса или Бейлиса. Или фабрикацию и поддержание авторитетов, основывающихся исключительно на силе гипноза. *«Они создают репутации и заставляют аплодировать скучнейшим авторам и лживым книгам, если только это – свои»,* – говорит Кошен. Плохую пьесу можно заставить смотреть благодаря клаке. *«Эта же клака, поставляемая “обществами”, так прекрасно выдрессирована, что кажется искренней, так хорошо распределена в зале, что клакеры не знают друг друга, и часто каждый из зрителей принимает их за публику».* *«Сейчас трудно представить себе, что морализирование Мабли, политические изыскания Кондорсе, история Рейналя, философия Гельвеция, эта пустота безвкусной прозы, – могли выдержать издания, найти дюжину читателей; а между тем все их читали или по крайней мере покупали и о них говорили. Могут сказать – такова была мода. Конечно! Но как понять эту склонность к ходульности и тяжеловесности в век вкуса и элегантности?»* Точно так же пониманию наших потомков будет недоступно влияние Фрейда как ученого, слава композитора Шенберга, художника Пикассо, писателя Кафки или поэта Бродского...

Таким образом, логика, факты, мысли – одни в такой ситуации бессильны, это подтверждает весь ход Истории. Только индивидуальный исторический опыт народа может помочь здесь отличить правду от лжи. Но уж если у кого такой опыт есть – то именно у нашего народа! И в этом, конечно, главный залог того, что мы сможем противостоять новому явлению «малого народа». Наш опыт трагический, но и глубочайший, – не-

сомненно изменил глубинные слои народной психики. Надо, однако, его ОСОЗНАТЬ – облечь в форму, доступную не только эмоциям, но и мыслям, выработать, опираясь на него, наше отношение к основным проблемам современности. Мне представляется, что именно такова сейчас основная задача русской мысли.

Поэтому мы просто не имеем права допустить, чтобы только-только возрождающаяся тяга к осмыслению нашего национального пути была затоптана, заплевана, чтобы ее столкнули на дорогу крикливой журналистской полемики. Как же тогда защитим мы национальное сознание и особенно сознание молодежи от навязываемого комплекса обреченности, от внушаемого взгляда, что наш народ способен быть лишь материалом для чужих экспериментов?

Много столетий складывается духовный облик народа, вырабатываются органически связанные друг с другом навыки общественного существования – и только опираясь на них, историческая эволюция может создать устойчивые, естественные для этого народа формы жизни. Например, публицисты «малого народа» часто подчеркивают, что в русской истории большую роль играло сильное государство, – и в этом они, видимо, правы. Но, значит, если, по их советам, внезапно полностью устранить каким-то образом роль государства, оставив в качестве единственных действующих в обществе сил ничем не ограниченную экономическую и политическую конкуренцию, то результатом может быть только быстрый и полный развал. Те же самые аргументы приводят к обратному выводу: что государство, по-видимому, должно еще длительный срок играть большую роль в жизни нашей страны. Какую конкретно роль – может показать только сама жизнь. Конечно, какие-то функции государства могут быть ограничены, переданы другим обще-

ственным силам. Само же по себе сильное влияние государства совсем не обязано быть пагубным – равно как не обязано быть и плодотворным. Государство способствовало закреплению крестьян в России в XVII–XVIII вв., но оно же осуществило освобождение крестьян в XIX в. Можно указать много примеров безусловно положительных важных действий, осуществленных благодаря сильному влиянию государства на жизнь. Например, рабочее законодательство, введенное в России в конце XIX – начале XX в., было на уровне современного западного, а если сравнивать с фазой промышленного развития страны – то сильно опережало его, было выработано гораздо быстрее. Только Англия и Германия имели более прогрессивные законы, во Франции же и в Соединенных Штатах юридическое положение рабочих было хуже. У государства, как и у других сил, действующих в жизни народа: партий, Церквей, национальных течений и т. д., есть своя опасность, возможность болезненного развития (или соблазн).

Для государства – это попытка подчинить своей власти души граждан. Но оно вполне может оставаться сильным, избежав этого болезненного пути. Та же картина почти во всех вопросах – всегда можно найти выход, не порывающий с исторической традицией, и только такой путь приведет к жизненному, устойчивому решению, так как он опирается на мудрость многими веками выработавшихся, проверявшихся, отбиравшихся и пришлифовывавшихся друг к другу черт и навыков народного организма. Конкретное осознание этой точки зрения и есть та сила, которую мы можем противопоставить «малому народу», которая защитит нас от него.

Тысячелетняя история выковала такие черты национального характера, как вера в то, что судьба человека и судьба народа нераздельны в своих самых глубоких

пластах и сливаются в роковые минуты истории; как связь с землей – землей в узком смысле слова, которая родит хлеб, и с Русской землей. Эти черты помогли пережить страшные испытания, жить и трудиться в условиях иногда почти нечеловеческих. В этой древней традиции заложена вся надежда на наше будущее. За нее-то и идет борьба с «малым народом», кредо которого угадал еще Достоевский: *«Кто проклял свое прошлое, тот уже наш – вот наша формула!»*

Человек рождается и умирает, как правило, среди своего народа. Поэтому его окружение воспринимается им как нечто совершенно естественное и обычно не вызывает никаких вопросов. На самом же деле народ – одно из поразительнейших явлений и загадок на нашей Земле. Почему возникают эти общности? Какие силы поддерживают их веками и тысячелетиями? До сих пор все попытки ответить на эти вопросы столь явно били мимо цели, что скорее всего мы имеем здесь дело с явлением, к которому стандартные приемы «понимания» современной науки вообще неприменимы. Легче указать, зачем народы нужны людям. Принадлежность к своему народу делает человека причастным Истории, загадкам прошлого и будущего. Он может чувствовать себя не просто частичкой «живого вещества», зачем-то перерабатываемого гигантской фабрикой Природы. Он способен ощутить (чаще – подсознательно) значительность и высшую осмысленность земного бытия человечества и своей роли в нем. Аналогично «биологической среде», народ – это «социальная среда обитания» человека: чудесное творение, поддерживаемое и созданное нашими действиями, но не по нашим замыслам. Во многом оно превосходит возможности нашего понимания, но часто и трогательно-беззащитно перед нашим без-

думным вмешательством. На Историю можно смотреть как на двусторонний процесс взаимодействия человека и его «среды социального обитания» – народа. Мы сказали, что дает народ человеку. Человеком же создаются силы, скрепляющие народ и обеспечивающие его существование: язык, фольклор, искусство, осознание своей исторической судьбы. Когда этот двусторонний процесс разлагивается, происходит то же, что и в природе: среда превращается в мертвую пустыню, а с нею гибнет и человек. Конкретнее, исчезает интерес человека к труду и к судьбам своей страны, жизнь становится бессмысленным бременем, молодежь ищет выхода в иррациональных вспышках насилия, мужчины превращаются в алкоголиков или наркоманов, женщины перестают рожать, народ вымирает...

Таков конец, к которому толкает «малый народ», неустанно трудящийся над разрушением всего того, что поддерживает существование «большого народа». Поэтому создание оружия духовной защиты от него – вопрос национального самосохранения. Такая задача посильна лишь всему народу. Но есть более скромная задача, которую мы можем решить только индивидуально: СКАЗАТЬ ПРАВДУ, произнести, наконец, боязливо умалчиваемые слова. Я не мог бы спокойно умереть, не попытавшись этого сделать.

1978–1983 гг.

РУСОФОБИЯ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

За последние годы мы стали свидетелями и участниками поразительного явления, которому я, по крайней

мере, не вижу прецедентов в истории. Марксистско-ленинско-сталинско-брежневский строй был безжалостным и античеловечным железобетонным монолитом. Единственным его абсолютным принципом было сохранение власти любой ценой. И вдруг он рассыпался без видимых причин: проигранной войны, забастовок, волнений или голода. При этом строе на праздничные дни в учреждениях опечатывались пишущие машинки, чтобы не дать печатать листовки, и назначались патрули для ловли несуществующих злоумышленников. И этот же строй без сопротивления отказался от господства над экономикой, цензуры, от бутафорских выборов, допустил враждебные ему партии и средства информации. Это была не медленная эволюция, а мгновенный (в историческом масштабе) крах. Он перевернул всю нашу жизнь и взгляды. Относительный вес разных факторов, связи их друг с другом – все стало иным.

Ввиду этого я и возвращаюсь к теме моей старой работы – «РУСОФОБИЯ». Она была написана более десяти лет назад, в период безраздельного (и, как казалось, почти вечного) господства режима. Мне и в голову не приходило, что работа сможет быть напечатана при моей жизни. После долгих колебаний мы с друзьями решили распространять ее в самиздате, надеясь, что из десятков экземпляров хоть несколько уцелеет и донесет до потомков это свидетельство о нашем времени.

Жизнь оказалась переполненной сюрпризами. Во-первых, и тогда, в 1982 году, работа стала распространяться в Самиздате довольно бойко. А потом началась «перестройка» и «гласность», работа печаталась, да и не одним только изданием¹, даже переведена на несколько языков. Благодаря этому на нее возникло много откли-

¹ Вече» (Мюнхен). 1988. «Кубань». 1989. № 5, 6, 7, «Наш современник», 1989, 6 и 11 и ряд отдельных изданий.

ков, напечатанных, прочитанных по радио или в виде писем автору. Эти отклики тоже дают материал для анализа явления, рассматриваемого в работе.

Приведу для удобства читателя краткое резюме основных положений «Русофобии».

1. В нашей публицистике и литературе существует очень влиятельное течение, внушающее концепцию неполноценности и ущербности русской истории, культуры, народной психики: «Россия – рассадник тоталитаризма, у русских не было истории, русские всегда пресмыкаются перед сильной властью». Для обозначения этого течения и используется термин «руссофобия». Оно смертельно опасно для русского народа, лишая его веры в свои силы.

2. Руссофобия – идеология определенного общественного слоя, составляющего меньшинство и противопоставляющего себя остальному народу. Его идеология включает уверенность этого слоя в своем праве творить судьбу всего народа, которому отводится роль материала в руках мастера. Утверждается, что должна полностью игнорироваться историческая традиция и национальная точка зрения, надо строить нашу жизнь на основе норм западноевропейского, а особенно американского общества.

3. Аналогичный узкий слой, враждебный историческим традициям остального народа и убежденный в своем праве манипулировать его судьбой, возникал во многих ситуациях. Его очень ярко описал французский историк О. Кошен в связи с Великой Французской революцией. Кошен назвал его «малым народом» (противопоставляя остальному – «большому народу»). Тот же термин используется в работе для всех вариантов этого явления. В качестве других явлений приводится Английская революция (пуритане). Германия

30-х годов XIX века («Молодая Германия», «младогегельянцы»), Россия периода «революционной ситуации» – 70-е годы XIX века.

В литературе современного «малого народа» поражает, какую исключительную роль играют еврейские национальные проблемы. Это, как и ряд других признаков, указывает на то, что в нем есть влиятельное ядро, связанное с некоторым течением еврейского национализма. Ситуация драматизируется реминисценциями той роли, которую играло течение радикального еврейства в подготовке, осуществлении и закреплении революции. Тем не менее «малый народ» отнюдь не является национальным течением: в нем участвуют представители разных наций (как и социальных слоев). Точно так же, как и наша революция ни в коей мере не была «сделана евреями»: процесс начался в эпоху, когда ни о каком еврейском влиянии не могло быть и речи.

Полная замена всех основ и скреп нашей жизни привела к тому, что влияние на жизнь рассматриваемых в работе явлений стало совсем иным. Появилась возможность по-новому взглянуть на них, да и проверить еще раз выводы работы.

1. Русофобия сегодня

В своей старой работе я вынужден был реконструировать, отгадывать то явление, которое окрестил русофобией, по отдельным статьям Самиздата, по эмигрантским публикациям. Теперь, при полной гласности, при слиянии нашего и эмигрантского книжного рынков, таких трудностей не существует. И течение, о котором тогда можно было лишь догадываться, что оно окажет влияние на жизнь в будущем, сейчас становится мощной

и явной силой. В новых условиях само явление становится новым. Вот для начала пример:

Холуй смеется, раб хохочет,
Палач свою секиру точит,
Тиран терзает каплуна,
Сверкает зимняя луна.

То вид отечества: гравюра,
На лежаке солдат и дура.
Старуха чешет мертвый бок.
То вид отечества: лубок.

Собака лает, ветер носит,
Борис у Глеба в морду просит,
Кружатся пары на балу,
В прихожей – куча на полу.

Луна сияет, зренье муча,
Под ней – как мозг отдельный – туча.
Пускай художник, паразит,
Другой пейзаж изобразит.

Вероятно, я мог бы процитировать это и 10 лет назад. Но тогда – что было в этом значительного? В своих антипатиях человек не волен, а форма их выражения – всего лишь личная особенность автора. Но сейчас мы со всех сторон слышим, что автор – И. Бродский – величайший русский поэт современности, заслуженно увенчан Нобелевской премией, а стихи его возвращаются на родину (хотя применимость такого термина здесь, пожалуй, сомнительна). Социальная значимость этого произведения стала совсем иной.

Вот пример из прозы. «В этой стране пасутся козы с выщипанными боками, вдоль заборов робко проби-

раются шелудивые жители... В этой стране было двенадцать миллионов заключенных, у каждого был свой доносчик, следовательно, в ней проживало двенадцать миллионов предателей. Это та самая страна, которую в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя»; «Я привык стыдиться этой родины, где каждый день – унижение, каждая встреча – как пощечина, где все – пейзаж и люди – оскорбляет взор». Написано в 70-е годы, но даже не знаю, было ли опубликовано тогда. Теперь же распространено большим тиражом (Библиотека «Огонек»). Автор Б. Хазанов (Г. Файбисович) издает (вместе с К. Любарским и Э. Финкельштейном) в ФРГ журнал «Страна и мир», ориентированный в духе приведенных цитат.

Таков «ветер перемен». В частности, почти все, что я цитировал в старой работе из сам- и тамиздата, теперь нахлынуло сюда массовыми тиражами. С отменой глушителя радиостанцию «Свобода» слышно 24 часа в сутки в любом месте – все ее вещание накалено этой страстью. Русские («русский шовинизм») – виновники голода на Украине, русское сознание в принципе утопично, русские вообще – не взрослые. И до полной потери приличия нескрываемый восторг по поводу всех бед нашей страны: разрухи, междоусобиц, близкого голода.

Газеты, журналы, телевидение все более подчиняются этому течению. Известный окрик с самых верхов власти – что мы живем плохо, так как русские ленивы, – был подхвачен с сочувствием. Например, журнал «Наука и техника» – где тут место идеологии? Но: «Развитие кооперативов усилит имущественное неравенство. Один человек талантлив и трудолюбив, другой ленив. Так было, есть и будет, пока не исчезнет лень – одна из черт русского характера». Тут уже предопределена и национальная раскладка этого имущественного нера-

венства. Другой вариант: «Несомненно, что крепостное право не могло не выработать рабских черт характера у крепостного крестьянина». Может быть, проверим у Пушкина? Вот типичный крепостной – Савельич. Но не согласный с Пушкиным автор зато нас утешает, указывая надежду на будущее: «Ведь во Всероссийской политической стачке 1905 г. участвовали дети бывших крепостных. Как изменилась психология за 44 года!» Это ведь ужас, в эпоху какого помрачения разума мы живем! Считать рабами тех, кто создал наши сказки и песни, кто насмерть стоял под Полтавой и Бородино! А свободными душами – тех, кто пошел за полуграмотными, злобными, нравственно ущербными крикунами, приведшими их – теперь уже все видят, куда. Победоносцеву пишет один его корреспондент в 70-е гг., как «нигилист» агитировал мужика: бери топор, и все, что сегодня барское, завтра будет твое. Мужик в ответ: а послезавтра? И объясняет: если я не вор, не убийца, пойду грабить и убивать, так почему ж ты-то у меня награбленное не отберешь? Ведь этот уж настоящий крепостной (всего лет 10 до того освобожденный) видел нашу историю на полвека вперед, видел то, о чем не подозревали Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Михайловский, Милюков. Но все равно – «раб».

Для более убедительного доказательства этого тезиса еще один автор спрашивает: почему не «безбожный Запад», а Россия допустила «избиение церкви государством»? Как глубоко религиозный народ допустил физическое истребление за один год Советской власти (1919 г.) 320 тысяч военнослужащих (см. «Комсомольскую правду» от 12 сентября 1989 г.). Толстый журнал («Октябрь») пишет об одной из величайших трагедий нашей истории с фельетонной беззастенчивостью. 300 тысяч – это примерная численность все-

го духовенства – белого и черного – до революции. И, конечно, оно не было все истреблено за один год, его истребляли еще лет 20. Действительно, к началу войны (1941 г.) из этого числа служила едва ли одна двадцатая часть, но остальные далеко не все и даже не в большинстве своем были «физически истреблены». Если же сравнивать с Западом, в 20-е годы в Мексике прокатилось гонение на католическую церковь не мягче нашего. Священника, застигнутого за исполнением требы, расстреливали, за крестик сажали в тюрьму. Поднявшихся на защиту своей веры крестьян вешали, расстреливали, запирали в концлагеря. Организаторами были американизированные дельцы и адвокаты, финансируемые из Штатов, американский атташе давал советы по проведению политики «выжженной земли» и созданию концлагерей (американцы уже имели опыт на Гавайях). Запад не только дал раздавить крестьян, но свободная пресса еще и замолчала всю эту драму – так что о ней мало кто и знает. (Сейчас переведен яркий роман Г. Грина «Сила и слава» об этом гонении и путевые заметки Грина «Дороги беззакония». Но самое сильное впечатление – от сухого рассказа историка, например, J. Meyer «Apokalypse et révolution en Mexique». Paris, 1974.) Неужели мало нам перенесенных мучений и надо еще представлять нас какими-то вырожденками в человечестве, хватая для этого факты с потолка?

Другой автор и совсем без фактов, еще откровеннее: «Русский национальный характер выродился. Реанимировать его – значит вновь обречь страну на отставание». У третьего еще хлеще: «Статус небытия всей российской жизни, в которой времени не существует». «Россия должна быть уничтожена. В том смысле, что чары должны быть развеяны. Она вроде и уничтожена, но Кашеево яйцо цело». И уже совсем срываясь: «Стра-

на дураков... находится сейчас... в состоянии сволочного общества». Про русских: «Что же с ними делать? В переучение этого народа на жизнь ради жизни (таков язык подлинника!) поверить трудно. В герметизацию? В рассеивание по свету? В полное истребление? Ни одного правильного ответа». И на том спасибо!

Кажется, что существование русского народа является досадной, раздражающей неприятностью. Доходит до чего-то фантастического! В «Литературной газете» опубликовано письмо известного артиста Театра на Таганке В. Золотухина. Раньше эта газета написала об «омерзительном зрелище», в котором он участвовал, процитировав рядом некие слова «о чистоте крови» (произнесенные в месте, где Золотухин не был). Актер стал получать письма с обвинением в беспринципности, в том, что он – «враг еврейского народа». Такие же письма вывешивались в театре. За что? Оказывается, за то, что на 60-летнем юбилее Шукшина, у него на родине, Золотухин сказал – у нас есть живой Шукшин, живущие Астафьев, Распутин, Белов, и мы не дадим перегородить Катунь плотиной! Не было бы это напечатано, я бы не поверил!

Та или иная оценка России, русского народа всегда связана с оценкой его культуры, особенно литературы. И здесь аналогичная картина. Например, «Прогулки с Пушкиным» Синявского я упомянул вскользь еще в моей старой работе, тогда это был небольшой скандал в эмигрантской среде¹. Теперь же «Прогулки» печатаются здесь в многотиражном журнале. Как ни объяснять их происхождение: желанием ужалить русскую культуру, патологическим амбивалентным отношением любовь-ненависть к Пушкину, стремлением к извест-

¹ Пользуясь случаем, хочу исправить допущенную в прежней работе ошибку. Синявский был осужден не на 5 лет, а на 7, из которых отсидел 6.

ности через скандал – у читателя все равно остается чувство, что нечто болезненное и нечистое соединяется с образом того, кто до сих пор озаряет светом нашу духовную жизнь. В статье об этих «Прогулках» Солженицын обратил внимание на признаки такого же «переосмысливания» Гоголя, Достоевского, Толстого, Лермонтова и высказал догадку: не закладывается ли здесь широкая концепция – как у России не было истории, так не было и литературы? И угадал! Уже в последние годы в здешнем журнале встречаем: «Вот у Гоголя тоска через несколько строк переходит в богатство, как у Пушкина – разгулье в тоску. Так они и переливаются, жутко сказать, из пустого в порожнее, из раздолья в запустенье – на всем протяжении русской гордящейся мысли». «Пустота, неутолимый наш соблазн, сама блудница вавилонская, раздвигающая ноги на каждом российском распутье». И дальше отрывок из Блока: «О, Русь моя, жена моя!..» Очередь дошла и до Солженицына. Синявский, его соредaktor по журналу Розанова, Сарнов, В. Белоцерковский и многие с ними заняты этим делом. Недавно в «круглом столе» журнала «Иностранная литература» было высказано много серьезных упреков литераторам, что боятся они (кого или чего – интересно?) разъяснить бесталанность и реакционность Солженицына. Но раньше уже отличился Войнович целым романом – грязным пасквилем на Солженицына. «Помрачение рассудка», «пятая колонна советской пропаганды», «проповедь о великорусском национализме» и «черносотенные инсинуации» – это В. Белоцерковский о Солженицыне, в таком же точно духе, что давние доносы Биль-Белоцерковского на Булгакова! И других современников не минуло. «Главное в астафьевском мировоззрении, основная черта которого, на мой взгляд, – беззастенчивость».

«Примитивный, животный шовинизм, элементарное невежество» (о нем же). «Мракобесие Распутиных...». «Белов лжет...». «“Лад” – ложь». Так: от Пушкина до наших дней¹. Шире литературы – язык. Из совсем недавнего (кстати, еще нам не встречался Тургенев, вот и он пригодился). «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбе нашей страны неволью спросишь себя: что это за народ, который одновременно истово клянется, что «мать» – это самое святое слово, и это же слово так прочно соединил в своем великом и могучем языке с грязным ругательством, что и само оно сделалось почти неприличным?»

Наиболее типичная в этом потоке литературы повесть В. Гроссмана «Все течет». Если 10 лет назад я мимоходом упомянул о ней как о малоизвестном произведении, но предтече всего направления, то сейчас она широко опубликована и подкреплена публикацией тоже ранее неизвестного яркого романа Гроссмана «Жизнь и судьба», а особенно его колоссальной рекламой. Схема повести: герой, выйдя из лагеря, пытается осознать происшедшее с ним и страной. Виновен Сталин? – нет, он приходит к мысли, что многие отталкивающие черты восходят к Ленину. Значит, Ленин? Нет, герой идет глубже. В конце книги он излагает свое окончательное понимание. Причина – в «русской душе», «тысячелетней рабе». «Развитие запада оплодотворялось ростом свободы, а развитие России – ростом рабства». Сто лет назад в Россию была занесена с Запада идея свободы,

¹ Чувствуется, что здесь не хватает Блока. В последний момент я нашел и о нем. Один автор в эмигрантском журнале «Грани» умиленно объясняет, чем мы обязаны И. Бродскому. Оказывается, автор никогда не любил Блока, но стеснялся этого. А вот Бродский в беседе с Соломоном Волковым («Континент», 6, № 53) смело сказал: «Блока, к примеру, я не люблю теперь пассивно, а раньше – активно... за дурновкусие. На мой взгляд, это человек и поэт во многих отношениях чрезвычайно подлый». И тем снял тяжелый груз с души автора.

но ее погубило русское «крепостное, рабское начало. Подобно дымящейся от собственной силы царской водке, оно растворило металл и соль человеческого достоинства». И в других странах иногда торжествовало рабство – но под влиянием русского примера. «По-прежнему ли загадочна русская душа? Нет, загадки нет. Да и была ли она? Какая же загадка в рабстве?» В повести как будто с сочувствием описываются крестьяне, мрущие от голода при коллективизации. Но в конце читатель понимает: это их собственная рабская душа заморила их, да еще насаждала рабство вне их страны. Такая концепция глубинного отрицания России и всей ее истории встречалась мне до того лишь однажды – в основном идеологическом произведении национал-социализма – «Миф XX века» Розенберга. Там та же схема русской истории. Русские – неполноценные природные рабы. Их государство создали немцы-варяги. Но постепенно растворились, потеряли расовую чистоту. Результат – монгольское завоевание. Второй раз германцы создали русское государство и культуру в послепетровское время, и опять их захлестнула расово неполноценная стихия. Концепция Розенберга последовательнее, так как явно формулирует практическую цель: новое завоевание России и германское господство, застрахованное на этот раз от растворения высшей расы неполноценным народом!

Повесть Гроссмана подводит к самому злободневному вопросу – осмыслению революции и последовавшей цепи трагедий. Еще 10 лет назад вопрос казался лишь темой для рассуждений идеологов, теперь же он встает перед каждым. И звучит ответ, уже давно заготовленный, но сейчас внедряемый мощью средств массовой информации: причина в русской традиции, русской истории, русском национальном характере (как у Гроссмана).

Тут Россия предстает даже злой силой, загубившей западные (марксистские?) идеи (растворила, «как царская водка» по Гроссману), «идея социализма, пришедшая к нам с Запада, пала на глухую, придавленную вековыми традициями рабства почву». Россия «дискредитировала сами идеи социализма». Недаром возникший у нас строй называют то «социализмом» (в кавычках), то псевдосоциализмом. «Разве вяжутся с социализмом тюремная организация производства и жизни, отчуждение, крепостное право в деревне?» Да почему же не вяжутся? Наш строй до парадоксальных подробностей совпадает с картинами будущего социалистического общества, кто бы их ни рисовал. Даже посылка горожан в деревню на уборочную была предусмотрена – именно так «классики» представляли себе «преодоление противоречия между физическим и умственным трудом».

Конкретнее, причину ищут в мужике. «Идея коллективизации чем-то напоминала (крестьянам. – *И. Ш.*) хорошо знакомую и близкую коллективность». «Предрасположенность добуржуазного крестьянства к коллективному хозяйству». «Большинство крестьян примирилось с коллективизацией». Да откуда вы знаете, что они примирились? Только потому, что Рыбаков не захотел описать, как это «примирение» вылилось в тысячи восстаний, усмирявшихся пулеметами? Среди наших подъяремных философов А. Ципко первым, кажется, отважился напомнить о марксистском фундаменте революции (хотя нам, правда, с другими акцентами твердили об этом десятилетиями). Он даже как будто полемизирует с предшествующим автором: «модный ныне миф о крестьянском происхождении левацких скачков Сталина, в том числе и коллективизации» – и указывает на тождественность идеологии Сталина, Ленина и других марксистов, вплоть до Маркса. Но он

очень обеспокоен тем, что «волна обновления... связана с основными нашими святынями – с Октябрем, социализмом, марксизмом». В результате «истоки сталинизма – в традициях русского левого радикализма». Но если Сталин мыслил по Марксу? Тогда в каких традициях истоки марксизма? Недавно тот же автор писал в газете: «Катастрофа, которая произошла в 1917 г., была с энтузиазмом воспринята всем народом». А четыре года гражданской войны, Антоновское, Западно-Сибирское, Ижевское, Тульское, Вологодское восстания? Известный земец С. С. Маслов писал в начале 20-х годов: «Крестьянство борется неустанно и ожесточенно. Страшная расплата за борьбу, выражающаяся в уничтожении артиллерией и истреблении огнем деревень и станиц, в массовых расстрелах, пытках... его не останавливает». О Сибирском восстании: «В сражениях принимали участие дети, женщины, старики».

Но так и остаются русские у всех авторов виновными, народом-преступником. «Неспособность русской нации к пересмотру прошлого и признанию своей вины...» «Только равноправное экономическое содружество народов и может снять с народа русского подозрение в превосходстве» (таков уж слог!). То есть русские рассматриваются как амнистированный преступник, который еще должен хорошим поведением доказать, что исправился.

Казалось бы, хоть победа в последней войне, купленная даже не поддающимися пересчету жизнями русских и спасшая весь демократический мир, могла бы вызвать снисхождение к русским. Но нет, легче сменить отношение к Гитлеру. «Россия преподала миру чистые формы тоталитарной власти», а «современная политология даже фашистскую Германию считает не чисто тоталитарным, авторитарно-тоталитарным государством». Опоздали вы, критики России! Вам бы в 1942 год

явиться и объяснить, что идет война тоталитарной власти против всего лишь авторитарно-тоталитарного государства. Нашлась бы заинтересованная аудитория для живой дискуссии – даже во всем мире.

Все настроение не ново – и в старой своей работе я приводил много таких примеров. Но сейчас оно уже тесно смыкается с реальностью. «Реторта рабства» – Россия – естественно, должна быть уничтожена, так чтобы уж не поднялась. В Первую мировую войну темный авантюрист Парвус-Гельфанд представил немецкому генштабу план бескровной победы над Россией. Он предлагал не скупясь финансировать революционеров (большевиков, левых эсеров) и любые группы националистов, чтобы вызвать социальную революцию и распад России на мелкие государства. План и начал успешно исполняться (Брестский мир), но помешало поражение Германии на Западе. Похожие идеи обсуждались и Гитлером. Но теперь такие планы разрабатываются и пропагандируются у нас. Разбить страну на части по числу народов, то есть на 100 частей, любой территории предоставить суверенитет «кто сколько переварит», как выражаются наши лидеры. Здесь уже речь идет не о тех или других территориальных изменениях, а о пресечении 1000-летней традиции: о конце истории России. И это логично: раз народ, создавший это государство, «раб», раз «Россия должна быть уничтожена», то такой конец – единственный разумный выход. Все возражения – это «имперское мышление», «имперские амбиции». И вдохновленные такой идеологией, политики раздувают за спиной друг друга сепаратистские страсти как диверсанты, взрывающие дом в тылу врага. То, что 10 лет назад было идеологическим построением, теперь стало мощной, физической разрушающей силой.

В прежней работе я обратил внимание на концепцию эмигранта-советолога А. Янова: Россия не может сама выработать план своего развития, за нее это должно сделать «западное интеллектуальное сообщество». Янов сравнивает эту задачу с той, которая стояла перед советниками генерала Макартура, командующего американской оккупационной армией в Японии после конца Второй мировой войны. Тогда эта идея показалась мне характерной как символ, знак того, что русофобские авторы мыслят уже в рамках концепции оккупации. Но сейчас бывший министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе вполне по-деловому заявляет, что положительно относится к участию войск ООН в решении конфликтов внутри СССР («Правда», 21.IV.91 г.).

На мрачном фоне нашей жизни есть, однако, нечто положительное: череда драматических событий дает материал для сопоставления их с некоторыми из обсуждавшихся выше идей – появилась возможность экспериментальной проверки. Например, такой центральной для всего течения концепции, как «русский фашизм». «Русская идея реализуется как фашизм», «русские – расисты». Как выразителей тенденций всего народа часто выбирают писателей-«деревенщиков». Писатели-«деревенщики» – расисты, это любимая тема радио «Свобода». «Разве Белов, Астафьев – националисты?» – спрашивает Померанц. «Для них москвич – чужак, почти иностранец; женщина, которая увлекается аэробикой, – шлюха. Бред, но он отвечает сознанию нескольких десятков миллионов, выдранных из деревни и распиленных по крупноблочным и крупнопанельным сооружениям». «Почвы нет, а есть движение новых варваров, внутренних “грядущих гуннов”». Другой автор: «Та мораль, которую несет Астафьев, есть доведенная до анекдота, но типичная для всего движения смесь: декла-

рируемой любви – и осуществленной ненависти». «“Черномазым” кличут по России человека вида нерусского, а тем паче кавказского, торгаш он или не торгаш, неважно; а еще кличут “чучмеком” и “чуркой”, если он по виду из Средней Азии». Автор якобы сам слышал, как дворники у одного универсама говорили, что «черномазых» надо давить, как тараканов. Теперь страсти разыгрались, власть ослабла, и мы могли бы видеть, как русские фашисты преследуют и громят «чучмеков». Но вот жалуется «руссофон» (русскоговорящий) из Кишинева: «В моем подъезде начертано крупно: чушки, уходите домой. Чушки – уличный синоним руссофона». Не русские же скандировали в Кишиневе: «Чушки, проводите свой митинг в Сибири», – и кто-то другой забил насмерть русского юношу за то, что на улице говорил по-русски. Не русские несли плакаты: «Мигранты, вон из Литвы», и это эстонский народный депутат написал, что русские произошли от женщин, изнасилованных татарами. Убивают друг друга азербайджанцы и армяне, грузины и абхазцы, грузины и осетины, громят месхов узбеки, но не слышно, чтобы кого-то убивали русские, зато погромы русских были в Алма-Ате, Душанбе, Туве. А беженцы любых национальностей стекаются в Россию, особенно в Москву. Можно сказать, какие же русские свойства здесь проявляются? Беженцы сами едут в Москву – что же с ними делать? Но ведь не всегда так мирно обходится. Например, когда в 1921 г. голодные беженцы из России хлынули в Грузию, там был поставлен вопрос о закрытии границы. Наверное, были в последние годы и такие столкновения, где инициаторами явились русские, но общий характер событий, кажется, никак не соответствует образу «русских фашистов». Концепция «русского фашизма» прошла первую экспериментальную проверку...

Б. Хазанов пишет: «Берегитесь, когда вам твердят о любви к родине: эта любовь заражена ненавистью. Берегитесь, когда раздаются крики о русофобии: вам хотят сказать, что русский народ окружен врагами». Но послушаем и другую точку зрения! Это написал Розанов в 1914 г., когда наш 74-летний эксперимент был еще в стадии подготовки: «Дело было вовсе не в “славянофильстве и западничестве”. Это – цензурные и удобные термины, покрывающие далеко не столь невинное явление. Шло дело о нашем отечестве, которое целым рядом знаменитых писателей указывалось понимать как злейшего врага некоторого просвещения и культуры, и шло дело о христианстве и Церкви, которые указывалось понимать как заслон мрака, темноты и невежества; заслон и – в существе своем – ошибку истории, суеверие, пережиток, то, чего нет...

Россия не содержит в себе никакого здорового и ценного звена. России собственно – нет, она – кажется. Это ужасный фантом, ужасный кошмар, который давит душу всех просвещенных людей. От этого кошмара мы бежим за границу, эмигрируем, и если соглашаемся оставить себя в России, то ради того, единственно, что находимся в полной уверенности, что скоро этого фантома не будет, и его рассеем мы и для этого рассеяния остаемся на этом проклятом месте Восточной Европы. Народ наш есть только “средство”, “материал”, “вещество” для принятия в себя единой и универсальной и окончательной истины, каковая обобщенно именуется “Европейской цивилизацией”. Никакой “русской цивилизации”, никакой “русской культуры”... Но тут уж дальше не договаривалось, а начиналась истерика ругательств. Мысль о “русской цивилизации”, “русской культуре” – сводила с ума, парализовала душу».

2. «Малый народ» сегодня

Отличительный признак «малого народа» во всех исторических ситуациях – его совершенно особое отношение к остальному народу, как будто к существам другой, низшей природы. И сейчас леворадикальный политик говорит: «Они живут по-свински, и что самое страшное, довольны этим». Экономист советует купить «им» на миллиард дешевого ширпотреба – на несколько лет «они» будут довольны. Так говорить мог только англичанин о неграх – да и то в прошлом веке. Авторы явно ощущают себя не внутри, а вне этого народа. Вот идеально четкая формулировка: «Два народа растягиваются к противоположным полюсам, чтобы еще раз схватиться. Один народ явно многочисленнее, непоседливо-непримирим, плотояден и груб – это все прошлые и нынешние вожди партии, сам “аппарат”, идейные сталинисты, идейные националисты, славянофилы и с ними вся необъятная Русь – нищая, голодная, но по-прежнему видящая избавление от всех бед только в “твердой руке”, в “хозяине”, в петлях и тюрьмах и иконе-вожде. Другой народ чрезвычайно малочислен. Он видит избавление в уничтожении власти бюрократии, в свободном и демократическом государстве»¹.

Мировоззрение этого течения не отягчено излишними сложностями: ни гегельянской фразеологией, ни рассуждением о превращении гвоздей в сюртук, ни призывами «штурмовать небо» или картиной прыжка из царства необходимости в царство свободы. Его можно назвать «идеологией велосипеда», ибо оно прекрасно

¹ Поразительно! Если исходить из концепции демократии, власти большинства (автор – депутат-демократ), то однозначен вывод: надо вернуть «власть твердой руки», «хозяина», тюрьмы и икону вождя. Ведь именно такова воля большинства.

выражается простым и бодрым призывом: «не будем изобретать велосипед!». Предполагается, что где-то уже готова несложная схема, следуя которой и нужно смонтировать нашу жизнь. Любой из них, вероятно, был бы глубоко обижен, если бы его духовную жизнь по сложности сравнили с устройством велосипеда. Но проблемы громадной страны, населенной сотней народов, с историей, уходящей вглубь на тысячелетия, с многогранной культурой они призывают трактовать на таком уровне.

Люди подобных взглядов у нас обычно называют себя «левыми». Это очень старый термин, он во всех случаях определяет четко очерченный тип. Так, Троцкий был левее Зиновьева, Каменева и Сталина, потом Троцкий, Зиновьев и Каменев – левее Сталина и Бухарина и, наконец, Сталин оказался левее Бухарина. До революции эсдеки были левыми, но среди них большевики – левее меньшевиков. Левыми были и эсеры, но среди них «левыми» назывались союзники большевиков по Октябрьскому перевороту. Термин «левый» устойчиво характеризует определенную жизненную установку. Язык – не «знаковая система», где можно обозначить любое понятие любым знаком: между понятием и выражающим его словом существует глубокая связь. По поводу слова «лево» Даль приводит выражения: «Левой ногой с постели ступил», «левизна: неправда, кривда». «Твое дело лево: неправо, криво». Смысл нарушения норм, уклонения от закона тесно связан с «левым», например, современное: «левый заработок». Латинское слово *sinister* означает левый, испорченный, несчастный, пагубный, дурной, злобный. Славянский, германский и литовский термин соответствует латинскому *laevus*, что означает левый, неловкий, глупый, зловещий. Сказано о Сыне Человеческом: «И поставит овец по правую свою сторону, а козлов по левую» (Мф 25:33). У многих

первобытных народов фундаментальную роль играет противопоставление рядов: день, солнце, правое, прямое... – ночь, луна, левое, кривое...

До революции наш «малый народ» (или можно было бы сказать «левый народ») не был однозначно партийным. Он заполнял верхи левых партий, но в большой степени был и внепартийным. После революции все изменилось: одна часть его вошла в правящую партию, другая подчинилась ей как «сочувствующие» и «попутчики», остальные были выброшены из жизни. Так, в подмороженном виде идеология «малого народа» и была пронесена в теле партии через десятилетия, пока не ожила вновь. Поэтому современный «малый народ» родился из партии и связан с ней общностью многих основных черт. Их роднит отчуждение от народа и отношение к нему как к «средству» и «материалу». Ленин пояснял Горькому свой взгляд на «мужика» (80 % населения): «Ну, а по-вашему, миллионы мужиков с винтовками в руках – не угроза культуре, нет? Вы думаете Учредилка справилась бы с их анархизмом? Вы, который так много – и правильно! – шумите об анархизме деревни, должны бы лучше других понять нашу работу». Сюда же относится образ России как «головни», которой можно зажечь мир. Да и Бухарин – как предлагавший переделывать человечество при помощи расстрелов – так и в свой самый мягкий период исходил из того, что крестьянство надо направлять, преобразовывать, руководить им, отказывая ему в праве на развитие согласно своим собственным традициям и взглядам. Сталинская коллективизация была для партии проблемой не идеологии, но тактики – поэтому она так легко была партией принята. И Хрущев ли, Брежнев или Андропов, говоря о «нашем государстве», всегда отсчитывали его историю с 17-го года. А до этого было что-то

для них «не наше». Я храню опубликованный в «Правде» ответ Брежнева на поздравление с 70-летием. Там нет не только намек на 1000-летнюю историю государства, в котором он властвует, но даже ни слова об этом государстве вообще – все только о партии и Ленине, как если бы он был в этой стране чужаком, иноземным завоевателем. Идеология «малого народа» и партии едины и в убеждении, что виновник всех неудач – народ. У Солженицына Сталин сетует: «Народ-то его любил, это верно, но сам народ кишел уж очень многими недостатками, сам народ никуда не годился». А сейчас наша экономика в кризисе, так как народ ленив. По той же причине эстрадные артисты, особенно любовно вырисовывавшие образ дурака-алкоголика из народа, были высоко ценимы партийными верхами, были увенчаны высшими наградами. Да это и понятно: так утешительно, глядя на талантливо поданный образ этого серого, неумного народа, еще раз убеждаться, что именно он причина любых неудач.

Но когда «народ» воспринимался не как все население, а как определенная нация, то это были русские, национальная персонификация, архетип абстрактного «народа». У Троцкого: их основная черта – «стадность», ленинская характеристика: народ «великий только своими насилиями, великий так, как велик держиморда», и так вплоть до сталинской формулы истории России, которая заключалась, «между прочим, в том, что ее все время били...». В этом отношении А. Н. Яковлев выражал фундаментальную партийную традицию в своей статье «Против антиисторизма» (1972) – сигнале к разгрому группы литераторов, заподозренных в русском патриотизме. Логично встречаем в ней и тезис, что «справного мужика» так и надо было «порушить». И совершенно в том же духе в статье «Синдром врага» (1990) он набра-

сывает свою схему русской истории («Возьмем хоть Россию»): «С кем только не воевала». «Все это формирует сознание, остается в генофонде». «Психологически – наследие отягчающее». Как же жить народу с отягченным генофондом: ведь гены не перевоспитываются? (Одно утешение, что из школы знаем: приобретенные признаки на генофонд не влияют!) Так сливается идеология «малого народа» и правящего партийного слоя.

Единство идеологии – причина преданной любви современного «малого народа» к революционному прошлому и его героям: «бурному, почти гениальному Троцкому» или Бухарину – «человеку, отвергающему зло» (как его назвала одна газета). Особенно же к 20-м годам – эпохе, когда готовился прыжок на деревню, воспитывался слой людей, для которых весь деревенский уклад жизни был отвратителен, подлежал уничтожению. Витает надежда, что недоделанное тогда удастся завершить сейчас: «На дворе двадцатые годы. Не с начала, так с конца». Нам предлагают считать деятелей той эпохи романтиками – быть может, заблуждавшимися – в отличие от чудовища Сталина. Действительно, те люди испытывали некий подъем, прилив энергии: это можно назвать романтизмом, можно – одержимостью. Но ведь такой же подъем давала и романтика «нордической расы»! Казалось бы, следует применять одну мерку к тем, кого судили в Нюрнберге, и к тем, кто уничтожал казаков. Или истребление мужиков это только ошибка романтиков? Интересно вспомнить, как всего года 3 назад левая пресса встала стеной на защиту этих дорогих воспоминаний. «Ни шагу назад от 37-го года!» – было тогда лозунгом дня. «Для чего надо уравнивать преступность и безнравственность Сталина с безвыходностью (?) революционеров? – Чтобы посеять в душах сомнение в правильности социалистического

выбора». Это писалось не в правоверной партийной газете, а в самом популярном левом издании. Когда В. В. Кожин выказал мысль, что сталинизм – результат всемирного процесса, эта же пресса обвинила его в том, что он хочет этим реабилитировать Сталина. А когда я поддержал и развил его мысль, то моя заметка была уравновешена статьей Р. Медведева, где он разоблачал страшную тайну, что я хочу бросить тень на лозунг «больше социализма!» (который все они тогда твердили). Моя старая работа «Арьергардные бои марксизма» была перепечатана здесь, когда все левые идеологи еще мужественно вели эти бои. Подобных примеров много. Именно мы, «консерваторы», постепенно заставили левое течение отказаться от той фразеологии «заветов Ленина», «социалистических идеалов» и даже, частично, марксизма, которую многие из них сейчас уже патетически клеймят.

Да связь «малого народа» с партийным правящим слоем видна и на персональном уровне. Кто сегодня их вожди: политические лидеры, идеологи? Это вчерашние деятели партийного аппарата (вплоть до очень высоких), экономисты-специалисты по анализу развития социализма, идеологи, философы, даже следовательно, генералы КГБ, министры МВД! Почти все из них 1–2 года назад были членами КПСС: «коммутанты», по выражению Б. Олейника. Среди них нет почти никого, кто вчера противостоял бы этому правящему слою. Из тех, кто боролся против переброски рек, отравления Байкала, – никто не оказался среди левых лидеров. Даже участники диссидентского правозащитного движения, несмотря на близость многих взглядов, очень плохо принимаются этим слоем. Сахаров был редким исключением, им надо было бы беречь его, как зеницу ока, не вовлекать в сиюминутные свои конфликты.

Переход от ортодоксальной коммунистической к левой фразеологии происходит часто почти мгновенно, что было бы почти невозможно, если бы здесь не было идеологического единства. Так, В. Гроссман писал: «Партия, ее ЦеКа, комиссары дивизий и полков, политруки рот и взводов, рядовые коммунисты в этих боях организовали боевую и моральную силу Красной Армии». В войне, по его мнению, «побеждали рабочие и крестьяне, ставшие управителями России». Он даже подписал письмо Сталину, требующее самой суровой кары «врачам-убийцам». (См. Семен Липкин. «Время и судьбы». М., 1990.)

Единство так сильно, что одна сторона болезненно чувствует, когда задевают другую. Так, недавняя комсомольская, а ныне независимая ленинградская газета «Смена», посвятив целую страницу критике моих взглядов, самыми жирными буквами выделила слова, связанные с утверждением (в моем интервью, напечатанном ранее той же газетой), что дело не в личном противостоянии Ельцина и Горбачева, а просто – что не будет у нас эффективного руководства, пока оно в руках представителей прежней партийной верхушки. Единство сказывается и в том, с какой легкостью «левые» апеллируют к аппарату власти: суду, КГБ – хотя теоретически они его сурово осудили. Парадоксальный пример – Г. Померанц так опровергает мое мнение, что идеология «Памяти» и прибалтийских «фронтов» совпадает: «Правда, официально известно, что одного из лидеров “Памяти”, Васильева, пришлось предупредить насчет ответственности на случай погрома». Но кому это «пришлось»? – КГБ. Ему же, только называвшемуся МГБ, насколько я знаю, «пришлось» в свое время не только «предупредить», но и отправить в лагерь Померанца. Неужели даже это не мешает рассматривать такое «предупреждение» как весомый аргумент?

Особенность современного «малого народа» в том, что он уже не в первый раз в нашей истории оказывается одной из решающих сил. Видимо, в связи с этим для него такую болезненную роль играет проблема исторической ответственности, вины. Как странно! Из этого слоя мы часто слышим, что поиски «виноватого», «синдром врага» – это признаки ущербного сознания. Нам разъясняют, что выбитые из жизни, дестабилизированные люди и целые слои народа склонны искать где угодно «козлов отпущения». Но удивительным образом тут же мы слышим, что носителями сталинизма являются низы народа («сталинизм, так сказать, массовый, низовой»), социальной базой Сталина было патриархальное крестьянство, сейчас питомник тоталитарной идеологии – разоренное крестьянство («новые гунны»), в революции виноват народ, русские. Но ведь все эти группы тоже «кто-то» – и почему же их дозволительно делать «козлами отпущения»? Почему это не признак ущербного сознания? Недавно появилась парадоксальная статья сотрудника КГБ, где автор, жалуясь, что его ведомство стало «мальчиком для битья», призывает не искать виноватых, а признать, что виновна «вся нация». Здесь отсутствие логики прямо бросается в глаза, равно как и цель – прекратить разговоры на неприятную тему. Но и в остальных же случаях дело обстоит не иначе.

А ведь проблема «исторической ответственности» очень глубока и важна – и как жаль, что она превратилась в футбольный мяч, который перебрасывается от одного к другому! Все сводится лишь к тому, чтобы назвать «виноватого» – патриархальное крестьянство, масонов, национальные черты русских или евреев. Но сначала надо было бы обсудить саму постановку вопроса. Говоря о вине народа, мы пользуемся аналогией народ-человек, так как обычно лишь к человеку при-

меняется понятие вины. Такие аналогии часто продуктивны для постановки вопросов, но опасны как метод для поиска ответов. Все ведь зависит от того, как далеко простирается аналогия! Можно действительно привести много аргументов в пользу того, что народ – это нечто живое. Даже одухотворенное, так как способно к творчеству – например, фольклора. Но в то же время это «организм», которому в гораздо большей степени присуще бессознательное творчество, чем логическая выработка решений для достижения сформулированной цели. Только рассмотрение множества исторических ситуаций могло бы уточнить, в какой мере такому «организму» свойственно понятие «вины». В нашей революции очень отчетливо выделяется одна фаза, условно – «февральская», когда усилиями тогдашнего «малого народа» разрушаются «интегрирующие механизмы», позволяющие народу ощущать себя и действовать как единое целое. Подвергается осмеянию и делается предметом ненависти национальная история, вера, историческая власть, армия. Создается множество мифов, внушаемых народу (о колоссальных помещичьих землях, которые могут утолить земельный голод крестьян, об измене двора, всевластии Распутина и т. д.). Народ как бы парализуется, становится беззащитной жертвой небольших агрессивных групп. Такой процесс больше похож на болезнь, чем на преступление – понятие вины к нему применять трудно. С другой стороны, русская революция была звеном в грандиозном всемирно-историческом процессе, длившемся не одно столетие. В те же годы, что Советская Россия, возникла Советская Венгрия и Советская республика в Баварии, коммунистические партии возникали во всех странах. Западное общественное мнение в большинстве своем приветствовало «блестящий эксперимент». Суще-

ственную роль играли устойчивая неприязнь Запада к исторической России, деньги германского генерального штаба, мощный приток сил радикального еврейства в революцию. Все эти внешние факторы надо откинуть, рассматривая проблему «русской вины». Остается ли хоть что-то после этого? Чувство говорит мне – что да! Что история не является процессом «по ту сторону добра и зла», где бессмысленно задавать вопрос о вине, как бессмысленно (по любимому сравнению Л. Н. Гумилева) спрашивать – кто прав: щелочь или кислота в химической реакции. Есть проблема выбора, в решении которой возможна нравственная ошибка, влияющая на всю следующую историю, – то, что Достоевский называл «ошибками сердца». Выделить этот фактор (или убедиться, что его не существует) – было бы очень важно для осознания нашей судьбы.

3. «Малый народ» читает «Русофобию»

Никак я не ожидал, что реакция на мою работу «Русофобия» достигнет такого размера: только отдельных, посвященных ей статей (у нас и на Западе) мне известно более 30. Сверх того, многочисленные пассажи о ней в статьях, посвященные ей радиопередачи, множество писем. Критические статьи, письма и передачи исходят, в основном, как раз от того слоя, который я назвал «малым народом». Внешне различаясь – от корректных до грубо-ругательных, разного уровня культурности и даже грамотности, они основаны на очень единообразном мировоззрении. Было бы жаль не воспользоваться столь обильной информацией об этом слое. Соблазнительно попытаться яснее понять явление русофобии при помощи откликов на «Русофобию».

Русофобия как переживание, чувство особенно ярко проявляется в письмах. «Алкогольно-послушное большинство», «революция, задуманная как освобождение, как истинный социализм, выродилась на русской почве из-за ряда национальных особенностей», «народ, бунтующий за 6- или 8-конечный крест или из-за способа написания имени идола» (намек на раскол, одним из поводов к которому было изменение написания имени Иисуса. Так что «идол» – это Христос, чувство выражено серьезно!). Вот некоторые характеристики из одного только письма: «самовлюбленный дурак: мы на горе всем буржуйам!», «тысячелетие диктатур подорвало интеллектуальный и моральный потенциал масс», «претензии на пуп земли», «народ с упоением самоуничтожающийся», «нищий debil с атомной бомбой», «герой фольклора Иванушка – debil есть ли еще у какого народа?». Последнее хоть проверить можно. У Афанасьева к сказке «Иван-дурак» есть примечание: «Сказка известна во всей Европе, на Кавказе, во всей Азии, на островах Зеленого Мыса, в Америке. Древнейший известный вариант относится к 492 г. и содержится в китайском сборнике Po-yu-king, переведенном с индийского». Сюжет приведен в справочниках всемирно распространенных сюжетов Volte-Polivka, Aarne-Thompson и многих других. Автор, видимо, и не пытался проверить свой взгляд, он был ему заранее известен, и факты должны были его подтвердить – иначе, что же это за факты!

Концепция «малого народа» тоже выражена очень ярко. Один корреспондент пишет, что концепция ему даже нравится, но ее надо дополнить одним предложением: «А очень просто. Они умнее других». Сопоставим с мыслью предшествующего автора о народе-дебиле. Как же «умные люди» поведут его по пути прогресса? Ведь он элементарной логики не понимает, тут нужны

другие средства. (Вот и автор уже посылает на меня жалобу в идеологическую комиссию ЦК – написано-то было еще в 1989 г.)

В критических статьях меня поразила какая-то пропасть взаимного непонимания, мои аргументы просто не воспринимаются критиками, наши рассуждения движутся в разных, непересекающихся пространствах. Причем мне кажется, что лишь в некоторых случаях это есть сознательное игнорирование сказанного как полемический прием.

Пример такого загадочного непонимания – обсуждение (множеством авторов) самого явления русофобии. Есть стандартный набор цитат из статьи в статью, в письмах, в записках после выступлений. Это – слова из письма Пушкина о себе самом: «удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится – ай да умница», предсмертная запись в дневнике Блока: «Слопала меня Россия, как чушка глупого поросенка», «Прощай, немытая Россия» Лермонтова, «В судах полна неправды черной» Хомякова, Чаадаев, Гоголь. Авторам кажется убийственным вопрос: «Не зачислите ли вы и их всех в русофобы?» Всякий раз кажется, что спрашивающие, если бы захотели, смогли бы и сами понять и ответить – а если есть желание не понять, то любые ссылки излишни.

Тут смешиваются отрывки из личного письма и дневниковые записи со статьями и книгами. Но кто будет судить, например, об отношении мужа к жене по словам, вырвавшимся во время ссоры? Когда-то в связи со скандалом, вызванным публикациями Синявского, и в частности «Россией-Сукой», в оправдание ему вспоминали, что и Блок-де назвал Россию чушкой. В письме в парижскую «Русскую мысль» один не раскрывший своего имени автор из СССР обратил тогда внимание на то, что Блок написал это в дневнике, а Синявский в

журнале «Континент»; Блок – в России, умирая с голоду, а Синявский – в Париже, отнюдь не голодая. И Блок, назвав Россию чушкой, назвал и себя поросенком, а Синявский... не пожелал сделать из этого напрашивающийся о нем самом вывод.

Еще поразительнее любовь к «немытой России». Авторство Лермонтова не раз ставилось под сомнение, стихотворение впервые упоминается через 30 лет после его смерти, автографа нет. В некоторых дореволюционных изданиях печаталось в разделе «приписываемое». Во всяком случае не его следовало бы привлекать для характеристики отношения Лермонтова к России, столь отличного в других его произведениях. (Для сравнения – пушкинское стихотворное переложение «Отче наш»: «Отец людей, Отец Небесный...» в последних изданиях его сочинений вообще не упоминается.) Недавно я просмотрел ряд учебников литературы за все классы: «Немытая Россия» повторяется дважды – если ученик забыл, чтобы через несколько лет вспомнил. Что же отражает такая сладострастная тяга к этому стихотворению, как не русофобию?

Конечно, было и такое загадочное явление, как Чаадаев, друживший с Пушкиным и писавший: «Мы миру ничего не дали», «мы не дали себе труда ничего создать в области воображения». Но было и еще ярче, Печерин: «Как сладостно отчизну ненавидеть! И жадно ждать ее уничтоженья». Что же это доказывает? Только существование русофобии (у Чаадаева – как одной из компонент его загадочного мировоззрения). Так о том и статья.

Конечно, существуют явления, обладающие общими внешними чертами, хотя и совершенно различные. Но ведь разница чувствуется сразу! Когда Гоголь читал Пушкину «Мертвые души», тот сначала смеялся, потом становился все печальнее и воскликнул: «Боже,

как грустна наша Россия!» Но разве мог бы кто-нибудь сказать, что «Россия грустна», читая роман Войновича, где наши потомки в XXI в. питаются переработанным калом; этот «вторичный продукт» сдают в приемные пункты, а выполнившие норму получают право в особом чулане предаться рукоблудию. У Гоголя ощущается ужас перед греховностью человека, для него, конечно, – русского человека. Это «критика человека», идущая вглубь его духовной сущности, но основанная не только на сочувствии, но на чувстве единства с ним. Роман же Войновича содержит, собственно, лишь поверхностные, хоть и нечистоплотные ругательства, бессодержательные, как ругательства, выкрикиваемые пьяным или написанные на заборе. Сочувствию же здесь явно нет места: всю ситуацию автор описывает, весело похихатывая, а может быть, и со злорадством.

Казавшийся мне столь любопытный феномен «малого народа» не вызвал вообще никакого интереса, попыток принципиального обсуждения. А меня-то так поразила единообразность всех исторических реализаций этого явления! Когда наши публицисты утверждали, что в России вообще нет литературы, Пушкин и Лермонтов – бездарности, вся культура – у немцев, немецкие то же писали о своей литературе, о Гете, и культуру видели лишь во Франции, а французские – в Англии. Но я встретил лишь возражение по поводу деталей. Наиболее распространенное – что это неправдоподобно, будто меньшинство могло навязать свою волю большинству, что такая мысль даже оскорбительна для «большого народа». Конечно, если бы речь шла о чисто физическом столкновении, так сказать «стенка на стенку», это был бы убедительный довод. Но ведь «малый народ» действует через идеологию, средства массовой информации или подпольные партии – тут не численное

соотношение решает. Ведь не удивляет же то, что, например, отсутствие витамина В₁₂, которого в организме всего 1–2-миллионные доли грамма, вызывает злокачественную анемию и смерть или что еле видимые бактерии убивают крупное животное, – «оскорбителен» ли этот факт для животного? В начале 80-х годов прошлого века департамент полиции составил список всех известных ему революционеров. Он включал действительно подавляющее число участников революционного движения, а всего в списке был 151 человек, это за четверть века до революции! Наиболее ярко непонимание этой стороны жизни проявил Сталин, когда на замечание о роли папы римского спросил иронически: «А сколько он может выставить дивизий?» Кроме того, область деятельности «малого народа» есть разрушение, а оно всегда примитивнее и требует гораздо меньше усилий, чем созидание, жизнь. Чтобы создать Пушкина, необходимы были тысячелетия русской и мировой истории, чтобы убить – достаточно одна пуля Дантеса.

Иногда мои критики в своих взглядах отстают друг от друга дальше, чем я от каждого из них. Так понятию «малый народ» даются две диаметрально противоположные интерпретации. Одна – что это любое меньшинство. Например, штатный философ «Радио Свободы» Б. Парамонов напоминает, что и апостолы составляли меньшинство, и предлагает мне, как христианин христианину, над этим задуматься. Но ведь «малый народ» – это такое меньшинство, которое стремится сохранить свою изолированность среди остального народа, видя в этом путь к подчинению большинства его воле. Апостолам же было завещано проповедовать свою веру всем народам, т. е. перестать быть меньшинством! Почему-то это очевидно-нелепое возражение повторяют многие критики. Противоположная интерпретация, наоборот,

чрезвычайно суженная, что «малый народ» – это одни евреи. Например, Синявский не раз так излагает мою работу: «малый (еврейский) народ, оказывается, ведет давнюю смертельную борьбу с большим (русским)». Какое отношение это может иметь к моим взглядам, если в качестве примера «малого народа» я привожу в своей работе пуритан во время Английской революции, в то время как евреи были изгнаны из Англии еще в XIII в. и въезд туда был им запрещен под страхом смерти? В применении к современному «малому народу» я разбираю этот вопрос подробно («Наш современник», 1989, № 6, с. 189, и № 11, с. 165) и привожу ряд соображений, почему отождествление «малый народ» – евреи, на мой взгляд, неверно. Вот случай, который никак уж нельзя отнести за счет добросовестного непонимания. То же утверждение содержится в письме за подписью 31-го автора («Книжное обозрение», № 38, 1989). Письмо вообще содержит иногда и прямую неправду, написано в духе писем, когда-то разоблачавших Пастернака, Солженицына или Сахарова. К сожалению, под ним стоит подпись и самого А. Д. Сахарова! Еще больше поражает подпись академика Лихачева, для которого добросовестное отношение к разбираемому источнику должно бы быть профессиональной привычкой. Одно утешение – надеяться, что оба они подписали письмо, не вчитываясь, положившись на составителей.

Многие возражения остались мне просто непонятными, как ни старался. Например, тот же философ со «Свободы» Б. Парамонов упрекает, что мне «любезно» представление об органическом характере общества – с его же точки зрения, «общество нельзя понимать по аналогии с природой», так как в природе нет свободы. Но если у Парамонова есть собака, то он должен видеть, как она все время проявляет свободу – например, убе-

гая от хозяина за встреченной кошкой. Именно взгляд на природу как на нечто низкое, неодушевленное породил концепцию «покорения природы», уверенность в праве делать с нею все, что захочется, – то есть тот экологический кризис, который угрожает гибелью природе и человеку, забывшему, что он ее часть. А между тем аргумент так понравился, что перекочевал в несколько наших статей. Но Б. Парамонов пугает и страшнее: «Органические общества – это застойные общества». Однако органична, прежде всего, Природа, а в ней происходят, как известно Б. Парамонову, не застои, но – эволюция. За 4 миллиарда лет до нас на земле еще не было жизни, за 2 миллиона – не было человека, а совсем недавно – самого Б. Парамонова. И нет уверенности, что природа исчерпала на нем свои творческие силы – как сказал один герой Конан-Дойля, быть может, она нам готовит еще большие сюрпризы.

Видимо, как мои критики не понимают меня, так и я их понять не способен. Включая и критику с использованием христианской лексики. Например, в связи с коробящими критика цитатами из Ветхого Завета. Что же, христиане должны манипулировать цитатами из Писания, как марксисты своими «классиками»? Если в Библии говорится, что царь Давид клал побежденных под пилы, то можно попытаться уяснить себе, каково место этих и других эпизодов из Ветхого Завета в христианском мировоззрении, можно, на худой конец, признать, что это нам сейчас непонятно, но постыдно притворяться, будто это не существует. Что уж говорить о пестрящей текстами из Писания статье, где я уличен в жажде расправы, ненависти, в том, что я вмешиваюсь в Божественное Домостроение, недоволен Богом, духовно отказался о Христианства, презрел евангельские заповеди, ношу маску инквизиторов, тайна которых

«Мы с ним». «Он же – это сатана, принимающий вид “Ангела Света”». В заключение автор кротко напоминает, что «христиане призваны не проклинать». (Один из героев Вальтера Скотта сказал о пуританах: они вас, не долго думая, повесят, а чтобы успокоить совесть, сопроводят это каким-нибудь текстом вроде «Тут Финеас восстал и произвел суд».)

Поражает меня, что авторы хранят молчание как раз по поводу вопросов, в которых они компетентны. Например, Синявский не согласен со мной, что русские и украинцы изображены в «Конармии» Бабеля существами низшего типа. Нет, говорит он, скорее, героическими людьми. Но ведь у меня, например, приведена цитата: «И чудовищная Россия, неправдоподобная, как стадо платяных вшей...» Синявский говорит, что Бабелем много занимался: вот тут бы и разъяснить, что же в этом образе «скорее героического». И как раз об этом он молчит, хотя где только не писал и не выступал по поводу «Русофобии».

Или вот Б. Хазанов высказал очень интересную мысль, которую я в своей работе цитирую: «Заменяв вакуум, образовавшийся после исчезновения русской интеллигенции, евреи сами стали этой интеллигенцией». Ведь интеллигенцию можно сопоставить с нервной системой народа. Что же это получилось за необычное существо, у которого нервная система и тело сделаны из разного этнического материала? Хазанов посвятил «Русофобии» особую статью, где сравнивает меня с Гитлером, и Розенбергом, и Штрейхером, – но вот эту интересную мысль никак не комментирует.

Или еще: по поводу фразы Солженицына «аппарат ЧК изобиловал латышами, поляками, евреями, мадярами, китайцами», Померанц уличает автора, что он «засунул опасное слово посредине, чтобы его нельзя

было выдернуть для цитирования». В «Русофобии» я высказываю свое недоумение, почему «опасно» именно это слово, стоящее посредине, а не все остальные? Но тщетна была надежда получить ответ: Померанц много раз высказывался о «Русофобии», но говорил о чем угодно, только не об этой своей фразе, смысл которой он мог бы нам открыть. Как жаль!

Когда стало ясно, что на работу будут появляться отзывы, я с большим интересом стал их читать, надеясь встретить обсуждение по существу, пусть бы авторы и были со мной полностью не согласны. Но в результате – полное разочарование. Часто я так и не мог понять, каково же отношение авторов к основным положениям статьи (например, как они сформулированы в начале этой работы). Если даже признать все возражения – и про природу, и про Бабеля и о Священном Писании и т. д. – все же остается, например, непонятным: считает ли автор русофобию реальным, весомым фактором нашей жизни? Существует ли такой феномен «малый народ»? Впечатление от этих критик было другое: они стремятся внушить, что работу читать не следует, если же кто прочел – тому лучше ее скорее забыть. А сверх того видна в ряде случаев неприязнь к окружающему народу, уверенность в его неполноценности и в призвании «умных людей» решать судьбу «народа-дебила».

Особый оттенок всей дискуссии придают применяемые в ней полемические приемы. Например, Померанц пишет: «Теперь несколько слов о полемических хитростях. Это тоже, кстати, черта несвободного сознания. И. Шафаревич... заявляет себя человеком, далеким от “Памяти” (бедной, оклеветанной “Памяти”) – и кончает статью трегубой аллилуйей в ее честь». Прочитав, я так и ахнул – откуда же это? Но автор приводит точную цитату: «Верю в громадную силу памяти: в то, что каждый

народ... и даже все живые организмы... все они хранят в себе память...» А вот это: «Все в жертву памяти твоей...» Так и Пушкин, оказывается, тайно сочувствовал «Памяти!» Ах, неосторожные это были слова о «полемических хитростях» и «несвободном сознании».

Еще пример. Получаю письмо за подписью Алексея Шмелева с рядом вопросов по поводу «Русофобии». В том числе – откуда взяты цитаты из Талмуда. Ответил, указав мои источники (включая недавнюю книгу профессора университета в Тель-Авиве Я. Каца), даже посоветовав, в какой библиотеке эти книги можно найти. Получаю письмо с благодарностью за «ясный и точный ответ». Вдруг в журнале «Знамя» встречаю статью того же Алексея Шмелева «По законам пародии? (И. Шафаревич и его «Русофобия»)». Автор приводит слова М. Агурского по поводу другой статьи совсем другого человека (псевдонима), что там «цитаты, исполненные искажений, ...заимствованы из антисемитской литературы дореволюционного периода, как книги А. Шмакова, И. Лютостанского и др.». И дальше: «Не пользовался ли Шафаревич этим же оригиналом? Или он обнаружил какие-то новые данные?..» Увы, эти данные известны не только мне, но и Шмелеву. (А после, ссылаясь на Шмелева, казанская газета «Наука» печатает статью: «Как Шафаревич источники извратил».) Что уж тут апеллировать к Священному Писанию и христианским ценностям: на такие проделки не пойдет и средний готтентот!

И еще пример. Был у меня вечер в МГУ в октябре 1989 г., и через несколько дней станция «Свобода» передала сообщение о нем: «от нашего московского корреспондента Марка Дейча». Всем, пришедшим на вечер, не удалось поместиться в зале, и устроители радиофицировали холл. Марк Дейч рассказал, что было совсем немного народу, да и неудивительно, так как уважающие себя люди

не пошли бы на встречу с автором «Русофобии» (как любезно по отношению к сотням присутствовавших!). Вечер продолжался три с половиной часа, пока я не ответил на все вопросы. Марк Дейч сообщал, что, ответив на несколько записок, я сказал, что устал и хотел бы закончить вечер, и т. д. Остается недоумение: что это – моральный и профессиональный уровень самого Марка Дейча или стиль радио «Свобода»? Чему можно и можно ли чему-либо верить в передачах этой радиостанции?

Публицист Б. Сарнов пишет: «Я не способен в джентльменском, **парламентском** стиле полемизировать, скажем, с Шафаревичем». К сожалению, далеко не он один. Вот некоторые характеристики, данные мне и моей работе: фашист, законченный нацист, сравнение с Гитлером-Розенбергом-Штрейхером (в назидание упоминается, что последние повешены), публикация работы в ФРГ – уголовно наказуемое действие, мания преследования, инсинуации, параноидальный бред, инквизитор, слился в одну кучу с Ниной Андреевой и идет с ней разными дорогами к одному обрыву, «фанатическая книга», «националистическая опухоль». «Книга полемики не заслуживает», «говорить не о чем», Сивянский предлагает по поводу работы «не браниться, не сердиться, не читать нравоучения, а смеяться» – но ни он сам, ни другие авторы явно совету не последовали. Зато в «Новый мир» пришло письмо, в котором автор возмущается, что журнал напечатал мою статью (совсем другую): «Дело здесь не в содержании статьи, а в имени автора». Развивая эту линию плюрализма, Б. Сарнов потребовал, чтобы КГБ занялось моей работой. В газете «Советский цирк» эссе профессионального эстета о «Русофобии» иллюстрируется каким-то лицом с выпученными глазами и высунутым языком. В газете «Смена» публикация статей с критикой моего

интервью той же газете сопровождается редакционным введением, содержащим ругательства, которые я раньше слышал только от пьяных, не полагал их возможными в прессе... Парамонов – философ – опубликовал эссе с нецензурным (или нецензурным?) названием, обозначающим вещество, ранее относившееся исключительно к ведению ассенизаторов. На протяжении всего своего философски-ассенизационного исследования он весело купается, барахтается и ныряет в «веществе».

Тогда услышал я (о диво!) запах скверный,
Как будто тухлое разбилось яйцо,
Иль карантинный страж курил жаровней серной.
Я, нос себе зажав, отворотил лицо.
Но мудрый вождь тащил меня все дале, дале –
И, камень приподняв за медное кольцо,
Сошли мы вниз, – и я узрел себя в подвале.

4. «Антисемитизм»

К сожалению, то, что обсуждалось выше, – лишь незначительная часть написанного о «Русофобии». Доминирует же – и объемом, и силой страсти – переживание суждений о еврейском течении в современном «малом народе». Остальное отодвигается на задний план как незначительная мелочь: судьба России, трагедия народа, стоящего между бытием и небытием под тяжестью непрестанного давления на его национальное сознание. Даже само название работы должно было бы указать, что посвящена она русской теме, но это почти полностью игнорируется.

Как и следовало ожидать, господствует, заглушая робкий голос разума, один клич: «антисемитизм!».

Уже в «Русофобии» я высказал свое мнение об этом термине: он нарочно оставляется нерасшифрованным, аморфным. Это сигнал, который, идя помимо логики, должен действовать на эмоции, возбуждать агрессивность. Таков испытанный прием управления массовым сознанием. Поразительно, что заданный в старой работе вопрос – что же это такое, «антисемитизм»? – ВСЕМИ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ известными мне критиками не замечается. Никто из них не попытался объяснить, что он имеет в виду: действия, наносящие ущерб людям лишь потому, что они евреи? Пропаганду дискриминации евреев или насилия над ними? Выражение презрения к евреям как к нации: типичным чертам внешности или поведения? Да и еще масса возможных толкований. Даже автор, сообщающий, что «Сам Бог наложил абсолютный запрет на антисемитизм», оставляет нас в неведении о содержании этой «одиннадцатой заповеди» (вот «не убий», «не укради» – разъяснений не требуют!).

Уж нашему-то поколению, казалось бы, можно было почувствовать нечистоплотность таких пропагандистских приемов. Каждый сталкивался с совершенно тождественным по духу, по логической структуре и социальной функции штампом: «антисоветизм». Оба эти клише-двойника являются, я думаю, продуктами одного типа сознания. Казалось бы, теперь пора устыдиться, как чего-то грязного и постыдного, подобных приемов, пахнущих 70-й и 58-й статьёй, да и «законом» 1918 г. против «антисемитской и погромной агитации»: «ведущих подобную агитацию “ставить вне закона” (?)».

Статьи УК, касавшиеся «антисоветской агитации», были направлены на сохранение режима и власти правящей верхушки. Но так обнаженно это нельзя было сказать, и в ход шли «государство», «советский народ» и даже «прогрессивное человечество». Аналогично и

клише «антисемитизма» имеет целью наложить запрет на обсуждение действий какого-то узкого слоя, входящего в «малый народ». Чтобы вычеркнуть из сознания эту сторону, внушается, что речь идет о некоей (хотя и нерасшифрованной) угрозе всему еврейскому народу. В частности, все критики моей работы как будто слепнут, доходя до тех ее мест, где высказывается и аргументируется убеждение, что в современном «малом народе» действует какое-то очень специфическое течение еврейского национализма.

Насколько проще, не утруждая себя аргументацией, выстроить цепочку: антисемитизм – фашизм – 6 миллионов евреев, убитых нацистами (Синявский, для убедительности, – 6 миллионов, убитых в Освенциме!). Этот прием используется постоянно. Одна «критика» так и озаглавлена: «Обыкновенный фашизм». В конце автор (все тот же Б. Хазанов) пишет: «Весь состав идей академика Шафаревича от начала до конца воспроизводит пресловутое “мировоззрение” (Weltanschauung) гитлеровской гвардии и, в сущности, выдает в нем законченного нациста. Все это уже было – и мы хорошо знаем, чем это кончилось». Все это действительно было, причем всего на два года раньше, в том же журнале. Вот как это звучало: «Где-то это было уже – утверждение “национального возрождения” через ненависть врагов, активные поиски этих врагов во вполне определенном направлении – среди евреев, конечно. Память не обманула...» Далее следует цитата: « Да, конечно, это из “Mein Kampf” Адольфа Гитлера». Но это не про меня, а про В. А. Астафьева (по поводу переписки с Эйдельманом) и написано не Хазановым, а его соредктором Любарским. Так что же это за психология: чуть что не понравится – это фашист, повторяющий Гитлера. (Точно так, как писали у нас в 30-е годы!) Ведь если объединить всех, кто когда-то критически

относился к каким-то еврейским группам и течениям, то получится очень пестрый список: Евангелист Иоанн, Цицерон, Тацит, Иоанн Златоуст, Савонарола, Лютер, Шекспир, Петр Великий, Вольтер, Державин, Наполеон, Фурье, Вагнер, Достоевский, Розанов, Блок и очень многие другие. Гитлер в этом списке, конечно, тоже должен быть, но занимает совершенно особое место. Однако будет там и Ленин, и даже евреи, такие, как Маркс и Отто Вейнингер. Люди столь разнородные, что присутствие их в соседстве, кажется, ничего не означает.

События последних лет, а особенно почти неограниченная громогласность, еще раз показали национальную ориентацию нашего «малого народа». Как и в других вопросах, жизнь внесла очевидную ясность там, где раньше приходилось оперировать догадками и косвенными доказательствами. В последние годы страну потрясла цепь кровавых межнациональных столкновений. Теперь кровь льется все время, многие сотни тысяч превратились в беженцев. Тут можно наглядно увидеть: какой народ более угрожаем, несет большие жертвы? Как же оценили ситуацию средства массовой информации (в своей подавляющей части) и поддерживающие их (и поддерживаемые ими) левые вожди? Кого они сочли нуждающимися в особой защите: армян (Сумгаит), русских (Алма-Ата, Душанбе, Тува), месхов, осетин? Неподготовленный читатель не поверил бы: мы слышали лишь одно требование – закона против антисемитизма. Об этом публиковались статьи, письма в редакцию, подавались петиции депутатов, в то время как никаких реальных оснований для этого не было. Зато были основания, созданные средствами информации: печатались письма от боевиков «Памяти» с угрозой кровавой расправы над редактором про-

грессивного журнала (но когда все мы содрогнулись от ужаса, оказалось, что автор писем – провокатор, желающий скомпрометировать «Память»), анонимные письма до смерти запуганных жертв преследований (хотя в других случаях использование анонимок считается недостойным), публикация тайных инструкций «Памяти» с призывами к расправам, слухи о грядущих жестоких погромах. О них объявляли уже не раз: и к 1000-летию крещения Руси, и ко дню Святого Георгия, 6 мая 1990 г. И вот парадокс: погромам у нас подвергались, кажется, все народы, кроме евреев.

Столь же сильному давлению подвергается и сознание Запада. Пример – письмо академика Гольданского, опубликованное в 1990 г. в «Вашингтон пост». Название: «Антисемитизм: возвращение русского кошмара». Утверждается, что у нас возникли «злобные антисемитские группы», процветающие «в атмосфере злобы, зависти, поиска “козла отпущения» и ненависти», они «сейчас стали самыми мощными и, безусловно, наиболее быстро растущими силами раскола, толкающими страну к кровопролитию и гражданской войне». Автор называет их «монархо-фашистами». Они стремятся «закончить то, что начал Гитлер», они «встречают симпатии и попустительство со стороны видных лидеров партии и правительства СССР». Погром назначен на 6 мая 1990 г., и уже сейчас произошло нападение на собрание «прогрессивной группы писателей» в ЦДЛ. Я просто не знаю другого случая такой апелляции к стране, с которой роковым образом связана наша судьба, возбуждения ее общественного мнения – и столь чудовищного искажения всех пропорций. Статья и не приводит никаких фактов: автор ссылается лишь на анализ газеты «Советский цирк» и какое-то письмо из

ФРГ, подтверждающее, что на Западе «такие проявления» были бы неконституционными. А ведь пишет это парламентарий, наш депутат! Прошло больше года: не совершилось никаких погромов, «монархо-фашисты» не начали гражданскую войну и не произвели кровопролития. Что же, были ли принесены извинения за эту напраслину, возведенную на страну, гражданином которой числится автор? Нет, как и в случае редактора, писавшего об угрозах ему боевиков «Памяти». Возбуждены страсти – у нас и в США, – создана паника, под влиянием которой тысячи евреев покинули страну, а те, кто этому способствовали, тихо уходят в тень.

Кульминацией, но почти и карикатурой был «инцидент», или «шабаш», в ЦДЛ. На собрание группы писателей в Доме литераторов пришла компания неизвестно кем пропущенных людей. Появились плакаты, из которых самым криминальным был: «Сионисты, убирайтесь в Израиль!» (бессмыслица: сионисты – это как раз те, кто едет в Израиль). При выдворении прибывших возникла потасовка, были разбиты чьи-то очки. Разразившуюся бурю можно сравнить лишь с «кампаниями» прежних времен, вроде «Свободу Анджеле Дэвис!». Возбужденные выступления по телевидению: депутатов, писателей, обозревателей, поток статей. Да и мне писали: «Как Вы еще можете сомневаться в возможности погромов, когда первый уже произошел в ЦДЛ?» Главную фигуру «инцидента» – Осташвили – отдали под суд. Следственное дело составило 11 томов. Заявления Осташвили, как нарочно кричаще резкие, передавались по телевидению и сопровождалась гневными комментариями... А теперь сравним это с гонениями на русских в Туве. Тут уж речь не шла о письмах провокатора или о бессмысленных лозунгах: к середине лета 1990 г. число убитых русских превысило 50. И это сообщение, едва промелькнув («Сто-

лица», № 4, январь 1991 г.), не вызвало никакой реакции: ни статей, ни телекомментариев, ни дебатов в Верховном Совете, ни депутатских комиссий.

Вот статистическая характеристика пяти событий – столкновений в Сумгаите, Душанбе, Туве, Намангане и «инцидента в ЦДЛ». Приведено число жертв (убитые) и количество строчек, уделенных этому событию в посвященных ему статьях такого типичного для нашей прессы издания, как «Литературная газета»:

	Число жертв	Число строк
Сумгаит	32	0
Душанбе	24	726
Тува ¹	более 80	0
Наманган	5	309
ЦДЛ	0	1131

Таков портрет наших средств массовой информации.

«**Антисоветизм**» был предупредительным выстрелом, запретом на обсуждение идей, неугодных правящей верхушке ленинско-сталинско-брежневского режима. «**Антисемитизм**» играет ту же роль для современного «малого народа», причем часто и в вопросах, не имеющих вообще никакого национально-еврейского аспекта. Например, обвинение в антисемитизме можно услышать по адресу писателя, слишком явно отдавшего свои симпатии деревне, или художника, на картинах которого слишком много крестов и храмов. Недавно «Еврейская газета» (7 мая 1991 г.) опубликовала список, озаглавленный «Антисемитские издания», в котором есть журналы, кажется, вообще никак – ни «про», ни «анти» – не касавшиеся еврейских проблем (вроде «Москвы»).

¹ Число жертв в Туве по данным журнала «Столица» (1991, № 4). По другим данным – около 10.

Такой «интеллектуальный расстрел» – сильное средство, но все же не может оказать решающего действия, пока не подкреплён какими-то более материальными мерами. Слишком жгучи и важны вопросы, стоящие перед русским народом, чтобы на них можно было наложить запрет, не прибегая к чему-то вроде Беломорканала. Нормальная духовная жизнь народа требует, чтобы его проблемы свободно обсуждались: не полунамёками, без извинений, постоянных заверений, что мы хоть и русские, но не расисты. Короче говоря, равноправно проблемам других народов. А то вот, например, А. Шмелев, соглашаясь с моим мнением о «запрете» обсуждения ряда русско-еврейских проблем, пишет: «После национал-социализма бесстрастно обсуждать, насколько благотворно или пагубно совместное проживание с евреями (хотя именно такого вопроса я обсуждать не предлагал. – *И. Ш.*), трудно». Однако он не обнаруживает аналогичных «трудностей» в связи с русскими после расказачивания и коллективизации!

В ряде изданий была опубликована и не раз читалась по «Свободе» критическая статья о «Русофобии» Б. Кушнера. Она выделяется из общей массы своей искренностью. Я способен если не согласиться с автором, то понять его эмоции. Он пишет: «Позвольте сообщить Вам, уважаемый Игорь Ростиславович, что мы так же ощущаем боль, как и Вы, так же любим своих детей и нам так же тяжело видеть, как им забивают гвозди в глазницы, как это было бы тяжело (не дай Бог!) видеть вам по отношению к вашим детям». Вот слова, которые я хотел бы повторить, адресовав тому кругу, взгляды которого автор выражает. Поверьте наконец, что нам так же больно, как и вам, и мы имеем такое же право говорить о нашей боли! У нас была такая же Катастрофа, как у вас, и продолжалась она 25 лет. Был голод на

Украине, унесший за год не то 5, не то 7 миллионов (их и пересчитать не удается). За войну население Белоруссии уменьшилось на $\frac{1}{4}$ и восстановилось лишь за 40 лет. И о таких же пытках, о каких пишете вы, безо всякого «было бы» вы можете прочесть, например, в материалах о деятельности Киевской ЧК. Автор говорит: «Что же, в известном недавнем периоде русской истории действительно можно наблюдать непропорциональное (как в количественном, так и в эмоциональном отношении) участие евреев. Обстоятельство это представляется мне трагическим для моего народа в такой же степени, как и Вашего». Неужели действительно «В ТАКОЙ ЖЕ»? Евреи за этот период избавились от черты оседлости, процентной нормы, переселились из местечек в города – в основном крупные, во много раз обогнали другие народы СССР по уровню образования и ученых степеней. У русских было уничтожено дворянство, духовенство, разрушена деревня, катастрофически упала рождаемость. Именно русский, а никак не еврейский народ стоит сейчас перед угрозой гибели. Автор пишет: «Сейчас наступила пора нашего национального расставания», очевидно подразумевая эмиграцию евреев. Но у русских-то нет другой родины, кроме их разоренной страны. Неужели эта ситуация отражает «ТУ ЖЕ МЕРУ»? Такая холодная отстраненность от чужих бед может очень далеко завести. Б. Кушнер говорит о «Русофобии»: «Кажется, что вот-вот появятся и пресловутые христианские младенцы» (намекая на ритуальные убийства). «Словарь русского языка» Ожегова разъясняет слово «пресловутый» так: «широко известный, но сомнительный или заслуживающий отрицательной оценки». Но ведь убитые-то младенцы были самые настоящие, какова бы ни была причина их гибели (например, в деле Бейлиса, в процессах, описанных Далем).

За что же их так пренебрежительно третировать, хоть они и христианские, – можно бы и пожалеть!

Сейчас мы наглядно видим, какой колоссальной силой являются национальные переживания – подчас посильнее экономических факторов и классовых отношений, о которых столько лет долбили как о единственном двигателе истории. Не можем мы отказаться от обдумывания и этого аспекта революции 17-го года – самого трагического кризиса нашей истории. А до сих пор такие попытки встречают яростное сопротивление или полное непонимание. Из многочисленных примеров: в «Русофобии» приведено высказывание одного из вождей с.-д. – Мартова. Он говорит, что, пережив в детстве угрозу погрома, сохранил на всю жизнь «семена спасительной ненависти». Б. Кушнер упрекает меня, что я не ощущаю «страдание другого существа как свое собственное», не понимаю переживаний Мартова или поэта Бялика, вызванных погромами. Зря я, видимо, объяснял, что хочу вообще воздержаться от «оценочных суждений», а пытаюсь понять: что же с Россией происходило? А произошло то, что одним из вождей революции оказался человек, глубинной основой психологии которого была не любовь к этой стране и ее народу, даже не интернационалистски-марксистские идеи, а «семена спасительной ненависти» – к кому? И ситуация, вероятно, была типична не для одного Мартова. Конечно, – как не пожалеть трехлетнего Юлика, со страхом ожидавшегося погрома? Но, говоря об истории, как не подумать о всей России, судьба которой оказалась в руках таких вождей? Ведь Россия тоже «существо», и страдания этого существа тоже надо бы чувствовать!

Некогда Янов сравнил обвинение в антисемитизме с атомной бомбой в руках «противников национализма». Это очень тонко подмечено: речь идет именно о борьбе с

«национализмом» (конечно, русским – т. е. о русофобии), а не о защите еврейского народа от какой-то угрозы. Например, как иначе понять сильное нежелание замечать, что с «малым народом» в моей работе связывается лишь некоторое течение еврейского национализма, – и делать вид, что речь идет о всем еврейском народе (аналогично, в связи с участием радикального еврейства в революции). Я пытаюсь примерить на себя: конечно, есть много эпизодов в русской истории, о которых мне тяжело вспоминать, – например, подавление польских восстаний или политика обрусения инородцев. Если бы я встретил работу, утверждающую, что ответственность за это несет не весь русский народ, а лишь какой-то узкий его слой, то, конечно, ухватился бы за нее и попытался бы эти аргументы развивать. Как мог бы автор, стоящий на глубоко национальной еврейской позиции, наоборот, стараться действия Свердлова, Троцкого или палачей ЧК связать со всем своим народом? У автора, стоящего на национальной почве, думаю, дрогнула бы рука написать и то, что высказал Гроссман о России. Ведь в романе «Жизнь и судьба» он с таким жутким реализмом описывает гибель евреев в газовых камерах. А это была бы судьба всех евреев СССР, если бы равнины Восточной Европы не были усеяны русскими и украинскими костями. Этим я отнюдь не хочу сказать, что евреи (или, скажем, грузины) не воевали, – но по числу своему не могли влиять на исход войны. И, конечно, русские защищали свою страну и отнюдь не приобрели тем самым право как-то утеснять евреев, но на некоторую благодарность, деликатность в обличении их недостатков могли бы рассчитывать от людей, живущих интересами всего еврейского народа. Разве мог быть поднят людьми, озабоченными еврейской судьбой, этот всемирной гвалт о фантастической (как сейчас всем видно) угрозе погромов? Разве

заботило его организаторов то, как это отразится на отношениях других народов, – в стране, где сейчас громят чуть ли не всех, кроме евреев! Ведь это похоже на крики нежных родителей, что их ребенку не хватает яблок и апельсинов: можно еще понять, когда кругом все сыты, – ну а если другие дети пухнут с голоду? Не будет ли воспринято как знак жестокого пренебрежения к чужим жизням? (так же было и с требованиями дать свободу еврейской эмиграции, когда у нас колхозники не имели право уехать из своей деревни). Кинорежиссер Говорухин пишет (тут же заверяя, что «Памятью» не завербован!): «Попробуйте взглянуть на нашу прогрессивную прессу глазами нормального здорового человека. Сколько всего случилось за этот год! Баку, Душанбе, Тува, Ош... С живых людей сдирали кожу, жгли на кострах! По газетам же получается: главное событие года – скандал в Доме литераторов». «Или я ничего не понимаю, – скажет нормальный читатель, или тут что-то не так». Это в лучшем случае он так думает, а в худшем – поскребет затылок и промолвит: «А может, правы те, кто говорит, что евреи захватили газеты, радио, телеграф?» Вот вам пример обратного эффекта. Идиотизм, ей-богу! В редакции газет приходят разные письма. Цитирую одно из них по памяти. Пишет пожилая еврейская чета: «Почему вы так много места уделяете этому процессу (над Осташвили. – *И. Ш.*)? Неужели не понимаете, что это приведет к росту антисемитских настроений?»

Да и в связи с «Русофобией» я встречаю поразительные возражения: будто, приводя цитаты из Янова или Гроссмана, я «провоцирую погромы». Я-то в возможность погромов не верю, но кто и правда ими озабочен, должен был бы прежде всего обратиться с призывом не печатать таких произведений, одна цитата из которых может вызвать погром! Наконец, последнее время принесло и со-

всем поразительные примеры. Так, в Молдавии звучали чудовищные призывы: «Утопим русских в еврейской крови!» Но это не вызвало никакого возмущения, не то что «шабаш в ЦДЛ». Видимо, первая часть призыва вполне оправдала вторую. Говоря конкретнее, сепаратизм и русофобия есть главная цель, а судьба евреев второстепенна.

Все указывает, что течение, столь влиятельное в «малом народе», так умело манипулирующее образом «антисемитизма», столь же мало озабочено судьбой еврейского народа, как в свое время эсеры – судьбой крестьян или большевики – рабочих. Для них весь народ есть лишь средство, «сухая солома»: и мне верится, что когда-то скажет свое слово и «молчаливое большинство». Например, скажет, что невозможно отбрасывать трагедию окружающего народа как нечто, не стоящее внимания сравнительно со своими заботами. И не из страха перед ростом «антисемитских настроений», а просто потому, что это – не по совести. Есть признаки, что это возможно. Например, в статье «Я, русский еврей» («Век XX и мир», № 10, 1990) автор пишет: «И пусть мы, евреи, покаемся первыми: хотя мы действительно живем на земле предков, но ведь это же Русская земля... В первую четверть века, в судьбоносные для России времена, нам следовало бы проявить величайшую осмотрительность, такт по отношению к хозяевам – народу этой страны». Ведь есть, значит, возможность понять точку зрения друг друга. Мне кажется, сейчас успехом было бы хоть понять, даже не соглашаясь.

Для России вновь настали судьбоносные времена. К несчастью, нам всем, всем народам России, не было дано спокойно осмыслить опыт предшествующей катастрофы. И как бы нам всем не повторить еще раз тех же ошибок, но в больших размерах, с еще более страшными последствиями!

«ОСТАЮСЬ ДИССИДЕНТОМ...»

(Отрывок из интервью
для «Вестника АН СССР»)

– Своей «Русофобией» Вы наделали много шума. Мнения о ней и о Вас самые разноречивые. Нередко высказывается недоумение: как это Вы, известный диссидент, изменили своим взглядам.

– Я не вижу каких-либо принципиальных изменений в своей позиции; скорее изменился некий широко принимаемый, стандартный комплекс взглядов, некая общая позиция, которую легко и даже полезно занимать, некая совокупность суждений, которые усваиваются главным образом через чье-либо внушение, а не через собственный поиск. Такое явление существует в каждом обществе, в нашем – особенно, ввиду инерции тоталитарного мышления. Вот из этого стандарта я опять выпал, как выпадал и раньше, то есть остался диссидентом. Не случайно ведь один публицист обращался в КГБ с просьбой, чтобы там серьезно мной занялись.

– Итак, Ваша позиция осталась прежней?

– Вы знаете, читая свои работы пятнадцатилетней давности, я с сожалением отмечаю, насколько высказанные в них идеи совпадают с моими нынешними. Человек должен со временем меняться.

– Как и когда возник замысел «Русофобии»?

– В семьдесят восьмом: в этом году в парижском русскоязычном журнале «Вестник русского христианского движения» вышел сборник статей, посвященных русской истории и современности. Были в сборнике и

мои статьи (правда, иного типа), в частности, «Арьергардные бои марксизма», в которой доказывалось, что государственная практика Ленина и Сталина вытекает из фундаментальных положений марксизма, а не является его «искажением»; между прочим, аналогичные взгляды – приятно отметить – высказал недавно А. Ципко. Это к слову, а главное: некоторые авторы сборника обратили внимание на сложившееся в нашей стране течение, прокламировавшее неполноценность, ущербность русского народа (его сознания, культуры и истории), и в основном на историческом, конкретном материале опровергали такого рода положения. Прочитав статьи, я пришел к выводу: существует определенное течение, имеющее свои корни, и просто опровергать те или иные высказывания недостаточно, нужно по-настоящему разобраться в явлении. Это и послужило толчком к написанию «Русофобии».

– *А закончили?*

– Закончил и стал распространять в 1983 г., без всякой надежды на публикацию.

– *То есть обычный Самиздат.*

– Да, сделал несколько десятков ксерокопий и раздал знакомым – тем, у которых они могли вызвать интерес. Время было глухое, время полного подавления Самиздата, но к моему удивлению, уже через несколько месяцев я услышал первые отзывы.

– *В чем же все-таки главная идея «Русофобии»? У многих критиков сложилось впечатление, что Вы истоки всех бед, свалившихся на русских в этом столетии, видите в евреях.*

– Совершенно не понимаю, как такое впечатление могло сложиться. В работе подобная точка зрения рас-

смачивается и приводится ряд аргументов, подтверждающих мое несогласие с ней. Если коротко, то моя концепция такова: во-первых, речь идет об определенном идейном течении – о произведениях самиздата и тамиздата, пытающихся доказать наличие какого-то коренного порока в русской психике: «русская душа – тысячетлетняя раба», «в России не было истории, а было бытие вне истории», «русские доказали свою политическую импотентность», «Россия принесла миру больше зла, чем какая-либо другая страна» и т. д. Вся революция целиком выводилась из русской традиции, якобы извратившей марксизм, и преподносилась как возврат к духу Московского царства. Размышляя над этими идеями и занимаясь их изучением, я натолкнулся на работу тогда еще малоизвестного французского историка Огюстена Кошена, специалиста по Французской революции, и был поражен: анализируя культурные и идеологические предпосылки революции, он описывал очень похожее на наше явление, причем очень ярко, иногда почти с дословным совпадением деталей. Помню, я просто не мог усидеть на месте, все время вскакивал, читая его книгу. В последние годы труды Кошена, кажется, стали гораздо популярнее на Западе: переизданы, переведены на многие языки. Надеюсь, они будут переведены и у нас, ведь в них, в частности, речь идет о таком слое людей, которые противопоставляют себя всему остальному народу, с презрением относятся к его традициям и тем самым утверждают свое право распоряжаться этим народом как материалом собственного творчества – в этом Кошен усматривал духовную предпосылку якобинской диктатуры. Но я пришел к выводу, что налицо гораздо более общий феномен, сопровождающий всякий социальный кризис, – возникновение аналогичных агрессивных эли-

тарных групп. Особо подчеркну: не имеющих никакой специфической национальной окраски.

– *В том числе еврейской?*

– Какое же отношение к евреям могут иметь работы Кошена, посвященные Французской революции, в которой евреи никакой роли не играли? К тому же я попытался расширить применение его концепции. Между прочим, и в Английской революции XVII в. евреи не могли принимать участие – по той простой причине, что их изгнали из Англии еще в XIII в. и проживать там им было запрещено под страхом смерти; только Кромвель отменил этот запрет, хотя и формально.

О. Кошен использовал термин «малый народ», не вкладывая в него никакого этнического содержания и имея в виду меньшинство того или иного народа, чувствующее свою избранность и обособленность. Лишь говоря о современном направлении в нашей публицистике (о нем шел разговор выше), я действительно обратил внимание на присутствие в нем влиятельного еврейского националистического течения. Оно отражается в заявлениях такого, например, типа – «после исчезновения русской интеллигенции евреи заполнили образовавшийся вакуум» и т. п.

В конце девятнадцатого столетия национальное многим казалось пережитком, выдвигались идеи слияния наций в едином социалистическом обществе. Но мы-то видим: в двадцатом веке произошло как раз обратное – расцвет национальных течений, о которых раньше и не подозревали (национализм валлонский, баскский и т. д.), не говоря уже о национальном взрыве в нашей стране. Единственная новизна моего подхода заключается в том, что я говорю именно о еврейском национализме.

– *И все же у Вас – это бросается в глаза – ему отводится особо опасная роль.*

– Национализм часто приводит к опасным последствиям. Разве баскский терроризм безопасен? В моей работе речь идет об определенном течении в еврейском национализме, оказавшем решающее влияние на литературу, о которой я писал, причем подробно доказывал, что это течение ни в коем случае нельзя отождествлять с еврейской нацией. В «Русофобии» подчеркивается, что речь идет о свободном выборе, индивидуальном участии; отмечалось, в частности, большая роль Амальрика, Синявского и других, евреями не являющихся. Кроме того, в ней есть ссылки на авторов-евреев, выступавших против еврейского национализма и гораздо резче, чем я.

– *Например?*

– Цитировался сборник «Россия и евреи». Все его авторы – евреи, эмигрировавшие из России после гражданской войны. У них своя точка зрения на революцию, войну, на еврейские погромы; это исключительно глубокий и честный труд, создатели которого поднялись над традиционными предрассудками. Мной также приводился пример романа современного автора Ф. Светова «Отверзи ми двери», настолько резкого, что, несмотря на гласность, он у нас до сих пор не опубликован. Иными словами, я пытаюсь выяснить роль «малого народа» – явления общеисторического, на которое в разное время могут влиять религиозные, национальные и другие факторы.

– *Так что же, произошло недоразумение?*

– О недоразумении, видимо, нужно говорить в кавычках. Простой читатель, может быть, не дочитал работу. Но критик, пишущий о ней специальную статью,

выражает идеологию того самого «малого народа», который старается быть невидимым в качестве меньшинства и прячется за рассуждениями об интересах угнетенного класса, нации или даже общечеловеческих ценностях.

– *Вы против того, чтобы русских считали рабами по природе своей, темными, забытыми и т. д. Однако, если они таковыми не являются, как же в таком случае они допустили русофобию и, по Вашей мысли, оказались игрушкой в руках некоего меньшинства? Словом, как «большой народ» позволил командовать собой «малому народу»?*

– Я думаю, призывы «малого народа», разжигающие русофобию, и вся идеология его – очень заразительны. Один из авторов рассматриваемой мной литературы охарактеризовал свой слой как «племя гигантов», его окружение – как «человеческий свинарник». Принадлежать к «племени гигантов» чрезвычайно соблазнительно, поэтому люди легко усваивают их точку зрения, и каждый усваивающий причисляет себя отнюдь не к «свинарнику». Накопленный исторический опыт позволит наконец понять это.

– *А по-Вашему, пока этого не понимают?*

– Если следовать Кошену, точно так же французский народ не распознал свой «малый народ». Таков, видимо, характер любого социального катаклизма. Вы спрашиваете, каким образом идеология меньшинства навязывается большинству? А почему немецкий народ допустил национал-социализм? А почему французский народ позволил террор? Кошен приводит яркий образ – «лилипуты связывают Гулливера и осыпают его отравленными стрелами». Причины различны: обработка общественного мнения, разжигание антагонизма, соз-

дание «образа врага». Здесь есть нечто напоминающее болезнь, исход которой решается вовсе не соотношением веса болезнетворных бактерий и больного организма. Есть и какой-то общий механизм, недаром ведь так много схожего в таких катаклизмах, как английская, французская, русская революции.

– *Вы отрицаете понятия «национальная психология», «национальный характер»?*

– Конечно, нет. Но раз уж произошли столь похожие перевороты (можно еще добавить религиозные войны эпохи Реформации, господство красных кхмеров в Камбодже и т. д.), причины надо искать не в индивидуальной психологии того или иного народа. Да их и не ищут, пока не заходит разговор о русских, зато я никогда не слышал, даже среди самых яростных критиков Французской революции, что террор, например, это французская национальная традиция.

Безусловно, национальный характер как-то отражается на ходе исторического развития, но скорее на его внешних формах. В нашем же случае существенная черта революции – подавление национального, русского чувства, слово «патриот» звучало как «контрреволюционер».

– *А чем же тогда плоха идея общечеловеческих ценностей (Вы считаете ее прикрытием идеологии «малого народа»)? Может, она по своему уровню стоит выше классовых и национальных? Тем более что далеко не всегда национальный фактор является созидающим, творческим, как Вы говорите. Не хочу приводить примеры: лучше поделюсь широко распространенным сейчас, особенно среди интеллигенции сомнением: русский национализм – последняя надежда у теряющего свою власть аппарата, который в отчаянии сделает на него ставку,*

и на смену диктатуре коммунистов придет диктатура русских фашистов. У новой диктатуры, похоже, найдется масса сторонников. И не получится ли так, что и «Русофобия», независимо от ваших желаний, внесет сюда свою лепту. Ведь какой вывод можно сделать из нее? Долой «малый народ»! Нет, помилуй Бог, Вы к этому не призываете, но я говорю о массовом сознании.

– Вы задали три разных вопроса. Первый. Идея общечеловеческих ценностей ничем не «плоха», пока она не отрицает национальную индивидуальность. Точно так же, как национальные ценности хороши в тех пределах, в которых они не подавляют человеческую индивидуальность. Безнациональное человечество, по моему мнению, не может существовать, как и государство, состоящее из лишенных индивидуальности подданных. Вспомним, что и наши беды начались с гипертрофированного внедрения некоторых наднациональных ценностей: интернационализма, мировой социалистической революции и т. д.

Второй. Если обсуждать возможность тоталитарного переворота, надо перебирать все силы, которые мог бы использовать аппарат в качестве союзников: не только русский национализм, но и национализм нерусских народов (как было в начале революции), а также дельцов криминальной экономики (вместе с их аппаратом) и иностранные компании, заинтересованные в эксплуатации дешевой рабочей силы и наших природных богатств. Из всех этих теоретических возможностей союз партаппарата с русскими националистами кажется мне наиболее фантастическим. Аппарат воспитан на стопроцентно денационализированной идеологии. Меня не раз поражали такие пассажи в речах Брежнева, Андропова и им подобных деятелей: «За 50 лет существования нашего государства...», «Наше государство

за всю его 60-летнюю историю» и т. д.: то есть раньше существовало «не их» государство. Русские национальные идеи подвергались жесточайшим преследованиям: например, В. Н. Осипов, издававший русский патристический самиздатовский журнал «Вече» и, кстати, не высту­павший ни с какими политическими требованиями, от­сидел в лагере восемь лет. Когда в начале семидеся­тых годов в советской печати появились первые ростки возрождения русских духовных традиций, удар по ним был нанесен таким видным представителем партаппа­рата, как А. Н. Яковлев (известная статья «Против ан­тиисторизма» в «Литературной газете»). Да ведь и сей­час ни один из крупных партийных руководителей – ни в КПСС, ни в РКП – не заявил, что главной его заботой является спасение страны и народа, а не реализация не­которых идеологических догм. Конечно, в органах вла­сти есть разные люди, в том числе и патристически на­строенные, но таковы они как индивидуумы, а аппарат в целом, видимо, совершенно не способен реагировать на национальные импульсы.

– А по-моему, дело не в идеологии. Уж коли вста­нет вопрос «кто кого», власть, желающая остаться властью, откажется от прежних икон и молитв и гла­зом не моргнет. Все побоку – лишь бы уцелеть. И вот тут-то как нельзя кстати придется пропаганда в духе «сплотила навеки великая Русь». Насчет Брежнева и Андропова согласен с вами, но ведь Яковлев после упомя­нутой статьи оказался в опале и был сослан (не считите за кощунство, это, конечно, не восемь лет Осипова)... в Канаду, то есть, по аппаратным меркам, тоже в ссыл­ку. А вспомним недавний XXVIII съезд КПСС: на кого чаще всего нападали делегаты-консерваторы? На Яков­лева, который, по их мнению, чуть ли не всю партию

и страну погубил. Зато как дружно они аплодировали «кузьмичам» с их призывами к возрождению России, но России-то, по сути, сталинско-брежневской. И генералы за это, так что какая уж тут фантастика.

– Слово «Россия» сейчас стало такой же разменной монетой, как «милосердие» и «гуманизм» – им пользуются все. Так что дело в смысле, который вкладывают в слова. Вы же сами говорите, что речь идет о России сталинско-брежневской, то есть той, где истреблялось крестьянство, русский народ вымирал (и продолжает вымирать). Россия находится на одном из последних мест по образованию и медицинской помощи, ее вклад в общесоюзный бюджет совершенно непропорционален вкладу других республик.

Но вернемся, наконец, к вопросу об «опасности» моей статьи «Русофобия». Аргументация на этот счет носит общий характер. Точно так же можно было бы сказать, что раз вы видите опасность русского национализма, то можно сделать вывод: долой русских националистов (или русских)? Нет, помилуй Бог, вы к этому не призываете, я говорю о массовом сознании.

– *Ну что же, хотелось бы теперь перейти к тому, на чем основана Ваша концепция, выяснить, в частности, вопрос: почему Вы придали такой зловецкий характер выдержкам из Ветхого Завета?*

– Я хотел показать, какие есть основания в еврейской религиозной традиции, на которые может опереться то течение избранного меньшинства, которое выразилось в цитированных мною работах. Если бы я хотел какое-то другое течение проанализировать, например, сионистское (в принятом на Западе смысле этого слова), стремление вернуться в Израиль, создать свое государство (религиозное, с Храмом в центре), то

я привел бы другие цитаты. Если бы я хотел проанализировать какую-либо черту русской истории, я привел бы третьи цитаты.

– *Но ведь в том-то и дело, что Ветхий Завет – это не только еврейская история, но в смысле религиозном – это и русская история.*

– Цитаты те же, а восприятие их противоположное.

Иудаистская традиция основывается на Ветхом Завете, содержащем это обетование: господство над другими народами, которые будут служить, отдавать свои богатства Израилю и т. д. Христианская же традиция такую интерпретацию отклоняет, считает ее заблуждением.

– *Ваше отношение к «Протоколам сионских мудрецов»?*

– Мне всегда казалось совершенно непонятным то влияние и распространение, которые они получили. Очевидно, в них есть то, что кажется интересным – правильное или неправильное, хорошее или плохое. Я этого не понимаю. Обычно говорится: «“Протоколы” поражают тем, что сказанное в них подтвердилось во время революции и после нее», это и считается доказательством их подлинности. Я внимательно прочитал «Протоколы», выписывая все предсказания, которые осуществились, и мне они видятся поразительно слабыми. Например, такой прогноз: новая власть станет контролировать экономику с помощью прогрессивного налога. По-видимому, авторам просто не приходило в голову, что можно национализировать всю промышленность. Ничего не говорилось о земледелии – видимо, идея колхозов и совхозов оказалась за пределами фантазии авторов. Предполагается, что будет подорвано влияние дворянства, но ведь это произошло во

время Французской революции (страна, о которой идет там речь, судя по всему, Франция). Наконец, утверждается: власть окажется в руках евреев. Однако в XIX в. и без того существовала целая литература, проповедовавшая, что революционная деятельность, с одной стороны, и власть биржи, с другой, приведут к господству евреев над миром. Так что в «Протоколах» я не нашел ничего принципиально нового в сравнении с уже не раз высказанным.

– *Кстати, в «Русофобии» нет ни слова о масонах, о всемирном еврейском заговоре. Это действительно Ваше убеждение или нежелание впасть в крайности?*

– Это действительно мое убеждение, точно так же, как и стремление не впасть в крайности. В истории есть своя логика, она не является набором случайностей, а представляет закономерный, отчасти целенаправленный процесс. Развитие ребенка во чреве матери – тоже естественный процесс, но никто его не назовет чьим-то заговором. В истории большие группы людей, не сговариваясь, часто работают в определенном направлении. Мне кажется, механизм таких процессов еще мало изучен. Пока же получается так, что, почувствовав «логичность» истории, люди скатываются к тривиальной концепции заговора.

– *И все же создается иногда впечатление, что вы «ищете еврея». Взять к примеру описание расстрела царской семьи. У вас Белобородов – Вайсбарт, Голощекин – Шая, плюс – не знаю, какими это подтверждается источниками, – начертанное на стене комнаты, где происходил расстрел, двустихье из стихотворения Гейне о царе Валтасаре, оскорбившем Иегову и убитым за это. Старательно перечисляются еврейские фамилии*

из сотен людей, руководивших ОГПУ, причастных к разрушению церквей. Не слишком ли Вы пристрастны при выборе «отрицательных персонажей»?

– Что значит «ищу еврея»? Я хочу обратить внимание читателя на исключительно большую роль, совершенно непропорциональную его доле в населении, которую радикальное революционное еврейство иногда играло. Относительно Белобородова: я не раз встречал во многих работах упоминание его подлинной фамилии; есть воспоминания одного пленного немца, бывшего в отряде, охранявшем царскую семью (опубликованы в немецком еженедельнике «Семь дней»), – в них рассказывается обо всех руководителях советской власти в Екатеринбурге, упоминается и фамилия Белобородова – Вайсбарт. Двустипшие из Гейне приведено в книге Соколова, расследовавшего дело о расстреле царской семьи, в ней даже говорится, что имя Валтасара было изменено на «Валтацар» (по аналогии с царем).

Список начальников отделов ГПУ «эпохи Беломорканала» взят из книги Р. Конквиста, аналогичную картину рисует и Солженицын в «Архипелаге». Наконец, перечень антирелигиозных пропагандистов взят из ходившей в самиздате рукописи покойного украинского академика Белецкого. Все эти работы не имеют никакой национальной направленности.

– Однако вы пишете: «После переворота несколько дней главой государства был Каменев, потом до своей смерти – Свердлов. Во главе армии стоял Троцкий, во главе Петрограда – Зиновьев, Москвы – Каменев. Коминтерн возглавлял Зиновьев, Профинтерн – А. Лозовский (Соломон Дризо), во главе комсомола стоял Оскар Рывкин, вначале – несколько месяцев – Ефим Цетлин и т. д.» А Ленин куда девался? Как Вы оцениваете его позицию?

– Ленин был человеком, полностью отдавшим себя революции, и на все происходившее вокруг он смотрел с этой точки зрения. Таково, в частности, его отношение к нации. Он считал истинным патриотизмом желать поражения в войне своему правительству, при этом он употреблял выражение «революционная национальная гордость». А давайте посмотрим, чем он предлагал гордиться русским: тем, что они, как и другие нации, сумели создать революционный рабочий класс. И кем – Радищевым, декабристами, народовольцами. Но мы не встретим в этом ряду имен Пушкина, Ломоносова, Чайковского, Дмитрия Донского, не говоря уже о Сергии Радонежском.

Нация была консервативной силой, она поддерживала сложившийся миропорядок, была препятствием для революционеров. Не случайно поэтому Ленин весьма своеобразно представлял себе предназначение русской нации: «...интернационализм со стороны угнетающей или так называемой великой нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства нации, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в нации фактически». В духе этого изречения шли все выступления по национальному вопросу на XII съезде партии – Сталина, Зиновьева, Яковлева, Бухарина. Все они говорили об опасности великодержавного шовинизма, что его надо беспощадно уничтожить, а в докладе Сталина назывались конкретные мероприятия: когда и какие фабрики перевести в Среднюю Азию, какие в Закавказье. То есть именно тогда был дан толчок явлению, которое, как сейчас мы видим, подвергло Россию, ее ресурсы опустошению. О чем бы ни шла речь – будь то

мировая революция, поддержка режимов на Кубе или в Эфиопии – ресурсы черпались в основном из России. Теперь уже названы и цифры: 70 млрд рублей в год, передаваемые ею в союзный бюджет.

– *Итак, русофобия осталась. В чем же она проявляется сегодня?*

– Проявляется гораздо ярче, чем прежде. Раньше я должен был добывать произведения самиздата, эмигрантские произведения, чтобы делать какие-то заключения о происходящих процессах, конечно, с некоторым риском ошибиться. Теперь русофобия заявляет о себе резче и убедительней, так как взгляды высказываются в журналах, имеющих громадный тираж, перепечатываются старые произведения – эмигрантские, самиздатские, приобретающие в связи с новым поворотом истории совершенно иной смысл. Необходимо переосмыслить всю нашу историю, выяснить, что же с нами произошло. Если следовать концепциям, которые породили русофобию, ответ о причинах наших бед сводится к следующему: у русских отягощенный генофонд, а сталинизм – это народное национальное явление. Более того, существует точка зрения, будто коллективизация – результат крестьянской идеологии, и социальной базой Сталина оказалось патриархальное крестьянство; выходит, погубленное крестьянство стало своим собственным убийцей. Ответственность, таким образом, перекладывается с преступников (тех, кто планировал коллективизацию, руководил ею, воспевал ее) на их жертвы. Но дело гораздо глубже: мы переживаем кризис, может быть самый тяжелый за всю нашу историю, и нет уверенности, хватит ли сил пережить его. Нужно собрать все силы, нужна хоть какая-то доля уверенности, какая-то реальная надежда на лучший исход. А

если «русская душа – тысячелетняя раба», то надежды не остается. Если у нас «отягощенный генофонд», то положение безнадежное – генофонд изменить нельзя!

– *Что же делать?*

– Единственный выход – это дискуссия. Ведь что получается: если какая-либо идея кажется человеку недопустимой, она вытесняется в подсознание и порождает неврозы. Отсюда и та истерическая реакция на «Русофобию». Думаю, страсти постепенно улягутся и станет возможным спокойное обсуждение проблемы. Я как раз и стараюсь рассуждать, опираясь не на эмоции, а на факты...

Беседу вел научный обозреватель «Вестника АН СССР» Н. Л. Коренюк.

РУССКИЙ ВОПРОС

В пору гласности, когда поток информации каждый день несет новые и новые факты из недавнего прошлого и настоящего, прежде хранившиеся за семью печатями, трудно чему-то удивиться. Но уже первая фраза из этой статьи поразила. Вот она. «Изю всех жгучих проблем, скопившихся в нашей жизни, вопрос об отношениях между нациями, кажется, самый больной». Предвижу недоумение читателей. Мол, чего тут особенного, это же факт.

Но эта статья была написана осенью 1973 г. Когда, казалось бы, даже намек не было на межнациональные конфликты в СССР.

«Слишком много здесь наболело и слишком мало времени, может быть, осталось, чтобы исправить соде-

янное», – пытался пробиться одинокий голос честного человека. Но его не хотели слышать.

Статья «Обособление или сближение? (Национальный вопрос в СССР)» члена-корреспондента АН СССР, лауреата Ленинской премии И. Шафаревича смогла найти место лишь в Самиздате.

– *Как мог математик в ту застойную пору предвидеть события, ставшие главной неожиданностью перестройки?*

Это был первый вопрос, который я задал И. Шафаревичу при нашей встрече.

– Для этого у меня был ряд оснований. Первое – мои личные наблюдения. Я в молодости любил много путешествовать, бродил по горам, встречался с людьми разных национальностей. Накопились наблюдения. Второе – опыт, который был уже к тому моменту в других странах. Это меня поражало – особенно то, насколько люди мало обращали внимания на допущенную раньше колоссальную ошибку. Весь XIX в., по крайней мере Запад, во всем диапазоне западной мысли, от крайних революционеров до либералов, был уверен, что вопрос о национализме – отживший. Что это пережиток феодализма, варварства. Одни считали, что к этому светлому будущему постепенно приведет «смягчение нравов», прогресс. Другие заявляли, что новое общество, в котором национальные идеи исчезнут, будет создано в результате революции. Вот, например, в «Коммунистическом манифесте» о пролетариях говорится: «Современный промышленный труд, современное иго капитала... стерли с него всякий национальный характер...» Или: «Рабочие не имеют отечества... Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают

уже с развитием буржуазии... Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение».

Первая мировая война для многих была в этом смысле шоком. Каким образом такой колоссальный кризис расколол мир на разные нации?

Но национальное унижение, которое было потом направлено в русло национальной агрессивности в Германии, стало причиной Второй мировой войны.

После Второй мировой войны национальный вопрос еще более обострился на всей планете. В результате национально-освободительного движения появился целый ряд новых государств в Африке, Азии, Латинской Америке. Но и в этих государствах – казалось бы, узконациональных – этот вопрос остался достаточно болезненным. Начались необычайно жестокие межплеменные войны. Например, война в Нигерии привела почти к полному уничтожению громадного племени ибо, погибло больше миллиона человек. Вспомним Эфиопию, Судан...

Появились совершенно новые виды национализма. Например, баскский национализм в Испании, который до сих пор выливается в яростный терроризм. Или национализм валлонов в Бельгии, о котором мы даже не подозревали, бретонский – во Франции, валлийский – в Англии.

В-третьих, в 70-х годах у нас появился национальный Самиздат, в котором резко проявились национальные чувства: западноукраинский, грузинский, эстонский...

– По мнению писателя, народного депутата В. И. Белова, идеологические установки и выводы по поводу слияния и исчезновения наций не оправдались...

– Национальные чувства, стремления, от умеренных до самых крайних, оказались одной из основных движущих сил современного мира. В каком-то смысле

это вообще больной вопрос человечества. Если посмотреть на предыдущие века, то он точно так же всегда сотрясал мир. Таким образом, те представления о будущих национальных отношениях, которые сложились в XIX в., не просто требуют поправки, они нуждаются в совершенно ином рассмотрении.

– Во всяком случае, по отношению к нынешней ситуации в СССР, где катастрофические размеры приобретают межнациональные конфликты, которые нередко проявляются в самых уродливых формах.

В последнее время приходится порой слышать, где завуалированно, а где и прямо, что виной всему, дескать, русские. Их называют оккупантами, колонизаторами...

– Такой лозунг об оккупантах – мобилизующая сила для крайних национальных течений. Он упрощает все проблемы, объявляя русских единственными виновниками всех несчастий. Этот лозунг, как им кажется, объединяет и поможет решить национальные проблемы. Но это совершенно неверно. Озлобление никогда не поможет. Оно ослепит, вызовет обратную реакцию.

– Игорь Ростиславович, давайте вернемся к «оккупантам». Какую-то странную оккупацию они вели, подобную вряд ли встретишь еще где в истории. Никакими благами, преимуществами не пользуются.

И вот парадокс – «оккупанты» живут подчас хуже этих народов. Как-то у нас в редакции выступал доктор наук, специализирующийся на национальных вопросах. Он объяснил так: «Руководители областей РСФСР плохо просили у центра». Неужто действительно Смоленской, Рязанской, Тамбовской и остальным российским областям десятки лет сплошь выпадали застенчивые начальники?

– В этом вопросе нам опасно впасть в субъективизм. По пословице «Чужие слезы – вода». Надо себя тщательно проверять. Например, полемизируя с Солженицыным, академик Сахаров упрекал его именно в односторонней оценке. Он писал: «...ведь все мы знаем, что ужасы гражданской войны, раскулачивания, голода, террора, Отечественной войны, неслыханных в истории антинародных жестоких репрессий миллионов вернувшихся из плена, преследования верующих, что это все в совершенно равной мере коснулось и русских, и нерусских подданных советской державы».

Мне кажется, что этот вопрос требует внимательного рассмотрения. Недостаточно такого аргумента: «Все мы знаем». В молодости, путешествуя по стране, я нагляделся и на развалины кишлаков в Средней Азии (последствия борьбы с басмачами или переселения «на хлопок»), и на заброшенные села в Карелии (выселение целых деревень), бродил по совершенно безмолвным районам Карачая или Балкарии на Кавказе, все население которых в несколько дней было отправлено в Среднюю Азию. А там, в Средней Азии, вдруг слышал чистейший немецкий язык – это были ссыльные с Поволжья.

Действительно, этот период тяжело ударил по всем народам. В трагическом положении очутились три народа, когда-то вместе называвшиеся Русь: русские, белорусы, украинцы. И причины этого лежат глубоко. Представим себе, например, коллективизацию. Ей предшествовала идеологическая кампания создания озлобления, ненависти к деревне, деревенской культуре. Тогда эта враждебная деревня объединялась термином «Расеюшка-Русь». Поэты говорили, что это «растреклятое слово», что она «повешена», ей объявляли смертельную войну, клялись в ненависти и т. д. Все-таки сам термин, хотя и подразумевалась любая деревня, как-то

особо выделял Россию. И я думаю, что энтузиасты, воспитанные на этих стихах, когда приступали к коллективизации, когда видели индивидуальные черты этой «Расеи», то это их мобилизовывало больше, чем столкновение с деревней иного типа.

Эта идеология имеет и более глубокие корни. Например, Сталин в своих выступлениях по национальному вопросу на X, XII, XIV, XVI съездах всегда утверждал, что главной опасностью в национальных отношениях является великодержавный – или, как он иногда говорил, великорусский – шовинизм. Особое положение в этом вопросе занимал XII съезд РКП (б), где очень много внимания было уделено национальным отношениям. Съезд дружно выступил против того, что они выражали словом «русотяп». Говорилось о «подлом великодержавном русском шовинизме». Призывали «подсекать головку нашего русского шовинизма» или «прижигать его огнем». Утверждалось, что русским «нужно себя искусственно поставить в положение более низкое по сравнению с другими нациями». Даже слова Сталина, что у нас имеется, кроме великодержавного шовинизма, и национализм в других нациях, хотя основной опасностью является великодержавный шовинизм, были встречены в штыки. «Эта точка зрения не наша», на этом съезде нечего говорить о местном шовинизме. Весь съезд проходил в атмосфере деликатной озабоченности национальными чувствами всех наций, кроме русской. И никому не приходило в голову подумать, что и у русских есть национальные чувства, которые также могут быть поранены.

– Но ведь на том съезде впервые не было Ленина.

– Это верно. Выступавшие на этом съезде основывались на неопубликованных тогда широко, но сообщен-

ных всем делегатам документах В. И. Ленина. Теперь они все известны. Там говорилось, что «интернационализм со стороны угнетающей или так называемой великой нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически».

– *А как же теория классовой борьбы? Ведь среди русских тоже были угнетенные. Пролетариат, крестьяне. Жизнь их была несладкая. И кровь лилась. Вспомним известный по школьным учебникам Ленский расстрел. Что они-то, угнетенные, должны были возмещать?*

– Традиция эта еще более старинная. Она уходит далеко в дореволюционную историю. Западная мысль в XIX в. стояла на такой точке зрения, что Россия – это некоторое препятствие, которое загораживает дорогу для прогресса, как бы кто ни понимал понятие прогресса.

Или вот в статье Маркса и Энгельса в «Новой Рейнской Газете»: «На сентиментальные фразы о братстве, обращенные к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их первой революционной страстью: со времени революции (имелась в виду революция 1848 г. – *И. Ш.*) к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма... можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности».

Такая политика. Как можно объяснять все это неосторопностью или равнодушием какого-то руководителя? Наоборот, руководители были воспитаны в такой традиции.

– *Вспомним целину, на которую были брошены громадные средства.*

Хотя совершенно рядом, за околицей Москвы, – гибли деревни. Мало того что Нечерноземье не поднимали. Его разрушали.

Последний удар деревне был нанесен не коллективизацией, даже не войной. А хрущевско-брежневской политикой. Сначала скот отнимали, отдавали в колхоз. Потом продавали обратно.

Разрешали накосить в лесу сено на корову с тем, чтобы взять себе одну десятую часть, а остальное в колхоз. Во всех учебниках истории средних веков говорится, что церковь грабила трудящихся, беря с них десятину, т. е. десятую часть. Здесь же одну десятую часть оставляли.

Так от деревенского труда отучали людей. Все эти слияния, разлияния колхозов. Политика «неперспективных деревень». Это была политика последнего удара. Как сказал Солженицын, брежневского катка, прокатившегося по деревне.

Неравенство создается резкой разницей между ценами на различные сельскохозяйственные продукты, которая во много раз отличается от соотношения мировых цен. На это обращают внимание приезжающие к нам иностранцы. Они, например, поражаются разнице цен на картофель и цитрусовые, которая разительно отличается от пропорции цен во всем мире.

Бедственным является положение с медицинской помощью и школами в русской, белорусской и украинской деревне. Тяжелейшие демографические последствия. Население почти не растет, в Нечерноземье оно сокращается. Такая политика рубит корень, из которого растет вся страна. Это вопрос не просто о личных своих обидах. Это вопрос разумного отношения к будущему всей страны.

Переход отдельных республик на хозрасчет представляется мне каким-то парадоксом. Говорится, что это прекрасный эксперимент. Но что за эксперимент? Как хозяйства будут развиваться в неравноправных условиях?

Возникает насущнейшая проблема перехода на хозрасчет РСФСР. И сверхнасущная – срочная программа взаимоотношений республик, перешедших на хозрасчет, с теми, кто еще не перешел. Я говорю не с той точки зрения, что РСФСР не будет и не должна оказывать помощь другим республикам. Во-первых, как мне кажется, это не в духе русского народа. Во-вторых, не представляется разумным. Мы все глубоко связаны исторически, экономически. Кризис в одном районе заденет всех. Но, как мне кажется, помощь не должна быть безличной. Не должна идти из союзного бюджета. Должна носить личный характер: от такой-то республики такой-то... Тогда эта помощь может быть учтена, могут быть найдены разумные размеры. И с другой стороны – после этого нас, возможно, перестанут называть оккупантами, колонизаторами.

Выход всегда заключается в том, чтобы реально формулировать проблемы и не бояться называть их своими именами, не загонять в подсознание. Если речь идет об отделении республики, то проблему надо так и формулировать. Тогда и ставить, обсуждать в таком виде. И выяснить, в какой мере она пользуется поддержкой всего населения республики, каковы социальные последствия этого, в каких границах республика должна отделиться? Каким образом можно разделить собственность, которая в этой республике имеется? Как сохранить права национальностей, которые по численности в ряде республик почти равны национальному большинству? И, может, в результате такой реалистичной постановки вопроса сама острота проблемы ослабнет. Сейчас же, мне кажется, она

трактуются в виде лозунга, иррационального лозунга, который из-за этого всегда наиболее опасен. Поскольку действует на чувства, минуя разум.

– Во всех республиках бед немало. Кто в этом виноват? Одни во всем винят русских, другие – масонов, третьи – аппарат. Словом, ищут конкретных врагов.

– Нашим врагом, как мне представляется, являются не определенные люди, а какое-то духовное поветрие, течение мысли, охватившее весь мир. Это стремление превратить людей в стандартные винтики громадной машины, в лишённую индивидуальности массу, управляемую и направляемую. Такой же механической логике хотели бы подчинять и природу – откуда и происходит весь современный экологический кризис: разрушение природы и разрушение социальной среды обитания человека, прежде всего нации – это разные стороны одного и того же процесса, который можно видеть почти во всех странах мира.

Посмотрите, и у нас в стране: на стирание национальной индивидуальности жалуются и русские, и украинцы, и прибалты, и малочисленные народы Сибири. Поэтому противоречия между этими народами часто являются лишь видимыми, только естественным желанием найти конкретного виновника своего тяжелого положения. Причина же этого положения общая, та, что угрожает Байкалу, Севану или Волге.

В этом смысле все народы являются не противниками, а союзниками, в самом существенном их интересе совпадают. И на пути взаимопонимания мы способны осознать это единство наших коренных интересов, а тогда и найти общий путь преодоления теперешнего кризиса.

Вел беседу Е. Черных.

ЧТО ТАКОЕ ПАТРИОТИЗМ?

Очевидно, это некоторая сила, сцепляющая народ, не дающая ему распасться на отдельные индивидуумы, так что вопрос лучше было бы сформулировать так: что такое народ, почему человечество делится на такие общности? Явления эти – народ и сцепляющая его сила, патриотизм – проявляются во все времена, которые охватывает история. И идут гораздо глубже, как это видно на примерах «примитивных», т. е. догосударственных, обществ, если только расширить понятие народ до «этноса», включив в него и племя, и союз племен. Собственно, проблема имеет еще более глубокие корни – очевидно, какая-то аналогичная сила объединяет и животные общества: стаю волков или диких гусей. Но так далеко мы здесь не пойдем, обозначив этот аспект лишь для того, чтобы очертить размер явления.

Как раз на примере зачатка нации – одного племени – на наш вопрос легче ответить, и большой материал был собран этнографами. Если туземцу удавалось объяснить истинный смысл того, что этнографу хотелось у него узнать, то ответ на вопрос: что же соединяет вас в одном племени? – в большинстве случаев был один и тот же, хотя для нас довольно неожиданный: «Наши общие мифы». Но этот ответ станет, пожалуй, менее удивительным, если мы вспомним, что и Достоевский связывал рождение нации с появлением религии: Иудаизма у евреев, Ислама у арабов, Православия у русских.

Чтобы оценить ответ, полученный этнографами, надо понять смысл, который туземцы вкладывали в понятие мифа. Мифы племени были тайным знанием, которое сообщалось лишь посвященным (обычно посвя-

щение получало большинство взрослых мужчин). Но мифы не только рассказывались: они и сопереживались в обрядах и церемониях, в которых участвовали все посвященные. Этим они напоминали современные религии с той разницей, что были более драматичными и душепотрясающими: с масками и плясками, зачастую с человеческими жертвоприношениями. Смысл церемоний заключался в возвращении к «мифологическому времени», когда творился мир и человек. Соприкосновение с этим особым «творческим» временем наполняло новыми силами и настоящее: обеспечивало плодородие природы, течение космического процесса, социальную стабильность общины. Миф открывал человеку его место, его значительную, творческую роль в космосе, тем наполняя смыслом его жизнь и давая силы для яркой, красивой жизни в условиях, тяжесть которых иногда нам даже невозможно себе представить. Эта роль мифа была трагически продемонстрирована, когда при соприкосновении с европейской цивилизацией распалась система церемоний и мифов. Этнографы видят именно в этом основную причину вымирания «примитивных» народов: наступавшей апатии, упадка жизненных сил, падения рождаемости.

На этом примере можно, мне думается, усмотреть смысл, функцию и больших современных наций, как и объединяющей каждую из них силы – патриотизма. По-видимому, необходимо существование какой-то промежуточной инстанции между индивидуальным человеком и всем Космосом. Только посредством этой инстанции человек способен почувствовать осмысленность своего существования в Истории и Космосе. История, например, является историей не отдельных людей, а народов, и только через принадлежность к своему народу может человек ощутить смысл этого грандиозного

процесса, «соприкоснуться тайнам прошедшего и будущего». Вот, например, как описывает академик Лихачев мироощущение жителя Древней Руси, отразившееся в древнерусской литературе: «Человек, живя в мире, помнил о мире в целом как огромном единстве, ощущал свое место в этом мире».

Только через включение в эту общность – этнос – человек способен решать некоторые сверхсложные проблемы, которые ставит перед ним жизнь. Можно представить себе, что этнос каким-то непонятным для нас способом объединяет интеллект и души отдельных людей и создает некий сверхинтеллект и сверхдушу. И некоторые проблемы жизни посильны только такому сверхинтеллекту, а индивидуальный человеческий ум недостаточен для их решения. Он может не осознавать истинной логики решения даже после того, как оно найдено, рассматривая это решение лишь как «норму поведения», обязательную в данном обществе. Например, в «первобытных» обществах существует очень сложная система правил поведения и запретов, препятствующих бракам между близкими родственниками (экзогамия). В то же время члены этих обществ не имеют, конечно, никакого представления о вредных генетических последствиях близкородственных браков и рассматривают существующие у них запреты как «табу», не требующие никакого обоснования (кроме разве того, что они были введены мифологическими предками). «Первобытные» общества сталкивались с не менее трудными экологическими, экономическими и социальными проблемами, чем мы. Решили они их очень не плохо, о чем свидетельствует само наше существование и тот мир, который они нам оставили в наследство: без озонных дыр и парникового эффекта, с чистым воздухом, кишачими рыбой реками и плодо-

родными почвами. Причем решение самых кардинальных из этих проблем было получено именно на надындивидуальном уровне и часто зафиксировано в мифах, системе ритуалов и запретов: например, уже упомянутая экзогамия, освоение огня, приручение животных, открытие посевного земледелия, колеса.

И более близкая история, вплоть до современности, полна примерами таких свершений, явно имеющих свою логику, но непостижимых или совершенно превратно толкуемых индивидуальным сознанием современников, так что логика, очевидно, является проявлением общенационального «интеллекта» или «души». Так, в XVII веке в Англии возник совершенно новый, динамичный, преисполненный сил жизненный уклад: индустриальное общество и парламентская демократия. Он определил жизнь Англии, сформировал Соединенные Штаты, распространился на Западную Европу и захлестнул почти весь мир. Но в момент его создания никто не думал о таких последствиях. Тогда всем здравомыслящим людям, включая короля и его советников, было ясно, что «прогрессивный» жизненный уклад – это централизованная монархия, как в Испании, Франции, укрепляющемся Русском царстве или Османской империи. Парламенты воспринимались как реакционные пережитки феодальной эпохи. А сами сторонники нового общественного строя прокламировали (конечно, совершенно искренне), что создают «государство святых», прокладывают путь «пятой монархии» – монархии Иисуса Христа. И потребовалось несколько столетий и знаменитая работа талантливейшего историка Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», чтобы мы хотя бы начали угадывать – какова же связь между аскетически-фаталистической идеологией протестантизма кальвинистического толка и духом капитализма.

И сейчас в основных вопросах, перед которыми стоит человечество, наша надежда – на силу того же надындивидуального разума. Яркий (и, может быть, основной) пример – экологический кризис. Он возник из совершенно специфической ориентации современной технологической цивилизации: каждую свою экологическую проблему она способна решать лишь при помощи более глубокого и интенсивного воздействия на природу, тем самым создавая вместо одной несколько – причем более сложных – проблем. Так, промышленность, основанная на сжигании топлива, заменяется основанной на атомной энергии, порождая проблемы радиоактивного облучения и захоронения отходов. Истощение почвы при помощи интенсивного использования машин компенсируется применением химических удобрений, отравляющих продукты, воду и т. д. Совершенно неправдоподобно, чтобы на этом пути существовал выход, подобная гонка когда-то (скорее всего, довольно скоро) должна привести к катастрофе. Но это ощущение безвыходности относится к логически просматриваемым нами вариантам, а не к функционированию надындивидуального разума. Если проблема может быть решена, то только им. Конечно, проблема эта общечеловеческая, но как в общечеловеческой науке открытие делает конкретный человек, так и в известных до сих пор примерах мы видели работу хоть надындивидуальную, но не общечеловеческую, а национального разума, отражающего, следовательно, некоторую особую индивидуальность – индивидуальность народа (см. приведенный выше пример роли Англии в промышленной революции).

Возвращаясь к вопросу, стоящему в заголовке статьи, мы можем теперь сказать, что патриотизм – это ощущение ценности, необходимости для жизни каждого человека его включения в большую индивидуальность

народа или, с другой стороны, – инстинкт самосохранения народной индивидуальности. Это заряд энергии, двигатель, приводящий в действие те многочисленные средства, которыми поддерживается единство народа: язык, национальная культура, чувство исторической традиции, национальные черты его религии. Поэтому угасание патриотизма – самый верный признак начала конца народа: из живого существа он превращается в мертвую машину, отключенную от движущего ее источника энергии. А искусственное разрушение патриотизма – самый надежный путь уничтожения народа. Примером является русофобия, вспыхивающая всегда в критические моменты русской истории на протяжении последнего века. Речь идет о разрушении тех элементов народной психологии, которые функционально эквивалентны мифам «первобытных» народов, с таким же результатом – вымиранием народа. Это можно сравнить с болезнью народного организма, но не с обычной болезнью, а духовным аналогом СПИДа, поражающим не какую-то одну сторону этого организма, но его центральную защитную систему.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

ДВЕ ДОРОГИ — К ОДНОМУ ОБРЫВУ

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Сочинения. В 3 т. Т. I. М.: Феникс, 1994. С. 339–370.

Впервые опубликовано в журнале «Новый мир». 1989. № 7.

РОССИЯ И МИРОВАЯ КАТАСТРОФА

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Сочинения. В 3 т. Т. I. М.: Феникс, 1994. С. 371–445.

Впервые опубликовано в журнале «Наш современник». 1993. № 1.

1. *Ellule Jacques.* La Technique. Paris, 1954.
2. *Lorenz Konrad.* Zivilisationspathologie und Kulturfreiheit // Freiheit des Menschen. P. Ausgar (изд.). Wien, 1974.
3. *Леонтьев К. П.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Собрание сочинений. Т. VI. М., 1912.
4. *Huxley Julian.* World Population Problem // The Human Crisis. Seattle, 1963.
5. *Sombart Werner.* Der Bourgeois. München, Leipzig, 1913.
6. *Neumann M.* Geschichte des Wuchers in Deutchland. Halle, 1865.
7. *Вебер Макс.* Протестантская этика и дух капитализма // *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.

8. *Hayek F. A.* The Counter-Revolution of Science. Glenkoe, Illinois, 1952.
9. *Mumford Lewis.* Technics and Civilization. N.Y., 1934.
10. *Шафаревич И. Р.* Две дороги к одному обрыву // *Шафаревич И.* Путь из-под глыб. М., 1991.
11. *Tawney R. H.* Religion and the Rise of Capitalism. N.Y., 1937.
12. *Miller Perry.* The New England Mind. Harvard, 1939.
13. *Troeltsch Ernst.* Writings on Theology and Religion. Dackworth, 1977.
14. *Kampfschulte F. W.* Johann Calvin, seine Kirche und sein Staat in Genf. Leipzig, 1869.
15. *White Lynn, Jr.* Animals and Man in Western Civilization // *Animals and Man in Historical Perspective.* N.Y.-London, 1974.
16. *Розанов В. В.* Темный лик. Люди лунного света. М.: «Правда», 1990. Т. I, II. Около церковных стен. Спб., 1906.
17. *Eliade Mircae.* Myths, Dreams, Mysteries. London, 1968.
18. *Прохоров Г. М.* Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы // *Куликовская битва и подъем национального самосознания.* Л., 1979.
19. *Булгаков С.* Православие. Киев, 1991.
20. *Jensen Ad. E.* Das religiose Weltbild einer fruhen Kultur. Stuttgart, 1949.
21. *Schelling T. W. J.* Philosophie der Offenbarung. Werke. Hauptband 6. München, 1928.
22. *Kerenyi.* Das Gottliche Madchen. Amsterdam, 1941.
23. *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.
24. *Фрэзер Д.* Золотая ветвь. Вып. 3: «Умирающие и воскресающие боги античности». М., 1928.
25. *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963.
26. *Забылин М.* Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия. М., 1880.
27. *Чичеров В. И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX веков. М., 1957.
28. *Носова Г. А.* Язычество в Православии. М., 1975.
29. *Jensen Ad. E.* Mythos und Kult bei Naturvolkern. Wiesbaden, 1960.
30. *Смирнов С.* Древнерусский духовник. М., 1914.

31. *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
32. *Понырко Н. В.* Святочный и масляничный смех // Смех в Древней Руси. Л., 1984.
33. *Белкин А. А.* Русские скоморохи. М., 1975.
34. *Otto Walter.* Die Gotter Griechenlands. Frankfurt am Main, 1947.
35. *Collier John.* Indians of the Americas. N.Y., 1974.
36. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Спб., 1871.
37. *Розанов В. В.* Поминки по славянофилам. Сочинения. М., 1990.
38. *Eckardstein H.* Lebenserinnerungen u. politische Denkwurdigkeiten. Bd. II. Leipzig, 1912–1921.
39. *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953.
40. *Sutton Antony.* Wall Street and the Bolshevik Revolution. New Rochelle, 1974.
41. *Schumacher E. F.* Small is beautiful. London, 1973.
42. *Kohn N.* The Pursuit of the Millenium. N.Y., 1981.
43. *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России. М., 1977; *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в. М.-Л., 1960.
44. *Соколова З. П.* Культ животных в религиях. М., 1972.
45. *Carmody Denise.* The Oldest God. 1935.
46. *Комарович В. Л.* Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. Труды Отдела древнерусской литературы. М.-Л., 1960.
47. *Есенин С.* Собрание сочинений. Т. I. М., 1977.
48. *Флоренский П.* Столп и утверждение истины. М., 1990.
49. *Булгаков С.* Свет невечерний. Сергиев Посад, 1917.
50. *Федотов Г.* Святые Древней Руси. М., 1990.

В ЭПОХУ САМИЗДАТА

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Сочинения. В 3 т. Т. 2. М.: Феникс, 1994. С. 5–74.

Обособление или сближение (Национальный вопрос в СССР)

Впервые опубликовано в сб. «Из-под глыб», Париж, 1974 г.

Есть ли у России будущее

Впервые опубликовано в сб. «Из-под глыб», Париж, 1974 г.

О сборнике «Из-под глыб»

Впервые опубликовано в: «Две пресс-конференции», Париж, 1974 г.

Беседа с корреспондентом «Нью-Йорк Таймс»

Текст по журналу «Вестник РХД», Париж, 1978, № 126.

**Интервью корреспонденту газеты
«Франкфуртер Альгемайне»**

Текст по журналу «Вестник РХД», Париж, 1978, № 126.

Телеинтервью радиокампании Би-би-си

Текст по журналу «Вестник РХД», Париж, 1978, № 125.
Передавалось по внутренней программе BBC «Everyman»
2.X.11

**Арьергардные бои марксизма
(О работах Р. А. Медведева)**

Впервые опубликовано в журнале «Вестник РХД» Париж, 1978, № 125.

О ЖЕРТВАХ ГОНЕНИЙ

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Сочинения. В 3 т. Т. 2. М.: Феникс, 1994. С. 75–84.

Не будем молчать

Напечатано в «Литературной России» № 36, 1991 г.

РУССКИЙ ВОПРОС

Публикуется по: *Шафаревич И. Р.* Сочинения. В 3 т. Т. 2. М.: Феникс, 1994. С. 85–230.

Русофобия

Глава 1

1. *Померанц Г.* Квадриллион; Человек из ниоткуда; Сны земли.

2. *Амальрик А.* Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? (Самиздат). Вестник Русского студенческого христианского движения (Вестник РСХД). 1970. № 97. Сборники работ: Самосознание. Нью-Йорк, 1976; Демократические альтернативы. ФРГ, 1976. *Шрагин Б.* Противостояние духа. Лондон, 1976.

3. *Янов А.* Detente after Brezhnev (далее цитируется как «Разрядка...»); *The Russian New Right* (далее цитируется как «Новая...») // *Institute of international studies*. Калифорнийский Университет, Беркли, 1977.

4. *Пайпс Р.* Russia under the old regime (далее цитируется как «Россия...»). Лондон, 1974.

Глава 2

1. Критику концепций, кратко изложенных в главе 1, можно найти, например, в работах: *Бородин Л.* Вече. № 8 (Самиздат); *Солженицын А.* Из-под глыб (Самиздат) и др. выступления; *Борисов В., Дубровский И.* Вестник РХД. № 125; *Шанецкий А.* Память. № 4 (Самиздат).

2. По поводу места концепции «Москва – Третий Рим» в мировоззрении Московского царства см., например: *Лихачев Д. С.* Национальное самосознание Древней Руси. С. 100–101; работы *Масленниковой Н. Н.* и *Гольдберга А. Л.* в ТОДРЛ за 1962, 69, 74 гг.

3. О том, что секуляризация церковных земель не вызвала на Руси социальных потрясений: *Пайпс Р.* Россия... С. 242.

4. Синодальный период управления Церковью – как пример «русской предрасположенности к единогласному послушанию»: *Шрагин Б.* Самосознание. С. 263.

5. О влиянии «территориальной системы» церковного управления, принятой в протестантских странах, на церковное устройство России см., например: *Павлов А. С.* Курс церковного права. Сергиев Посад, 1902. С. 485–490, 507.

6. О «значении николаевского законодательства для тоталитаризма XX века»: *Пайпс Р.* Россия... С. 291–295.

7. Цитаты европейских основоположников теории тоталитарного государства взяты из:

Гоббс Томас. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Избранные произведения. В 2 т. Том II. М., 1965. С. 47, 196–202, 207, 230–235, 488–490, 505, 526, 527, 567.

Спиноза Б. Политический трактат // Избранные произведения в двух томах. Том II. С. 301–302, 305, 309–310.

Руссо Жан-Жак. Об общественном договоре, или Принцип политического права. М., 1938. С. 13–14, 16, 18, 24, 29, 34.

8. О западных влияниях на петровское законодательство см.: *Гуревич Георгий.* «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. Юрьев, 1915.

9. О «революционном мессианстве» см.: *Тальмон Л.* Political messianism. Лондон, 1960.

10. О еретических учениях и народных социальных утопиях в России см., например: *Казакова Н. А. и Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XV – начала XVI века. М.-Л., 1955; *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России. М., 1977.

11. Дискуссия по поводу «Повести о Дракуле» см.: *Борисов В.* Вестник РХД. № 125; *Померанц Г.* Открытое письмо редактору Вестника РХД (Самиздат).

12. *Пайпс* о частной собственности в Московской Руси: Россия... С. 316; *И. Дубровский.* Вестник РХД. № 125.

13. *Пайпс* о русских пословицах: Россия... С. 159.

14. *Пайпс* о грамотности в Московской Руси: Россия... С. 123. См. также *Соболевский А. И.* Образованность Московской Руси XV–XVII вв. СПб., 1892, особенно с. 3–4. Подсчеты А. И. Соболевского были продолжены *Н. А. Ватановой:* Русский читатель XVII в. // сб. «Древнерусская литература и ее связь с новым временем». М., 1907. См. еще: *Лихачев Д. С.* Культура русского народа. М.-Л., 1961. С. 106–107.

15. Янов о роли «Архипелага ГУЛАГ» в русской истории: Демократические альтернативы. С. 188.

16. О западноевропейских переворотах 20-х гг. XIX в., очень похожих на заговор декабристов, тоже организованных тайными обществами (в Испании — масонами, в Италии — карбонариями), см., например: *Тарле Е.* Политические движения в Испании и Италии в 1820–1823 гг.; Книга для чтения по истории нового времени. Т. IV. Ч. I. М., 1913. С. 128–176.

17. О заговоре Тистельвуда или «Заговоре на улице Катона» есть статья в Британской энциклопедии.

18. О подавлении июньского восстания 1848 г. пишет Герцен. Больше подробностей можно найти в книге: *Шмидт Шарль.* Июньские дни 1848 г. Л., 1927.

19. По поводу числа убитых при разгроме Парижской коммуны приводились очень разные цифры. Консервативный журналист Максим Дю Кам утверждает, что число убитых на баррикадах и расстрелянных национальными гвардейцами равно 6600 (*M. Du Camp.* Les Convulsions de Paris. Т. I. Париж, 1881). Эта цифра явно занижена, так как даже маршал Мак-Магон говорит о 15 000. Обычно называют цифру от 30 000 (*Буржен Жорж.* История Коммуны. Л., 1926) до 20 000 (*Лиссагарэ Э.* История Коммуны).

20. Янов о «возрасте» демократии: Новая... С. 99. Он же о Белинском как славянофиле: журнал «22». Тель-Авив, 1976. С. 86.

21. Об ирландской кампании Кромвеля см., например: *Фрейнд Михаил.* Die grosse Revolution in England. Гамбург, 1951. Сколько погибло в результате работорговли, оценивает *Дю Буа* («The Negro». Лондон, 1915). Число жертв Французской революции из современников оценивал миллионом такой революционер, как *Грахх Бабеф* («О системе уничтожения населения, или Жизнь и преступления Каррье» в: *Грахх Бабеф.* Сочинения. Т. 3. М., 1977. С. 225) и революционер, но позже отошедший от революции *Л. М. Прудом* в «Histoire générale et impartiale...». Из более поздних историков *Тэн* пишет: «Можно предполагать, что в одиннадцати департаментах запада число убитых всех возрастов и обоих полов приближается к полумиллиону». См.: Происхождение современной Франции. Т. IV. Кн. V. Гл. I (во Франции было тогда 83 департамента).

22. О числе жертв опричнины см.: *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1965. С. 191.

23. *Филипп Эрлангер* в «Le massacre de la St-Bartheleми» приводит различные оценки числа жертв Варфоломеевской ночи. Наименьшую цифру называл *Боссюэ*: 6000, наибольшую — воспитатель Людовика XIV *Перефикс*: 100 000. Из современников будущий канцлер Генриха IV *Сюлли* говорит о 60 000, историк *Ту* — о 10 000 в Париже и 40 000 в провинции, иезуит *Бонами* — 4000 в Париже и 25 000 в провинции, протестант *Креспин* в «Мартирологе» приводит имена 15 000 убитых, историограф короля *Массон* и английские архивы говорят о 2000–3000 убитых в Париже и 10 000 в провинции (с. 193–194).

Глава 3

1. Цитаты из *Горского*: Вестник РСХД. № 97. С. 61 и 34.
2. Цитаты из *Янова*: Разрядка... С. 101, 183, 104, 80, 100.
3. Цитаты из *Померанца* о том, что «народа больше нет»: *Померанц Г.* Квадриллион; Человек ниоткуда.
4. *Померанц* о русском народе и Самодержце: Сон о справедливом возмездии // Синтаксис. № 6.
5. «Русские не имеют истории» см.: *Шрагин Б.* Самосознание. С. 261.
6. *Янов* о демократии и тоталитаризме: Новая... С. 88, 102.
7. Характеристику английского парламентаризма см.: *Werner Sombart.* Der proletarische Sozialismus, Jena, 1924; *Hans Delbruck.* Regierung und Volkswille; а также в его работе: Whigs and Tories // Historische und politische Aufsetze. Berlin, 1887.
8. Об ограничении власти см.: *Монтескье Ш.* О духе законов. Кн. II. Гл. VI. Политические взгляды создателей американской конституции выпукло описаны в работе лорда Эктонна «Political causes of American Revolution» (Essays in the liberal interpretation of History. Чикаго, 1957. С. 41–94). См. также: *Хабуш В.* Die moderne Demokratie. Jena, 1921. С. 51; *Рендал Дж. Х.* The Making of modern mind. Нью-Йорк, 1926. С. 345–350.
9. В американской политической литературе XVIII и начале XIX в. «демократическая» форма правления противопоставлялась «конституционной» или «свободной».
10. Схема вырождения в деспотию у *Платона* — «Государство», 562. Его взгляды на демократию — там же, 557, у *Аристотеля* — «Политика», 1292a.

11. Взгляды *Берка*: *Burke Ed. Reflections on the Revolution in France*. Нью-Йорк, 1961. С. 138.

12. Из современных авторов: *Хайек Ф. А. Law, legislation and liberty*. Т. 1 //«Rules and Orders», Лондон, 1973.

13. Взгляды *Краснова-Левитина* и *Плюща*: Демократические альтернативы. *Плющ о терроризме*: Ответ Т. С. Ходорович // *Континент*. № 9. С. 252.

14. Концепция *Янова*: *Синтаксис*. № 1; журнал «22». 1978; *Новая...* С. 88; *Разрядка...* С. 141, 85, 86, 80, 83, 21.

Глава 4

1. Две точки зрения на Историю – обе очень древнего происхождения. *Платону* принадлежит сравнение законодателя с мастером. В «Государстве» и «Законах» он логически разрабатывает план построения идеального государства. С другой стороны, *Аристотель* считает государство продуктом естественного развития, наподобие семьи («Политика», 1252а). *Я. Бурхард* в «Культуре Ренессанса в Италии» считает, что характерным для эпохи Возрождения был взгляд на государство как на искусственное сооружение.

2. Типичным пониманием государства как «конструкции» является теория «договора» *Гоббса – Руссо*. Взгляд на государство как «организм» также многократно высказывался, вплоть до попыток построения «социальной физиологии», «социальной анатомии» и применения дарвинизма к общественным явлениям. Обзор этих взглядов см., например, в книге Менгера: *Menger Karl. Untersuchungen uber die Sozialwissenschaften und der politischen Okonomie*. Leipzig, 1883.

3. В наше время «органическая» точка зрения развита в цитированной выше книге *Хайека*.

4. Вообще «органическая» концепция, как правило, ближе историкам, а «механическая» – социологам и политикам (ср. хотя бы современный термин «социальная инженерия»).

5. О роли интеллигенции: *Горский*. Вестник РСХД. № 97. С. 52, 53; *Шрагин Б.* В поисках почвы (Самиздат); *Шрагин Б.* Противостояние духа. С. 216; *Померанц Г.* Квадриллион; *Померанц Г.* Человек из ниоткуда.

6. *Шрагин* против демократии: *Синтаксис*. № 3. С. 22.

7. Суммарное изложение основных положений Кошена содержится в небольшой книжечке: *Cochin Augustin. Les Societes de pensee et la democratie*. Париж, 1921. Подробное изложение, опирающееся на огромный фактический материал, – в книге: *Les Societes de pensee et Revolution en Bretagne (1788–1789)*. Париж, 1925. Второй том посвящен исключительно публикации документов. Концепция Кошена не получила (как, впрочем, и следовало ожидать ввиду ее «нелиберальности») признания большинства историков¹. Его взгляды относят, как правило, к типу теорий революции как «заговора», что, как мне кажется, представляет их в совершенно искаженном виде.

8. О влиянии кальвинизма на создание «духа капитализма» имеется классическая работа: *Weber Max. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Лондон, 1930.

9. Влиянию на создание духа современной партийной жизни посвящена интересная книга: *Вальцер Михаэль. The Revolution of the saints*. Кембридж, Масс. I, 65.

10. О роли пуритан в английской революции см.: *Беллок, Хиллер*. Кромвель. Лондон, 1934, и цитированную выше книгу *М. Фрейнда*.

11. Характеристика немецкого радикализма: цитированная выше книга *Зомбарта* (Т. I. С. 45–47) и особенно *H. von Treitschke* (*Deutsche Geschishte im Neunzehnten Jahrhundert*. Ч. III. Гл. 9. Лейпциг, 1885).

12. Русская публицистика 60–70 гг. XIX в. см.:

Зайцев В. А. Избранные сочинения. Т. I. М., 1934. С. 55, 62, 95, 96.

Стеклов Ю. В. Чернышевский. Ч. I. М.–Л., 1928. С. 158.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Март 1876 г., май – июнь 1877 г., август 1880 г., январь 1881 г.

Тихомиров Л. Начала и концы («либералы» и террористы). М., 1890.

Глава 5

1. Выражение «дьявол русской тирании» принадлежит Яноу: Синтаксис. № 6.

¹ Отношение к нему теперь изменилось. (*Примечание 1990 г.*)

2. *Шрагин* о «России как жандарме Европы»: Самосознание. С. 56.

Амальрик о «надеждах» эмиграции: Синтаксис. № 3.

3. По поводу самооценки дореволюционной интеллигенции см.: *Зернов Н.* Русское религиозное возрождение XX в. Париж, 1974; *Вехи* (сборник статей о русской интеллигенции). 2-е изд. М., 1909; *Интеллигенция в России*. СПб., 1910.

Глава 6

1. По поводу цитат «Они о нас» см. статьи *Горского* в «Вестнике РСХД» (№ 97), «Сны Земли» *Померанца*, «Просуществовал ли Советский Союз до 1984 года?» *Амальрика*, «Противостояние духа» *Шрагина* (с. 60), статью *Белоцерковского* в «Демократических альтернативах» (с. 87), альбом «Les peintures russes contemporaines» Palais des Congrus (Париж, 1976. Картина «Ciel lourd»), статью *Меерсона-Аксенова* в «Самосознании» (с. 103) и *Амальрика* в «Синтаксисе» (№ 3. С. 73).

2. Национально окрашенные цитаты *Янова* см.: Разрядка... С. IX; Новая... С. 12–16, 31, 160, 177–180; журнал «22» (Тель-Авив, 1978).

3. Что «евреи – это и есть интеллигенция» см.: *Мандельштам Н. Я.*, Вторая книга воспоминаний. Париж, 1972. С. 119, 567–568. Аналогичные мысли *Хазанова*: Запах звезд. Тель-Авив. С. 291, 284, 296, 278.

4. *Шрагин* о «национальном складе» интеллигенции: Противостояние духа. С. 30.

5. *Янов* о желательности «нового Баруха»: Разрядка... С. 88. *Померанц* о миссии Израиля: Сны земли (Самиздат).

Глава 7

1. Революцию делали не одни евреи // Вестник РСХД. № 97. С. 6.

2. Утомленное солнце: пьеса // Время и мы. Тель-Авив, 1976. № 7.

3. *Померанц* о «проклятом вопросе»: Сон о справедливом возмездии // Синтаксис. № 6.

4. Россия и евреи: Сб. ст. Переиздан в Париже в 1978 г. См. также: *Светов Ф.* Отверзи мне двери. Париж, 1978; статьи *Бергмана* и *Дон Левина* в журнале «22» (Тель-Авив, 1978); статью *А. Суконина* в «Вестнике РХД» (№ 123).

5. *Померанц* об «опасном слове»: Сон о справедливом возмездии // Синтаксис. № 6.

6. *Янов:* обвинение в антисемитизме как атомная бомба (Синтаксис. № 6).

7. Отрывок из статьи *Синявского* в «Континенте» (№ 1), касающийся «русского антисемитизма», переведен в «The New York Review of books» (апрель 1976). Другая статья того же автора на ту же тему – в «Синтаксисе» (№ 2. С. 19).

Глава 8

1. Цитаты из сборника «Россия и евреи» в начале параграфа взяты из статей *Н. О. Левина* (с. 109) и *И. О. Бикермана* (с. 22–23).

2. Обзор революционной эмиграции 80-х гг. см.: Хроника социалистического движения в России в 1878–1887 гг. Публикация материалов Министерства внутренних дел. М., 1917. С. 325–333.

3. Показания *Азева:* Былое. № 1, июль 1917 г.

4. Обширные статистические данные см.: *Дикий А.* Евреи в России и в СССР. Нью-Йорк, 1967. В книге встречаются неточности, но не тенденциозные, в целом обрисованная там картина, по-видимому, соответствует действительности.

5. Рассказ *Шульгина* о его впечатлениях времен Гражданской войны: Что нам в них не нравится. Париж, 1929.

6. Недавно на Западе опубликована книга двух английских журналистов, посвященная расстрелу царской семьи: *Саммерс А. и Мангольд Т.* The File on the Tsar. 1976. См. особенно с. 88 и 185–187.

7. Список руководства ОГПУ–НКВД – в кн. *Р. Конквеста* «The great terror».

8. Выступления против «великодержавного шовинизма» см.: XII съезд Российской Коммунистической партии (большеви-ков) 17–25 апреля 1923 г. М., 1923. Там же, в ряде выступлений термин «русопьяты» (см. с. 553–567, 517, 562–566, 159, 526, 544).

9. Стихотворения *Безыменского*: альманах «30 дней». 1925. № 9; 1930. № 8; Правда. 13 августа 1925 г.
10. *Плющ* о Кутузове как «реакционере»: «Демократические альтернативы» (Беседа с Леонидом Плющом).
11. Биография Троцкого с характеристикой его национальных чувств: *Кармайкл Джозель*. Троцкий. Иерусалим, 1980 (сокр. перев. с англ.).
12. Взгляды *Хаима Житловского* и *Шарля Раппопорта*: Время и мы. Тель-Авив, 1976. № 11.
13. Об Азеве и вообще эсерах см.: *Николаевский Б. Azeff the spy*. Нью-Йорк, 1934. С. 69 и 88.
14. Рассказ *М. Н. Покровского* – в его книге «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX веков» (М., 1924. С. 152).
15. Рассказ Витте о его встрече с Шиффом: граф *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. I. Л., 1924. С. 360. Дополнение *Шульгина*: «Что нам в них не нравится». Он ссылается на «Б'най Б'рит ньюз» (Т. XII. № 9).
16. Отчет о выступлении Леба опубликован, например, в газете «Филадельфия пресс» (19 февраля 1912).

Глава 9

1. Макс Вебер об истории еврейского «гетто»: см. *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Т. III; Das antike Judentum. Tubingen, 1923.
2. Молитва, которую приводит Макс Брод: *Brod M. Joh. Reuchlin und sein Kampf*. Stuttgart – Berlin – Mainz, 1965. С. 263. Он говорит, что видел эту молитву в молитвеннике своей матери.
3. Мысли Лассалья: *Лассаль Ф.* Дневник. Петроград, 1919. С. 112; Мартова: *Мартов Ю.* Воспоминания социал-демократа // Новь. М., 1924. С. 23.
4. Стихи Бялика: *Бялик Х.* Песни и поэмы. Перев. с евр. Б. Жаботинского. 2-е издание. СПб., 1912. С. 85, 119, 171, 181.
5. Статья из израильского журнала: *Мушник Шмуль*. Мэнора. № 22. VIII год изд. Иерусалим, 1980; из канадского: Гиндин. Современник. № 34. Торонто, 1978. С. 209.
6. Цитаты из книги «Россия и евреи» (с. 117, 228).

Глава 10

1. По поводу рабочего законодательства в России конца XIX – начала XX в. см., например: *Литвинов-Валинский Б. И.* Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. 2-е изд. СПб., 1894.

2. *Хромов П. А.* Экономическое развитие России в XIX–XX веках. М., 1960. С. 350–354.

3. Общую атмосферу правительственных мероприятий в рабочем вопросе перед мировой войной характеризует «Заключение межведомственного совещания об изыскании мер против забастовок» (Красный Архив. № 34. 1929.)

Русофобия сегодня

Напечатано в журнале «Наш современник», № 12, 1991 г.

«Остаюсь диссидентом...»

(Отрывок)

Впервые опубликовано в журнале «Вестник Академии наук СССР», № 1, 1990 г.

Русский вопрос

Впервые опубликовано в газете «Комсомольская правда», 14 февраля 1990 г.

Что такое патриотизм?

Впервые опубликована в газете «Политика», № 1, март 1991 г.

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор А. А. Полякова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 15.05.2014 г. Формат 84 x 108 1/32.
Гарнитура «Times». Объем 19,5 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».